

THE BEATLES

ПОДЛИННАЯ
ИСТОРИЯ

ЮЛИЙ БУРКИН
КОНСТАНТИН ФАДЕЕВ

ТЕЛЕВИДЕНИЕ

Annotation

...Однажды подросток Стюарт Сатклифф сказал своему приятелю Полу то, что много раз повторял своему лучшему другу Джону: «Увидишь, вашими именами назовут планеты!»

Через четверть века Международный астрономический союз утвердил за четырьмя небольшими астероидами, номер 4147, 4148, 4149 и 4150, названия «Леннон», «Маккартни», «Харрисон» и «Старр».

Где бы мы не находились, эти четыре космических тела вечно кружат над нами. Они будут кружить и над нашими правнуками, и над нашими праправнуками. Но орбиты их не пересекутся, и быть вместе им не суждено никогда.

Авторы утверждают, что эта захватывающая книга содержит в себе не только исчерпывающую историю «Битлз», но и разгадку их феномена. А также, что эта книга является одновременно и документальной, и художественной, и даже фантастической.

- [Юлий Буркин, Константин Фадеев](#)

- [Книга первая](#)

- [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)

- [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
- [Книга вторая](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [Эпилог](#)
- [Дискография «Битлз»](#)
- [Краткое послесловие от Юлия и Константина](#)
- [В мистическом блеске осколков](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)

- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)

- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)

- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)

- [126](#)
 - [127](#)
 - [128](#)
 - [129](#)
 - [130](#)
 - [131](#)
 - [132](#)
 - [133](#)
 - [134](#)
 - [135](#)
 - [136](#)
 - [137](#)
 - [138](#)
 - [139](#)
 - [140](#)
 - [141](#)
 - [142](#)
 - [144](#)
 - [145](#)
 - [146](#)
 - [147](#)
 - [148](#)
 - [149](#)
 - [150](#)
 - [151](#)
 - [152](#)
 - [153](#)
 - [154](#)
 - [155](#)
 - [156](#)
 - [157](#)
 - [158](#)
 - [159](#)
 - [160](#)
 - [161](#)
 - [162](#)
 - [163](#)
 - [167](#)
-

Юлий Буркин, Константин Фадеев
Осколки неба
или
Подлинная история «Битлз»
(Мистическая быль)

*«Ибо, где двое или трое собраны во имя Мое, там
Я посреди них».*

*(Новый Завет. От Матфея святое
благовествование. Гл. 18, стих 20.)*

Книга первая

Пророчество Тети Мими

(Хроника блистательного взлета)

*«„Битлз“ и весь остальной рок-н-ролл близки не
больше, чем божество и изображения божества.
И никому с этим ничего не сделать».*

(Андрей Макаревич)

1948 год. Небольшой двухэтажный дом на Менлав-авеню в ливерпульском районе Вултон. Утро. Джон Уинстон Леннон – восемь лет.

– Мим! Скорее! Опоздаем! – кричит он, заслышав бравурные звуки духового оркестра за окном.

– Что случилось? – спрашивает тетя Мими, хотя прекрасно знает, чему он так рад. Просто ей приятно наблюдать восторг обожаемого племянника, и она продлевает удовольствие.

– Праздничная ярмарка! – выкрикнул Джон и принялся лихорадочно натягивать куртку. – Быстрее! Ну, Мим!..

Своих детей у Мэри Элизабет Смит не было, и всю свою любовь она и ее муж молочник, владелец небольшой сыроварни Джордж дарили юному Джону. Его мать Джулия – сестра Мими – любила своего сына и нередко навещала его, но жить семейной жизнью не умела.

Минут через пятнадцать тетя и Джон были в саду приюта «Строуберри Филд». Армия Спасения регулярно устраивала тут концерты, сборы от которых шли в фонд этого приюта.

Здороваясь со знакомыми, они, под звуки оркестра, чинно прошли по саду, купили лимонад и мороженое... Неожиданно наступила тишина. Посетители потянулись к сцене, где выстроился детский хор.

Седенький священник-дирижер взмахнул рукой, и ребята запели: «Боже, благослови Англию...» Их высокие голоса звучали так ясно и звонко, что Джон остолбенел и почувствовал комок в горле. Он во все глаза смотрел на чистеньких хористов и даже открывал вместе с ними рот, эхом повторяя слова гимна. И не он один был в восторге от этих звуков. Взрослые, в умилении, даже перестали жевать и болтать друг с другом.

Пение закончилось, и сироты были вознаграждены искренними аплодисментами. Джон был потрясен. Многих из этих ребят он хорошо знал, но до сей поры относился к ним с пренебрежением. Теперь же ему захотелось показать свою причастность к происходящему:

– Мим, а вон тому рыжему я в прошлом году фингал под глаз поставил! А вот этого жирного зовут Боров, ему в обед дают сразу две порции, а он все равно у других ворует...

– Ты говоришь ужасные вещи, Джон. Они так прекрасно поют...

- Подумаешь! Вон ту девчонку мы один раз заперли в сарае, вот там она орала так орала. А я, между прочим, тоже неплохо пою. Лучше их всех!
- Тогда почему же ты бросил занятия в хоре церкви святого Петра?
- Глупо петь в хоре! Там тебя никто не замечает! Если уж петь, то одному. Я буду знаменитым певцом!
- Самоуверенность, Джон, еще никого ни до чего хорошего не доводила... – чопорно поджала губы тетя.
- Хотя нет, – рассудил Джон. – Лучше я буду епископом. Он главнее.

Дома Джон заперся в своей комнате, надел очки, которых на людях страшно стеснялся, и принялся было за рисование акварелью в альбоме, но это занятие ему быстро наскучило. Тогда он достал из-под кровати заветную тетрадку, подписанную «Редактор и оформитель Дж. У. Леннон», ручку и чернильницу.

Ему было только пять лет, когда тетя Мими определила его в начальную школу «Давдейл Праймэри Скул», и ей казалось, что слава вундеркинда ему обеспечена. Во всяком случае, учителя говорили, что он – мальчик одаренный. Уже через пять месяцев он свободно читал и писал, и с той поры дядя Джордж стал то и дело находить под своей подушкой маленькие записочки иногда конкретного, а иногда и довольно абстрактного содержания: «Дорогой дядя, не хочешь ли Ты пойти со мной в „Вултон-синема“?», «Дорогой Джордж, слышишь ли Ты голоса вокруг себя?», «Дорогой Джордж, не мог бы сегодня вечером меня помыть Ты, а не тетя Мими?» или «Не бойся, Джордж»...

В канун Рождества дядя водил Джона на представление в «Ливерпул Эмпайр», и посещение театра чрезвычайно волновало мальчика. Под впечатлением увиденного он писал маленькие рассказы, четверостишия и рисовал картинки. Особенно гордилась тетя Мими его притчей под названием «Кто сильнее?»

«В прадревние прадряхлые времена жил-п्राживал один пра-прамальчик. И решил он стать добрым-предобрым преволшебником. Он взял мешок, положил в него книжки-малышки, игрушки-погремушки, хлопушки-хохотушки и шарики-надуварики. И пришел он на высокий-невысокий обрыв над рекой. И сел-присел. А на другой берег вышел пра-прамальчик-казнальчик. У него в мешке были книжки-дразнилки, всю-ночь-звонилки-разбудилки, кряхтелки-пыхтелки и мерзкие дребезжалки. Он хотел стать самым-пресамым, таким-претаким,

чтобы все-привсе от него ого-го! Как вы думаете, кто сильнее?»

Ну, а сегодняшний свой рассказ он назвал «Город болтунов-хвастунов»:

«Вокруг города хвастунов были самые красивые луга, текли самые чистые реки и стояли самые крепкие стены. Правил городом король Хваст Шестой с Половиной. Почему с половиной? Потому что король был женат. Один раз он проснулся, вышел на балкон и сказал: „Ого-го! Уже утро. Вот это я заработался!“ И отправился ужинать. На его столе стояла самая вкусная пища: самые крутые яйца и самая овсяная кашка. У его епископа были самые четкие четки, а у его собаки была самая собачья жизнь. А жена у него была самая замужняя. Ну чем не что?..»

Может быть рассказ этот был бы и длиннее, но Джона позвали обедать.

За столом дядя Джордж не без иронии спросил его:

– Итак, говорят, ты решил стать епископом?

Джон укоризненно покосился на тетю и решительно заявил:

– Нет. Я буду Иисусом Христом. Он главнее.

Коротышка Смит растерянно посмотрел на жену. С мальчиком явно что-то не ладно.

Половина ливерпульцев – ирландцы. Славятся они своим задиристым нравом и смешным акцентом. Именно в Ливерпуле были построены первые в истории мореплавания доки. Возвращаясь домой, моряки везли сюда табак, наркотики, проституток всех национальностей, крепкие словечки, а в последнее время и блюзовые пластинки. Здесь же, между прочим, был построен и печально знаменитый «Титаник».

Это грубый мир. И Джон становился истинным сыном своего города. Дома, в атмосфере любви, он бывал «мягким и пушистым». Но стоило ему в одиночку переступить родной порог, как он тотчас же оцетинивался прочными злыми иглами.

Два года спустя.

Джон отправляется в гости к своему школьному другу Питу Шоттону. Не менее дерзкому и свободолюбивому. Хулиганили они только вместе.

«Одна голова – плохо, а две хуже», – со знанием дела говорил Пит. Тетя Мими считала, что он дурно влияет на Джона. Родители Пита считали, что это Джон дурно влияет на их сына. И они действительно дурно влияли друг на друга, причем, с превеликим удовольствием.

Двигаясь в сторону дома Пита, Джон внимательно смотрел под ноги. Без очков он не видел на расстоянии и двух ярдов. Возможно, как раз этот физический недостаток и делал его таким раздражительным и заносчивым со сверстниками. А может быть, дело было в том, что в каждом случайном взгляде, в каждом нечаянно брошенном слове он читал презрительное или, что еще хуже, жалостливое определение «безотцовщина».

Многие его сверстники потеряли отцов на войне, но его-то родители были живы и здоровы, они просто «бросили» его. Как ни любил Джон тетю Мими и дядю Джорджа, о последнем обстоятельстве он не забывал никогда. Он часто дрался – по поводу и без повода, а если чувствовал, что противник сильнее его, он, умело блефуя, цедил сквозь зубы: «Ну, теперь-то тебе конец...» И ему верили на слово.

Иногда ему становилось даже страшно за свои выходки, он боялся, что Мими что-нибудь проведает. Но как раз она-то считала его воплощением добродетели, и не верила тому, что говорили ей о племяннике соседи.

Неторопливое шествие Джона по Пенни-Лейн прервал незнакомый взрослый голос:

– Эй, мальчуган!

Джон увидел нищего, сидящего у облезлой стены. Лицо старика показалось Джону знакомым, он уверенно подошел, но, убедившись, что видит этого человека впервые, надменно спросил:

– Ну? Чего тебе? – именно так он всегда разговаривал с теми, кого считал ниже себя.

– Первый, – глядя сквозь мальчика, непонятно сказал нищий.

– Что «первый»? – Джону отчего-то стало не по себе.

– Ты – первый.

– А ты – последний, – съязвил Джон, преодолевая смущение. – Оригинально ты просишь милостыню! Я дам тебе монету. Если конечно ты встанешь на колени и попросишь: «Дядя, дай денежку».

Нищий молча опустил голову. Тут за спиной Джона раздался звук проезжающего «Кадилака», и он на миг отвлекся, провожая восхищенным взглядом роскошную машину. А когда обернулся, старика уже не было. Джон огляделся по сторонам. Нищий исчез.

Это странное событие напугало Джона, он попятился, развернулся и со всех ног кинулся к дому Пита.

Зрение вновь подвело его. На углу он нос к носу столкнулся с грозой Вултона, верзилкой Джимми Тарбуком. Со словами – «Куда прёшь, щенок!» – тот одной рукой схватил его за галстук, а другую занес над головой для удара. Но его остановил невесть откуда взявшийся Пит:

– Джимми, он нечаянно! Он же слепой! Он своего пупа не видит!

– Это правда? – строго спросил Джимми.

Джон молча достал из нагрудного кармана очки с толстыми стеклами, и посадил их на нос.

– Гуляйте, мистер профессор, – презрительно процедил Тарбук и, отпустив Джона, вразвалку двинулся дальше.

Пит был не один. С ним были одноклассники Айвен Воган и Найджел Уолли.

– Чуть не влипли, – облегченно прошептал Айвен.

– Да, – поддержал Найджел, – если бы Джимми решил поразмяться, он бы нас точно покалечил.

– Еще не известно, – глядя на товарищей свысока, заявил Джон, сунув очки обратно в карман и поправляя галстук. – А если ты еще кому-нибудь когда-нибудь вякнешь, будто бы я слепой, я тебе такую трепку задам!..

– Вот и выручай его после этого! – возмутился Пит.

– А кто тебя просил лезть не в свое дело?! – угрожающе шагнул к нему Джон.

– Ладно, ладно, – пошел на попятные Пит. – Идем-ка с нами.

– Куда это?

– Как обычно. В кондитерскую, – подмигнул тот. – Нас на сладенькое потянуло.

– И вы что, без меня собрались?

Пацаны растерянно переглянулись. Действительно, до сих пор они воровали пирожные только под предводительством Джона.

– Мы тебя искали, – нашелся Айвен.

– Тогда поехали. – И четверка двинулась к бакалейной лавке «Бублик с дыркой. Снотгарс и сын». (Из-за этого названия Билла Снотгарса, сына хозяина, прозвали «Дыркой».)

Там всегда было полно народу и, имея определенный навык, можно было стащить все что угодно. Не то чтобы ребятам чего-то не хватало дома (хотя шарлотками, беже и эклерами их и не баловали). Нет. Просто, азарт – блюдо самое изысканное.

На двери кондитерской висел замок.

– Лавочка закрыта, – констатировал Айвен. – Айда обратно.

Джон огляделся по сторонам.

– Подождите. Давайте, зайдем со двора, я знаю как пробраться внутрь.
– (Однажды Джон уже был на чердаке этого дома и кое-что там приметил.)

– Мы так не договаривались, – опасливо отозвался Найджел, отец которого был полицейским.

– Так давай договоримся, – не унимался Джон. – Не посадят же тебя в тюрьму за пару пирожных. А если что, тебя-то как раз папаша отмажет.

– Идем, идем, – поддержал друга Пит.

Со двора они по пожарной лестнице забрались на чердак. Распугав голубей, Джон, с помощью товарищей, отодвинул большой ящик с цементом и разгреб усыпанные пометом опилки. Пит присвистнул. Люк! Кто бы мог подумать?!

– Башку надо на плечах иметь, – словно прочитав его мысли, заявил Джон. Оскалившись от напряжения, он приподнял крышку... И чуть было не отпустил ее с перепугу, когда услышал раздающиеся снизу голоса. В кондитерской разговаривали двое.

– Ну ты... Ну я не знаю, – жеманно прозвучал женский голос.

– Не волнуйся, крошка, – басил мужской. – Отец уехал в Лондон, и магазин в нашем распоряжении... Всю ночь. – Джон узнал его. Голос принадлежал Биллу-«Дырке» – неказистому семнадцатилетнему переростку.

Айвен тем временем подсунул под край люка какую-то чурку, и несостоявшиеся грабители, бесшумно упав на четвереньки, уставились в щель. Джон, забыв стеснение, даже нацепил очки.

Прямо под ними, на прилавке, сидела полная крашенная блондинка, с лицом перемазанным сливочным кремом, а Дырка, одной рукой пихая ей в рот пирожное, другой неуклюже пытался залезть под кофточку.

Хихикая, та прикончила лакомство, затем отпихнула дыркину руку и заявила:

– Не лезь, глупый. Я сама.

Расстегнув блузку, она задернула бюстгальтер на шею, освободив необъятную рыхлую грудь, задрала юбку, под которой не оказалось больше ничего, с профессиональным безразличием легла на спину и скомандовала:

– Начинай!.. – Глаза ее были закрыты.

– Во даёт! – не выдержав, зашептал Айвен, то и дело сглатывая слюну. Пит показал ему кулак и тихо, почти беззвучно, прошипел:

– Заткнись!

Джону вдруг стало невыносимо противно, и он брезгливо отвел взгляд в угол чердака. Снизу слышалось натужное пыхтение и томные постанывания...

– Дас ист фантастиш! Махен аллес гут!^[1] – снова не удержавшись, зашептал Айвен почему-то по-немецки. Сказывалось несметное количество просмотренных им трофейных кинолент. На сей раз слух блондинки уловил этот шепот.

Она подняла веки и увидела в потолке, над собой, квадратное отверстие, а в нем – четыре ухмыляющиеся мальчишеские рожи...

– Билл! Билл!!! – завизжала она, тыча пальцем в потолок. Впервые за все время она проявила истинное возбуждение, и эффект не заставил себя ждать:

– Да! – закричал Дырка ей в ответ. – Кончаю! М-м-м...

Пит, Айвен и Найджел вскочили на ноги и кинулись к слуховому окну. А Джон, задержавшись на несколько секунд на коленях, нагреб на полу солидную кучу опилок и столкнул ее в щель, прямо на «сладкую парочку». И лишь услышав снизу сдавленный кашель и проклятия, поспешно последовал за остальными. Сейчас он не смог бы объяснить даже себе, зачем ему понадобилась эта хулиганская выходка.

Они с немыслимой скоростью скатились по лестнице во двор и помчались прочь от места преступления, в страхе, что взбесившийся Билл Снотгарс будет преследовать их.

Возглавлял беглецов Пит, и он повел их одному ему известными задворками, мимо зловонных мусорных баков, веревок со стиранным бельем и ржавеющих останков древних автомобилей. Труднее всего приходилось Джону, ведь он бежал практически вслепую, ориентируясь только на спину того, кто был впереди. Но он ни за что не попросил бы подождать его.

Лишь минут через десять, хорошенько запутав следы, они остановились, чтобы отдышаться в очередном каменном колодце двора.

Пит и Айвен с хохотом повалились прямо в пыль. А Найджел ржал, присев на корточки: ему было жалко пачкать еще довольно новый костюм.

– Класс! Вот это класс! – стонал Пит. – Такого я еще не видел!

– У меня чуть штаны не лопнули! – вторил ему Айвен.

Не смеялся только Джон, прислонившись спиной к стене. Вместо этого, вновь достав очки и нацепив их на нос, он внимательно рассматривал своих товарищей.

– Свиньи, – неожиданно сказал он.

– Это точно! – согласился Найджел, хихикая. – Жирная свинья и прыщавый боров!

– Вы – свиньи, – уточнил Джон.

Его товарищи удивленно примолкли.

– Ты чего это, Джон? – спросил Пит, садясь. – Чего это ты

обзываешься?

Джон и сам еще не понял причину своей злости. И вместо ответа угрожающе заявил:

– Если кто не согласен, я готов померяться силами.

– Да ладно, брось ты, – примирительно сказал Айвен. – С чего нам драться-то?

– Все веселье испортил, – пробормотал Найджел.

– Веселитесь, – высокомерно бросил Джон, снял очки и, оставив друзей в недоумении, зашагал прочь.

Дома его не было слишком долго, и он подвергся самому страшному наказанию тети Мими: она не замечала его.

– Ну Мим, – ходил он за ней по пятам, – ну что особенного? Я был у Найджела, мы играли в шахматы. – (Найджел, по мнению тетушки, был единственным мальчиком из его компании, с которым стоило дружить.) – Я просто не заметил, что уже так много времени...

Но тетушка продолжала игнорировать его.

Тогда Джон поднялся к себе, и, даже не сняв ботинок, завалился на диван. Ему было слышно, как внизу, на кухне, тетя разговаривает с мужем.

– ...Иногда я по-настоящему боюсь за него. Мне кажется, что в нем просыпается дурная наследственность. Джулия была очень доброй хорошей девочкой, но она была самой маленькой, и ее отчаянно баловали. Она такая легкомысленная, такая неприспособленная. Мне и плакать, и смеяться хочется, когда я вспоминаю, как она явилась ко мне: «Я научилась играть на банджо и стану звездой эстрады. Но для этого нужно так много времени! С Джоном совершенно некому сидеть! Может быть он поживет немного у тебя?..» «Поживет...» А про Фреда я и не говорю... Я сразу сказала Джулии, что этот парень – форменный проходимец. Бросить жену с грудным младенцем на руках! Это в наше-то время!.. Хотя, что с него взять, он и сам вырос без родителей...

– Чему быть, тому не миновать – философски заметил Джордж Смит, который слышал все это уже, наверное, в тысячный раз.

– Ну уж нет, – возражала Мими, – из Джона мы сделаем человека! Но если он будет водиться со всей этой ирландской шантрапой...

– Не все ирландцы так уж плохи, дорогая.

– Ну-у, – нехотя соглашалась тетя Мими, – в общем-то, да... Взять хотя бы эту Мэри Маккартни. Вполне приличная женщина. Старшему восемь, младшему – шесть, сама – трудится, как пчелка, и муж – молодчина: не пьет, не гуляет... Но они оба так мало зарабатывают!.. Как в таких

условиях дать мальчикам приличное воспитание?.. Чему их можно научить?! Мы живем в ужасное время! Что будет с нашими детьми?!

– Может быть, действительно, снова пристроить Джона в хор? Или подарить какой-нибудь музыкальный инструмент? Ну, хотя бы губную гармошку?..

Джон и не заметил, как задремал под этот монотонный, бессмысленный, но такой успокаивающий разговор самых близких ему людей.

...Он стоит на лесной поляне. Сквозь голубое небесное марево, сквозь подрумяненные закатом облака, над землей нависло огромное, не злое и не доброе лицо мужчины. Лицо исполненное мудрости... Где-то рядом, за деревьями, Джон знал это, были и тетя Мими, и дядя Джордж, были мама Джулия и отец Фред, которого он видел один единственный раз в жизни...

Неподалеку были и его школьные товарищи, и его уличные друзья. Но никто-никто, Джон знал это точно, не замечал лица над землей. Видеть его было дано ему одному. Лицо было неуловимо знакомо, но Джон не мог вспомнить, откуда. Ни один мускул не дрогнул на этом лице, не шевельнулись и губы. Но Джон явственно слышал обращенные к нему слова:

– Ты – первый. Вспомни свое будущее...

Восемнадцатое июня пятьдесят пятого года. Семейный пансионат по адресу Фортлин-Роуд, 20 в престижном районе Ливерпуля Оллертон.

– Пол! – тербит Майкл старшего брата за рукав пижамы. – Пол, проснись! Весь день рождения проспай!

– Ну чего тебе? – нехотя разлепил веки Пол.

– Не мне, а тебе. Я знаю, ЧТО тебе подарят.

– Не ври, – Пол перевернулся на другой бок и принялся посапывать с удвоенной громкостью.

Каникулы только начались, и ничего приятнее, чем поваляться в постели утром, он не мог себе и представить. Но не только необходимость идти на занятия делает пробуждение невыносимым. Еще более умеют испортить утренний сон конопатые родственники.

Наклонившись и чуть не касаясь губами братского уха, Майкл рявкнул:

– Перемена!!!

Пол подскочил, как ошпаренный. Майкл удовлетворенно уселся на свою кровать напротив и повторил:

– Я знаю, что тебе подарят.

Возведя глаза к потолку, Пол жалобно повыл, подражая соседскому бассетхаунду, затем опустил взгляд на ухмыляющуюся физиономию:

– Откуда ты можешь знать?

– Я видел, как мама что-то прячет в шкаф. А потом заглянул.

– Ты кончишь жизнь на электрическом стуле, брат мой, – грустно покачал головой Пол, передразнивая интонации настоятеля их прихода отца Мак'Кензи. Но тут же, сбросив с лица маску осуждения, он спросил, сгорая от любопытства:

– И что же ты там увидел? Духовое ружье?

– Холодно.

– Велосипед?

– В шкафу? Ты рехнулся!

– Новые ботинки? – упавшим голосом предположил Пол. Он уже чувствовал, что угадал. Семья была небогата, и частенько на Дни рождения братья получали «скучные» нужные вещи.

– Холодно, холодно.

– Не томи, урод!

– Ага. Значит, я – урод. Хорошо же. Больше ты от меня не услышишь ни слова. – Задрав с напускной обидой нос, Майкл уставился в окно.

Это был удар ниже пояса. Конечно, можно было, улучив момент, заглянуть в шкаф и самому. Но для этого Пол был слишком хорошо воспитан.

Благо, обижаться долго Майкл не умел и, выдержав лишь минутную паузу, обернулся снова:

– Обещай, если я скажу тебе, ты позволишь мне два раза в неделю брать ее поиграть.

– Ясно! Это клюшка!

– Сам ты клюшка.

– А что, скажешь, не клюшка?

– Скажу.

Пол задумался. В прошлый День рождения отец подарил ему трубу и даже научил нескольким мелодиям...

– Не труба же опять?

– Уже теплее... Ну что, обещаешь?

– Ладно. Зануда!

Майкл встал, принял величественную позу и изрек:

– Гитара!

Сперва на лице Пола появилось выражение разочарования. Затем в глазах мелькнула искорка интереса... Но вдруг он оценил всю прелесть этого подарка.

– Гитара?! – завопил он, возбужденно вскакивая с постели. – Как у Элвиса?! Я буду как Элвис!

Встав в эффектную позу, он, перебирая пальцами по невидимому грифу, промывал нечто невразумительное, но по-американски напористое, под конец почему-то выкрикнув: «Хей-хоп!»

Майкл с хохотом повалился на кровать.

– Ой, не могу! Тоже мне Элвис! Ты сначала научись ее в руках держать! Ты же ее задом наперед взял!

Пол озадаченно посмотрел на свои, сжимающие пустоту, руки. Попытался поменять их местами, пошевелил пальцами, затем вернул в прежнее положение.

– Я буду играть так, – неуверенно сказал он. – Я же левша.

– Так гитару держат только полные кретины, – резюмировал Майкл удовлетворенно.

И тут же получил подушкой по голове.

– Банзай!!! – вскричал юный критик. И последовала долгая кровавая

братоубийственная битва на подушках.

Минут через десять, в изнеможении валяясь на полу с блаженными улыбками на лицах, братья посмотрели друг на друга.

– А кто такой Элвис? – неожиданно спросил Майкл.

Улыбка Пола стала мстительной.

– Только конченные кретины не знают, кто такой Элвис Пресли, – сказал он, смачно проговаривая каждое слово.

На именинном пироге красовалось тринадцать свечей. Торжество было сугубо семейным, и за столом сидело только четверо человек: Пол, Майкл и их родители – Мэри и Джим Маккартни.

– Ну-ка, сынок, дунь, да не опозорь старика, – предложил еще далеко не старый Джеймс. – Не стесняйся. Стеснительных у нас в родне сроду не было. Рассказывают, твой прадед Сид как раз шел на спор голышом через всю деревню, когда и повстречал твою прабабку впервые. И ничего, не постеснялся сразу же сделать ей предложение.

Пол, зардевшись от смущения, встал, набрал в легкие воздуха... И вдруг обнаружил, что свечи уже потушены. На глаза именинника моментально навернулись слезы обиды. Он молча сел на место.

– Майкл, – строго посмотрела мать на младшего.

– Папа сказал, «сынок», вот я и потушил, – невинно отозвался тот. Он сидел как раз напротив Пола.

– Ты прекрасно знаешь, чей сегодня праздник! – лишь чуточку повысила голос Мэри.

Майкл, насупившись, промолчал.

– Ну что ты, Пол? – добродушно усмехнулся отец семейства. – Не превращай каждую выходку этого чертенка в трагедию.

– У меня всё всегда уводят из-под носа, – еле сдерживая рыдания, пробормотал Пол. – И на гитаре я играть не смогу... – Он осекся и испуганно посмотрел на родителей.

Те переглянулись. Откуда он знает? Подсматривал? На него это совсем не похоже...

– Почему это не сможешь? – спросил отец с прохладцей.

– Потому что левша, – опустив глаза, ответил Пол.

– Ха! – вскричал отец. – Ну-ка, Мэри, зажги свечи еще раз! А я сейчас...

Он покинул комнату, а через минуту появился с инструментом, сияющим свежим лаком.

– Получай, – протянул он гитару Полу. – Я переставил струны. Как раз

под тебя... Однажды отец моего дружка Венди, папаша Мак'Коун, переставил застёжку на штанах сбоку вперед. «Это как раз под меня», – сказал он. И у Венди после этого появилось четверо младших сестричек...

Пол с благоговением принял подарок из рук отца. Правой рукой взял на грифе какой-то чудовищный аккорд и провел по струнам левой. Звук, как ни странно, раздался довольно мелодичный.

Тем временем Мэри зажгла свечи заново.

– Ну же, Пол, – обратилась она к сыну. – Туши.

И трое самых близких его родственников хором запели: «С днем рождения тебя, с днем рождения тебя!...»

Пол нехорошо посмотрел на конопатую рожицу напротив. Осторожно прислонил гитару к стене, набрал в легкие столько воздуха, что едва не лопнул и – дунул...

– С днем рожде...

Внезапно в дружном хоре стало на один голос меньше. Майкл закашлялся, стер облепивший лицо крем и исподтишка показал Полу не по возрасту увесистый кулак.

... – Что это?! – испуганно спросила мужа Мэри, разбуженная жуткими завываниями.

– Не знаю, – признался тот. – Я всегда говорил, что Оллертон – не самый лучший район города. Но чтобы шакалы...

– Какие шакалы?! В детской?!

– В детской? – удивился Джим. – Я думал, за окном... А еще это похоже на звук нашего парового прессы. Знаешь, туда засыпают отходы, и он начинает...

– Ты просто помешался на своей работе, – перебила мужа Мэри. – Надо встать и посмотреть, что там происходит.

– Надо, – согласился Джим.

– Чего же ты лежишь? Иди!

– Не хочется, – поежился тот.

– Та-ак, – протянула супруга. – Выходит, вставать придется мне. И если это все-таки шакалы, то только я в этом доме смогу защитить от них наших бедных мальчиков?! – В ее голосе послышались истерические нотки.

– Ну, если ты настаиваешь... – Джим нехотя сел, свесив с кровати худые ноги.

И тут в дверь их спальни постучали.

– Да?! – неестественно громко крикнул Джим.

На пороге возникла фигура Майкла.

– Папа, он орёт...

– Кто? – не понял отец.

– Пол. Он орёт.

Дверь теперь была открыта, и звуки, разбудившие супругов, стали значительно яснее. Нестройный звон гитарных струн и душераздирающие вопли.

– Иди и скажи ему, что если он немедленно не прекратит ЭТО, с гитарой ему придется расстаться, – сказала Мэри.

Майкл с воодушевлением повернулся, чтобы бежать, но его остановил голос отца:

– Эй!

Майкл обернулся.

– Скажи еще, что завтра я покажу ему кое-какие аккорды.

Голые пятки простучали по дощатому полу, и через несколько секунд в доме наступила долгожданная тишина.

– Боже мой, – перекрестилась Мэри, – что ж это такое происходит с нашим Полом? Он всегда был таким послушным...

– Ирландская кровь, – не без гордости пояснил Джим, вновь поудобнее пристраиваясь к теплему боку жены. – А помнишь мой «Оркестр Джима Маккартни»? Не за то ли, как лихо я играл на трубе, ты в меня и влюбилась?.. Все в нашем роду были людьми музыкальными. Помнится, папаша Мак'Гиэр такое вытворял на волынке, что как-то раз односельчане чуть было не спалили его дом...

Джим проснулся и, покряхтывая, натянул носки. Собираться нужно было побыстрее. Машиностроительная корпорация «Нэйперз» находилась на другом конце города, а в отделе утилизации нарушителей дисциплины долго не задерживали.

Прошлепав в одних трусах по коридору к туалету, он остановился в недоумении. Возле двери, энергично переминаясь с ноги на ногу, прыгал Майкл.

– Кто там застрял? – ткнул пальцем в дверь Маккартни-старший.

Вопрос был не слишком-то умен. Мэри он оставил в постели, и, выходит, кроме Пола в туалете быть некому. Майкл не удостоил родителя ответом, лишь, стиснув зубы, запрыгал еще интенсивнее. Отец подхватил его пляску, время от времени останавливаясь, чтобы постучаться.

«Это может оказаться и дизентерией...» – обеспокоенно думал он.

Вскоре к ним присоединилась Мэри. В Уолтонской больнице, где она

служила патронажной сестрой, тоже не поощряли опаздывающих.

Через десять минут Джим принялся колотить в дверь кулаками и ногами. Майкл тихонько поскуливал в такт.

Щелкнул засов, дверь отворилась, и на пороге возник Пол. В правой руке он держал гитару. На лице его светилась мягкая мечтательная улыбка.

– Что ты там делал?! – вскричал разъяренный отец семейства.

– Я дописывал песню, – невозмутимо ответил Пол и направился в свою комнату, напевая: «Знай, если я встречу тебя с другим, я убью тебя, детка!..»

Ошарашенное семейство застыло. Первым пришел в себя Майкл и, шмыгнув в туалет, задвинул засов.

Родительская пара, очнувшись, продолжила ритуальный танец.

Выйдя, Майкл глубокомысленно изрек:

– Хорошо, что наша фамилия не Моцарты.

– Это почему? – подозрительно поинтересовался отец, пропустив, как и положено ирландскому джентльмену, даму вперед, хоть и рисковал при этом чистотой своих калсон.

– Тогда Пол запихал бы в сортир весь симфонический оркестр.

Новый учебный год Пол начал другим человеком. Вообще-то, средняя школа с пышным названием «Ливерпульский институт» Полу нравилась. Она вполне устраивала его. Дорога в высшее учебное заведение была отсюда прямой. А отец много раз повторял ему: «Приличный аттестат, сынок, главное, что тебе нужно. Или ты хочешь, как я, всю жизнь заниматься отходами?»

При всей своей любви к отцу и ко всему, что с ним связано, заниматься отходами Пол не хотел.

К необходимости носить форму и нелепого вида эмблему школы он до сей поры относился философски. «В конце концов, я – ребенок, – рассудительно говорил он себе. – А это обязывает. Мир принадлежит взрослым, и когда-нибудь он станет моим...»

Но сегодня с ним творилось что-то непонятное. Он не узнавал своих педагогов, а они не узнавали его.

Учительница английской словесности мисс Мэйфилд, двадцатипятилетняя пухлая шатенка с рельефным бюстом, всегда казалась ему симпатичной женщиной. К тому же ее декольте всегда было чуть глубже, чем у других, а юбка – чуть короче.

Порой Пол даже представлял себя взрослым и преуспевающим, прогуливающимся с нею под руку в сквере возле отеля «Адельфи», самом

роскошном местечке города. Но мечты эти были робкими и совсем еще детскими.

Однако сегодня какие-то новые флюиды витали в сентябрьском воздухе Ливерпуля...

– Юные джентельмены, – как всегда высокопарно обратилась мисс Мэйфилд к ученикам, – запишите... – Она повернулась к классу спиной, приподнялась на цыпочки и, громко диктуя по слогам, начертала мелом на доске фразу: – «Только знание литературы Соединенного Королевства сделает нас настоящими мужчинами».

Заканчивая, она слегка оступилась и соблазнительно качнула бедрами.

– Ну-ну, – неожиданно для себя произнес Пол вслух.

В классе раздались смешки.

– Кто это сказал? – чуть порозовев, обернулась мисс Мэйфилд.

– Я, мэм, – признался Пол. Он всегда был правдивым мальчиком.

Класс притих.

– И что же вы имели в виду, сэр?

Пол нервно вздохнул и вдруг, назло себе, отчеканил:

– Я имел в виду, что не только знание словесности сделает нас настоящими мужчинами.

– А что же еще? – глядя ему прямо в глаза, опрометчиво настаивала учительница, надеясь вызвать оторопь в душе зарвавшегося ученика.

– То, что есть у каждой девочки, мэм, – не отводя взгляд ответил Пол.

– Даже у вас.

На миг под потолком класса повисла звенящая тишина, но тут же лопнула громовым хохотом.

– Покиньте аудиторию, мистер Маккартни! – неожиданно тоненьким девчоночьим голосом воскликнула мисс Мэйфилд. – Вон!.. – И вдруг улыбнулась. Все-таки, она была неплохим человеком.

Выйдя в коридор, Пол хотел было спрятаться под лестницей возле спортивного зала – в пристанище всех школьных хулиганов, надежно охранявшем их от стального взгляда директора «Ливерпул институт». Но передумал. Его распирала гордость. Он пытался согнать с лица улыбку, но она сама собой появлялась снова.

«И все-таки я еще прогуляюсь с ней возле „Адельфи“, – сказал он себе, усевшись на подоконник, – дайте только время!»

Время!

Он засвистел «Rock Around The Clock»^[2] Билла Хейли и принялся ставить в воздухе аккорды на грифе гипотетической гитары.

Дрыгая ногой, он досвистел уже до третьего куплета, когда хрипловатый ломающийся голос заставил его вздрогнуть и вернуться к реальности:

– Тут не ля-минор, а ля-мажор. Вот этот палец – сюда.

Ужасного вида парнишка – неопратно длинноволосый, одетый в розовую рубашку, канареечный жилет и затянутый в комично узкие короткие брюки, – бесцеремонно ухватил Пола за средний палец правой руки и, согнув его, установил в верную позицию.

Парнишку этого, в данный момент по-видимому тоже удаленного с урока, Пол замечал и раньше. Не заметить его было трудно. Хотя то, как необычно он пострижен и одет, не казалось сознательным вызовом. Для этого ему не хватало необходимого шика и блеска. Если уж брюки короче и уже нормальных, то они должны быть новенькими, с иголочки. Если волосы много длиннее положенного, они должны быть чистыми, ухоженными, завитыми на кончиках, а не висеть сосульками, как пряди конского хвоста...

Было вероятнее, что странный вид этого пацана теснейшим образом связан с финансовой несостоятельностью его родителей... Он учился классом младше Пола, а выглядел еще моложе. Наверное, он жил где-то неподалеку от дома Маккартни, во всяком случае, Пол не раз видел его на верхнем этаже автобуса № 86, на котором добирался в школу.

Раньше Пол просто проигнорировал бы его. Но сейчас тот задел его за самое сокровенное.

– Ты что, умеешь играть на гитаре?

– Я? – зачем-то переспросил тот. – Я-то умею. – Его речь была медлительной, словно он с трудом преодолевал некий незримый барьер между собой и собеседником. Он слегка прищурился и, пронзительно глянув на Пола, вдруг спросил:

– Скажи, а твой прадед случайно не зарубил топором двух своих маленьких племянниц?

– С чего ты взял? – оторопел Пол.

– Да нет, – потупился парнишка, – это я так, к слову... – Он помолчал, а потом, как ни в чем не бывало, продолжил: – Мы все умеем играть. У нас своя группа, называется «Бунтари». Недавно в «Клубе Британского Легиона» мы заработали десять фунтов...

Пол присвистнул. Это же целое состояние! Самое дорогое, что у него есть, гитара, стоит от силы семь!

– А где вы взяли инструменты?

– Инструменты? – словно не понимая о чем речь, уставился на него

парнишка. – Какие инструменты?

– Ну, на которых вы играете.

– Играть можно на всем. На ветре, на глади воды, на пучках перекаченного поля, на струнах собственных вен...

Пол поводил перед лицом собеседника ладонью. Тот не реагировал. Похоже, он впал в транс.

– ...на ушах слона и на пуговицах ширинки. На шаровой молнии и на...

– Эй! – крикнул Пол.

Парнишка вздрогнул, и туман в его глазах рассеялся.

– Где вы взяли инструменты? – повторил вопрос Пол.

– Инструменты купили, – объяснил тот, и на лице его появилась нагловатая блуждающая улыбочка. – Мы все подрабатываем. Я – помощником электрика в торговой фирме «Бэклес». – И тут только он важно протянул руку для знакомства: – Джордж Харрисон, эсквайр.

Трудно сказать, кто из них умел играть лучше. Разность между бесконечно малыми величинами стремится к нулю. Но бесспорным было то, что аккордов Джордж знал больше. И это заставило Пола не отклонить его приглашение и отправиться к нему в гости. К тому же Джордж, надменно глядя на нового приятеля, заявил:

– Научишься играть, возьму к себе в группу...

Эта фраза все и решила. Сначала, правда, Пол поколебался:

– А твои предки не удивятся, что мы так рано из школы?

– Мои предки ничему не удивляются, – махнул рукой тот.

Вскоре Пол не только убедился в справедливости сказанного, но понял и причину такого безразличия со стороны Харрисонов-старших.

Прежде он думал, что благодаря Майклу в ЕГО доме царит форменный бедлам. Теперь он получил более глубокое представление об истинном значении этого слова.

За те минуты, которые Пол потратил, чтобы расшнуровать ботинки и разуться, двери комнат раз пятнадцать открывались, затем с грохотом закрывались, и по коридору туда-сюда сновала уйма народу. Насчитав семь девушек и пятерых парней, Пол сбился со счета.

Когда двери отворялись, вместе с очередным персонажем в коридор выплескивалась волна криков и хохота. От них сотрясалась вся квартира.

Пол вопросительно глянул на Джорджа. Тот, рукой убрав с глаз спутанную челку, пояснил:

– Родственники. Сестра, братья. Их дружки и подружки...

Не успел Пол снять обувь, как из дверей одной комнаты выплыла миловидная девушка с вытянутым бледным лицом и блуждающей улыбкой на нем. По улыбке Пол догадался, что это сестра Джорджа.

Подойдя к Полу быстрыми маленькими шажками, девушка присела и подняла его ботинки. При этом она ухитрилась не отрываясь смотреть ему прямо в глаза.

– Надо почистить, – мелодично произнесла она.

– Это Луиза, – пояснил Джордж. – Она совсем свихнулась на замужестве. Уже на моих друзей кидается. А ей, между прочим, двадцать пять. – Джордж повернулся к сестре: – А ему, между прочим, тринадцать!

– Он подрастет, – так же нараспев ответила Луиза, не отрывая взгляда от Пола.

– За что я ее люблю, – заметил Джордж, – так это за способность рассуждать логично.

Луиза порывисто развернулась и увлекла ботинки Пола в неизвестность. А мальчики вошли в комнату Джорджа.

Главным, что бросалось в глаза в этой комнате, был аскетизм ее жилья. Или, возможно, вопиющая бедность. Стол без тумбы, два табурета, железная кровать с шишечками в форме желудей, самодельная книжная полка и огромный, военных еще лет, радиоприемник на тонких ножках. Позднее выяснилось, что радиоприемник сломан и стоит тут только для интерьера. Точнее, для того, чтобы казалось, будто бы в комнате больше вещей.

Рядом с приемником, прислоненная к стенке, красовалась гитара.

О, инструмент этот был совсем не таким, как у Пола. Гитара Пола потеряла невинность в объятиях своего первого и единственного хозяина и обещала быть верной ему до конца своих дней. Гитара Джорджа, прежде чем попасть к нему, познала множество разных рук. Кто знает, может быть именно поэтому была она более податлива и проста?

О ее похождениях свидетельствовала масса заклеенных трещин, и вид от этих морщин гитара имела лукавый. Опыт ее был велик и греховен. На собственной шкуре она испытала, например, что такое рок-н-ролл.

– Ты знаешь, что такое рок-н-ролл? – спросил Джордж своего гостя.

– Нет, – честно признался Пол, и не подозревая, что как раз этим бредит уже много дней.

– Сейчас покажу.

Джордж с гитарой устроился на кровати, а Пол на табурете, и урок было уже начался, как вдруг, перекрывая все прочие звуки, из недр квартиры раздался громоподобный зов:

– Джо-о-рдж!!!

У Пола по спине пробежали мурашки.

– Кто это? – спросил он товарища.

– Отец, – спокойно пожал плечами тот.

– А кто он у тебя?

– Водитель автобуса. А раньше – служил на пароходе. Я думаю – гудком.

Пол прыснул, но тут же осекся, ибо дверь комнаты распахнулась, и на ее пороге возник здоровенный громила с фамильной улыбочкой на свирепом лице. В волосатой лапе он держал огромные ножницы.

– Джордж! – вблизи голос звучал так, что предположение о морской специальности его владельца уже не казалось шуткой. – Ты собираешься, наконец, когда-нибудь стричься?!

– Да, – спокойно отозвался Джордж. – Когда у меня будут деньги на парикмахерскую.

– Зачем тебе парикмахеры, сынок?! – взревел детина, приближаясь и клацая ножницами. – Зачем тебе эти напудренные пигалицы, превратившие искусство в конвейерное производство?! У тебя есть я – Харольд Харрисон! Бывало, за один вечер я стриг целую корабельную команду!

– Но ты делал это трезвым, папа.

– Резонно, – согласился тот и уселся на табурет, не заметив, что там уже кто-то сидит. Пол отлетел в сторону и приземлился возле кровати. – Резонно, – повторил громила. – Да, я не трезв. Но ведь и ты – не корабельная команда.

– В этом-то и беда, папа, – невозмутимо пояснил Джордж. – Если бы сейчас ты взялся за команду, возможно, кому-то ты и обрезал бы голову, но кого-то ты действительно постриг бы... А я один. Боюсь, у меня нет шансов оставить свою голову при себе. Мне не хотелось бы испортить твою карму.

– Не клевети Джордж! Я только что постриг твоих братьев Пита и Гарри!

– Дай-ка, – Джордж взял из рук отца ножницы и внимательно их осмотрел. – Следов крови нет. Они живы?

Не прочувствовав иронии, отец посерьезнел и утвердительно качнул головой.

– Ясно, – заключил Джордж. – Раз так, вероятность того, что голову ты отрежешь именно мне, возросла ровно в три раза.

– Ах так! – взревел рассерженный отец, подавшись вперед. – Непокорный! Ходи же тогда мохнатым!

– У Иисуса Христа тоже были длинные волосы, – спокойно заметил Джордж. – И у Будды. Хотя, у Будды, возможно, вообще волос не было. И головы, может быть, тоже не было. И даже тела. У Будды, наверное, один сплошной дух был... Кстати, папа, у тебя изо рта такой дух... Ты не мог бы немного отодвинуться?

Сидя на давно не чищенном паркете, Пол с открытым ртом слушал удивительный диалог отца и сына. Они оба положительно нравились ему.

Однако последняя фраза Джорджа всерьез обозлила папашу Харольда, и не известно, во что бы вылилось его раздражение, если бы из коридора не раздался зычный женский голос:

– Кексы! Кексики! Свежие кексики!

Харольд встrepенулcя и нетвердой сомнамбулической походкой покинул комнату.

– Кексы мама печет, пальчики оближешь, – подмигнул Джордж. – Давай, поспешим, а то их сейчас расхватают.

Мальчики выскочили в коридор. Посередине с подносом в руках стояла дородная белокожая рыжеволосая женщина в переднике и чепчике. «Кексы! Кексики!» – продолжала выкрикивать она. Народные массы, вытекая из комнат подкатывали к ней, а затем, смачно чавкая, возвращались восвояси.

У порога Пол заметил свои, начищенные до неестественного сияния туфли и уже не мог отвести от них глаз.

«Это хорошо, что ботинки на месте, – думал он как раз в тот момент, когда Джордж запихивал ему в рот кекс. – Надо делать отсюда ноги. Конечно, здесь чертовски весело. Но привыкать к этому нужно маленькими порциями». – И он даже припомнил выражение из профессионального лексикона мамы Мэри: «Гомеопатическими дозами».

В 1952 году Джон вместе с Питом Шоттоном перешел из начальной школы в среднюю – «Куорри Бенк Скул». Понадобилось совсем немного времени, чтобы они приобрели репутацию самых классных шутов.

Друзья прятали в ранцы одноклассников будильники, заведенные на середину урока, натирали доску парафином, а однажды Пит дошел до того, что, зарядив велосипедный насос чернилами, выстрелил в спину учителя химии.

За такое можно было и вылететь из школы, но когда учитель обернулся, оружие уже было надежно спрятано. А за мелкие провинности ученики карались часом принудительных работ после уроков.

За три года учебы в «Куорри бенк» Джон и Пит перемыли столько полов и перебросали столько листьев с дорожек школьного двора, сколько нормальному человеку и не снилось.

Вот и сегодня у них было «рабочее настроение». Урок истории вел новый учитель Чарльз Паткинс.

– Леннон, в каком году родился Наполеон?

Джон встал и, в надежде на подсказку, огляделся по сторонам.

– В тысяча-а... Он родился в тысяча-а...

– Смелее, смелее, Леннон, – заложив руки за спину, подбадривал мистер Паткинс.

– Он родился... Наполеон родился...

– То, что он родился, мистер Леннон, мы знаем и без вас.

На первой парте, где сидят более-менее приличные ученики, кто-то хихикнул.

– Наполеон родился в тысяча...

Лучший друг Пит не мог не прийти на помощь товарищу и тихонько шепнул дату.

Джон с облегчением выпалил:

– В тысяча девятьсот двенадцатом году!

Зная Джона, класс уже давно ожидал повода для смеха и вот, наконец, надежды оправдались. Ребята дружно заржали.

– Садитесь, Леннон, я убедился в том, что у вас нет ни малейшего желания изучать историю.

– Есть! – с готовностью возразил Леннон. – Вот, например, я давно уже хотел спросить у вас...

– Спрашивайте, – опрометчиво разрешил мистер Паткинс. Если бы он работал в этом классе давно, он бы просто-напросто не позволил Джону лишний раз открыть рот.

– В каком году родился Иисус Христос?

– Он родился... Перестаньте паясничать!

– Нет, правда, все всегда говорят, «от Рождества Христова», значит, он родился под Рождество. А в каком году?

– Вы что, считаете меня идиотом?!

– Я-то не считаю... У меня вообще по математике двойка.

– Вон! – воскликнул мистер Паткинс, указывая на дверь.

Джон уставился в ту сторону и встревоженно спросил:

– Что вас там так напугало, мистер Паткинс? Что вы там увидели?

– Где? – недоуменно посмотрел учитель на Джона.

– Там, возле двери. Вы что-то увидели и закричали «вон». А там ничего особенного нет.

Класс вновь разразился хохотом, а пуще всех усердствовал Пит. Он буквально скрючился под партой, а затем и вовсе выпал в проход.

– И вы, мистер Шоттон, уберите тоже. Вон!

Уже подойдя к двери Джон, нацепил на нос очки, внимательно огляделся, после чего обернулся и с деланной растерянностью сказал:

– И все-таки нет здесь ничего особенного.

Мистер Паткинс, размахивая указкой, рванул к двери, и Джон с Питом поспешно выскочили в коридор.

– Одному из мальчиков зайти, – глухо прозвучало из-за двери приемной директора. Первым отправился Джон. Миновав приемную, он остановился на пороге кабинета.

У директора школы мистера Эрни Тейлора были проблемы с памятью. А может быть, у него были причины желать, чтобы окружающие думали именно так.

Он долго разглядывал вошедшего подростка, прежде чем спросил его:

– Чем обязан?

– Вы меня вызвали... – опешил Джон.

– Ах да! Вы – Джим... Э-э-э... Джим...

– Логан, – не моргнув и глазом ляпнул тот.

– Ах, да-да, припоминаю, – засиял улыбкой мистер Тейлор.

Но вмешался мистер Паткинс:

– Этого наглеца зовут Джон Леннон. – И на всякий случай напомнил: – Мы собираемся его наказать.

Тейлор сделал строгое лицо:

– Прекрасно! Значит накажем. Давайте его убьем, мистер Пяткинс.

– Паткинс, – машинально поправил учитель и удивленно добавил. – Ну зачем же сразу убивать?

– Действительно, зачем убивать? – сам удивился директор. И тут же растерянно спросил: – А что же с ним делать?

– Может быть – розги? – предложил Паткинс, становясь значительно осторожнее.

– Ну что вы, Пупкинс, – покачал головой директор. – Разве можно бить детей?

Учитель уже не знал, что и сказать, а директор, выдержав паузу, процитировал на память:

– «Не битие определяет сознание», – и добавил от себя: – а мытие. – И конкретизировал: – Мытие полов. А?!

Мистер Паткинс недовольно поджал губы, но перечить не посмел.

– Идите, Джим, – кивнул Леннону мистер Тейлор. – И позовите этого, другого, как его, мистер Гадкинс?

– Паткинс, – вновь поправил учитель.

– Да-да, – позовите Паткинса. Впрочем, не надо. Пусть он отправляется мыть полы вместе с Логаном...

– Паткинс – это я, – осторожно сказал учитель. – Я уже здесь.

– Ах, вот как? А по какому вопросу?..

Сообразив, что его присутствие тут уже не обязательно, Джон выскользнул в приемную. Здесь у него было время принять тот вид, с которым он решил показаться на глаза Питу.

Он со стоном выпал из приемной в коридор и пополз к умывальнику.

Пит в испуге склонился над ним:

– Что они с тобой сделали, Джон?! Фашисты! Изверги!

Джон, схватив друга за рукав, притянул его ближе к себе, заглянул в глаза и... рассмеялся.

Всегда готовый к розыгрышу Пит по достоинству оценил артистические способности друга и, упав рядом, дико загоготал вместе с ним.

Скрипнула дверь. Джон вскочил на ноги и взглядом полным раскаяния, уставился на появившегося в проеме разъяренного мистера Паткинса.

Учитель замер. Посмотрел на Джона. Затем перевел взгляд на корчащегося Пита Шоттона и, позеленев от бессильной ярости, процедил сквозь зубы:

– Итак, вы находите все это занятным, мистер хохотун? Что ж, – он

бросил взгляд на директорскую дверь, – я вынужден согласиться с вами. – И он с расстановкой произнес: – Ха. Ха. Ха.

Чванно вскинув подбородок, он прошествовал прочь.

Домыв полы, Джон и Пит спустились в раздевалку спортзала, где проходили репетиции недавно сколоченного Джоном ансамбля под названием «Куорримен»^[3]. Остальные были уже в сборе.

Эрик Гриффит брэнчал на гитаре, Род Дэвис – на банджо, Айвен Воган чинил самопальный однострунный бас, а Колин Хантон стучал на барабанах (часть которых заменяли большие коробки из-под чая).

То, что они играли, называлось «скиффл» – смесь британского фольклора и традиционной эстрады, как правило исполняемая на самодельных инструментах. Но сегодня, только войдя в комнату, Джон заорал:

– Все! Хватит! Больше мы не будем играть ерунду! Будем играть рок-н-ролл.

– А это еще что за зверь такой? – с недоверием отнесся к его заявлению Род Дэвис.

– Ты не знаешь, что такое рок-н-ролл? – уничтожающе усмехнулся Джон, и обернулся к Питу: – Слыхал?

– Да что с него взять, – презрительно поддержал Пит. Правда он и сам впервые слышал это слово. Но резонно решил, что лично для него сие значения не имеет: какая разница, скиффл или рок-н-ролл играть на стиральной доске? Да хоть классические симфонии...

Джон, выдержав паузу, оповестил:

– Завтра мы выступаем на «Шоу талантов Кэролла Льюиса», и я уже сказал организаторам, что мы играем именно рок-н-ролл. Так что деваться некуда.

– А зачем ты так сказал? – не унимался Род. – Скиффл у нас получается неплохо, он всем нравится...

– Там штук тридцать ансамблей, которых уже хорошо знают, и все они будут играть скиффл. Если бы я не сказал, что у нас новый стиль, нас бы не взяли.

Довод был убедительным, и Род сдался.

– Ладно. Расскажи тогда хотя бы, что это такое?

– Рок-н-ролл – это музыка будущего! – На этом теоретические познания Джона закончились. Но что-то ведь нужно было говорить: – Представляете, лет через двадцать про нас скажут: «Родоначальники английского рок-н-ролла, группа „Куорримен“»! А?! Как вам это нравится?!

Этого было вполне достаточно, чтобы зажечь энтузиазмом сердца подростков. К удовольствию Джона инициативу перехватил Айвен:

– Да! Мы будем жить в роскошных особняках, ездить на «Роллс-ройсах», а когда у нас будут брать интервью, мы станем рассказывать, как трудно нам приходилось, ведь мы были первыми! Как мы боролись за этот рокин... рокэн... Как его там?

– Рок-н-ролл, – подсказал Джон.

– Да! А когда мы умрем, армия наших поклонников будет так велика, что им достаточно будет пукнуть, чтобы засыпать наши могилы!

Все загалдели и, перебивая друг друга, принялись описывать блистательные перспективы своего будущего.

Но, как всегда, в подходящий момент Джон направил их энергию в нужное русло:

– Берите инструменты. Поехали!

– Но ведь мы не умеем играть рок-н-ролл, – осторожно заметил Род.

– До завтрашнего вечера куча времени, – успокоил Джон.

– Показывай аккорды, – потребовал Пит, доставая из бархатного, с вышивкой, чехла свою выдавшую виды стиральную доску.

Джон наиграл на гитаре хит Чака Бетри «Roll Over Beethoven»^[4], а каждый тем временем пытался подыграть ему. И уже во второй раз они играли все вместе. Хотя, «играли» – это, конечно, сказано с большой натяжкой. Но то, что они делали, они делали с упоением.

Колин, как сумасшедший, молотил по своим барабанам и коробкам, Джон рвал струны, Айвен, похоже, спутал бас с луком Робина Гуда, а Род Дэйвис упорно пытался на банджо сыграть какую-то мелодию. Пит, сломав о стиральную доску ноготь, просто прыгал по комнате и дико визжал.

Когда грохот смолк, Джон выкрикнул:

– Мы перевернем мир!

И они с удвоенной энергией начали все заново.

Посередине песни распахнулась дверь и раздался крик одноглазого школьного сторожа Гарри Слоубера:

– Пр-р-рекратить!!!

«Музыка» стихла.

– В чем дело, мистер? – спросил Джон.

– Мар-рш по домам, бездельники!

– У нас завтра концерт. Нам разрешили.

– Ничего не знаю. Выметайтесь из школы!

Тут в Джона как будто бес вселился. Положив гитару на пол, он со сжатыми кулаками двинулся прямо на Слоубера, злобно выкрикивая:

– Ты! Если ты одноглазый, так что – циклоп, что ли?! – занятия по античной литературе явно пошли ему в прок.

Сторож испуганно отступил и захлопнул за собой дверь, прямо перед носом Джона.

– Рок-н-ролл побеждает! – заявил Джон, гордо оглядев остальных. – Продолжим.

На следующий день, встав пораньше, Джон на автобусе поехал к матери в Эдинбург. Все-таки у нее был кое-какой опыт работы на эстраде, и она могла дать какой-нибудь дельный совет. Несмотря на свою показную уверенность, на самом деле он очень боялся сегодняшнего выступления.

Джон был сугубо городским подростком, и сельский пейзаж за окном не радовал его сердце. Однообразие полей, копошащиеся на них крестьяне и теряющиеся в дождливом тумане преюющие стога соломы только усиливали его тоску и дурные предчувствия.

Джулия всегда чувствовала свою вину перед сыном, а потому была очень ласкова с ним. Обняв Джона и задав пару обычных вопросов, она, не прекращая болтать, принялась накрывать на стол.

– Значит, вчера ты снова мыл в школе полы? Ты становишься профессионалом.

– Точно. Это, наверное, единственное, чему я там научился.

– Ну, наверное, не единственное. Хотя, на самом деле, мне в жизни понадобилось только одно: уметь зарабатывать деньги. А вот этому-то меня в школе как раз и не научили. Кстати, тебе нужны карманные деньги?

– Спрашиваешь... А еще лучше – кошельковые или мешковые.

Джулия улыбнулась. Она гордилась чувством юмора сына и считала, что это у Джона от нее.

Взяв у матери мелочь, Джон сунул ее в карман куртки.

– Какая у вас странная форма, – заметила Джулия, усевшись перед блюдом с пышками и чашечкой дымящегося шоколада.

– Да уж. Видишь эмблему? – похлопал Джон себя по нагрудному карману. – Оленья башка и надпись: «Из этого грубого металла мы выкуем добродетель». Лучше бы написали: «Мы вырастим из вас рогоносцев».

Джулия прыснула, как девчонка.

– Почему все-таки ты так не любишь школу?

– Она первая начала. – Ответил Джон, запихивая в рот булочку. – Я не умею зубрить. Зато я классно рисую и пишу стихи, а соображаю получше отличников. Но этого замечать никто не желает.

– У меня, Джон были точно такие же проблемы. Может быть, дело в

том, что они не знают о всех твоих талантах?

– Ага, не знают. У меня, между прочим, свой ансамбль есть. Единственный в школе!

– И ты скрывал?! А помнишь, как тебе водитель автобуса подарил губную гармошку?

Сначала Джону подарил гармошку дядя. И это привело Джона в такой восторг, что он играл на ней не переставая. Как-то Джулия приехала за сыном в Ливерпуль и забрала его к себе. По пути Джон так достал своей игрой шофера, что тот взмолился: «Мальчик! Если ты перестанешь играть, я обещаю, завтра ты получишь новую гармошку, намного лучше этой» и записал адрес Джулии. Выполнить его требование было нелегко. Но Джон сумел взять себя в руки и до конца дороги сидел, стиснув зубы и крепко держась руками за подлокотники.

Джулия решила тогда, что водитель просто нашел повод с ней познакомиться, а обещание свое выполнит вряд ли. Тогда она сама купит Джону инструмент посolidнее. Но шофер оказался на высоте. Гармошка обнаружилась утром в почтовом ящике с запиской: «Держайте, маэстро. Только не в моем автобусе». И Джон до сих пор играет на ней.

Посмеявшись над этим воспоминанием, мать и сын вернулись к сегодняшним проблемам.

– Мама, я ужасно боюсь. Если честно, играем-то мы не очень... Если еще честнее, совсем не очень.

– Ну, а если еще честнее, просто не умеете.

– Ага. А сегодня вечером нам выступать на «Шоу талантов».

– Сегодня вечером? У вас еще бездна времени!

Джон недоверчиво глянул на мать. На миг ему показалось, что он смотрится в зеркало.

– Мама, ты не понимаешь. Я боюсь, что нас выгонят со сцены.

– А сколько вас человек?

– Шестеро.

– Тогда это не так уж просто.

– Мама! – не желая понимать ее шуток, воскликнул Джон, закатывая глаза. – Ну, мама!!!

– А что я могу тебе посоветовать? Я выходила на эстраду, не умея абсолютно ничего. И, как видишь, жива. Хотя... Кое-что я могу для тебя сделать.

Она вышла из комнаты, а вернулась назад с гитарой в руках. С роскошной испанской гитарой.

– Держи.

– Поиграть?
– Насовсем. Тебе она нужнее. Я ведь играю на банджо.
– Yes! – вскакивая воскликнул Джон: – Yes! Yes! Yes! Только ты меня понимаешь!

Это был один из тех редких случаев, когда Джулия чувствовала себя счастливой.

Открыватель молодых дарований Кэролл Льюис носился по зданию театра «Эмпайр».

– Уберите со сцены цветы, их будут дарить ПОСЛЕ шоу! А это что за манекен? Это человек? Уберите немедленно! Куда хотите! Поставьте за кулисы!.. Сделайте что-нибудь со звуком! Уже сделали? Что сделали? Выключили? Включите немедленно!

Толпы юных талантов мигрировали по театру подобно цыганским таборам. Они искали Льюиса, они искали ключи от гримерок, потом искали гримерки, а потом, побросав инструменты, искали буфет и туалет.

Льюис не знал, да и не мог знать, всех участников шоу в лицо. Чтобы как-то разобраться, он пытался разогнать их по своим местам:

– Вы случайно не «Вултонские бродяги»?! Нет?! А кто? «Портовые крысы»? Ваша раздевалка в подвале, быстро туда!.. А это кто – «Пещерные медведи»? Нет? Вы – «Вултонские бродяги»?! Ага! Это вы! Наконец-то! Что-то я хотел у вас спросить! Что я хотел у вас спросить?! Не знаете? Я что, по вашему, один все должен знать?!

Его голос раздавался одновременно во всех уголках театра. Между прочим, там находились не только участники конкурса.

– А вы кто – «Сексуальные уроды»?

– Мы – полицейские.

– А-а, вот вы где! Немедленно на сцену, вы открываете концерт!

– Мы – полицейские!!!

– Я прекрасно вас понял! Где ваши инструменты?!

Капрал повертел перед носом Льюиса резиновой дубинкой, и у того слегка просветлело в мозгах.

– А-а, так вы полицейские! Что ж вы сразу не сказали?! Вы, кстати, не знаете, где «Убийцы»?.. Не знаете?! Вот так полицейские... Бардак!

«Куорримен» слегка опоздали и оказались почти в самом конце списка:

– Вы работаете во втором отделении, сразу после «Буйных лилипутов», – влетел в их гримерку мистер Льюис. – Не перепутайте с «Тихими великанами».

– А где можно порепетировать? – спросил Джон, но Льюиса уже и след простыл.

А через минуту прозвучал звонок, и «Шоу талантов» стартовало.

Пихая друг друга, «Куорримен» из-за кулис разглядывали первых участников. Чем больше выступало групп, тем в большее уныние они впадали. Через полчаса уныние перешло в панику, и они вернулись в свою гримерку.

– «Гладиаторы»! Вот это да!.. Мы никогда так не сможем... – Печально констатировал Айвен.

– А какие гитары у «Тигров»... – подхватил Эрик Гриффит.

– Да что там говорить, – резюмировал Род Дейвис, – опозоримся мы тут со своим «рокемом роле»...

Но Джон знал, как поднять их боевой дух. Он молча достал из чехла свою новую гитару, к которой уже приспособил самодельный звукосниматель.

– Оба на! – воскликнул Эрик и прищелкнул языком. – Вот это да! Теперь мы лучшие!

Выступление молодых дарований казалось бесконечным. Прошло уже два часа, а закончилось лишь первое отделение. Отстрелявшиеся, все еще находясь в возбуждении, сновали по коридором и рассказывали остальным, какой тут отвратительный звук и дубовый зритель. Кое-кто уже выпивал и закусывал. «Каменотесы» томились.

В начале второго отделения Льюис объявил «Буйных лилипутов», и «Куорримен» с инструментами подтянулись на исходные позиции.

Но на них зашикали:

– Отдыхайте еще минут десять! Вас передвинули!

Джон пришел в ярость. Тем более, «Лилипуты» пользовались бешеным успехом. На самом деле лилипут в группе был один. Он делал вид, что играет на гитаре, а сам только бегал по сцене, прыгал и кувыркался. «Буйных лилипутов» зрители долго не отпускали и несколько раз вызывали на бис.

Через десять минут «Каменотесам» сказали, что им придется подождать еще минут пятнадцать. Потом еще... Гнев Джона нарастал. Наконец, он обернулся к остальным:

– Всё!.. Пошли домой!..

И в тот же миг Льюис на сцене объявил:

– А теперь – «Ка-ме-но-те-сы»!!! Встречайте! Встречайте!

Ребята устремили на Джона умоляюще взгляды. И он повел себя как

настоящий лидер.

– Ну мы им зададим... – сказал он мрачно, и «Куорримен» ринулись на сцену.

Играть они, конечно, не умели. Но тут произошло что-то необъяснимое. Весь страх и вся накопившаяся ярость вылились в уши зрителей, которые вряд ли узнали в том, что слышали, «Roll Over Beethoven». То, как ансамбль звучал на вчерашней репетиции, стороннему слушателю теперь показалось бы птичьим щебетанием.

Выкрикивая первый куплет, Джон порвал две струны и одновременно разбил в кровь пальцы. Колин, обалдев от того, что впервые сидит за настоящей ударной установкой, казалось, тоже стал настоящим барабанщиком, и уже несколько раз выхватывал из-за пояса запасные палочки, взамен сломанных. А после первого куплета вместо гитары Гриффита соло исполнил Пит Шоттон на своей стиральной доске...

Мистер Льюис схватился за голову и, стиснув зубы, отвернулся. Но когда кое-кто из зрителей, заткнув уши, начал протискиваться к выходу, он решил спасти доброе имя своего шоу.

Под его руководством на сцену выскочили пятеро служащих и, делая вид, что ничего особенного не происходит, осторожно попытались утащить музыкантов за кулисы. Но не тут-то было! «Каменотесы» вырывались и отпрыгивали.

Озлившись, служащие перестали церемониться и переглянувшись, взялись за дело всерьез.

Последним со сцены уносили Джона. Он отчаянно брыкался и кричал:

– Рок-н-ролл – это музыка будущего! Вы еще не доросли до нее! Болваны!

Ехидно прищурившись, Майкл спросил:

– Куда это ты так вырядился?

Пол, проигнорировав вопрос, выскользнул из дома. Никогда бы он не отправился на этот церковный праздник, тем более в Вултон, если бы не волшебное слово «рок-н-ролл».

– Пойдем, послушаешь, что это такое, – напирал его старый знакомый Айвен Воган, игравший нынче на однострунном басы в какой-то мифической группе с дурацким названием «Каменотесы». – Айда, посмотришь, как толпа на ухах будет стоять. А то брэнчишь всякую ерунду слащавую...

Идти не хотелось. Пол прекрасно понимал, что на самом деле Вогану просто нужно, чтобы хоть кто-то из его старых друзей увидел, какой он теперь крутой. Но мальчиком Пол был мягким и никого не любил обижать. А потому, хотя и часа на полтора позже, чем обещал, он уселся на свой новенький трехскоростной велосипед «Ралли» и двинулся в путь.

«Ну что хорошего может играть местная шпана? – рассуждал он, крутя педали, время от времени стряхивая пылинки с новеньких супермодных брюк-дудочек и белого спортивного пиджачка. – Настоящая музыка делается в Америке. Элвис Пресли, Джерри Ли Льюис, Чак Берри, это – да!.. Ладно, в конце концов, хотя бы проветрюсь. На этих праздниках всегда полно девчонок... А я сегодня такой симпатичный...» В этом русле мысли его поскакали галопом, а сам он, с ускорением двигаясь в сторону церкви, перестал замечать все вокруг, погруженный в розовые грезы.

Мало-помалу мысли его приобретали опасный характер, тем паче, что бестелесные видения многих девочек как-то сами собой слились в его сознании в почти осязаемый образ мисс Мэйфилд. Сердчишко Пола постукивало, отдаваясь в висках, и он даже не заметил, что колотится оно уже как бы не само по себе, а в такт каким-то звукам снаружи.

А когда очнулся, грохот барабанов был уже громок и отчетлив.

Матримониальные грезы мигом вылетели из его головы. Он остановился, прислонил велосипед к оградке церковного двора, закрыл на замок противоугонную цепочку и дальше двинулся пешком.

Музыка, которую он слышал, граничила с какофонией. Гитары не были как следует настроены, бас ударял только в сильную долю, отчего, сливаясь с тактовым барабаном, звучал не как отдельный инструмент, а

лишь добавлял силы грохоту. И еще был голос...

Казалось, певец совершенно не озабочен тем, понимают слушатели, о чем он поет или нет. Произношение было такое, словно он во время пения жует резинку. (Позднее оказалось, что так оно и есть.)

Но во всем этом была некая завораживающая энергетика. Пол понимал, что это – плохая музыка. Но с удивлением чувствовал, что она нравится ему. Она влекла его, как дудочка крысолова.

Теперь он уже почти бежал к церкви. И вот, достигнув ее, он своими глазами увидел виновников вышеописанного шума.

Музыкантов было шестеро. Все они были такими же школьниками, как и он сам. И первым Пол, конечно же, увидел Айвена. Выходит, это и есть его «Каменотесы». Что ж, Айвен не врал: кучка ребят под сценой действительно «стояла на ушах», дергаясь и прыгая в такт.

Но с Айвена и зрителей внимание Пола быстро переключилось на солиста.

Это был худощавый потный подросток в клетчатой рубашке, с маленькими круглыми очками на носу. Он не только кричал в микрофон, не только кривлялся, но в проигрышах, когда петь не надо было, к тому же еще и раздавал тумаки аккомпаниаторам. Он, конечно же, отдалялся при этом от микрофона, но все равно внизу были отчетливо слышны его выкрики и брань: «Играй четче, сволочь!» или «Ритм, ритм держи, бездарь ушастая!..»

«Между тем, сам он гитарой владеет не слишком-то, – отметил Пол. – Во всяком случае, когда он, распоряжаясь, не играет, общее звучание становится немножко почище...» А когда, вместо гитары очкарик сделал небольшой проигрыш на губной гармошке (и сделал его действительно неплохо) музыка стала почти приятной.

Но вот подоспел очередной куплет, и певец вплотную прижал губы к сеточке микрофона:

– Этого нельзя! И этого нельзя!
Но, я прошу, не надо горячиться зря.
Тетенька учитель, жизнь так коротка,
Дай-ка лучше денег мне, и я куплю пивка!
Йе-е!!!

Пол оторопел. Он уже второй день для своей новой мелодии пытался сочинить именно эти слова! Как раз про «тетеньку учителя». Правда, Пол

хотел от нее несколько большего, нежели «денег на пивко», но общая идея скоротечности жизни и необходимости взять от нее все – была абсолютно та же. Он даже ревниво подумал, не преподает ли мисс Мэйфилд и в «Куорри Бенк Скул», но тут же эту мысль отбросил... Два дня этот текст кусочками крутился у него в голове, но все никак не складывался во что-то членораздельное, а этот тип преспокойно поет его!

Пол стал пробираться поближе к сцене.

– Куда прешь, олень?! – крикнул кто-то ему в ухо, пихнув в бок, хотя эпитет этот, судя по эмблеме, больше подходил бы как раз ученику «Куорри Бенк скул». Пол даже не оглянулся.

Никогда раньше не приходило ему в голову пойти на танцы. Во-первых, он был слишком хорошо воспитан для этого. Во-вторых, раньше он стеснялся. Потом осознал, что танцевать не умеет и боялся стать посмешищем. А в последнее время он нередко представлял себя на танцах, но не танцующим, а играющим... И даже в этом парень из «Куорримен» перещеголял его. Ведь вот он – стоит на сцене и поет, а люди внизу – танцуют... Пол же мог только мечтать оказаться на месте этого очкарика.

Он подобрался вплотную к сцене и стоял, глядя на музыкантов широко открытыми глазами. Теперь он уже жалел, что не подошел к самому началу праздника.

Песня закончилась, народ внизу захлопал и засвистел. По эстрадной традиции певец должен был сейчас раскланяться и поблагодарить публику за аплодисменты. Вместо этого очкарик, повернувшись ко всем спиной, достал из-за колонки початую бутылку пива и как следует к ней приложился.

Он раздражал Пола. Он оскорблял его чувства подростка из хорошей семьи. Но он и восхищал его в то же время!

Тут на сцену забрался некий благообразный пожилой джентельмен и что-то сказал солисту на ухо. Тот ухмыльнулся, поставил бутылку на место, подошел к микрофону и объявил:

– Устроители этого праздника говорят, что мы слишком шумно играем, что предыдущая песня была последней, и наша программа на этом закончена. Но не тут-то было. Сейчас для вас прозвучит самая идиотская песня в мире под названием «Бесаме мучо». Ура.

Пол знал эту песню. И не только знал, но и очень любил. Прекрасная мелодия, удивительно стройная гармония... Однако, надо отдать должное правдивости очкарика. В исполнении «Каменотесов» песня эта и в правду стала самой что ни на есть идиотской.

«Ну зачем брать в репертуар песню, которая тебе не нравится? –

недоумевал Пол. – Неужели только для того, чтобы вдоволь поиздеваться над ней? Как это глупо!..»

Но, оглядевшись, он обнаружил, что окружающие не разделяют его негодования. Те, кто чувствовал иронию и издевку, с которыми выводил очкарик английские, вперемешку с испанскими, слова, буквально покатывались со смеху над его ужимками. Остальные, и их было значительно больше, с полной серьезностью разбились на пары, и мальчики теперь упоенно тискали девочек под звуки томной боса-новы.

«Этот парень явно знает что-то такое, чего не знаю я, – думал Пол. – Зато я – лучше играю на гитаре. Мы могли бы пригодиться друг другу».

Песня прозвучала лишь до середины, как вдруг отключилось электричество. Теперь слышны были только барабаны да потрескивание стиральной доски, на которой с увлечением наярывал рыжий паренек. Вместо того, чтобы остановиться, очкарик встал на колени и под этот варварский аккомпанемент натужно докричал песню до конца. А закончив, сказал:

– Ну все. Расходитесь. Нам перекрыли кислород. Перед вами выступали: звезда эстрады номер один – Джон Леннон и группа «Каменотесы»!

Зрители немножко похлопали и разбрелись, а ребята стали стаскивать инструменты и скудную аппаратуру к краю сцены.

Через пару минут к ним подкатила машина, и Пол, с изумлением увидел, что это катафалк. В него-то музыканты и стали заносить свое имущество. Только очкарик Джон не принимал участия в общем созидательном труде, а вместо этого уселся на край подмостков и, болтая ногами, продолжил поглощение пива.

Остальные не возмущались. Похоже такое разделение труда – все таскают аппаратуру, а Джон пьет пиво – было в «Куорримен» традиционным.

Пол набрался смелости, уселся рядом с Джоном и протянул руку:

– Пол Маккартни.

Тот окинул его безразличным взглядом, помедлил, но потом все-таки представился в ответ:

– Джон, – затем добавил: – Хочешь пива?

На самом деле Пол не любил пиво, на его вкус оно было слишком горьким. К тому же, он не считал себя достаточно взрослым для алкоголя. Но ради знакомства он решил поступиться принципами:

– Хочу.

– А хочешь, иди и купи, – нагло заявил Джон и, отвернувшись, в

очередной раз приложился к бутылке.

Пол был достаточно настойчив, чтобы не обидеться и на эту выходку.

– Ты здорово играешь на гитаре, Джон, – сказал он, из соображений дипломатии покрывив душой.

– Знаю, – интонация, с которой Джон сказал это, стала уже чуть мягче.

– Только некоторые аккорды ты неправильно ставишь, – невинно добавил Пол не без скрытого ехидства.

Его не слишком доброжелательный собеседник поперхнулся пивом, закашлялся, затем поставил бутылку и, скорчив угрожающую рожу, заорал:

– А ты кто такой, а?! Бетховен, что ли?! Учитель нашелся!.. Вали-ка отсюда к мамочке!

Разило от него, как из бочки, но от того, чтобы отвернуться, Пол удержался.

– Я могу показать тебе некоторые аккорды, – подавив гордость, сказал он. – Я умею играть. Айвен знает.

– А! Так ты и есть тот самый пай-мальчик, про которого он мне все уши прожужжал... Ну, ясно, ясно... Он говорит, ты и в правду неплохо играешь.

То, что Айвен за глаза называет его пай-мальчиком, укололо Пола. Но, в то же время, то, как он отозвался о его музыкальных успехах, польстило ему.

Джон вновь смерил его взглядом, словно производя окончательную оценку перед покупкой, и нехотя сказал:

– Ладно. Полежай с нами в машину...

Опасливо покосившись на катафалк, Пол спросил:

– А почему она у вас... такая?

– Потому что, слушая нас, – нос к носу приблизив свое лицо к лицу Пола, мрачно сообщил Джон, – люди слишком часто умирают. – Выдержав паузу, он добавил: – От восторга.... – И тут же, откинувшись, захохотал. А просмеявшись, хлопнул Пола по спине и сказал примирительно: – Ты, вообще-то, ничего. А машина такая, потому что другой у церкви не нашлось. Мы тут ни при чем. Но уж лучше ездить в ней живыми, разве нет?

В катафалке было тесно, но весело. Велосипед Пола пристроили на дне кузова. Прежде чем отвезти ребят в школу, водитель зарулил на заправку, и у них было достаточно времени поболтать. Джон уже не в первый раз пересказывал свой вчерашний разговор с новым директором школы мистером Побджоем, а остальные покатывались со смеху.

– «Мистер Джон Леннон, – говорит он, – сторож нашей школы мистер Слоубер сообщил мне, что на днях вы устроили в школе форменный дебош». «Но глаз ему выбили не мы», – говорю я.

Музыканты довольно заржали, понимая, конечно, что доля вранья в рассказе Джона значительно превышает долю истины.

– «Глаз Гарри Слоубер потерял в Первую мировую войну, защищая Королеву и Отечество, – говорит Побджой. – А по вашей милости он чуть было не лишился и слуха! И это в мирное-то время!» А я говорю: «Мистер Побджой, да мы совсем тихо репетировали. Даже барабанщик стучал шепотом...» «Не знаю, не знаю, – говорит он. – Мистер Слоубер утверждает, что ничего подобного он не слышал со времен битвы на Сомме».

На этот раз засмеялся один Пол. Он хорошо знал историю. Именно в битве на Сомме впервые в мире англичане применили танки.

А Джон продолжал импровизировать:

– Представляете, оказывается, там стоял такой же грохот! Выходит, уже в Первую мировую немцы умели играть рок-н-ролл!

Ребята засмеялись опять, а Джон наоборот – посерьезнел:

– А на самом деле он минут десять читал мне мораль, а потом и говорит: «Вы, Джон, способный мальчик. Вы прекрасно рисуете и поете. Мне импонирует ваша самостоятельность суждений, но, боюсь, строгая атмосфера нашей школы угнетающе действует на вас... Почему бы вам не поступить в колледж искусств? Я мог бы похлопотать за вас...» Тогда я спрашиваю: «То есть вы хотите выпереть меня?» «Почему „выпереть“, мальчик мой? – говорит этот гад. – Но зачем же вам зарывать в землю свой талант?...»

– А ты? – встрял гитарист Эрик Гриффит.

– А я тогда вот что сказал: «Ладно, мистер Побджой, я согласен. Катитесь-ка вы в задницу вместе со своей школой. Когда-нибудь на ее дверях повесят мраморную доску с золотой надписью: „Здесь учился Джон Леннон – гений“... – Как не пытался Джон скрыть это, в его голосе сквозила горечь.

Ребята неуверенно засмеялись, а Пол подумал, что оскорбительная дерзость Джона по отношению к этому, добрейшему, по-видимому, человеку, совершенно не оправдана. Но вслух, подождав, когда остальные затихнут, заметил:

– Ты смелый Джон. Я бы так не смог.

Джон как-то особенно взглянул на Пола. И чуть было не ответил ему теми же словами. Ведь сам он никогда не нашел бы в себе силы признать

чье-то превосходство.

– Да, кстати, – обратился он к остальным, – это Пол Маккартни. Он хорошо играет на гитаре. – Но тут же не удержался и добавил саркастически: – Это он сам так говорит, а я-то еще не слышал.

– Точно, точно, – подтвердил Айвен Воган, – он даже знает все слова в «Twenty Flight Rock»^[5]!

– Ну-ка, покажи, – Джон протянул гитару.

– На этой я не смогу, – смутился Пол. – Я только на своей могу.

– А она у тебя что, из золота? – презрительно прищурился Джон.

– Я левша, – пояснил Пол, слегка заикаясь от волнения. – У меня на гитаре струны подругому стоят.

– А-а, – протянул Джон с сомнением. Но тут же встрепенулся: – Жалко, что ты с нами не играешь! На днях на конкурсе нас обскакала одна команда только потому, что у них был карлик. А у нас был бы левша! Это еще круче!

– Я м-могу с ва-вами играть, – заикаясь еще сильнее, сказал Пол и почувствовал, что даже взмок от волнения.

– Нет, парень, – похлопал его Джон по плечу. – Нас и так шестеро, куда больше? Это уже какой-то сводный оркестр гитаристов получится...

И тут снова вмешался Эрик Гриффит:

– Возьми его вместо меня. Не хотел тебе говорить... Предки мне больше не разрешают играть. Сегодня в последний раз отпустили.

– Это еще почему?

– Отец сказал, что «не позволит мне якшаться с таким отъявленным хулиганом, как Джон Леннон»...

– Во как, – скривился Джон. – Надо будет как-нибудь встретиться с твоим стариком и рассказать ему, что это как раз ты научил меня пить, курить и трахаться...

Все опять засмеялись, а Пол отметил про себя, что, пожалуй, сможет научиться у Джона не только уверенно держаться на сцене.

– Так что, уходишь? – напористо спросил Джон Эрика.

– А что делать? – виновато пожал тот плечами. – Ты же их знаешь... Уперлись, как бараны, и, хоть расшибись, ничего не слушают.

– Как хочешь, – с нарочитым безразличием сказал Джон и сплюнул прямо на пол. А затем повернулся к Полу:

– Пойдешь ко мне играть?

– Пойду! – поспешно выпалил Пол и тут же укорил себя за то, что не смог ответить с большим достоинством.

– Тогда приходи завтра на репетицию – в семь. Сейчас, когда аппарат с

нами таскать будешь, посмотришь, где мы занимаемся.

– Вот и встретились святой Джон со святым Павлом, – съязвил Гриффит слегка обиженный тем, что его уход из группы не стал для Леннона трагедией. Но тот только смерил его пренебрежительным взглядом и снова обернулся к Полу:

– Значит, говоришь, хорошо играешь?

– Ну, да... – смутился тот.

В это время катафалк остановился, и водитель распахнул створки дверей:

– Выползайте!

Джон, подавшись вперед, сказал Полу в самое ухо:

– Запомни, мальчик. Каким бы ты виртуозом ни был, ты – второй. Понял? Второй!

Пол поспешно кивнул. Он понял, что Джон Леннон никому не позволит перехватить в группе лидерство. Что это, возможно, беспокоит его даже больше, чем качество игры и успех команды.

Внезапно Пола охватило странное чувство. То, которое французы называют «дежа вю»^[6]. Он отчетливо вспомнил, что уже сидел вот так на скамеечке машины для перевозки покойников, и кто-то шипел ему в ухо: «...Ты второй. Понял? Второй!...» Или ему это когда-то снилось?..

Чтобы избавиться от неприятного ощущения, он потряс головой. Это помогло. Но в душе остался какой-то странный пугающий осадок.

Однако домой Пол на своем велосипеде летел, как на крыльях. Все так удачно складывается! Еще вчера он и мечтать не смел, что будет играть в рок-н-рольной группе, а сегодня он – уже принят! Нет, он, конечно, не собирается посвящать этому занятию всю жизнь, это было бы глупо... А он имеет серьезные виды на будущее. Но играть в группе, это так весело! Столько новых знакомств! Столько девчонок вокруг! И теперь-то, когда он будет на сцене, они при всем желании не смогут его не замечать!

К тому же за выступления иногда и платят, а ему катастрофически не хватает тех денег, которые родители выдают на карманные расходы...

В дверь он трезвонил раза в три дольше, чем делал это обычно. Ему открыл Майкл, и Пол с удивлением и тревогой заметил, что лицо у него заплаканное.

– Тихо ты, урод, – прошептал брат. – С мамой плохо. Приходил врач и сказал, что у нее – рак...

Минул год.

В Ливерпульском художественном колледже – конец первого учебного цикла.

– Итак, леди и джентельмены, тема моей последней лекции – «Природа в изобразительном искусстве», – напомнил преподаватель мистер Конвик, седовласый благообразный мужчина. – Надеюсь, все вы принесли сегодня свои работы на эту тему. Надеюсь так же, что вы отнеслись к этому заданию со всей серьезностью, – двинулся он между рядами, – ведь отметка за него будет иметь решающее значение при выведении оценки за семестр...

Он остановился возле второй парты:

– Прекрасно, прекрасно, как вы назвали свое творение, Сара?

Миловидная еврейка Сара Астендаун покраснела от удовольствия.

– «Утро в заповеднике Йоркширского графства», сэр...

– У вас уникальное видение цвета, девочка, – похвалил мистер Конвик.

– Я еще буду гордиться тем, что когда-то учил вас... Посмотрим, посмотрим, – двинулся он дальше. – А ваш замечательный анималистический этюд, Стюарт, – сказал он, беря листок ватмана из рук художавого студента с одухотворенным лицом, – насколько я понимаю, навеян рассказами Редьярда Киплинга?

– О да, сэр, – подтвердил всеми признанный талант Стюарт Сатклифф.

– Я назвал его «Джунгли».

Стюарт, кстати, в последнее время очень сблизился с одноклассником Джоном Ленноном, и уже больше месяца играл на бас-гитаре в группе «Куорримен». Не делая в этом, правда, никаких успехов.

– На мой взгляд, Стюарт, вы избрали чересчур кричащие краски, – заметил мистер Конвик. – Да и композиция полотна несколько расплывчата. Слишком много животных одновременно. Есть в этом что-то гротескное. И все же, признаюсь, впечатляет.

Преподаватель вернул произведение художнику и обратился к аудитории:

– Я вижу, все вы, в отличии от нашего оригинала Стюарта, предпочли пейзаж. Оно и понятно, ничто так не трогает тончайших струн человеческой души, как изображение девственной природы... Но, может быть, кто-то еще рискнул посвятить свою кисть меньшим нашим братьям?

Из-за последней парты взметнулась рука.

– Леннон? – опасливо спросил мистер Конвик. – Ну-ка, ну-ка...

Пройдя в конец класса, он наклонился над партой Джона. Его мохнатые брови поползли вверх.

– Что это? – ткнул он пальцем перед собой.

Рисунок Джона был выполнен неровными дрожащими линиями черной туши. В левой стороне огромного, в полпарты величиной, листа был изображен уродливый голый и лысый мужчина с абсолютно бессмысленным выражением лица. В правой стороне, в нижнем уголке было нарисовано какое-то животное, похожее на маленькую собачку. Оно лежало на спине, раскинув вытянутые задние лапы, а передние сложив крест накрест на груди.

– Я назвал свою картину «Гибель опоссума», сэр.

Класс захихикал.

– Я сомневаюсь, мистер Леннон, что смогу поставить вам за ЭТО положительную оценку, – сурово изрек мистер Конвик.

– Я подозревал, сэр, что случится именно так, – в тон ему заявил Джон, выпятив губу. – Я уже понял, что в этом заведении нет дороги искусству авангарда.

– Это не искусство, Леннон, это хулиганство.

– Это не хулиганство. Это графика.

– Что ж, – покачал головой учитель, – если вы настаиваете, пусть сие творение оценят ваши товарищи...

Мистер Конвик двумя пальцами взял лист за уголок с парты Джона и, со скорбной миной на лице, продемонстрировал его окружающим.

Класс покотился со смеху.

Учитель вернул рисунок Джону, удовлетворенно качая головой.

– И все-таки, мистер Леннон, – вновь обратился он к строптивцу, – признайтесь, зачем вы это нарисовали?

– Я хотел показать, как жестоко поступает человек с природой, взрастившей его, сэр, – не моргнув глазом, объяснил Джон.

– Так-так. Почему же, в таком случае, ваш человек безоружен?

– Я не приемлю вульгарного реализма. В этом-то и заключается весь трагизм фабулы: бедный опоссум умер от одного вида человека. В него не нужно было даже стрелять. Человек стал настолько чужд природе, что та гибнет, лишь соприкоснувшись с ним...

– Хм, хм, – подвигал бровями мистер Конвик, – во всяком случае, остроумно. А почему он, простите, обнажен?

– Это – условность, сэр, художественное допущение. Обнаженные

гениталии символизируют неприкрытую агрессию человечества. Обратите внимание, мистер Конвик, это очень большие гениталии...

– Болтать вы умеете! – перекрывая смех аудитории, сердито заключил учитель. – Но болтовня не сделает вас художником, запомните это!

Неожиданно в разговор вмешалась отличница Синтия Пауэлл, очень застенчивая голубоглазая девушка с первой парты:

– А по-моему, это хорошая картина, – сказала она. – Мимо меня вы прошли и даже не остановились. И если вы покажете классу мой рисунок, никто даже не улыбнется. А тут – вон, как все засмеялись.

Джон уставился на Синтию, словно впервые видел ее. Да он и действительно никогда не обращал на нее внимания.

– Хм, хм, – снова похмыкал мистер Конвик. Вообще-то он считал себя либералом. К тому же, к мнению Синтии Пауэлл нельзя было не прислушиваться. Мало того, что она была отличницей, она была девочкой из состоятельной и очень уважаемой в Ливерпуле семьи. – Возможно, конечно, я и несколько отстал от новомодных веяний, – сказал он наконец. – Но я слишком стар, чтобы менять свои принципы. Давайте-ка, мистер Леннон, поступим с вами так. Я пока не буду ставить вам оценку – ни хорошую, ни плохую. Но на следующее занятие вам придется принести другой рисунок. В более традиционной манере. Может быть, вы когда-нибудь и прославитесь вот этим, – снова ткнул он в «картину» Джона пальцем, – но сначала я научу вас рисовать.

... – Синтия, – окликнул Джон.

Девочка обернулась. Перемена только началась, и на то, чтобы поболтать у них было целых пять минут.

– Тебе что, действительно понравилась моя картина?

– Очень понравилась.

– Ну и дура. Я же ее специально нарисовал, чтобы Конвика позлить.

– Да? – она улыбнулась, а затем достала из сумочки очки с толстенными стеклами и надела их, став от этого еще беззащитнее. – Если честно, я не видела, что ты там нарисовал. Чистый лист. Я очень близорукая.

– Почему же ты не носишь очки?

– Стесняюсь.

– Ха! – Джон порылся в кармане брюк, вынул оттуда целлулоидный футляр с очками и тоже нацепил их на нос. – И я стесняюсь!

Они засмеялись, и Джон, словно не контролируя себя, взял ее за руку. И она не отняла свою ладонь.

– Зачем же ты сказала, что тебе понравилось, если ничего не видела? – со свойственной ему прямолинейностью настаивал Джон.

– Потому что, мне кажется, ты не можешь сделать ничего дурного.

«Вот те раз, – подумал Джон. – А ведь, похоже, она клеит меня...» Но он не имел ничего против. В конце концов, Синтия – не самая плохая девчонка в колледже.

– Что ты делаешь вечером?

– А куда мы пойдем? – чуть форсируя события, спросила она.

– Пойти куда-то не получится. – Замялся он. – У меня репетиция. Мы играем рок-н-ролл. Хочешь послушать?

– Конечно! Только мне нужно будет забежать домой. Терпеть не могу ходить куда-то в форме.

– А мне нельзя опаздывать... Знаешь «Вильсон Клуб»?

– Еще бы.

Прозвенел звонок. Пора было возвращаться в класс.

– Так ты придешь?

– Приду, – кивнула Синтия. – А можно, я возьму подружек?

– Конечно! – пожал плечами Джон, хотя и подумал, что на свидания с подружками не ходят. С другой стороны, и он ведь пригласил ее не в кино, а на репетицию... – Конечно! Ребята только обрадуются.

Стюарт Сатклифф был не только удивительно одаренным мальчиком, но и редкостным интеллектуалом.

Он единственный из знакомых Джона жил, как настоящий художник, в тесной, заляпанной краской студии в доме на Гамбьер-Террас. «Нельзя рисовать настоящие картины и нежиться при этом под крылышком у мамочки», – декларировал он. Вместо постели он спал в обшитом черным шелком гробу, который нашел на свалке и этим напоминал Джону Геккельбери Финна с его любимой засаленной бочкой.

Время от времени, к неудовольствию тети Мими, Джон оставался ночевать у Стюарта. Ночи напролет они пили пиво и болтали до хрипоты. Часто Джону казалось, что в своих дискуссиях они подбираются к какой-то великой истине... Но это было только ощущение и ничего конкретного. Своими рассуждениями об искусстве и о прочих реалиях жизни Стюарт буквально гипнотизировал Джона. Его суждения были парадоксальны.

«Хочешь быть великим, приготовься быть изгоем, – объявил он как-то. – Ван-Гог свихнулся и отрезал себе ухо, Рембо сдох от гангрены, Оскар Уальд был гомиком, сел в тюрьму, а через четыре года помер... Все гении портят жизнь себе и другим».

«Мне бы не хотелось никому портить жизнь», – возразил Джон.
«Тогда забудь о славе», – криво усмехнулся Сатклифф.

Сегодня они вместе шли после занятий на репетицию, и Стюарт объявил:

– Я подумал над твоим предложением, Джон. Я готов к карьере звезды рок-н-ролла.

– Ур-ра! – подпрыгнул Джон. Со Стюартом он бывал непосредственным, как ни с кем другим. – Я так и думал! Молодец! Это намного интереснее, чем рисовать картинки.

– Но есть одна загвоздка, – продолжал Стюарт, – играть-то я не умею.

– Это ерунда! – заверил его Джон. – Играть можно и обезьяну научить! Вон, Айвен умеет играть, а что толку? С ним и поговорить-то было не о чем.

– По-моему, ты все-таки поторопился с ним...

– Да он сам! Понимаешь, мне не нужны музыканты, которые не собираются заниматься этим всю жизнь. А у него – то экзамены на носу, то рыбалка, то вечеринка... А играть мы тебя научим! Когда ты говорил, что хочешь быть только художником, мы с тобой и не занимались особенно, чего времени тратить, все равно уйдешь... А теперь – держись! Теперь я от тебя не отстану!

– Ты, наверное, прав, – согласился Стюарт. – Научится всему можно. А искусство не в умении, а в понимании. Вот ты, Джон, понимаешь, что такое искусство?

– Ну-у, наверное...

– «Наверное», – передразнил Стюарт. – Я тебе в двух словах могу объяснить.

– Давай, – Стюарт был единственным человеком, за которым Джон признавал право себя поучать.

– Ты знаешь, что такое буддизм?

– Слышал, – уклончиво ответил Джон.

– Так вот. Буддисты говорят, что Бог взорвал себя на миллионы кусочков, и эти кусочки – души людей.

– Ну?..

– А теперь души хотят снова собраться вместе. Вот, когда парень любит девушку, их души сливаются, и они становятся ближе к Богу, понимаешь?

– Ну...

– «Ну, ну!..» – снова передразнил Стюарт. – Тебе не интересно?

– Интересно...

– Тогда не нукай, а слушай. Когда художник рисует картину, он переносит на холст свою душу, а люди смотрят и приближаются к нему, а значит тоже становятся ближе к Богу.

– Ты гений, Стью! – воскликнул Джон. – Когда мы играем рок-н-ролл, мне иногда кажется, я летаю...

– Потому-то я и согласился. Живопись сейчас мало кто понимает. А вот рок-н-ролл сегодня, по-моему, самое сильное средство.

Джон не слишком вникал в сомнительные теоретические выкладки Стюарта. Главное то, что тот согласился стать музыкантом, а почему – дело десятое...

– Я вот еще что думаю, – продолжал Стюарт. Они уже подошли к крыльцу школы и остановились, чтобы договорить. – Главное все делать не так, как все. Гений ты или бездарь, будешь делать как все, на тебя никто и внимания не обратит. А вот если – не как все, то гений сразу прославится, а бездаря хотя бы заметят.

– Вот, вот, – подхватил Джон, которому порой казалось, что Стью подслушивает его собственные путанные мысли и приводит их в порядок. – Раз ты как все играть не умеешь, значит точно будешь играть не как все.

– Это не совсем то, что я хотел сказать, – усомнился Стюарт в верности интерпретации своей идеи. – Что-то все-таки и уметь надо.

– Что-то надо, – согласился Джон. – Но что-то я ведь тебе уже показывал...

Это был уже не тот «Куорримен», что играл на «Шоу талантов Льюиса». Пол Маккартни давно стал не только полноправным членом группы, но и вторым ее лидером, и они с Джоном вместе сочинили целую уйму песен. (Из-за того, что Пол – левша, показывая что-то друг другу, они усаживались перед зеркалом.)

Тетю Мими не могли обмануть хорошие манеры Пола. Она не раз ворчала: «Этот маленький пижон Маккартни разжигает костер, на котором тебе предстоит гореть, Джон...» Когда тот подъезжал на велосипеде к их дому и вежливо обращался: «Привет, Мими, можно войти?», она неизменно отвечала: «Конечно нет». Но союз Джона и Пола от этого ничуть не страдал.

Барабанить в группе недавно стал молчаливый коротко стриженный парнишка по имени Норман.

Род Дэйвис, самый дисциплинированный из всех, все никак не мог смириться с новым стилем и время от времени поговаривал об уходе. А

Пит Шоттон появлялся на репетициях скорее в качестве «друга ансамбля», нежели музыканта: в рок-н-ролле его стиральная доска перестала быть актуальной.

К «Куорри Бенк Скул» ансамбль имел теперь самое опосредованное отношение, и его терпели тут лишь потому, что иногда ребята бесплатно играли на школьных вечерах.

– Это еще кто? – лишь переступив порог музыкалки, бесцеремонно указал Джон на щуплого лохматого юнца.

– Это мой друг Джордж, – ответил Пол. – Он пришел посмотреть.

– Ладно, – кивнул Джон. – Хотя лучше бы он слушал. Бери бас, Стью. Поехали. «I Saw Her Standing There»^[7]. (Эту песню они с Полом написали на днях, и считали самой «забойной».)

Чтобы вступить одновременно, Джон задал темп щелчками пальцев, и давая счет:

– Раз, два... Раз, два, три четыре...

И они загрохотали. Но доиграли только до половины песни, когда Пол остановился и запротестовал:

– Нет, так нельзя! – он раздраженно кивнул на Стюарта. – Он ведь совсем не знает свою партию, играет что попало!

– Ну и что?! – взвился Джон, явно все еще находясь под гипнотическими чарами друга. – За то он гений! Он играет не так как все!

– А потому никто так и не играет, что не дураки, – заявил Пол. И его поддержал Род:

– Не знаю, какой он гений, но на басы он играть не умеет. Айвен делал это в сто раз лучше, но ты почему-то выгнал его.

– А ты бы вообще молчал! – начал злиться Джон. Сам Стюарт во время этого разговора несколько раз пытался взять слово, чтобы согласиться с ребятами в том, что игрок он никудышный, но Джон, махая руками, затыкал ему рот. – Тебе, Род Дэйвис, только гаммы играть! Ты ничерта не чувствуешь! Ты мне, между прочим вообще не нужен!

– Ах так? – Род отложил гитару в сторону. – Что ж, пожалуйста. Целуйся со своим Стюартом... – И он вышел из музыкалки, хлопнув дверью.

– Что на тебя нашло, Джон? – заговорил Пит Шоттон. – Почему ты всех оскорбляешь? У нас только барабанщиков – пять штук сменилось. С тобой никто не может играть!

– А тебя никто не спрашивает! Иди лучше постирай носки на своей доске!

Пит пожал плечами и молча вышел вслед за Родом.

«Да что это творится? – думал Джон. – Я ведь так останусь один! Все бросают меня!.. Пит! А я-то думал, мы – друзья на всю жизнь...» Он совершенно не отдавал себе отчета, что во всем виноват только он сам. Вид у него был такой, словно он вот-вот заплачет. Но из транса его вывел Пол:

– Брось, Джон, не расстраивайся. Все равно они ушли бы. Все катилось к этому. А против Стюарта лично я ничего не имею, просто, с ним надо немного позаниматься. Да мы прямо сейчас на полчаса выйдем с ним в коридор и все будет о'кей...

Из какого-то необъяснимого упрямства Джон, несмотря на то, что пыл его уже прошел, глянул на Пола и процедил:

– Вот только ты, мальчик, помолчи. Я вообще не пойму, что ты за человек. У тебя мать умерла. Мать! А ты песенки поешь...

Пол побледнел, как мертвец. Никто не знал, как тяжело он переживал смерть матери. Но он видел, как трудно теперь Джиму МакКартни – одному, с двумя сыновьями. Порой им помогали сестры Джима – Милли и Джинни – приготовить обед, постирать, убратся в квартире... Но это была капля в море неустроенности. И Пол сумел взять себя в руки, сумел не показывать своих чувств никому... И вот его упрекнули в этом.

– Мы со Стюартом позанимаемся в коридоре, – повторил он изменившимся голосом. – А ты поработай с Джорджем. Может, он нам подойдет. Пошли, Стью.

Джон остался в комнате с новичком и барабанщиком.

– Значит ты, малютка, теперь наш главный гитарист? – усмехнулся Джон, разглядывая Харрисона. – Детский сад! Ладно, показывай, что умеешь, бери гитару.

– Гитару? – странно улыбаясь, переспросил мальчик. У Джона создалось впечатление, что тот никогда раньше не слышал этого слова. Даже молчун-барабанщик хохотнул и стукнул от удовольствия палочкой по тарелке.

– Гитару, малыш, гитару, – подчеркнуто ласково подтвердил Джон и прикрыл рот рукой, непритворно поражаясь тому, что видит. Потом протянул Джорджу инструмент и отчетливо произнес:

– Ты. На гитаре. Играть. Умеешь?

Джордж принял инструмент.

– На гитаре? Умею. Но лучше – на тамбурине. Или на ситаре. Мое внутреннее Я говорит мне, что в прошлом своем воплощении я жил на Тибете. Или был рыбой. Но это – без разницы.

Джон почувствовал, что начинает втягиваться в предлагаемый ему абсурд и потряс головой. А Джордж продолжал:

– Думаю, мы должны играть такую музыку...

И тут он неистово забренчал на одной струне какой-то варварский мотивчик, время от времени непонятно выкрикивая:

– Джаай Гуру-у Дэва Ом! Джаай Гуру-у Дэва Ом!..

У Джона глаза полезли на лоб.

– Стоп! – рявкнул он, и Джордж остановился. – Да-а, сюрпризик мне, однако, подсунил Пол... А что-нибудь попроще ты можешь? Что-нибудь общеизвестное.

Джордж кивнул и заиграл популярную пьесу «Raunchy»^[8].

«Неплохо», – подумал Джон, когда тот закончил. Но вслух сказал:

– Может быть, все-таки, рок-н-ролл попробуем?

– Рок-н-ролл? Попробуем, – согласился Джордж. По его лицу, вновь рябью пробежала нагло-неопределенная улыбка. – Собственно, это все – одно и то же... Если смотреть шире.

– Ну-ка, Джонни, – обратился Леннон к Норману, – сделай-ка бит. Да пожестче! Ту же песню, что сейчас играли. И-и, раз, два... раз, два, три, четыре!

И они заиграли вместе.

Внезапно звучание двух гитар и барабанов стало удивительно упругим. Джон искренне удивился. «У этого маленького придурка действительно есть чувство», – подумал он. Джордж играл просто, даже очень просто, топчась, порой, на трех нотах или даже многократно повторяя одну... Но он играл «вкусно». Это была «традиция» в том смысле, какой вкладывают в это слово музыканты.

На пороге появились Пол и Стюарт. Джон сделал им «большие глаза», кивая на Джорджа. Это можно было понять только как одобрение. Секунд пять Пол и Стюарт слушали, шлепая себя в такт ладонями по ляжкам, затем, переглянувшись, кинулись к своему единственному усилителю, поспешно воткнули в гитары шнуры и включились в игру.

И вновь, как иногда бывало и раньше, у Джона появилось ощущение полета, ощущение всемогущества. Но песенка, которую они сочинили с Полом, была совсем не об этом... Но имеет ли это значение? Джон шагнул к микрофону, закрыл глаза и запел:

«Семнадцать лет только ей,
Но нет красивей,

Так с кем еще мне танцевать, раз есть такая?..»^[9]

Они не имели в виду никого конкретно. Просто девчонка. Просто очень молодая, очень красивая и очень заводная. А тут вдруг Джон, не открывая глаз, явственно увидел перед собой бледное лицо Синтии, хотя с ней он никогда и не был на танцах. И вдруг понял, что она действительно безумно красива.

«...Боюсь, я не удержусь,
Боюсь, я влюблюсь...»

Он был ошарашен тем, как по-новому все это звучало. Он допел слова до конца и лишь тогда открыл глаза, продолжая исполнять проигрыш, в котором с абсолютно невозмутимым видом солировал новичок.

И тут раздался восторженный визг, и в комнату влетели девчонки – Синтия и две ее подружки, которых Джон раньше никогда не видел. Оказывается, они уже давно стояли под дверью и не заходили только потому, что боялись помешать. Но песня явно заканчивалась, и теперь они принялись лихо отплясывать в середине комнаты.

Джон в последний раз ударил по струнам, Норман – по тарелке, и гости снова завизжали.

– Это что-то! – кричала Синтия. – Джон, вы – лучшие! Такого я еще не слышала! Стью, ты самый классный! После Джона, конечно!

Она кинулась к Джону на шею и без стеснения расцеловала его. Только что он не узнавал свою музыку, а теперь он не узнавал и тихоню Синтию Пауэлл.

Ее подружки повисли на шеях у Пола и Джорджа. (Стюарта они постеснялись: уж слишком он был красив. У такого так просто на шее не повесишь...)

Пол разомлел. Девочка, обнимавшая его, была очень миленькой. Светлые волосы, пухленькие губки... «Доротти Роун», – жеманно представилась она. Пол попытался под шумок поцеловать ее, но она, смеясь, увернулась. Похоже, она была не прочь поиграть с ним в кошки-мышки.

А вот Джорджа скрутила здоровенная белобрысая девица на голову выше его и раза в полтора шире в плечах. Однако он стойко принимал удары судьбы, и на лице его была написана философская покорность.

...Но вот гости пришли в себя и отпустили мальчиков.

– Что ж, малютка, – обратился Джон к Джорджу, ладонью стирая помаду со своих щек и губ, – ты принят. Хотя, тебе и следовало бы сперва

чуть-чуть подрасти...

Белобрысая девица быстро закивала головой, подтверждая истинность слов Джона. А тот закончил:

– Но так и быть. Будешь пятым.

– Нет, – загадочно улыбаясь, покачал головой Джордж, – я буду третьим, только третьим.

– Не понял? – удивился Джон.

– Я всегда третий. Однажды, лет пяти, я спросил папашу Харольда, почему у меня никогда не бывает новых ботинок и костюмов, и он сказал мне: «Ты – третий, Джордж. Заруби себе это на носу».

Пол на миг представил добродушно-свирепую рожу Харрисона-старшего и подумал, что тоже, наверное, запомнил бы эти слова на всю жизнь.

– Да хоть десятый! – махнул рукой Джон. – Терпеть не могу спорить с детьми. Вечно у них какие-то фокусы. Давайте-ка, лучше повторим. Раз, два... Раз, два, три...

Но начать они не успели. В комнату вбежал запыхавшийся Пит Шоттон:

– Джон! Твоя мать!.. Ее сбила машина!

У Джона подкосились коленки, и он ухватился за колонку, чтобы не упасть.

– Где она?! Что с ней?!

– С ней... – Пит боялся продолжать. – Она... Я не знаю...

– Не ври, гад! – бросив гитару на пол, закричал Джон. – Она умерла, да?!

– Да, – выпалил Пит, и все замерли.

Дальше для Джона все стало походить на замедленное кино. Медленно-медленно Синтия обняла его, и лицо ее было печально, хотя Джулию она не видела ни разу в жизни.

Плавное, как показалось ему самому, Джон оттолкнул подругу, хрипло сказав: «Отойди от меня!» Он сделал шаг, еще... Обо что-то запнулся и упал...

Синтия хотела помочь ему, но он, не замечая ее, встал сам. И время вновь помчалось со своей обычной скоростью.

В дверях он оглянулся и бросил: «Вы все ее мизинца не стойте!» Синтия кинулась за ним. Она понимала, что он чувствует сейчас. У нее у самой год назад умер от рака отец.

– Как это случилось? – спросил Стюарт Пита.

– Она шла от тети Мими. Переходила через улицу. Это была полицейская машина, а шофер был пьяный...

– Сволочи... – сказал Стюарт.

...По домам ребята расходились молча. Девчонки рассосались как-то незаметно. (Здоровенную, как выяснилось, звали Филлис Мак'Кензи.) Норману и Джорджу было по дороге в одну сторону, а Полу и Стюарту – в другую. Питу Шоттону тоже было по пути с ними, но, во-первых, он недолюбливал Сатклиффа (Пол даже подозревал, что он ревнует его к Леннону), а, во-вторых, он решил отправиться сейчас в дом тети Мими. Он не мог оставить друга в такую минуту.

Пол понимал, что ему тоже следует пойти к Джону. Но не мог заставить себя. Он знал, что такое потерять мать, и боялся, что боль вернется. А Стюарт сказал, что сначала зайдет домой, на Гамбьер-Террас.

...Они шли по улице вдвоем. Вечерело, и в июньском воздухе, казалось, повисла какая-то недосказанность. Но Полу говорить не хотелось. И начал Стюарт:

– Помнишь, Пол, ты рассказывал, что твоя мать умерла, когда Джон взял тебя в команду?

– Ну, – подтвердил Пол, еще не понимая, к чему тот клонит.

– А сегодня ты привел Джорджа, – сказал Стю и многозначительно посмотрел на Пола.

Тот остановился.

– Ты рехнулся, Стю, – сказал он изменившимся голосом.

– Он ваш, Пол. Я сразу это понял. Только он заиграл, как будто бы ток включили...

– Да о чем ты говоришь, Стюарт? – С нарастающей неприязнью повысил голос Пол. – Как ты можешь?! Сейчас?!!

– Мир сопротивляется, Пол, понимаешь? Но вы не должны отступать!

Пол смотрел на него уже с откровенной ненавистью и чувствовал, как безотчетный ужас охватывает его.

– Ты псих, Стюарт! – крикнул он. – Просто псих! Я видеть тебя больше не хочу!

И он со всех ног кинулся к дому.

Гамбург. Последнее время в Германии вошли в моду английские группы.

Клуб «Индра»^[10]. В углу, на пяточке для музыкантов – ансамбль «Рори Сторм и Ураганы»^[11].

За ударной установкой – худой носатый парнишка с короткой реденькой бородкой.

– Эй, Ринго, а ну, покажи класс! – кричали ему англоязычные посетители. – Сыграй-ка нам Брамса: «Брамс! Брамс! Бах-бабах!» Разогретые пивком немцы требовали: «Шнеллер, шнеллер!»^[12]

На выкрики парнишка не обращал ни малейшего внимания. Чувство собственного достоинства у него было. Иногда оно даже мешало ему в работе: он всегда стучал так, как считал нужным он сам, а не руководитель группы, гитарист Рори Сторм.

Сыграв пару песен, «Ураганы» уселись за столик.

– Ну, «Властелин колец», что за сюрприз ты нам приготовил? – спросил Рори, хотя, конечно же прекрасно знал, в чем дело.

Сказочным именем Ринго иногда звали потому, что колеч и перстней на нем было больше, чем в ювелирной лавке. Это был его бзик. Да и его манера говорить напоминала хоббитскую.

Вот и сейчас, поднявшись и напыжившись от гордости, он залопотал:

– А ну, господа хорошие, споднимите-ка свои кружечки, выпейте-ка пивка пенного, да пожелайте мне здоровья отменного. Ибо, дружочки-приятели у меня сегодня – День рождения!

Все, разулыбавшись, подняли кружки.

Глотнув пива, Рори достал из кармана костюма поздравительную открытку и небольшую коробочку.

– Это тебе от нас, Ринго.

Поблагодарив, Ринго взял открытку двумя руками, поднес ее к самому носу и попытался прочесть:

– До... Доро... Дорогому... – Наконец осилил он. И этого ему было вполне достаточно. «Дорогому» – повторил он с умилением. Растроганно посмотрев на приятелей, он бережно сложил открытку, опустил ее в карман пиджака и потянулся за коробочкой.

Внутри лежал перстень с яйцеобразным камнем цвета бутылочного стекла.

– Ой! Это мне? – не поверил своим глазам Ринго.

– Коллекционная вещь! – похвалился Рори. – Ручная работа! Сейчас такого уже никто не делает! Только мы... – он осекся, но именинник ничего не заметил. Он уже сел и с вожделием погрузился в созерцание подарка.

Кольцо оказалось великоватым и легко соскальзывало с пальца. Ринго решил немедленно потолстеть и закричал:

– Пива! Пива! – и зачем-то добавил: – В кружках.

Затем вновь во все глаза уставился на камень. Он словно нырнул в его зеленоватые недра... Он ничего не видел и не слышал вокруг.

– Ну все, День рождения закончен, – заключил бас-гитарист и певец Лу Уолтерс. Он потряс именинника за плечо. – Эй, приятель, очнись!

– Ты, конечно, не из нашего мира и здесь только проездом, – вторил ему еще один урагановец – Ти Брайен, – но, отвлекись ты, в конце концов!

Ринго с сожалением закрыл коробочку, сунул подарок во внутренний карман и похлопал по нему, убеждаясь, что все на месте. Лишь после этого он демонстративно оглядел друзей, словно говоря: «Я здесь, с вами!»

– Это называется, помешательство на почве... на каменной почве, – констатировал Лу. – Добро пожаловать в наш мир, дружище! Вот и пиво подоспело!

– Что ж, вмочим по пивку, хрустнем по чипсам, вдарим по фисташкам! – согласился Ринго. – Спасибо вам за камешек. Камешек-то не простой... – Добавил он, хитровато прищурившись. – Показать?

– Нет, нет, – запротестовали урагановцы.

– Лучше скажи, Ринго, сколько тебе стукнуло? – переменял тему Рори.

– Куда стукнуло? – не понял Ринго.

– Да-а, тебя точно стукнуло... Я спрашиваю, сколько лет-то тебе, мужчина?

– Разве об этом спрашивают, – кокетливо ответил за Ринго Ти Брайен и коснулся ладонью колени Рори.

Когда народ отсмеялся, Ринго серьезно ответил:

– А почему не спрашивают? Девятнадцать.

Его заявление вызвало еще более громовой раскат хохота.

Обидевшись, Ринго вновь полез в карман за камнем, но Рори поторопился отвлечь его:

– Подожди. Да ты, оказывается старше нас всех! У тебя уже, наверное, песок из барабанов сыпется.

– Да это не из барабанов. Это из ботинок. Я сегодня на пляже был...

Музыканты переглянулись. Стало окончательно ясно, что говорить с ним стоит только серьезно. Осушив свою кружку, Ти Брайен задал вопрос,

который, пожалуй, тут хотел задать каждый:

– Я вот что думал у тебя спросить. Мы уже давно вместе играем, а такое впечатление, что ты какой-то другой, что ли... Не наш...

Ринго огляделся. И обнаружил, что все с любопытством ожидают его ответа.

– Да бросьте, – смутился он. – Я такой же как и все. Просто... – и тут он процитировал фразу, которую учил уже несколько дней: – ...для каждого индивидуума приемлем лишь, э-э... исконно субъективный алгоритм сублимации, м-м... чувственных идей...

Ти Брайен озадаченно посмотрел на него:

– Ну вот и я о том же... – протянул он.

Когда маленькому Ричарду Старки исполнилось три года, его родители разошлись. Ринго, услышав это слово, решил, что папа с мамой шли навстречу друг другу, но почему-то не встретились.

– Папа заблудился? – спрашивал он у матери.

– Наверное, – соглашалась миссис Элси.

– Ему холодно и одиноко?

– Не уверена, – отвечала мать, мягко уходя от дальнейшего обсуждения скользкой темы. Но Ринго принимался за новую, не менее для нее болезненную:

– А почему у меня нет ни сестренок, ни братишек?

– Об этом ты когда-нибудь спросишь у папы.

– Когда я стану папой, у меня будет целая куча братьев и сестер! И двоюродных и троюродных!

– Ладно, «папа». Спи, – говорила миссис Элси. – Давай-ка, я лучше расскажу тебе сказку...

– Про бабушку?

Сказка про бабушку матери изрядно поднадоела, но повторять ее приходилось вновь и вновь:

– Далеко, далеко, кварталах в трех от сюда, живет твоя бабушка. На самом деле она – принцесса. Но никто об этом не знает. Вокруг ее дворца раскинулась прекрасная дубовая роща, окруженная высокой железной оградой, огнем сверкающей на закате. В роще живут птички и белочки, они грызут орешки и поют песенки.

– Птички грызут, а белочки поют?

– Да, – согласилась мать, решив, что так даже интереснее. – И танцуют менуэт.

– А собачка у нее есть?

– Ну конечно. У собачки есть своей отдельный домик с ванночкой и туалетом, несколько больших комнат, гостиная с прекрасной мебелью и телевизор...

– Хочу к бабушке, – заявил Ринго. – Хочу быть собачкой.

Когда ему исполнилось десять, он отыскал свою сказочную бабушку. Оказалось, она живет совсем недалеко, в том же что и он районе Дингл, самом грязном в Ливерпуле. И она так же катастрофически бедна, как и все прочие его родственники.

Зато ее «дедушка-принц», оказавшийся портовым докером, очень подружился с мальчиком.

Это был настоящий пролетарий. Он пролетал во всех своих делах. Он был чудаком и большим оригиналом. Он был абсолютно необразован, но, чтобы это не бросалось в глаза, всякий раз вставлял в свою речь очередное «умное» словечко, услышанное по радио.

– Ну и молодежь сейчас, Ричард, говаривал он, потягивая дешевое виски. – Одни *шовинисты* кругом. Все хотят легких денег! А вот я люблю тяжелые – из серебра или из золота. Но не платят. *Шовинизм*, да и только! А ты в школу не ходишь! – Как всегда неожиданно сменил он тему. – *Шовинистом* хочешь стать?

– Да я болел, – оправдывался Ринго. (А болел он по три раза в год.)

– Это ты умеешь, – соглашался дед. – А слыхал, сынок, по радио говорили, что, мол, появились еще и эти... как их... *антишовинисты*, во как! Эти, небось, еще похлестче будут! Я не выдержал, даже стихотворение про это сочинил.

– Ты, что дедушка, поэт?

– Сам ты – поэт... Поэты все – *шовинисты*, у них печатные машинки есть! А я – *трибун*. Слыхал про *трибунов*? Так-то. Ну, слушай. – И, сделав большой глоток, дед прочел:

«Есть у меня одна мечта,
Она проста и неказиста:
Чтобы нигде и никогда
Не видеть *антишовиниста*».

– Ну как?

– Душевно, дед.

– Слушай дальше.

«Есть у меня друга мечта
Она опять же неказиста:
Чтобы нигде и никогда
Не встретить даже *шовиниста*».

– Да-а, – Ринго восхищенно смотрел на деда. – А я скоро тоже кем-нибудь стану. Вот увидишь, кем-нибудь великим. Например, в оркестре буду играть. Первую скрипку.

– Да ведь ты скрипку-то и в руках не держал!

– Ну и что?! Я уже на барабанах почти научился!

– На барабанах только *шовинисты* стучат! А первая скрипка, это, брат, совсем другое. Первым, брат, стать не просто. – Он оценивающе оглядел внука, и, не найдя ничего великого в его тщедушном теле и носатом лице, сказал сокрушенно, но честно:

– Нет, сынок. Первым – не будешь.

– А вторым?

– Никогда.

– Ну, а третьим?

– Ни за что! – разошелся дед и даже ударил кулаком по столу. – Долой *шовинизм*!

– И что, даже четвертым? – чуть не плакал Ринго.

– Ну ладно, Бог с тобой. Будешь, – смиловившись дед. – Четвертым – будешь...

– Очнись, Ринго! Где ты опять витаешь?!

Ринго встрепенулся и его мечтательные голубые глаза стали осмысленными:

– Да так, друзья-приятели, вспомнил кой-чего...

– Штейт ауф!^[13] – рявкнул уже изрядно захмелевший Ти Брайен. – Немецкий народ требует песен!

– У друга хозяина сегодня дочь родилась, – пояснил Рори. – И он платит пятнадцать марок за то, чтобы мы исполнили песню «Фогель Кляйн, Фогель Майн»^[14].

– Это еще что? – испугался Ринго.

– Это значит «Моя маленькая птичка».

– Это тебе не Англия, – влез Лу. – Это у нас птицы летают. А тут, выйдешь на улицу, в небе – фогели. Так и шныряют, туда-сюда...

– На немецком будете петь? – спросил Ринго.

– Само собой! – подтвердил Лу. Он был вторым вокалистом и лез к микрофону при любой возможности.

– Но ведь ты не знаешь немецкого-то.

– А ты глянь на них...

Ринго осмотрелся. Пьяные матросы вповалку валялись на столах и между ними.

– Так что будь спокоен, – заверил Лу. – Фогель будет – аллес гут^[15]. Ты только стучи погромче.

Объявив, что в семье у Генриха Обермайера сегодня – прибавление, Лу Уолтерс запел непонятные слова, а Ринго стал молотить так, чтобы никто их не расслышал. Большинство посетителей проснулись и, глядя на сцену мутными глазами, принялись хлопать в ладоши...

Пятнадцать марок «Ураганы» получили. Растроганный Обермайер сказал:

– Это конечно не та песня. Но барабанщик у вас – что надо...

Первую ударную установку Ринго купил сам, когда ему исполнилось тринадцать лет. В кредит, за сто фунтов. Правда, первый взнос – половину суммы – сделал за него дед. «Пусть колотит, чертов балбес, раз уж ему так хочется», – сказал он матери Ринго. Но за несколько недель он так достал мать грохотом, что та устроила ему небольшой скандал:

– Ты растешь бездельником! Нигде не работаешь и не учишься! А теперь еще и этот кошмар!

– Не волнуйся, крошка, – как всегда вступился за него отчим, Гарри. Он работал художником-оформителем, и сам увлекался скиффл. – Ричи растет смышленным пареньком.

– Как же, смышленным! Он и читать-то как следует не умеет!

– Ну и что? – с завидной последовательностью сказал Гарри. – Научится. Я, например, тоже не очень-то читаю. А ну-ка дайте мне газету, я вам сейчас покажу.

Он так долго и нудно мусолил одно предложение, что даже Ринго стало за него стыдно.

Миссис Элси хотела было обрушить свой гнев и на мужа, но, увидев, какое в ее семье царит взаимопонимание между мужчинами, она укротила свой пыл. В конце концов, главное – крепкая семья, считала она, наученная горьким жизненным опытом.

– Ладно, – махнула она рукой. – Только пусть он шумит не так громко.

– Ты можешь шуметь не так громко? – с притворной строгостью

нахмутив брови, спросил Гарри пасынка.

– Я буду шуметь тихо, – пообещал Ринго.

Но выполнить свое обещание ему не удалось. Уже на следующий день он не мог шуметь вообще – ни громко, ни тихо. В какой уже раз он слег в больницу «Хесуолл». Аппендицит, воспаление легких, желтуха, свинка – все эти простенькие и кратковременные недуги уже не устраивали его честолюбивый организм. На сей раз Ринго провалялся в больнице без малого два года.

– Плеврит, – складывая в футляр стетоскоп, поставил диагноз мрачный доктор, когда скорая помощь доставила Ринго в госпиталь с температурой близкой к критической. – Шум трения плевры при аускультации слышен более чем явственно...

Миссис Элси зажала рот рукой и пошатнулась.

– Мальчик будет жить? – спросил Гарри о главном.

– Не беспокойтесь, мы еще на его свадьбе погуляем...

– Нет, нет! – вскричал Ринго в горячечном бреду. – Не надо мне врачей на свадьбу!

– Не обижайтесь доктор, – смутилась миссис Элси, – он бредит. Мы конечно же пригласим вас на его свадьбу.

– Малышка, – вмешался Гарри, обнимая жену за плечи, – не рановато ли об этом?

– Да-да, конечно, – добавил врач, закатывая рукава. – Сначала нужно сбить температуру.

Гарри поспешил увести жену из палаты.

В короткие промежутки между болезнями Ринго учился играть на барабанах. Сходить в свою школу «Сент Силас» он уже не успевал.

«Песнь о фогеле» была повторена на бис. После чего «Ураганы» вновь вернулись за столик.

– Сегодня был тяжелый день, – сообщил Рори. – У нас есть масса причин не пить. Но еще больше причин – надраться до зеленых соплей.

– Мудро, – согласился Лу. – Эй, Властелин колец, бери кружку! За твой День рождения!

Ринго оторвал взгляд от зеленого камня и посмотрел на друзей невидящим взором.

– Что?

– Пива хочешь?

– Какого пива?

– Не-мец-ко-го! – произнес Ти Брайен по слогам. – Есть немцы. Они варят пиво. Потом они пьют его. Мы тоже его пьем. А ты?

Ринго восторгнулся и поспешно опустил подарок в карман:

– Ой, что это со мной, дружочки мои, приятели? Мне пивка предлагают, а я сижу, ушами хлопаю. – Расчувствовавшись, он поднялся, держа кружку в руках, – я вам сейчас даже стихотворение прочту! – и декламировал внезапный экспромт:

«Есть у меня одна мечта,
Она проста и неказиста:
Была чтоб кружка не пуста
А пиво было б в ней игристо».

Лу поперхнулся. Прокашлявшись, подмигнул остальным:

– Зато барабанщик он – ничего...

– Ур-ра!!! – поддержали остальные и чокнулись.

После пяти кружек усталость отошла на задний план. А еще после пяти – Лу уснул, положив голову на плечо Брайену, а тот что-то тихонько шептал ему на ухо.

Ринго и Рори были чуть трезвее.

– Родители-то поздравили? – спросил Рори, отхлебывая.

– Еще бы! Письмецо прислали.

– Вот за это и выпьем.

– Точно!

И они выпили.

– Как дома дела-то? – продолжил расспросы Рори.

– Нормально. Гарри – мужик что надо. Глупый правда. Почти как я.

Рори громко захохотал и упал со стула. Ринго, не обратив на это внимания, продолжил:

– Если б не Гарри, я бы никогда и барабанщиком не стал бы...

– А я вот думаю, хватит уже ерундой заниматься, – поднявшись, разоткровенничался Рори. – Вернемся в Ливерпуль, устроюсь шофером на почту.

– А возьмут?

– А не возьмут, поеду обратно сюда, песни играть. Про фогелей. А ты?

– А я... – Ринго посмотрел на него ослепевшими глазами. – Я – как жил, так и буду жить. На барабанах буду стучать. Самое по мне дело. А если разбогатею, женюсь на парикмахерше.

– Почему на парикмахерше? – удивился Рори и зачем-то погрозил Ринго пальцем.

– От них так приятно пахнет, – объяснил тот. – И стричься я страсть как люблю.

– Чего ж ты такие патлы носишь, чудик носатый?

– Да денег жалко... Теперь, к тому же, так даже модно, говорят... Но я еще постригусь. Как пить дать, постригусь! Все впереди, братцы! И любовь, и слава, и богатство!

Оглядевшись вокруг со счастливой улыбкой на лице, он добавил:

– И прически!

Сказав это, он мечтательно прикрыл глаза.

Храпел он почти так же громко и виртуозно, как стучал на барабанах.

Даже надев очки, Синтия не обнаружила Джона возле себя. И отправилась на поиски. Обычно, проснувшись вот так, в одиночестве, она сразу узнавала, где Джон по звукам гитары. Но сейчас в квартире стояла непривычная тишина. Она нашла его на кухне, в клубах табачного дыма. Он сидел на стуле, по-турецки сложив ноги, и грыз карандаш.

Из одежды на Джоне были только очки.

Синтия на цыпочках подкралась к нему сзади и, обняв за плечи, одновременно мурлыкнула на ухо:

– Попался!..

Джон подпрыгнул от неожиданности.

– Что это? – Синтия указала на бумажку. – Новая песня?

– Нет, – помотал головой Джон, – песню я уже написал. А это – так...

Что-то в голову лезло...

– Прочти, – попросила она и присела рядом.

– Сейчас, только оденусь... – пообещал Джон, поймав ее взгляд.

Воспользовавшись тем, что миссис Пауэлл уехала за границу, они обосновались в доме Синтии в Хойлейке, шикарном предместье на берегу Мерси^[16], и стали жить вместе. Но они все еще стеснялись наготы вне постели.

Синтия остановила его:

– Не надо, я лучше очки сниму. Вот, – она близоруко прищурилась, – я тебя совсем не вижу. Ну давай, читай, – она нетерпеливо заерзала на стуле и потерлась щекой о его плечо.

– Ладно. Это называется «Пес-борец». Слушай.

«В привеселом царстве-государстве, за морями дальними, за холмами да за пальмами жили *да жевали* граждане и горожанки, горожане и гражданки. И было их, если верить, несметная рать – тридцать девять!

И вот наступило время урожая. Что и отметили, не возражая. Песни плясали, горя не знали, пляски пели, пили да ели. Короче, на всю кукушку да на морскую ракушку!

А господину Пэрри в этот день в полной мере полагался сюрприз. (Это был не каприз. А *трамбция*.)

И вот Пэрри распахивает *дверри*, и все тут видят, глазам не

веря, – не говорящего кита и не хитрящего кота, и даже не усатого скворца, а настоящего пса-борца!!!

Ну? Кто схватится с эдаким чудищем?! Хоть борьба и не драка, но борец-то – собака!»

Джон замолк.

– А дальше? – попросила Синтия.

– Что же может быть дальше?! – удивился Джон. – Тут ВСЁ написано!

«Вот так бредятина!» – подумала Синтия. Но вслух сказала:

– Да, конечно. Но хотелось еще. Ты – гений, Джон. Я всегда это знала.

Он подозрительно посмотрел на подругу, но, не обнаружив в беззащитной серости ее глаз ни тени иронии, успокоился. И спросил:

– Ты чего это не спишь?

– А ты?

– Ну, я... я... работаю.

– А я спала. Проснулась, тебя нет. И сразу соскучилась.

Джон взъерошил ее светлые волосы.

– Ладно, девочка, – сказал он, – пойдем спать.

– Спать? – разочарованно переспросила та.

Джон засмеялся.

– Ладно. Как получится...

Синтия проснулась только в два часа дня. Сегодня – воскресенье, и можно никуда не спешить. Несколько минут она лежала не двигаясь, задумчиво разглядывая потолок. Но вот она заметила, что глаза открыл и Джон.

– И все-таки, милый, – спросила она без предисловий, – я не пойму: в каких мы с тобой отношениях?

– В дружеских, – не моргнув и глазом, ответил Джон, перевернулся на бок и обнял ее.

– Ясно, – покивала она. – И это значит, что когда приедет мама, мы снова будем жить отдельно. Так? Снова, как дети, будем прятаться от «взрослых», узнавать, у кого из твоих друзей сегодня пустая квартира и брать ключи? На час... Мне это так надоело!

Джон рывком уселся на постели.

– Говори уж прямо! Ты намекаешь на то, что я должен на тебе жениться?! – спросил он с такой интонацией, словно уличил ее в тягчайшем преступлении.

– Да нет, я не о том, – пошла на попятные Синтия, хотя, конечно же,

имела в виду именно это.

«Дружеские отношения» между ними начались месяц назад, когда Синтия, Филлис Мак'Кензи, Джон и еще несколько ребят отправились в кафе «Йе Крейк» отметить конец семестра. Денег не оказалось ни у кого, кроме Синтии, и она купила всем пива. Джон все время подначивал ее. Если кто-то выражался крепко, он увещевал: «Не выражайтесь так при мисс Пауэлл, разве вы не знаете, что она – монахиня?..»

И в тот же вечер в однокомнатной квартире-студии Стюарта на Гамбьер-Террас, после ужина из рыбы и картошки, разложенных на газете, он взял ее – на грязном матрасе, брошенном на пол среди банок с краской.

Она любила Джона вместе со всеми его комплексами, вместе с его желанием перещеголять всех, всегда и во всем.

Я скромный, скромный, скромный
Застенчивый насквозь,
Я словно пес бездомный,
Что вынь, отрежь и брось.

Такой я от макушки
И аж до самых пят.
В округе все подружки
Об этом говорят...

Это был ее любимый и очень показательный стишок Джона. И она не сердилась на него даже тогда, когда он, выскочив из постели в самый ответственный момент, хватал гитару и принимался набрасывать новую мелодию. Не раньше и не позже.

Иногда он бывал нежным и послушным, как ребенок. И тогда ему даже нравилось, если она тихонько журила его. Она словно восполняла дефицит материнской опеки, которой он недополучил в детстве...

Но иногда он являлся за полночь, а иногда и пьяный. И тогда он был ужасен. Тогда, если Синтия позволяла себе сделать ему хоть одно самое незначительное замечание, он взрывался потоком брани и, закончив чем-нибудь вроде – «Заткнись, дура!..», не разуваясь, заваливался спать.

После подобных выходов он не оправдывался и по утрам заявлял: «Я – музыкант. Меня не переделаешь. Я – или такой, или никакой. Выбирай...»

Синтия уже давно выбрала первое.

– Нельзя будет жить у тебя, – продолжал разговор Джон, – будем жить у меня.

– Не думаю, что твоя тетя очень обрадуется... – заметила Синтия.

С минуту они лежали молча. Вдруг Джон, мельком скользнув по ее лицу лукавыми взглядом, соскочил на пол:

– Мы спросим это у нее. И прямо сейчас. Одевайся!

– Что ты опять придумал, Джон? – испугалась Синтия. Ей вовсе не хотелось разборок с его тетушкой.

– Ничего особенного, – ответил он, натягивая штаны. – Я просто соскучился по тете. Если ты не хочешь, можешь, конечно, со мной и не ходить...

«Все ясно, – поняла Синтия его коварный замысел. – Зная мою стеснительность, он таким образом решил сейчас смыться от меня. А пойдет, конечно же, не домой, а к друзьям. И назад явится снова за полночь. И под мухой... Ну уж нет! Не тут-то было!»

– Что ж, – сказала она, энергично вскакивая с постели и застегивая бюстгальтер, – к тете, так к тете! Ты столько мне о ней рассказывал, было бы свинством не познакомиться с ней. Все, – закончила она, натянув кофточку, – я готова.

Джон в недоумении уставился на подругу. Такой прыти он от нее не ожидал. Но делать было нечего, и они вдвоем отправились к тете Мими.

На улице было прохладно. Булыжную мостовую лакировал мелкий дождик, приклеивая к камням декоративные дубовые листья. Весь путь они прошли молча. Погода полностью соответствовала настроению Джона.

Живя у Синтии, он лишь несколько раз удосужился позвонить домой, чтобы сообщить о том, что он существует. После смерти мужа тетя стала еще более ревностно относиться к своим обязанностям воспитателя. И теперь Джон ожидал всего, что угодно: скандала, слез, брани... Или самого страшного наказания его детства – полного пренебрежения...

– Мим, это – Синтия, – представил он, беспокойно теребя пуговицу рубахи. – Синтия, это тетя Мими. – Он сделал глубокий нервный вдох и приготовился.

Тетя Мими всплеснула руками и радостным криком воззвала к гостившей у нее соседке, миссис Фрос:

– Роберта! Роберта! Скорее сюда! Посмотри, кто к нам пришел! У нас в гостях – Синтия! Да, да, та самая, о которой Джон так много нам рассказывал! Ах, был бы жив Джордж, как бы он сегодня поразился, – и

тетя украдкой смахнула слезинку.

Синтия с благодарностью глянула на Джона. Она и не ожидала такого теплого приема. А у того просто отвисла челюсть. Ни разу, ни словом не обмолвился он тете о своей подруге...

Толстушка Роберта Фрос скатилась со второго этажа и с распростертыми объятиями двинулся к госте.

Нитка лопнула, и пуговица оторвавшись от рубахи Джона упала на пол. Но ему было не до того.

«Это заговор! – понял он. – Заговор! Заговор!! Заговор!!!»

Еще через несколько минут они вчетвером сидели за столом гостинной, пили чай, и представительницы женского пола вели между собой оживленнейшую беседу.

– А еще он очень легко простужается, – с озабоченной улыбкой ворковала тетя. – Стоит ему посидеть возле открытой форточки, пожалуйста: насморк на целый месяц! Я не успеваю стирать его носовые платки...

– Мим! – смущенно попытался осадить ее Джон.

– В чем дело, разлюбезный? – отозвалась тетя. – Ты хочешь, чтобы я рассказывала о тебе только милые сказочки? Ну уж нет. Синтия должна знать, что ее ожидает.

– Он такой талантливый! – заметила та, с любопытством разглядывала тетю.

– Возможно, дорогая, возможно. Если бы он всерьез занялся живописью и графикой, он, наверное, добился бы немалых успехов. В рекламе, например. Но в колледже жалуются, что он пропускает занятия, что он грубит учителям и не проявляет должного прилежания. Если дело так пойдет и дальше, из него ничего не получится. Он даже не сможет просто прокормить свою будущую семью... Может быть ты, милочка, сумеешь повлиять на него положительно?

– Я постараюсь, – кивнула Синтия, но тетя Мими продолжала, не слушая ее: – А все этот ужасный рок-н-ролл! Он гремит на своей гитаре день и ночь! Разве от этого может быть хоть какой-то толк?

– О, тетя! – вскричал Джон страдальчески. – Ты ничего не понимаешь! А мы, между прочим, уже записали свою первую пластинку! И те, кто ее слушал, говорят, что это – шедевр!

– Пластинка – это кое-что, – одобрительно заметила миссис Фрос. – Мои девочки, например, очень любят пластинки. И какой у нее тираж? – Она задал этот вопрос из самых добрых побуждений...

– Маленький, – признался Джон.

- Ну, сколько? – не унималась та.
- Штук так... штук, примерно...
- Один экземпляр, – ответила за него Синтия, не скрывая сарказма.

Джон тихонько застонал и пнул подругу под столом.

Тетя Мими, которая в этот момент пошла на кухню за вареньем, замерла посередине гостиной со вздетым к небу пальцем и произнесла свое историческое пророчество:

– Гитара – это хорошо, как хобби, Джон, но с ней ты на жизнь не заработаешь!

Вернувшись с вареньем, тетя продолжила:

– Когда ты наконец повзрослеешь? А ведь скоро тебе придется заботиться не только о себе! – она многозначительно посмотрела на Синтию.

Раздался звонок в дверь, и Джон, обрадованный возможностью не отвечать, помчался в прихожую.

Это был Пол.

– Все идет как по маслу! – закричал он с порога.

Договорить ему Джон не дал. Схватив за руку, Джон потащил его наверх, в свою комнату, пихнул в кресло, а сам рухнул рядом – на диван с розовым кружевным покрывалом.

– Все идет как по маслу, – неуверенно повторил Пол, приглядываясь к другу. – Нашу пластинку слушал Ларри Парнс, и он пригласил нас в турне по Шотландии.

– О, Пол! – схватившись за голову, простонал Джон с таким видом, будто его прихватил приступ зубной боли, – до Шотландии ли мне сейчас? Меня хотят женить! Это заговор!

Пол взвился:

– Не сдавайся, Джон! – вскричал он в порыве негодования. – Ни за что! Если ты женишься, как же мы тогда поедем?

Мысль о том, что в Шотландию иногда ездят и женатые люди, как-то не приходила им в головы, и решение было однозначным: никаких браков! Долой ночной беспредел кривляющихся-бумствующих Оле Лукойев!

У Джона моментально отлегло от сердца. В конце концов, насильно его никто не женит, Синтия не беременна, это он знал точно. Не хотелось, конечно, и обижать ее. Но он быстро согласился с одним из главных доводов Пола: «Если она тебя любит, Джон, она все поймет и будет ждать тебя сколько угодно... А если не любит, то зачем тебе все это надо?..»

Друзья легко переключились на более интересную для них тему.

... – Правда, мы поедem не как самостоятельная команда, а будем аккомпанировать...

– Кому? – помрачнел Джон.

Пол опасливо покосился на него, но делать было нечего.

– Джонни Джентлу.

Под Ленноном как будто взорвалась пачка динамита.

– Что?! – завопил он, слетев с дивана, и лихорадочно забежал по комнате. – Этому придурку?! Да я пою в сто раз лучше его! – он в грозной позе остановился перед Полом. – Ты с ума сошел!

– Да я-то здесь при чем? – стал оправдываться тот. – Ларри искал именно аккомпаниаторов на гастроли Джентла. Он устроил конкурс, и выиграла наша запись...

Эти слова бальзамом пролились на уязвленную душу Джона.

– А кого Ларри еще слушал? – спросил он, садясь на диван.

– «Дерри и Сеньоров», «Рори Сторма и Ураганов», «Касса и Казанов»... Он прослушивал их живьем, в «Голубом Ангеле»^[17].

– И выиграли мы?! – глаза Джона округлились. Пол перечислял названия лучших ливерпульских групп!

– Выиграли! – подтвердил Пол гордо. Но против истины идти не смог и добавил: – Я согласился на оплату в два раза ниже остальных...

– Ах так! – Джон, которому сразу стало все ясно, снова растянулся на диване. – В таком случае, я никуда не еду.

– Тогда ты женишься, – напомнил Пол.

– Шантажист! – простонал Джон. – Авантюрист! Интриган проклятый! Ладно. А с остальными ты разговаривал?

– Джордж – за.

– И папочка с мамочкой отпускают малютку одного?

– Он говорит, они и не заметят... А на барабанах будет стучать Томми Мур. Знаешь такого? Он работает грузчиком на заводе по производству бутылок Гарстона.

– Да. Знаю. Стучит-то он ничего... Но он же старый, ему двадцать пять!

– Других свободных барабанщиков в городе нет. А ты видел ударника «Ураганов»?! – в голосе Пола прозвучало восхищение. – Его зовут Ринго...

– Не обращал внимания, – отмахнулся Джон. – А со Стюартом ты разговаривал?

Пол замялся.

– Знаешь, Джон... Я думаю... Может, не стоит с ним разговаривать...

– Это еще почему? – спросил Джон с нескрываемой угрозой.

Пол взял его за руку и произнес как мог проникновеннее:

– Джон. Ну, Джон! Я знаю, что он твой лучший друг... Надо поберечь его. И он не бас-гитарист...

– Да?! – вскричал Леннон, выдергивая пальцы из ладони Пола и садясь. – А кто бас-гитарист? Может, ты? А?!..

– Нет, я – не бас-гитарист, – убежденно ответил Пол. – Но я и не играю на бас-гитаре... И Стью не играет, а только делает вид! Будь справедлив, признай, у него нет никаких способностей к музыке...

– А к живописи? – спросил Джон неожиданно вкрадчиво.

Пол удивился, при чем здесь живопись, но, чувствуя какой-то подвох, решил быть осторожным:

– Если честно, по-моему, тоже... Та картина, которую он месяц назад показывал нам...

– Которую он нес на конкурс в «Галерею»? – уточнил Джон, довольный, что разговор двинулся как раз в нужном ему русле.

– Да-да-да, – подтвердил Пол. – Так вот, Джон. Только не говори об этом Стью, а то он обидится... Но, я думаю, это просто кошмарная мазня! Я мало что понимаю в картинах, но жюри конкурса, по-моему, просто выкинет ее на помойку...

Джон покивал, выдерживая паузу. Потом снял очки, протер их краем рубашки и вновь одел... Внимательно посмотрел на Пола и, наконец, заговорил:

– Ты не справедлив к себе, мальчик. У тебя прекрасное эстетическое чутье. Как в живописи, так и в музыке. Так вот, Пол, – усмехнулся он, передразнивая интонации собеседника. – Только не говори об этом Стью. Но он стал лауреатом этого конкурса и получил премию – шестьдесят пять фунтов!

Пол присвистнул.

– Столько ты, друг мой Бетховен, на своей музыке еще не заработал и за все время... Между прочим, на эти деньги Стью покупает настоящий бас. «Хоффнер Президент».

Все. Последнее сообщение просто размазало Пола по стенке, сделало абсолютно бессмысленными все его претензии. Но тот и не расстраивался по этому поводу. Наоборот, вскочив, он запрыгал по комнате:

– У нас будет настоящий бас! Самый пренастоящий бас!

– Да! – поддержал его Джон в эйфории от того, как блестяще он провел защиту казалось бы безнадежного дела подсудимого Сатклиффа. – Бас будет!

В этот миг дверь его комнаты отворилась, и в нее заглянула Синтия. –

А свадьбы – не будет! – рявкнул Джон и помахал пальцем у нее перед носом.

Из уважения и доверия к Стюарту директор художественного колледжа позволил ребятам взять в поездку принадлежащую этому учебному заведению аппаратуру.

Сидя на колонках в актовом зале колледжа они ожидали автофургон. Тот самый, в котором, собранной пройдохой Ларри Парнсом труппе, предстояло в течении пятнадцати дней колесить по северо-восточному побережью Шотландии – Экоссу.

Ларри поставил обязательное условие: музыканты должны быть в одинаковых костюмах. Но ничего одинакового, кроме школьной формы у них не нашлось.

Взвинченное настроение находило выход в том, как они восхищались купленной Стюартом гитарой. Она была черной с белой пластиковой передней панелью, и это прекрасно сочеталось с их черными брючками и белыми рубашками.

Не меньшее уважение вызывала и ударная установка Томми Мура. Но это была «чужая» установка... А бас был «свой»! Он переходил из рук в руки, и они по очереди вставляли с ним в эффектные позы.

Среди прочей болтовни всплыл и вопрос о названии.

– Слушайте, – предложил Стюарт, – может быть, хватит уже нам называться так по-идиотски? Ведь никого из «Куорри Бенк Скул» среди нас уже давно нет.

– Это точно! – подхватил Джон. – Название надо новое. Только какое?

– Давайте, назовемся «Ливерпульские звезды», – предложил Пол мечтательно, но Сатклифф сморщился, словно откусил лимон, а остальные засмеялись и заулюлюкали.

– Да-а, мальчик, – протянул Джон. – С таким названием не рок-н-ролл играть, а опереточные арии петь. В доме для престарелых.

– Придумайте лучше, – обиделся Пол и стал с безразличным видом терзать бас-гитару Стью.

– «Большой Джон и Морские Волки» – изрек Леннон, не страдающий избытком скромности.

– Не «большой», а «длинный», – заметил великовозрастный Томми Мур, ревниво относящийся к статусу самого взрослого из них.

– Но почему «Морские Волки»? – оторопел Стюарт.

– Красиво, – объяснил Джон. – И вы все оденете тельняшки.

– Но сейчас у нас нет тельняшек, – мстительно заметил Пол, не

выдержав. – Белые рубашки и «Морские волки» как-то, между прочим, не сочетаются...

Тут, внезапно выйдя из медитативного оцепенения, подал голос Джордж:

– Тогда – «Лунные собаки».

– О, нет! – возвел глаза к небу Джон. – Этот бойскаут сведет меня в могилу...

– А что? – заступился Стюарт. – Как минимум, оригинально. Только лучше уж не «лунные», а «серебряные». – И он объявил, подражая интонациям эстрадного конференсье. – Итак, леди и джентельмены, сейчас для вас будут выть знаменитые ливерпульские «Серебряные...»

– «...козявки», – все так же отрешенно закончил за него Джордж.

Стью осекся.

– Козявки? – переспросил он. – Почему козявки? Если ты это о себе, то, возможно, ты и прав...

– Классно, Стью! – с горящими от возбуждения глазами перебил его Джон. – «Жуки»! И к черту «серебрянные». «Жуки», и все тут! «Beetles». Хотя нет, лучше через «Эй», от слова «бит»! Да! – он огляделся с видом человека, внимающего глас свыше. – Открою вам. Как-то привиделся мне человек, который вышел из объятого пламенем пирога и сказал: «Отныне имя вам – „Beatles“, и писаться это будет через „Эй“!..

Все довольно заржали. Странный юмор Джона всегда имел успех в этой странной компании.

Магические слова «турне» и «гастроли» заставляли работать фантазию Пола в самом романтическом направлении. На деле, однако, все оказалось вовсе не так мило, как рисовалось его разгоряченному воображению.

Выяснилось, что выступать им предстоит на самых захудалых площадках региона. Слякоть не позволяла играть на открытых сценах, зато в наскоро прибранных амбарах или, в лучшем случае, в грязных кабаках – вполне.

Певец Джонни Джентл сам вел автофургон по ухабам загородного шоссе, кляня при этом все и вся: музыку, музыкантов, Британию, королеву, Ларри Парнса, погоду и себя самого за то, что ввязался в это сомнительное предприятие.

Если бы он знал поименно всех жителей Шотландии, он не премянул бы разъяснить, каким странным способом каждый из них появился на белый свет...

Первое приключение случилось в первый же вечер.

Прибыв в Стонхейвен, пустынный городишко населением в несколько тысяч человек, и выяснив, что завтра им предстоит играть в ресторане «Вереск и Хмель», гастролеры расположились на отдых в двух комнатах дешевой двухэтажной гостиницы. «Старшие» – Парнс, Джентл и Том устроились в одной комнате, остальные – в другой.

Джордж мучил гитару, а Джон, Стю и Пол валялись на кроватях, рассуждая о прелестях вольной жизни бродячих музыкантов, когда из-за тоненькой стенки раздались пьяные песнопения. Друзья переглянулись. А чем хуже они? В конце концов, они впервые, и не без боя, вместе вырвались из-под опеки родственников. Они участники настоящего турне!

Джон и Стю, выглядевшие постарше, сбегали на первый этаж и в малюсеньком пустом гостиничном баре купили бутылку виски (конечно же шотландского) и несколько бутылок пива.

Не прошло и получаса, как Джон заявил, что без женщины он сегодня ложиться спать не намерен.

– Брось, Джон, – попытался урезонить его Пол, – нас же тут четверо...

– Значит, найдем четырех, – не унимался Джон и тут же, спохватившись, продолжил с язвительными нотками в голосе: – Ах, да, мистер Маккартни, я и забыл, что вы у нас – девственник... Но мы это немедленно исправим. А, Стю?

– Предлагаю сегодняшнюю ночь посвятить именно этой благородной цели, – согласился Стюарт. – Пока в нашей комнате есть девственник, лично я не чувствую себя в полной безопасности...

– Я встречаюсь с Дороти Роун, – возразил было Пол, но Джон перебил его:

– В том-то и дело, что только «встречаешься»! Но, ничего, сегодня мы найдем для тебя такую красотку, – хлопнул он беднягу Пола по плечу, – пальчики оближешь!

– Есть же еще Джордж, – снова попытался отвертеться тот, но вышло у него это как-то жеманно. Сердце его трепетало. Он был одновременно и смущен и заинтригован.

– Джордж – дитя, – рассудительно произнес Стюарт, – он – не в счет...

– К тому же у моей сумасшедшей сестренки есть не менее сумасшедшие подружки, – печально качая головой, сказал Джордж, тихонько перебирая струны.

Все уставились на него.

– Хочешь сказать, что у тебя уже была женщина? – потрясенно спросил Джон.

– В душе я всегда буду девственником, – все так меланхолически ответил Джордж.

– Та-ак, – протянул Стю, – ну уж теперь-то, Пол, ты просто обязан...

– Подъем! – заорал Джон, и все вскочили. – Ты остаешься смотреть за вещами, – ткнул он пальцем в Джорджа. – Пожелай нам счастливой охоты.

И хмельная троица с девственником посередине, пошатываясь, вывалилась в промозглую шотландскую ночь.

Возле входа в гостиницу, в нескольких шагах от себя, они увидели идущую им навстречу седовласую старушку.

– Пол! – шепнул Джон, остановившись. – Это как раз для тебя!

– Но она же мне в бабушки годится! – запротестовал тот.

– Девственник не может знать о своих наклонностях все, – возразил Стюарт. – Кто знает, может быть ты еще не распустившийся геронтофил?

– Это что, цветок? – подозрительно спросил Пол.

– Нет, Пол, это дяденька, который любит бабушек, – пояснил Джон.

– Запомни, малыш, – назидательно сказал Стюарт, – для геронтофила главное прямо в процессе не стать некрофилом.

Они с Джоном прыснули, а Пол поежился. Старушка в этот миг как раз поравнялась с ними.

– Мадам, – обратился к ней Джон. Пол попытался вырваться, но друзья крепко держали его за локти. – Мадам! Простите за нескромность. Но я прошу вас ответить нам. Как вы находите этого юношу?

Пожилая женщина нацепила на нос пенсне, внимательно оглядела их всех по очереди и ответила:

– Я нахожу его намного более симпатичным и воспитанным, нежели парочка оболтусов по бокам.

– Это твой шанс! – восхищенно шепнул Стю Полу в ухо, но как раз в этот момент тот дернулся так, что сумел вырваться и опрометью кинулся в темноту переулка.

Хохоча, как безумные, они бежали за ним два квартала, пока не нагнали шагов за десять от ярко освещенного пятачка у входа в какое-то питейное заведение.

– Отстаньте, идиоты! – закричал Пол, когда они снова вцепились в него.

– Ну, Пол, перестань, мы же шутим, – пошел на мировую Джон. – За кого ты нас принимаешь?

И тут их обогнали три женские фигуры. Девицы в клетчатых юбках жались под одним зонтом и явно направлялись в кабачок.

– Вот! – возбужденно прошептал Стюарт. – Это то, что нам надо! – И крикнул в спины идущих впереди: – Девочки!

Но те только ускорили шаг. Друзья заспешили вдогонку.

– Девочки! – томно пропел Стюарт прямо в затылок той, что шла в середине.

Фигуры остановились и медленно обернулись.

Это были мужчины. Мужчины в юбках! Их грубые шотландские рожи имели крайне угрожающие выражения.

– Ну?!! – рявкнул самый здоровый, дохнув на Сатклиффа мощнейшим перегаром.

Тот потерял дар речи, а Джон, вместо того, чтобы извиниться, не удержался от продолжения игры и тихо спросил Пола:

– Прислушайся к себе. Может ты – гомосексуалист?

– Не знаю, – почему-то ответил Пол, как загипнотизированный глядя на толстенные волосатые пальцы, сжимающие ручку зонта...

Но, как бы тихо они не говорили, их все-таки услышали.

Первый удар – прямо в глаз – получил Джон. Следующий удар, в ухо, сбил с ног Пола, и он, поскользнувшись, рухнул в наспигованную окурками грязь...

Их били умело, не издавая лишних звуков, лишь изредка покрхтывая от усердия...

Минут через пятнадцать за столиком кабака сидели шестеро – трое английских музыкантов и трое шотландских шоферов.

– Так как вы, значит, называется? – спросил тот, что нанес первый удар. – «Битл»?

– «Битлз», – поправил Пол, выжимая рубашку, которая когда-то была белой.

– «Битлз», значит, – повторил Джек. – Смешное название. Не слыхал. И где вы будете играть?

Джон убрал от подбитого глаза запотевшую кружку с холодным пивом.

– В каком-то «Вереске и Хмеле». Это большой ресторан?

– Черт побери! – радостно взревел Джек. – Да ведь мы в нем-то и сидим!

Друзья огляделись. Более захудалой пивнушки они не видели даже в Ливерпуле.

Они, пожалуй, впали бы в уныние, если бы не тот факт, что угощали шоферы. А Джек тем временем продолжал восторгаться:

– Завтра, значит?! Приду обязательно! Ну... – он поднял свою кружку,

и остальные присоединились к нему. – За девственность!

И интернациональный англо-шотландский гогот, смешиваясь с клубами табачного дыма, поплыл над столиками веселого заведения.

Спустя неделю Джеймс Маккартни получил телеграмму от сына: *«Все идет отлично. У меня попросили автограф»*.

– Если твой братишка привезет со своих гастролей хотя бы фунт, это будет очень кстати, – сказал отец Майклу. – Становится все труднее сводить концы с концами. Как говаривал папаша О'Хьюган, портной, в изрядном подпитии орудуя ножницами.

В Ливерпульском муниципальном театре «Плейхауз» закончился спектакль. Двадцатишестилетний сын торговца мебелью Брайан Эпштейн не смотрел его. Забредя перед началом в буфет, он так и просидел тут, на высоком стуле перед стойкой, все представление.

Только сейчас, уже порядком надравшись, он обрел общество своих старых знакомых – актера Бэдфорда и актрисы Хелен Линдсей. Не то чтобы служителям Мельпомены так уж нравилось общаться с Эпштейном, но у них, как всегда, не было денег, а у него, как всегда, они были. И, как всегда, Эпштейн завел речь о своей нелепой беспросветной судьбе.

– Я – еврей, Брайни, – (актер был тезкой Эпштейна), – ты понимаешь, что это означает, – сказал он, с вызовом глядя на Бэдфорда.

– Это значит, что за выпивку платишь ты, – ответил тот, с невероятной скоростью забрасывая в пасть бутерброд за бутербродом.

– Не угадал, – с пьяной улыбкой возразил Эпштейн. – Мой папа, мудрейший человек, говорит так: «Любой еврей намного умнее любого англичанина. Но на тысячу евреев есть один ТАКОЙ дурак, который глупее всех англичан вместе взятых». Так вот, я как раз ТАКОЙ... Я появился на свет в родильном доме на Родни-Стрит...

– О, Боги! – простонала Хелен, пухленькая крашеная блондинка со следами бурной ночи на лице, – неужели мне придется выслушивать все это снова?!

– Молчи, – осадил ее Бэдфорд вполголоса. – Ешь, пей и молчи.

А Эпштейн, не обращая на их переговоры ни малейшего внимания, продолжал:

– Мой бедный папа был так счастлив, он так ждал наследника, что не сразу заметил, что мальчиком я родился каким-то странным. Тупым и хилым. В детстве я не знал ни одного мальчишки на нашей улице, который хотя бы раз не дал мне подзатыльник...

Когда я приходил домой в слезах, папа говорил мне: «Не плачь, Брайни. Ты вырастешь и станешь таким же умным, как я, ты станешь богатым, и вся эта ирландская шантрапа еще будет кусать локти, что они не были твоими друзьями...» Но сколько бы я ни рос, умным я не становился. Репетиторы сходили с ума от моей глупости и упрямства, и читать-то я научился только в восемь лет. Да и то лишь из какого-то вялого подражания...

Господь услышал молитвы моего бедного папы, и мой младший брат Клайв оказался достойным его. Ему не было и семи, а он уже прекрасно справлялся в лавке. А я... А меня выгнали сначала из одной школы, потом из другой... А потом – и из колледжа. Директор так и написал: «За невнимательность и недостаточные умственные способности».

С тех пор всю свою любовь папа перенес на Клайва. И я не осуждаю его. – На глаза Брайану навернулись слезы.

– Как мне надоело это нытье, – наклонилась Хелен к Бэдфорду. – Меня сейчас стошнит.

– Тогда не ешь больше, – шепнул тот ей в ответ.

– ...Когда меня выгоняли из колледжа, папа захотел прочитать мое досье. Но там не было ни строки. За год учебы ни один учитель не нашел ничего, что можно было бы обо мне сказать. Ни хорошего, ни плохого! «Как же, простите, так?» – спросил папа, но директор ответил ему: «Чтобы стать хулиганом, ваш сын слишком вял и труслив... Что же касается учебы, тут вы, надеюсь, все уже поняли сами...»

Поводом для отчисления Брайана послужил столь незначительный проступок, что, соверши его кто-то другой, на него не обратили бы внимания.

Однажды, войдя в класс, длинный и худой, как жердь, учитель математики обнаружил прикрепленную к доске размалеванную программку. На ней довольно коряво были изображены танцующие девушки.

– Что это за кусок вздорной чепухи?! – грозно спросил он.

– Это – дизайн, – ответил десятилетний Брайан Эпштейн.

– Чепуха, дрянь и девочки, мистер Дизайнер, вот что это такое! – отрезал лысый математик.

И направил докладную директору...

– Моя бедная мама Куини проплакала весь вечер. – Эпштейн сделал основательный глоток джина с тоником и промокнул глаза салфеткой. – Она плакала и говорила: «О, несчастный, несчастный Брайни! Я даже не могу пойти в синагогу и помолиться за тебя. Ты так огорчаешь отца, что он старается пореже вспоминать о тебе. И тебе вовремя не сделали обрезание!.. А еврею без обрезания Яхве не поможет...»

– Меня точно стошнит, – шепотом пожаловалась Хелен Бэдфорду. Тот взял ее за руку:

– Пойдем подышим воздухом.

И они тихонько покинули стойку. Но Брайан, даже не заметив этого, разглагольствовал дальше:

– Меня отдали в частную, очень дорогую, школу. Папа думал, что деньги могут превратить ничто во что-то. Но не тут то было. Я не делал никаких успехов и здесь, и папа забрал меня, решив не переводить денег зря.

...Тем временем за стойку рядом с Эпштейном, на место Бэдфорда и Хелен, уселась другая актерская парочка. Не говоря ни слова, они налили себе джина, выпили и принялись за бутерброды с сыром, икрой и беконом.

– А в сорок седьмом меня отдали в еврейскую подготовительную школу. И там, впервые в жизни, у меня появился друг. Ее звали Эмбер. И она была лошадей. За всю мою жизнь у меня был только один настоящий друг. И это была лошадь! Ты слышишь, Брайни? – Эпштейн повернулся и уставился на незнакомца рядом.

– Ты – Брайни? – спросил он.

– Нет, я – Дастин.

– Ага. Вот как. – Он был слегка озадачен, но принял данную информацию к сведению. – Дастин. Ладно. Ты знаешь, что я – еврей?

– Я вас за милую чую.

– Ага, – повторил Эпштейн. – Раз так, слушай дальше. А ты, крошка, – повернулся он с пьяной улыбкой к спутнице Дастина, – позови-ка бармена и закажи еще бутылочку джина, бутербродов и шоколадку для себя. Я плачу. – Он вновь обратился к мужчине:

– Между прочим, Дастин, Эмбер была не только моим единственным другом, но и единственной подругой. У меня никогда не было женщины. Они находят меня скучным... А вот Эмбер не страдала антисемитизмом и не презирала за то, что меня выгнали из колледжа... – Брайан мечтательно вздохнул. – Она позволяла мне ездить на себе, и целых три года я был счастлив. – Слезы вновь появились на его глазах и даже потекли по щекам. – А ведь я поэт, Дастин. Да! Среди евреев много поэтов, а среди поэтов – много дураков... Правда, я не написал ни одного стихотворения, но в душе я – настоящий Гейне!

Нас разлучили с моей Эмбер. Как я плакал, когда папа забрал меня из школы... Лавка процветала, а иметь продавцами родственников – намного выгоднее...

Однажды в лавку зашла пожилая женщина, чтобы купить зеркало в прихожую. Брайан разболтался с ней и, между делом, уговорил ее купить еще и кухонный стол.

Это был очень плохой стол, но Брайан продал его ей за двенадцать фунтов! И отец стал гордиться им, решив, что возможно, у его старшего просто позднее развитие.

– ...Да! Он стал гордиться мной. А я стал презирать себя еще сильнее. Ведь я-то знал, что по призванию я – поэт. А годен оказался лишь на то, чтобы обманывать бедных пожилых женщин... Ты можешь это понять, Дастин?

Но никто ему не ответил. Парочка исчезла, прихватив с собой бутылку джина и поднос с бутербродами. За столиками буфета теперь сидело множество людей, и тут можно было услышать что-нибудь поинтереснее, чем излияния непутевого еврея.

– Как быстро все меняется в этом мире, – сказал Брайан себе. – Только что со мной беседовали такие милые люди, и вот их уже нет...

Но тут вернулись Бэдфорд и Хелен.

– Ого! – удивился Бэдфорд. – Ты уже все выпил и съел?!

– Ерунда, – махнул рукой Эпштейн, – закажи еще. За мой счет, конечно. Так на чем я остановился?

– На обрезании, – напомнила Хелен.

– Нет, – возразил Эпштейн. – На столе. На кухонном столе. Потом я совершил еще несколько удачных сделок и решил уже, что, все-таки, это – моя судьба. Но тут пришла повестка. Я даже помню дату, это случилось девятого декабря. «...Надлежит явиться на медицинскую комиссию в связи с призывом на действительную службу в Вооруженные силы Соединенного Королевства...»

Знали бы вы, как я обрадовался! Я буду настоящим солдатом! Я даже попросился в королевский воздушный флот. Я хотел стать летчиком и носить эту прекрасную черную форму, с которой на улице не сводят глаз девушки... Мама на радостях приготовила фаршированную рыбу, а папа подарил мне запонки... Но меня почему-то зачислили «писарем обслуживающего персонала»...

– Ты служил в армии? – удивился Бэдфорд. – Вот бы никогда не подумал.

– И правильно сделал бы. Ведь я был «канцелярской крысой», а это не служба, – ответил Эпштейн горько усмехнувшись. – Но и та длилось недолго.

Именно в пятьдесят втором в государственной жизни Великобритании произошло знаменательное событие – коронация Елизаветы II.

Брайан служил в Лондоне, в частях обслуживающего персонала Двора. И конечно же он мечтал принять участие в этом торжестве.

В ночь перед коронацией он долго не мог уснуть, обдумывая, все ли металлические детали формы начищены и сверкают как следует, хорошо ли отглажены китель и парадные брюки, помнит ли он слова торжественной присяги новому монарху... Приглашение домашним приехать в Лондон и постоять в качестве зрителей военного парада на Трафальгар-Сквер, он разумеется отослал уже давным-давно.

...Ему снилось, как, проходя мимо строя, молодая королева остановилась прямо перед ним. Кого-то она ему напоминала... Кого?..

– Кто этот бравый солдат? – обратилась она к его непосредственному начальнику, ненавистному сержанту Гобсону.

– Рядовой Эпштейн, Ваше Величество, – выпучив глаза рапортует тот, и его идиотские усы трясутся от усердия.

– Рядовой? Я вижу в его взгляде отвагу, преданность и острый ум, – пронзительно глядя в глаза Брайана, замечает королева. – Что ж, если в нашей армии такие рядовые, я спокойна за наше Отечество. Буду рада увидеть вас еще раз, – обращается она прямо к Брайану с загадочной улыбкой на устах. И тут он понимает, на кого она похожа. На его любимую Эмбер. Она добавляет – Сегодня. – И, наклонившись прямо к его уху, шепчет: – После полуночи. В стойле...

...Разбуженный звуком горна Брайан принялся лихорадочно наряжаться в парадное. Но его приготовления пресек Гобсон:

– Не спешите, рядовой Эпштейн. Вы остаетесь в казарме. Не хватало еще, чтобы вас увидела Королева.

Брайан побледнел и, пошатнувшись, ухватился за никелированную спинку кровати.

– Ай-ай-ай, какие мы чувствительные, – Гобсон насмешливо погрозил Эпштейну костлявым пальцем. – Ладно, – сжалился он, – в честь праздника разрешаю вам отправиться в увольнение...

Из города Брайана, пьяного до беспамятства, доставила в часть патрульная машина.

После десяти суток ареста Гобсон отвел его к полковому врачу, и тот, закончив осмотр, выдал свое медицинское заключение: «Абсолютно непригоден к воинской службе».

Нет, Брайан не был болен, ни физически, ни психически. Он просто был НЕПРИГОДЕН. Ни к чему. В том числе и к воинской службе.

– И вот я снова в лавке отца, – подводя итог своему рассказу, сообщил

Эпштейн и осушил очередной бокал. – Я думал, что добьюсь чего-то в жизни, но, видно, устал... У меня нет друзей и нет девушки, нет любимой работы, а главное – у меня нет цели в жизни и веры в себя...

– Чепуха, – перебил его Бэдфорд. – Выгляни-ка в окно. Какая удивительная ночь! Посмотри на этих людей, – он обвел рукой зал буфета. – Они молоды и веселы!

– У нас еще все впереди! – подхватила Хелен.

– У вас – может быть. Но не у меня. Неудачливый мелкий делец – вот мой потолок в этой жизни.

– А чего бы ты хотел? – поинтересовалась Хелен.

– Я хотел бы стать... композитором. Таким как Григ или Ян Сибелиус. Но у меня нет слуха. Или... например, актером. Как вы... Но сейчас уже слишком поздно.

– Актером? – презрительно повторила Хелен, сделав большие глаза. – Каждый день кривляться перед богатой публикой и не иметь ни гроша в кармане?..

– Да что такое деньги?! – вскричал Брайан. – Разве могут они удовлетворить потребности возвышенной души! – он сунул руку в карман и бросил на стойку увесистую пачку купюр, рассыпавшуюся веером, словно колода карт. – Презренные бумажки! Они говорят мне лишь о том, сколько шкафов, комодов и табуреточек я сумел сплавить сегодня несчастным домохозяйкам! А мне... А мне хотелось бы воспарить над убогим бытом этого захолустья!

– Сколько страсти, – с неподдельным профессиональным интересом заметил Бэдфорд, украдкой переноса банкноты в свой карман. – Между прочим, ты еще можешь стать актером...

– Не говори глупостей, – махнул рукой Эпштейн.

– Я серьезно. Я могу написать записку директору театральной академии Джону Фернальду. Я учился у него, и мы остались добрыми друзьями...

– Даже если так, даже если я и поступил бы в академию, подумай сам, как глупо я буду выглядеть там среди восемнадцатилетних студентов. Я снова стану посмешищем.

– Это лучше, чем плакать у буфетной стойки. Хотя, нам бы очень тебя не хватало... Но почему бы не попробовать? – продолжал увещевать Бэдфорд, запихивая в карман последнюю купюру. – Под лежащий камень и вода не течет.

– А что?! – воспрял Брайан. – Напиши. Напиши, и я поеду! Вперед, в неизвестность! Я еще ни разу в жизни не совершал необдуманных

поступков! Бармен, дружок, не найдется ли у тебя клочка бумаги? В твоих руках вся моя будущность!

Клочок нашелся, и Бэдфорд кривыми пьяными буквами написал на нем: *«Дорогой Джон. Этот осел хочет стать актером. У него водятся деньжата. Советую принять. Твой Брайни»*.

Свернув листок вчетверо, он протянул его Эпштейну:

– Вот. Если ты джентельмен, ты не станешь читать это письмо. Там есть кое-что личное. Отдай Фернальду. Только в руки!

– За удачу! – Вскричал Эпштейн, поднимая бокал. – За мою артистическую карьеру!

В Лондон Брайан прибыл дождливым сентябрьским утром и, не мешкая, направился в Королевскую Академию искусств.

Первым, что поразило его, был разительный контраст между убожеством обшарпанных стен этого заведения и тем апломбом, с которым разговаривали с ним экзальтированные юнцы, к коим он обращался в поисках директора.

Один ответил ему, что «целью его жизни не является контроль за пространственными перемещениями упомянутого старого борова». Другой спросил: «Вы из провинции?», а получив утвердительный ответ, высокомерно посоветовал: «Уезжайте назад. Лучше сразу»...

И все-таки Брайан добрался до искомого кабинета.

Метафора «старый боров» не в полной мере отражала то впечатление, которое Фернальд произвел на Брайана с первого взгляда. Куда более точно было бы назвать его «издыхающим бегемотом».

Если он когда-то был артистом, то лучше всего ему должны были удаваться роли главарей мафии или придворных палачей. Огромный, мрачный, похожий на Уинстона Черчилля, человек с сигарой во рту, не вставая из-за стола, принял из рук Эпштейна записку Бэдфорда. Он развернул ее и прочел.

– В артисты? – риторически спросил он, пустив Брайану в лицо клуб сизого дыма.

– Да-а-апчхи, – ответил Брайан. – Простите, сэр.

– В артисты... – покачал головой Фернальд, понимая. И замолчал, глядя Брайану в глаза тяжелым животным взглядом немигающих глаз.

Тягостная пауза тянулась минуту... две... Брайан чуть было не начал скулить и повизгивать, как это делают под пристальным взглядом человека маленькие собачки. Но вместо этого он лишь нерешительно произнес:

– Ну... Я, наверное, пойду...

Фернальд не ответил, все так же неподвижно глядя на него.

Брайан попятился к двери, но когда он уже достиг порога, его действия пресек властный голос:

– Стоять!

Брайан замер.

– Сюда! – прорычал Фернальд, поманив его пальцем.

Брайан сомнамбулически приблизился к столу.

– Деньги! – все так же лаконично произнес директор Королевской академии.

– Не понял, сэр...

– Деньги за обучение. За пять лет. И вы будете зачислены сразу на третий курс. – Не заметив на лице просителя достаточного по этому поводу восторга, Фернальд добавил. – А так же в труппу Стендфордского Королевского театра драмы.

Эпштейн дрожащей рукой достал толстый бумажник, вынул из него пачку фунтов стерлингов и отсчитал немедленно названную Фернальдом кругленькую сумму.

– Порядок, – сказал тот, пряча деньги в ящик стола. – Свободен.

– Но... – нерешительно начал Брайан.

– Чего еще?! – рыкнул Фернальд.

– Но вы даже не послушали, что я могу.

– А что ты можешь?

– Я подготовил отрывок из комедии Уильяма Шекспира «Сон в летнюю ночь». Монолог Тезея из первой сцены пятого акта.

– Валяй.

Брайан собрался с духом и начал текст, который раз двести повторил дома, перед зеркалом:

– И п п о л и т а. – Произнес он тоненьким голоском. – Как странен, мой Тезей, рассказ влюбленных. – И тут же продолжил басом: – Т е з е й. Скорее странен, чем правдив. Не верю // смешным я басням и волшебным сказкам...

Сморщившись, как от зубной боли, Фернальд рывкнул:

– Достаточно! Вы зачислены. До свидания.

«Как прекрасно нужно знать произведение и как тонко разбираться в людях, чтобы вот так, с полуслова, определить уровень способностей будущего актера!» – думал Эпштейн с умилением, по пути в театр...

Домой, в Ливерпуль, он вернулся через три с половиной месяца.

– Это не мое, папа, – виновато глядя на отца, сказал он. – Все актеры – отвратительные жалкие беспомощные эгоисты. Они любят только себя и деньги. И они никогда не примут меня за своего. Я для них – корова, возомнившая себя пташкой... Но корову можно доить. Они опустошают мой кошелек, а потом смеются за моей спиной...

– О бестолковый сын израильского племени, – нахмурил густые брови отец. – Порой мне становится стыдно, что это я породил тебя. Как радовался я, видя, что у тебя пошло дело в лавке! Я говорил себе: кровь не обманешь! И что я вижу?! Ты бросил все и погнался за миражами... А в результате – только потратил все, что заработал за эти годы! Посмотри на Клайва! Скоро он выстроит собственный дом! А... – махнул он рукой. – Ты и сам все это знаешь... Отправляйся в магазин. Больше я не доверю тебе ничего серьезного. Ты будешь продавцом в отделе грампластинок. Песенки и опереттки – это как раз для тебя.

Поездка в Шотландию не принесла «Битлз» ни денег, ни славы. Только ударную установку. На обратном пути, фургон, ведомый Джонни Джентлом, тряхнуло на каком-то ухабе, барабаны посыпались на Томми Мура, и ему выбило передние зубы. «К черту! – заорал он. – Хватит с меня музыки!» И подарил барабаны «Битлз». Но толку в этом было мало: все равно у них не было своего постоянного ударника.

Реальная польза от этой поездки была только одна: «Битлз» стали «котироваться» в хилом провинциальном шоу-бизнесе Ливерпуля, а владелец клуба «Джакаранда», карлик Аллан Вильямс предложил им свои услуги импресарио.

Первым его проектом с ними стали гастроли в Гамбурге. Но сытых по горло Шотландией «Битлз» не так-то легко было снова сдвинуть с места. Вильямс умел держать нос по ветру и понимал, что главная его задача – уговорить Леннона.

... – Соглашайся, Джон, – пискляво напирал Вильямс, глядя на него из кресла снизу вверх. – Золотые горы я не обещаю, но заработок будет.

– Сколько?

Вильямс хитро прищурился.

– Десять фунтов в месяц. Каждому. Плюс – полный пансион.

Для Джона это были серьезные деньги. Но ехать не хотелось. Не хотелось и показывать, что его можно купить так легко.

– Маловато, – ответил он, презрительно поморщившись.

Вильямс посмотрел на него с чуть большим уважением.

– Двадцать, – назвал он новую сумму.

Джон обалдел от того, что их ценность возросла сразу вдвое. Но ехать не хотелось все равно.

– Это не разговор, Аллан, – бросил он и встал с кресла.

– Пятьдесят.

Джон почувствовал азарт охотника. Он подошел к двери, открыл ее, а затем, обернувшись, спросил:

– И это ваше последнее слово?

– Сто! – простонал Вильямс, почти физически ощущая, как запланированные гигантские барыши уходят у него из-под носа. Именно сто фунтов и были нормальным гонораром за эту работу, но Вильямс не

рассчитывал, что ему действительно придется их выплачивать.

Сто фунтов. Это была просто невероятная сумма. Джону сразу очень захотелось в Гамбург.

– По рукам, – поспешно вернулся он к столу. – А не обманешь?

– Разве я тебя когда-нибудь обманывал?

– Вообще-то нет, – признал Джон, тем более, что видел Аллана второй раз в жизни.

«Если эти болваны не поедут, наберу других», – думал он по дороге к Стюарту.

... – Нет, Джон, это исключено, – покачал головой Стюарт. – У меня через неделю начинаются педагогические курсы.

– Какие еще педагогические курсы?

– Я разве не сказал тебе? Я решил стать учителем рисования.

Джон, питавший хроническую ненависть к школе, поморщился.

– А деньги? Тебе они не нужны?

– Конечно, нужны, но будущее художника для меня важнее.

Услышав это, Джон понял, как действовать дальше. Да и предыдущий разговор с Вильямсом кое-чему научил его.

– Ну, пока, – сказал он, подошел к двери, открыл ее, а затем, обернувшись бросил:

– Жаль только, что ты не сможешь сходить со мной на всемирную выставку художников-авангардистов, которая там открывается...

– Подожди! – остановил его Стюарт, кусая ногти. – Подожди, подожди...

Джон ждал.

– Ладно! Я еду! А что за выставка-то?

– Ну-у... выставка, – неопределенно протянул Джон.

– А ты не врешь? – подозрительно взгляделся Стюарт в его лицо.

– Разве я тебя когда-нибудь обманывал?! – ответил Джон словами Вильямса, по себе зная, какое магическое действие они производят.

Узнав, что Пол Маккартни только что сдал вступительные экзамены в педагогический колледж, Джон остолбенел:

– Да вы что, одурили все, что ли? – изумился он.

– А что здесь такого? Профессия, как профессия, – оправдывался Пол...

– Ладно, ты мне одно скажи, ты едешь или нет?!

– Все равно ведь остальные не поедут, – как всегда попытался тот

спрятаться за чужие спины.

– Поедут! – не моргнув глазом заверил Джон, думая при этом, что можно обойтись и без Джорджа Харрисона. – Я уже со всеми договорился.

– Да ну, – недоверчиво глянул на него Пол.

– Разве я тебя когда-нибудь обманывал? – произнес Джон фразу, ставшую уже привычной.

– Вообще-то нет, – сказал Пол, чтобы его не обидеть. На самом-то деле Джон уже не раз обманывал его по мелочам. Но как и в прошлые разы, Пол ему почему-то поверил.

Джордж тоже согласился не сразу. Сначала, чтобы отвертеться, он заявил, что его не отпустят родители. Но Джон провел массированную психическую атаку многочисленного племени Харрисонов, и вскоре все они вместе уговаривали Джорджа.

– Сто фунтов! – кричал Харольд. – Да на своем вонючем автобусе я не заработаю столько и за год!

А сестра Луиза, не отрывая взгляда от лица Джона, вторила отцу:

– Мне кажется, Джордж, если с вами будет этот мальчик, ничего плохого с тобой случиться не может...

Джордж слушал их с отрешенным видом, словно знал о Гамбурге какую-то страшную тайну. Но тайна была не в Гамбурге. И в конце концов он раскололся. Затащив Джона в свою комнату, он признался:

– На самом деле, не в родителях проблема. На самом деле у меня есть кое-какие планы...

– Надеюсь не по поводу карьеры учителя? – подозрительно спросил Джон.

– Как ты догадался? – удивился Джордж. – Я еще никому не говорил... Ой! Что это с тобой?! – воскликнул он, глядя на перекошенное злобой лицо Джона.

– Ты не будешь учителем, Джордж, – сказал Джон так, словно хотел его загипнотизировать. И добавил: – Разве я тебя когда-нибудь обманывал?

– Разве он тебя когда-нибудь обманывал? – словно эхо повторили эти слова многочисленные домочадцы Джорджа, которые, как оказалось, давно уже стояли возле приоткрытой двери комнаты.

– Да, – тихо сказал Джордж.

– Да? – удивился Джон.

– Да, – повторил Джордж. – Я еду в Гамбург.

Оставалось только подыскать барабанщика. И Джон вспомнил о своем

старом знакомом, Пите Бесте, сыне хозяйки клуба «Касба». Кроме того, что Пит умел играть на барабанах, он еще славился своими многочисленными любовными победами, но это Джона интересовало меньше всего.

Найдя Беста в клубе, он начал разговор так:

– Я знаю, Пит, что ты собираешься стать учителем.

Пит ошарашено посмотрел на него:

– Я решил это только пять минут назад.

– У тебя есть еще пять минут, чтобы изменить свое решение. Я предлагаю тебе сто фунтов в месяц, за то, чтобы ты НЕ БЫЛ учителем...

– Разве за это платят?

– А я тебя когда-нибудь обманывал? – само собой вырвалось у Джона. Он уже знал, что будет дальше. Это становилось даже скучным...

Гамбург. Европейский центр контрабанды оружия и наркотиков.

Зелено-бежевый автофургон «Остин», свернув с Репербана выехал на Улицу Полной Свободы. «Битлз» не знали этого названия. Но «полную свободу» ощутили сразу. Полуобнаженные девицы торчали прямо в подсвеченных витринах нижних этажей, одни откровенно зазывали клиентов, а другие просто наводили марафет, ели или даже читали газеты.

В отличие от Ливерпульских, на этой улице и вечером было светло от неоновой рекламы. И публика тут была разношерстной и пестрой.

«Остин» остановился перед клубом «Кайзеркеллер»^[18], где музыканты могли встретиться с его хозяином – бритым наголо здоровячком Бруно Кошмидером.

Проходя через роскошный, сверкающий светомузыкой, разноцветными гирляндами и рыболовными сетями, зал, с иллюминаторами вместо окон, ребята восхищенно переглядывались друг с другом. Это была сказка!

Бруно принял их радушно:

– А! Англичане! Добро пожаловать! Отличный зал, правда?

Музыканты воодушевленно закивали.

– Тут играют лучшие коллективы Германии! Самый громкий звук! Самый яркий свет! – он глянул на часы. – Ну все. А теперь поедem туда, где будете работать вы...

Это была редкостная клоака. Стоя на куче мусора перед входом в клуб «Индра», умный Стюарт констатировал:

– Махен аллес гут...^[19] – что в переводе с немецкого означало: «В какую дыру ты завез нас, Джон?»

– Ду бист дер шмуциге швайн^[20], – ответил Джон, что в данном случае означало: «Вполне приличное заведение для музыкантов».

Жизнерадостный Кошмидер провел их между столиками по заpleванному полу к сцене и открыл дверь за ней:

– Добро пожаловать, это ваша гримерка.

С первого взгляда им стало понятно, что это помещение еще совсем недавно служило для иных целей. Вдоль стены стояли аккуратно завернутые в мешковину унитазы.

– Раз, два, три, четыре, пять, – посчитал Джордж. – Потом, загибая пальцы, оглядел товарищей и закончил: – Все сходится.

– Нас здесь ждали, – добавил Джон, поправил очки и, ядовито усмехнувшись, прислонил кофр к среднему унитазу. – Учтите: это место принадлежит мне.

– Во веки веков, аминь, – добавил Стюарт.

Поняв, что ничего уже не сделать, а потому подавив в себе протест, Пол объявил:

– Лично я буду спать у окна.

Кошмидер посмотрел на него с нескрываемым уважением:

– Нет, сынок. Спать вы будете в чистом и теплом помещении. Бросайте инструменты, поехали туда.

Чистое и теплое помещение находилось за проекционным экраном детского кинотеатра «Бемби», принадлежавшего Бруно Кошмидеру – как и прочие захолустные заведения этого района. Пять железных кроватей с замусоленными матрацами стояли одной спинкой к стене, другой к экрану.

Красоты данного положения «Битлз» раскусили позже. Во-первых, проработав всю ночь в клубе, они могли весь день бесплатно смотреть кино, полеживая на своих местах. Что касается сна, то это, в общем-то, мелочи.

По-настоящему отоспаться им удавалось только по понедельникам, днем, когда в кинотеатре был выходной. Ложиться при этом надлежало в строгой последовательности, чтобы не перелезть друг через друга...

А сейчас, в их первую и единственную нерабочую ночь в Гамбурге, оставленные Кошмидером обживаться на новом месте, они находились в состоянии культурного шока.

Джон уселся на ближнюю кровать и сделал вид, что затягивает развязавшийся шнурок ботинка. Осторожно подняв голову, он обнаружил, что остальные не разошлись, а стоят на том же месте и выжидающе смотрят на него.

– Ну что?! Что?! – заорал он. – Не нравится?! А мне, думаете, нравится?! Я знал, что так будет?! Разве я вас когда-нибудь обманывал?!

– Никогда, – саркастически отозвался Пит Бест и полез через кровать Джона в дальний угол.

– Еще не поздно вернуться домой. Решайте, – переложил Джон груз ответственности с себя на остальных.

Стью, Пол и Джордж молча расползлись по своим местам.

Джон погасил свет.

Закусив губу, он ждал хоть каких-то слов от своих друзей. Уж пусть бы лучше они ругали его...

Темнота и тишина давили.

Напряжение держалось еще минут пятнадцать. Но внезапно ее разрядил Стюарт истерическим выкриком во тьму:

– Мы лишим этот город рок-н-рольной девственности!!!

– Йо-хо-хо!!! – заорали остальные, колотя ногами и рукам по спинкам кроватей. – А-а-а!!! О-о-о!!!

Буря длилась несколько минут, и у Джона отлегло от сердца. А когда вновь наступила тишина, Пит негромко добавил к сказанному Стюартом:

– И не только рок-н-рольной.

Зерно эротической надежды, зароненное Питом в их души, взросло и заколосилось в тот миг, когда они узнали, что выступить «Битлз» предстоит в одной обойме со стриптиз-балетом.

Но вскоре отношение к этому факту у музыкантов изменилось.

Аппетитнейшие молодые фройлен под звуки американского джаза с контрабандных пластинок махали стройными белыми ножками, а здоровенные красномордые бургеры чокались пузатыми кружками.

И никакой рок-н-ролл тут никому не был нужен.

Стоило «Битлз» выйти на сцену, как зал взрывался криками: «Убирайтесь вон, английские свиньи!», «Девочек давай!», «Или проваливайтесь, или раздевайтесь сами!»

«Битлз» спасало только то, что поначалу, не зная немецкого, они не понимали смысла этих выкриков и были уверены, что это – восторженные приветствия почитателей.

Первым понял истину умный Стюарт, когда ему по уже и без того больной башке попало пустой, но увесистой кружкой, брошенной из темноты зала. После этого он стал намного лучше понимать немецкий язык, и объяснил ситуацию остальным.

Пол огорчился. Стало ясно, что в этом клубе им долго не работать. А

он уже несколько дней не сводил глаз с одной из танцовщиц – самой хрупкой и большеглазой. Он заметил, что и она бросает на него заинтересованные взгляды. Но стеснительность не позволяла ему сделать первый шаг.

Однажды, во время выступления балета, он все-таки набрался смелости и подошел... к Питу:

– Может, познакомимся, – предложил он.

Пит, обомлев, осторожно заметил:

– Да мы, вроде бы, знакомы.

Пол окончательно смутился и молча отошел. И неизвестно, как бы после этого к нему относился Пит, если бы не Джон, который сидел за одним столиком с Питом и слышал этот диалог.

– Мальчик просит тебя помочь познакомиться с девушкой, кретин! – пояснил он Питу.

– Ну, слава Богу, – облегченно вздохнул Пит, – а то спим-то мы рядом. Пол! – позвал он.

Но Пол сделал вид, что не слышит.

– Пол!!! – заорал Пит громче.

– Ну что тебе надо? – мрачно отозвался тот, вернувшись.

– Уговорил. Давай, познакомимся.

Пол было дернулся уйти, но Пит поймал его за руку:

– С фройлен, с фройлен твоей познакомимся. Которая из них?

Улучив момент, когда избранница Пола оказалась за сценой, Пит подволок его к ней.

– Шпрехен зи дойч?^[21] – спросил Пит.

Девушка сделала круглые глаза, но затем, не удержавшись, фыркнула и ответила:

– Йа, йа...^[22]

– Вот и славно. Дас ист Пол Маккартни^[23], – сказал Пит, тыча пальцем Полу в грудь. На этом его запас немецких слов закончился, и, чтобы хоть как-то объяснить ей, что им, собственно, от нее нужно, сделал непристойный интернациональный жест. После чего, с видом человека честно выполнившего свой долг, покинул арену событий.

Пол вернулся в зал буквально через три минуты, сияя счастливой улыбкой.

– Как успехи? – спросил Пит.

– Она дала мне пощечину. Я так и думал, она хорошая девушка.

Пит хотел было поднять его на смех, но прикусил язык, когда тот добавил:

– А еще она дала мне свой телефон. Ее зовут Лиззи.

– Ты слышал эту песню, «Диззи мисс Лиззи»?^[24] – спросил Пол у Джона через пару дней.

– Ну, – кивнул тот. – Ларри Уильямса.

– По-моему, мы должны ее играть.

– С чего это вдруг? Она же совсем идиотская.

– Ну и вот, – сказал Пол с таким видом, как будто именно это и требуется от хорошей песни.

– Ну, давай, попробуем, – пожал плечами Джон.

Неделю спустя, под давлением Джона, Бруно Кошмидер признал, что дальнейшая работа «Битлз» в «Индре» не принесет ему желаемого коммерческого успеха. Хотя прежде тут работали ливерпульские команды, и они оправдывали себя. Но тогда здесь не было стриптиз-балета. Теперь же тут появился свой круг завсегдатаев, сложилась совершенно иная атмосфера.

И «Битлз» переехали в «Кайзеркеллер». Сегодня им предстояло доказать свое право работать тут.

– Все встало на свои места, – сказал Джон, когда они разместились в настоящей гримерке. Он делал вид, что не только доволен, но и совершенно спокоен. Однако это было не так.

Впервые им предстояло работать на такой большой и шикарной площадке, да к тому же еще восемь часов без передышки удерживать внимание публики. Если они не смогут этого сделать, Кошмидер подыщет для них очередную дыру.

Джон был чрезвычайно возбужден.

Но за неделю в «Индре» он так привык словом и действием оскорблять зрителей в ответ на их оскорбления, что уже не смог перестроиться.

Выскочив на сцену уже после того, как остальные завели напористый бит, он привычно вскинул руку в фашистском приветствии и заорал в микрофон:

– Зик хайль, факен наци!

Его самого поразила громкость и четкость, с которой голос пробуравил зал. А уж реакция публики была тем более неожиданной. Одетые в джинсы и кожаные куртки зрители ответили восторженным ревом.

Сделав нелепый прыжок, который сам он, называл не иначе как «полет ангела» и вновь вызвав этим ответный взрыв в зале, он запел самую необузданную, самую дикую песню из их репертуара – «Диззи мисс Лиззи». Запел так, как привык за последнее время: стараясь перекрычать идиотов, не желающих его слушать.

«Я так тащусь, когда ты, Лиззи
Танцуешь рок-н-ролл,
А если ты проходишь мимо,
Я счастлив, как осел!..»^[25]

Упрямство было главной чертой характера Джона. Он не должен был стать музыкантом. С его гонором и неуправляемой энергией ему больше подошла бы роль мотогонщика или сумасшедшего вождя религиозной секты.

Столько лет он бился головой в стену, постоянно ощущая, что его никто не принимает всерьез. В Гамбурге, в этой проклятой «Индре», сознание того, что весь мир не желает слушать его, достигло критической точки.

И вдруг тут, в «Кайзеркеллере», впервые за все эти годы, Джон почувствовал мощный прилив энергии, который шел от зрителей и делал его сильным...

Неистовствовал не только он. Все музыканты вели себя не так, как привыкли здесь видеть. Они были энергичными, наглыми и веселыми. Они дурачились и кривлялись, но это не шло в ущерб саунду.

Похоже, зрители давно уже ждали чего-то подобного и подначивали их на новые хулиганства выкриками и свистом.

Песен было много, и все – разные. Общим оказалось лишь одно: все они заводили, буквально заставляли танцевать.

Эти восемь часов, которых так боялся Джон, промелькнули удивительно быстро, и публика не желала расходиться.

Даже Кошмидер, наблюдавший за всем этим из-за кулис, хотел выразить Джону свое восхищение. Но бизнесмен победил в нем благодарного зрителя. «Сто фунтов и ни шиллинга больше», – только и сказал он Джону, когда зал все-таки опустел.

Но это означало, что играть они будут здесь.

Спустя месяц весь Гамбург знал о том, что в клубе «Кайзеркеллер»

играют сумасшедшие англичане, и на это стоит посмотреть.

Бруно Кошмидер был не дурак. Заметив, что популярность «Битлз» растёт, и зная, что податься им больше некуда, он продлил контракт еще на два месяца. Само собой, не увеличивая сумму гонорара.

Сначала «Битлз» были рады этому. Но вскоре, когда со стороны стали поступать более выгодные предложения, они поняли, что продешевили. Играли они на своих инструментах, жить продолжали в кинотеатре, и кормили их отвратительно.

В конечном счете все заработанные деньги уходили на нормальное питание, одежду и сигареты. Ну и, конечно же, на выпивку. Просто невозможно было проводить столько времени в клубе без этого.

«Битлз» не могли нарушить условий контракта, и они возненавидели Кошмидера до такой степени, что старались напакостить ему при любом удобном случае.

Например, Джон, прыгая по сцене, заметил, что одна доска тоньше других и прогибается под его весом. С этого момента он старался прыгать именно на эту доску. В конце концов она сломалась, и Джон, к всеобщему (кроме Кошмидера) восторгу, провалился в дыру.

Однажды он выпросил у Бруно принадлежащую клубу акустическую гитару, а в конце выступления картинно раздолбал ее в щепки о колонку. Он надеялся на скандал, который послужил бы поводом для «развода». Но Кошмидер проглотил и это.

– Сколько всего мы уже переломали! – недоумевал Джон. – Неужели этому болвану не понятно, что ему дешевле было бы поселить нас в нормальную гостиницу и прилично платить?!

Стюарт усмехнулся:

– Тебе до сих пор не ясно, что все твои выходки ему только на руку? Толпе нравится, когда ты буйствуешь.

– Если бы он платил мне больше, я бы буйствовал еще лучше.

– Искренность, Джон, искренность – это главное.

Вскоре выяснилось, что дело все-таки не только в этом.

Неожиданно сыновней любовью к Кошмидеру проникся Джордж.

Началось все с того, что Бруно рассказал ему, откуда у него взялась манера брить голову наголо. Оказалось, что в молодости он целый год провел в Калькутте на обучении у некоего гуру Фарахиши.

Джордж часами расспрашивал его об Индии и об индийской философии. Как-то раз свидетелем их разговора стал Пол.

– Деньги, сынок, не приблизят тебя к Богу, – говорил Кошмидер.

– Зачем же тогда вы, учитель, занимаетесь коммерцией? – смиренно вопрошал Джордж.

«Действительно?» – подумал Пол, усмехнувшись.

– У каждого свой крест, сынок, – ответил Кошмидер умудренно. – Свое испытание, нужное нам для очищения.

Джордж восхищенно посмотрел на него:

– О, учитель! Сколь труден твой путь.

– О, да! – согласился Кошмидер скромно. – Больше всего на свете я хотел бы жить в маленьком шалаше на берегу полноводного Ганга и думать о смысле нашего существования.

– И я, – отозвался Джордж.

– А чем приходится заниматься?! – продолжал Кошмидер. – Возиться с такими негодьями, как твой дружок Джон!

Пол вмешался:

– А вы не возитесь, господин Кошмидер, увольте нас, да и все.

Кошмидер неожиданно сменил тон:

– Вон, видишь ребят? – указал он Полу на группу таких же бритоголовых, как и он сам, гангстеров, возглавляемых бывшим боксером Хорстом Фаршером. – Очень им ваш дружок нравится.

Все стало ясно. Эти гангстеры держат в «Кайзеркеллере» «крышу». Пол знал это и раньше. Выходит, только из-за них «Битлз» продолжают работать здесь. До сих пор Пол думал, что их симпатии ограничиваются присланным на сцену шампанским.

Пол рассказал обо всем услышанном Джону.

– Гады! – процедил тот. – Нашлись благодетели! Мало того, что я для них каждый день по десять раз пою одну и ту же песню!

(Это была популярная в те дни «What'd I Say»^[26].)

– А малютка Джордж тоже хорош! Между прочим, мне Кошмидер рассказывал, что бриться наголо пристрастился во франкфуртской тюрьме...

На следующий вечер «Битлз» выразили свой протест тем, что исполнили «What'd I Say» голыми по пояс и, надев на шеи деревянные унитазные сидения.

Восторгу гангстеров не было границ.

Игра на сцене «Кайзеркеллера» без выходных и вечные просмотры диснеевских мультфильмов вместо сна выматывали их до предела. Но даже этот сомнительный отдых они нередко заменяли походами в район Сент-Поли на усеянную красными фонарями улицу Герберштрассе. Многие проститутки были завсегдатаями «Кайзеркеллера» и по дружбе обслуживали их бесплатно.

Сначала допингом им служил алкоголь. Потом вечно ищущий способы более радикального углубления в себя Джордж притащил упаковку лекарства от ожирения «Preludin», которую ему продала уборщица из «Бемби» по имени Роза. Не принимал этот допинг только Пит. Здоровье ему было дороже. Что же касается других, то это его мало касалось. «Каждый делает то, что он хочет», – часто повторял он свой главный жизненный принцип.

Однажды, когда они, запершись в гримерке после выступления, в очередной раз приняли прелудин, разведя его в шнапсе, Стюарт оглядел их осолопевшими глазами и захихикал:

– Джон, Джон, ты давно смотрелся в зеркало?

– А что?

– Ты замечаешь, какие у тебя выросли уши?

– У тебя крыша едет, Стью, – догадался Джон. – К тому же у тебя у самого плавники посинели. А жабры за ушами где? Заросли, что ли?

– Смотрите, смотрите, Джордж стал еще меньше, – обрадовался Пол. – Совсем маленький! Я буду носить его в кармане!

– А ты сначала поймай меня! – хрипло захохотал Джордж и, упав на спину, раскинул руки: – Лечу! Лечу!

Пит, брезгливо наблюдавший все это, не выдержал и, отбросив свой принцип нейтралитета, ударил кулаком по столу:

– Мне надоело работать с психами! – заорал он. – Или вы прекратите жрать это дерьмо, или я от вас ухожу!

В этот миг в дверь постучали, и Пит открыл.

Глядя на вошедшего, Джон выпучил глаза:

– Вот это нос! Я таких носов еще не видел! Можно потрогать?

– Потрогай, – смутился парнишка. – Он у меня с детства такой.

– А волосы, волосы! – потянулся к нему Стюарт. – Ты весь ими покрыт?

– Не-е, только на голове и на лице, – потеревил тот свою хилую бороденку. – Меня зовут Ринго Старр, я барабанщик из «Ураганов».

– О! – подскочил Пол, – а я тебя с такими рогами и не узнал!

– С какими рогами? – испугался Ринго.

– Ты не слушай этого придурка, – пояснил коллеге Пит, – он колес наглотался.

– Колеса любит? – понимающе кивнул Ринго. – А я кольца.

– А я поршни, – сказал лежащий на спине Джордж. – Они так плавно раскачиваются – вверх-вниз, вверх-вниз... Лечу! Лечу!

– А я шестеренки люблю, – признался Стюарт.

– А меня никто не любит, – неожиданно впал в депрессию Джон. – Никто! – повторил он, рыдая.

– Ой, друзья-приятели, я кажется невовремя, – попятился Ринго. – У вас тут дела семейные, интимные...

– Я – нормальный, – остановил его Пит. – У тебя какое-то предложение?

Ринго кивнул.

– Проходи, садись, – пригласил Пит.

– Не, – помотал Ринго головой, – я – человек вертикальный. Да и зачем, раз у вас тут такое...

– Расскажешь мне, а я им завтра передам, – предложил Пит.

Так тот и поступил.

Ринго очень хотелось записаться на пластинку. Очень. Бас-гитарист и вокалист «Ураганов» Лу Уолтерс договорился с директором частной студии «Акустик» на запись демонстрационной пластинки. Но остальных «Ураганов» в Гамбурге в этот момент не было, и Ринго стал искать аккомпанирующий состав.

Вот почему в конце ноября шестидесятого года, в студии «Акустик» Джон, Пол, Джордж и Ринго впервые играли вместе. Пит наблюдал за этим с легкой ревностью, а Стюарт, слушая их, впал в тот вечер в какое-то странное мистическое настроение.

Три песни – «Fever»^[27], «Summertime»^[28] и «September Song»^[29] – записывали весь день, так что поспать им не удалось. Вечером из студии, с гитарами в руках, пошли сразу в «Кайзеркеллер». Вышло так, что по мокрому снегу морозной ноябрьской улицы они шлепали, разбившись на пары: Джон с Питом, за ними Джордж с Ринго, а замыкающими – Пол со Стюартом.

... – Так себе стучит, – заявил Пит и испытующе посмотрел на Джона.

– Ага, – согласился Джон, – тебе бы с годик подучиться, ты бы тоже так смог...

– Да он даже простого соло сделать не может! – обиделся Пит.

Джон подумал, что барабанщик-солист ему вообще-то и не нужен, но с Питом решил не ссориться и перевел разговор в шутовое русло:

– Зато как он головой трясет! – и, ублажая честолюбие Пита, он передразнил характерное движение Старра, который смешно акцентировал некоторые удары кивками.

Джордж и Ринго общий язык нашли быстро.

... – Люблю я шутки-прибаутки, – сообщил Ринго.

– И я люблю шутки-прибаутки, – грустно согласился Джордж.

– А какие ты любишь шутки-прибаутки? Смешные?

– Смешные.

– И я смешные! – обрадовался Ринго. – Да мы с тобой, дружочек мой, совсем одинаковые!

– Все люди одинаковые, – заметил Джордж. – Всем нравится, когда хорошо.

И они посмотрели друг на друга понимающе.

...Пол не любил разговаривать со Стюартом. Во-первых, он почему-то считал, что бас-гитарист должен уметь играть на бас-гитаре. Во-вторых, он не мог забыть их беседу после гибели Джулии Леннон. Но тут ему избежать разговора не удалось.

– Ринго – один из вас, – сказал Стюарт, как только они вышли из студии. – Он должен играть с вами.

– Почему «с вами», а не «с нами»?

– Да потому что я – не музыкант, ты это не хуже меня знаешь.

Пол дипломатично промолчал, а Стюарт продолжил:

– Когда он играет с вами, в воздухе искрит электричество.

– Ты художник, Стю...

– Ты не понимаешь! Рок-н-ролл – космическое явление. **Увидишь, вашими именами назовут планеты!** В мире нет ничего случайного, Пол. Джон, ты и Джордж встретились не случайно. Ты помнишь, о чем я тебе говорил?..

Этого Пол боялся больше всего. Он остановился:

– Стюарт, я не хочу слушать всю эту галиматью.

– Не слушай, – согласился Сатклифф и вдруг скривился, приложив ладонь к виску. – Мне и самому сейчас не до разговоров, башка болит. Не слушай, – повторил он. – Просто уговори Джона взять Ринго.

– И по твоей вывихнутой логике, кто-нибудь тогда обязательно умрет? – насмешливо и, в то же время, немного испуганно спросил Пол.

– Откуда я знаю?! – пожал плечами Сатклифф. – Но если вы можете сделать шаг, вы должны его сделать.

– Все, Стюарт! Хватит!

Пол поспешил вдогонку остальным.

Пару недель спустя в Гамбурге открылся новый клуб – «Топ Тен»^[30], еще более крутой, чем «Кайзеркеллер». Хозяин клуба Петер Экхорн сумел переманить к себе всех, кто хоть чего-нибудь стоил. (В том числе и уборщицу Розу с ее коробкой из-под леденцов, не оскудевающей таблетками.) Разговаривал он и с «Битлз», но перейти туда они могли только по истечении срока контракта. По условиям договора они не имели права играть больше нигде в Гамбурге, и даже в радиусе сорока миль от него.

Но им очень хотелось выступить в «Топ Тене». И, когда подвернулся случай («Кайзеркеллер» на пару дней закрыла налоговая полиция), они решили, что от одного концерта на другой площадке большой беды не случится. В конце концов, Кошмидер мог и не узнать об этом.

Но он узнал. И даже не перед концертом, а за несколько часов до него. Разразился дичайший скандал.

В итоге, окончательно рассорившись с Кошмидером, Джон, скомкал опостылевший договор и бросил его хозяину в лицо. Он позволил себе поступить так еще и потому, что, во-первых, Петер Экхорн пообещал им свою помощь в «разборках», во-вторых, их покровитель гангстер Хорст Фаршер устроился вышибалой в «Топ Тен».

Было решено, что отныне «Битлз» в «Кайзеркеллере» работать не будут, и в тот же день был заключен контракт с Экхорном. Но Кошмидер не оставил это так просто.

За два часа до начала выступления «Битлз» в «Топ Тене» появилась полиция и потребовала у Джорджа паспорт.

Джордж почуял неладное и, надеясь смыться, сказал, что паспорт у него в примерке. Но «фараоны» сопроводили его.

– Ви есть нарушать закон о молодежь, – сказал сержант, закрыв документ. – Ви есть моложе восемнадцать годов. Нельзя.

– А раньше можно было?! – встрял Джон.

– Двадцать четыре часа покидать Германия, – проигнорировал его вопрос полицейский. – Не покидать – тюрьма.

Вернув паспорт и козырнув, полицейские удалились.

«Битлз» переглянулись.

– Что будем делать? – спросил Пит.

– Да ну их, не посадят! – махнул рукой Стюарт. – Забудем об этом.
– Немцы законов не забывают, – заметил Пол.
– Но почему раньше-то все было нормально? – удивлялся Джордж.
– А ты не понял?! – разозлился Джон. – Это же твой «учитель» настучал. – И он процитировал недавно сочиненный стишок:

«Гадкий Бруно Кошмидер,
Мозг твой сверху брит и сер,
А в голодном жадном брюхе
Пауки живут и мухи!»

– Поедем домой? – спросил Пол.
Ответить ему никто не успел, в гримерку заглянул Экхорн:
– Что у вас тут стряслось?
– Джорджу нет восемнадцати... – начал Джон.
– Что же вы раньше мне не сказали! Нет, так дела не делаются...
– Петер, а ты помочь не можешь?
– В полиции у меня никого нет.
– Тогда нам придется вернуться в Ливерпуль.
– И ноги вашей больше не будет в «Топ Тене»! – Питер Экхорн вышел, сердито хлопнув дверью.

– Если мы сейчас уедем, в Гамбург нам дорога будет заказана, – резюмировал Джон. – С Кошмидером мы уже работать не сможем, а теперь еще и с Экхорном разругаемся.

И он тут же принял решение:

– Значит так. Джордж уезжает домой. Мы остаемся и работаем без него.

– А соло? – возразил Пол.

– Сам буду играть, – отрезал Джон.

«Та-ак, – подумал Пол, – мало нам плохого бас-гитариста...»

Как ни странно, Джон прилично справлялся с поставленной перед собой задачей. Тем более, что весь день перед отъездом Джордж показывал ему свои самые характерные гитарные рифы.

В «Топ Тене» их принимали на ура, к тому же большая часть тусовки «Кайзеркеллера» перешла сюда вместе с «Битлз».

Но все это продолжалось недолго.

Экхорн снял для них небольшую квартирку. Но в кинотеатре «Бемби»

у самых пижонистых – Пита и Пола – осталось кое-что из одежды. Ключи были еще у них, но они боялись Кошмидера и его людей. Пойти туда решились только через пару недель, хорошенько для храбрости выпив.

Был понедельник, выходной. Отперев дверь, они к своей бывшей «спальне» пробирались в темноте, боясь включить свет. Пит стукнулся головой о притолоку и чертыхнулся.

– Погоди, – Пол достал спички.

Огонек осветил их недавнее убогое пристанище.

– Ты свети, а я все соберу, – предложил Пит.

– Ты не найдешь, – возразил Пол.

Он скомкал несколько листов с творениями Джона, подкинул пару презервативов, во множестве валявшихся на полу, и, запалив небольшой костерчик, полез через кровати к своему месту.

Внезапно стало значительно светлее.

– Эй! Ты что натворил! – закричал Пит.

Пол обернулся и выпучил глаза. Свисающие со стены лохмотья обоев пылали как сухая солома.

Поджигатели стали пожарниками. Сорвав с себя пиджаки, они принялись сбивать огонь, но тот перескакивал с одного куска обоев на другой.

И все же им удалось подавить пламя. Кашляя, чихая и протирая слезящиеся от дыма глаза, они вывалились на улицу.

– Ну, слава Богу, – облегченно вздохнул Пит. – Если бы мы спалили этот чертов сарай, мы бы потом во век не расплатились. Пойдем отсюда!

– А одежда?! – дернулся было Пол обратно.

– Надо делать ноги! – осадил его Пит. – Ты посмотри какой дымина! Сейчас сюда немцы набегут!

Пол с сожалением махнул рукой, и они поспешили прочь.

Буквально через пару часов в дверь их квартиры позвонили.

Открывать пошел Джон, и вскоре вернулся с вытянутым лицом.

– Кто? – спросил Стью.

– Демонстрация немецких полицейских, – мрачно ответил Джон. – Они стоят перед домом с плакатами: «Проклятые „Битлз“, убирайтесь в свою Англию и поджигайте там свои английские кинотеатры!»

– Дурак ты, – сказал Пит.

– Зато я пожаров не устраиваю, – парировал Джон и протянул какую-то бумажку. Это было официальное уведомление о том, что всем им надлежит в течении суток покинуть Германию.

– Как они узнали?! – изумился Пит.
– Вычислить нетрудно, – ответил Джон. – Ключи-то у нас. Опять гуру Кошмидер постарался...
– Мало ли что у нас ключи! – возмутился Пол. – Что это за законы?! Может быть мы ни при чем?
– Это ты в участке объясняй. А еще, мальчик, посоветую тебе заткнуться и убрать подальше из прихожей свой обгорелый пиджак.

Сборы были недолгими. Денег наскребли на три железнодорожных билета, но этого хватило: Стюарту купила билет девушка по имени Астрид Кирхгерр. Да к тому же еще и на самолет. Астрид была фотохудожницей. Похоже, со Стюартом у них намечался роман.

Петер Экхорн был раздосадован. Но пообещал похлопотать и сделать возможным их возвращение. Конечно же, не раньше марта, когда Джорджу стукнет восемнадцать.

Уже на вокзале выяснилось, что вес их багажа (две гитары и усилитель) на три килограмма больше, чем можно было провозить бесплатно. А денег на доплату уже не было.

Пол отправился с Джоном в мужской туалет и там гитарным шнуром привязал усилитель ему к спине. Надев поверх куртку, Джон был вынужден изображать горбуна.

Но оказалось, это не так уж плохо. Весь путь от Гамбурга до Ла Манша его подкармливали две пожилые сердобольные немки. (Пит и Пол ехали в другом купе.) Добрым фрау было ужасно жаль столь молодого близорукого калеку.

К тому же, настроение Джона было таким мерзким, что ему совсем не хотелось разговаривать с ними, и он «закосил» еще и под глухонемого.

Он периодически слезал с верхней полки, пожирал предложенные ими разносолы и сладости, затем корчил им рожи, делал какие-то невразумительные знаки руками и залезал обратно наверх.

Фрау умиленно переглядывались, вздыхали и украдкой смахивали с глаз слезы сострадания.

Перед выходом на перрон в их купе заглянул Пол. Джон вскочил:

– Давай, отвязывай! – у глухонемого горбуна вдруг прорезался голос.

Он повернулся к Полу спиной и задрал куртку.

Фрау смотрели на него, открыв рты. Пока «рассасывался» горб, Джон зачем-то сделал им еще парочку все тех же невразумительных «глухонемых» знаков. Затем прощально помахал рукой и исчез.

Влетел в квартиру с криком:

– Мим, привет! Дай быстрее пять шиллингов, заплатить таксисту!

– А где же твои хваленые сто фунтов? – с нотками торжества спросила тетя Мими, хотя, конечно же, она от всего сердца обрадовалась его возвращению.

– Потом, потом! Сейчас нет времени!

Мими, ворча, вручила Джону деньги, тот выскочил на улицу, но вскоре вернулся в гостиную, где ему уже был накрыт стол.

– Итак, – констатировала тетя, – ты приехал без гроша.

– Да! Зато я целых три месяца не тратил твоих денег! – нашелся Джон, уплетая тефтели.

– Ну почему у всех – нормальные дети?! Все твои бывшие одноклассники работают на нормальных работах или учатся в нормальных колледжах...

– Почему я должен быть как все?! Пусть тогда меня так и зовут: «Все». Но ведь нет, я – Джон Леннон, а не Все. Я знаю, Мим, я тебя огорчаю, но скоро все будет не так! – воскликнул Джон, размахивая тефтелю на вилке.
– Я тебе обещаю.

– Эх, Джон, Джон, – смягчилась тетя и потрепала его шевелюру. – Ты все никак не можешь вырасти...

По правде говоря, во время гамбургской эпопеи они порядочно друг другу надоели. Джонку казалось, что им никогда не захочется встретиться снова. Но прошло только два дня, и к нему заявился Пол.

– Чего тебе? – вместо приветствия спросил Джон, не снимая дверной цепочки.

– Синтия у тебя? – вопросом на вопрос ответил Пол.

– А тебе какое дело? – удивился Джон. Но цепочку снял.

– А что уже и спросить нельзя? – Пол втиснулся в прихожую.

– Чего это мы с тобой вопросами разговариваем? – начал злиться Джон.

– А что, надо ответами разговаривать? – не менее враждебно спросил Пол.

– А может быть, тебе убраться отсюда?

– Да ты что, совсем обалдел?!

– Ладно. – Джон решил прекратить беседу в этом глупом ключе. – Чего тебе?

– Синтия у тебя? – снова спросил Пол.

– А тебе какое дело?..

Они уставились друг на друга. Дурацкий разговор явно пошел по второму кругу. Разомкнуть его сумел Пол:

– Мне нужно поговорить с тобой с глазу на глаз.

Джон облегченно вздохнул и неожиданно почувствовал к Полу симпатию.

– Так бы сразу и сказал. Ну, проходи, дружище.

Синтия действительно жила теперь тут, в доме тети Мими. Но сейчас она была в колледже.

Поднявшись к Джону, Пол уселся на диван.

– Помнишь клуб «Джакаранда»? [\[31\]](#) – начал он. – Классный.

– Конечно, классный! – Джон понял, что Пол договорился насчет работы.

– Его больше нет, – сообщил Пол. – Сгорел. Дотла.

– Ха! – Джон плюхнулся в кресло. – У Вильямса любое дело в руках горит!.. – Внезапно его осенило: – Вы с Питом случайно не хранили там свою одежду?

– Вильямсу я не доверю даже дырявые ботинки Джорджа, – покачал

головой Пол.

– Ясно. И ты пришел, чтобы сообщить мне об этом?

– Да.

В дверь позвонили, и, спустившись, Джон встретил Пита.

– Синтия у тебя? – начал тот.

– Проходи, нету ее, – уже не удивился Джон. Похоже, все его друзья стесняются Синтии. – У меня Пол. Поднимаясь по лестнице, Джон пояснил: – Думаем, где работать дальше.

– Думаете? – усмехнулся Пит злобно, усевшись на место Джона. – Думаете, значит... Голова не заболела? Пока вы думаете, люди работают...

– Не томи, – попросил Пол.

– Короче. Я поговорил с мамашей. – (Совсем недавно Мона Бест открыла в подвале своего дома на улочке Хейменс Грин клуб под названием «Касба»^[32].)

– Неужели согласилась? – не поверил своим ушам Пол.

– Не только согласилась, – продолжил Пит, закидывая ногу на ногу, – но и всю рекламу взяла на себя. Плакаты, газеты и радио... Но есть один нюанс.

– Будем работать бесплатно? – догадался Джон.

– Да нет, что ты! Сорок пять фунтов за выступление. Совсем другой нюанс...

Пол и Джон переглянулись. Сумма была приемлемой.

– Ты или говори, или пошел вон! – рявкнул Джон.

– Ну вы же не против? – еще раз удостоверился Пит. – К тому же, плакаты уже расклеены...

– Да мы бы не против. Если бы не нюанс... Какой нюанс-то?! – заорал Джон, чувствуя, что если Пит и на этот раз не объяснит ситуацию, он его просто убьет.

– Мы немцы. По-английски – ни слова.

Пол и Джон онемели.

– Я тут ни при чем, – сразу начал оправдываться Пит. – Это Нил Аспинолл. Мать ему сказала только, что мы приехали из Гамбурга... Ну что, согласны?

– Зер гут? – спросил Джон Пола.

– Хайль Гитлер, – ответил тот.

– Хенде хох, – согласно кивнул Джон Питу.

С точки зрения рекламы, ход был верным. Как в Гамбурге наибольшей популярностью пользовались группы из Англии, так и в Ливерпуле –

немецкие. Но требование «ни слова по-английски» было конечно же невыполнимо. Вылилось оно только в то, что каждую песню Джон начинал со счета: «Айн, цвай, драй, фир»... Завсегдатаи «Касбы» воспринимали факт немецкого происхождения «Битлз», как удачную шутку.

Мона Бест была не слишком довольна неопрятным видом своих музыкантов, но популярность «Битлз» стала уже бесспорной, а ее Пит выглядел, как раз, вполне респектабельно. Разговаривая с посетителями, она частенько замечала: «А это – „Битлз“, группа моего сына...» Что несказанно бесило Джона.

Как это ни странно, именно то, что Пит устроил их в «Касбу» отдаляло его от остальных. Они были тут «наемными рабочими», он же чувствовал себя хозяином и не стеснялся подчеркивать это.

– Садись сюда, – подозвал он как-то за свой столик Стюарта после выступления. – Знакомься, – он указал на сидящих с ним девочек: – Энни, Венди и Джейн. Какая больше нравится?

Стюарт пожал плечами. Ему не хотелось обижать девушек.

– Скучный ты парень, Стью, – пьяно усмехнулся Пит. – Никак тебя не пойму. Сколько вокруг девчонок, а ты все свои картинки малюешь... – Он оглядел своих подружек. – А? Девочки, вам он нравится?

– Да уж побольше, чем ты, – заявила Венди.

– Ага, – покачал головой Пит. – А спать ты все равно будешь со мной.

– Ну и буду, – согласилась Венди. – Ну и что? А он мне все-таки больше нравится.

– Может, хватит? – заговорил Стюарт. – Давай, лучше выпьем.

– Ты мне все-таки объясни, – наливая виски, спросил Пит, – за что ты меня не любишь? Вот я, например, тебя люблю.

Стюарт выпил залпом и поставил стакан на стол:

– Наливай еще, может, и я тебя люблю.

– Нам уйти? – хихикнула Венди.

Стюарт выпил снова.

– Ты очень хорошо вписываешься в этот интерьер, Пит, – загадочно сказал он и, поднявшись, покинул компанию.

Работа в «Касбе» несколько изменила стиль группы. Сюда приходили люди побогаче, и тот рев, который имел успех на площадках Гамбурга, здесь уже прокатывал не всегда. Нужны были милые мелодичные песенки.

За их сочинение и исполнение с удовольствием брался Пол. И принимали его даже лучше, чем Джона. Он писал прекрасную музыку, но с текстами приходилось помогать и Джону. То, что это – необходимость,

Джон понимал. Но смириться с этим не мог.

– Я сочинил отличную мелодию! – радостно сообщил Пол однажды перед выступлением.

– Надеюсь, это рок-н-ролл? – подозрительно спросил Джон.

– Нет, но ты послушай...

– Ясно. Мне опять придется придумывать для тебя какую-нибудь дребедень. Надоело.

– Ты послушай сначала.

– Ну, давай.

Джон уселся на стул с явным намерением объяснить Полу по окончании, какой же он все-таки слащавый дурень.

– Рефрен я уже придумал, – заметил Пол, прежде чем начать, – «И я ее люблю».

– Я так и знал, – поморщился Джон.

Пол заиграл, напевая красивую мелодию и заканчивая каждый куплет фразой «And I Love Her...»^[33]

Джордж, подсев рядом с гитарой, подыграл соло.

– Дерьмо, – сказал Джон, дослушав.

– Иногда мне хочется дать тебе по морде, Джон, – отозвался Пол.

– Дай.

– А ты слова напишешь?

– После того, как тебе дали по морде, можно написать только рок-н-ролл, – заметил Джордж.

– Все-таки, он мне нравится, – сказал Джон, отечески похлопав Джорджа по плечу: – А тебе-то как эта песенка?

– Дерьмо, – сказал Джордж. – Но тут эта штука – в самый раз.

– Значит так, – подумав, решил Джон. – Слова я напишу. Прямо сейчас. Но с завтрашнего дня мы будем искать другой клуб.

Уже три месяца они приносили домой деньги. Пусть и невеликие, но не меньшие, чем зарабатывает школьный учитель. Тетя Мими почти перестала пилить Джона, а Харрисоны Джорджа буквально боготворили.

Что касается Пола, то в первый же день возвращения из Гамбурга Джим Маккартни устроил его в компанию «Масси энд Коггинз», наматывать электрические катушки за семь фунтов в неделю. Долго Пол там не продержался. Но теперь он зарабатывал значительно больше, и отец стал вести себя с ним, как с равным.

Только шестнадцатилетнего Майкла эта ситуация радовала не слишком. Вышло так, что Пол, который еще год назад был таким же, как

он, стал теперь взрослым. А к нему продолжали относиться, как к ребенку. И ему просто не хватало общения с братом.

– Я тоже хочу быть музыкантом, – как-то сказал он.

– Угу, – ответил Пол, не отвлекаясь от чтения книги.

– Что читаешь?

– Да так...

Майкл заглянул на обложку снизу.

– «Алиса в зазеркалье»?

– Ну.

– Ты сегодня опять выступаешь?

– Да.

– Или дома будешь?

– Ага.

Бесцельно походив по комнате, Майкл придумал, наконец, как обратить на себя внимание. Он выключил свет.

– Опять электричество вырубili? – спросил Пол, откладывая книгу.

– Не говори, – отозвался Майкл. – Ты сегодня выступаешь?

– Куда ж я денусь? – ответил Пол и растянулся на кровати.

– Возьми меня.

– Зачем? Ничего там интересного нет.

– Да? Все пацаны говорят, что вы клево играете.

– Серьезно? – заинтересовался, наконец, разговором Пол. – Ну ладно, если хочешь, возьму.

– Тогда читай.

Майкл снова щелкнул выключателем, и свет зажегся.

Они засмеялись, посмотрев друг на друга.

– Все-таки ты – урод, – сказал Пол. – Один пойдешь или с девочкой?

Иногда Джон брал в «Касбу» Синтию. Но ей там зачастую было одиноко. То он торчал на сцене, то, сидя рядом, всячески подчеркивал свою независимость. Он считал, что статус «почти семейного человека» плохо повлияет на его имидж.

У Пита Беста такого комплекса не было, и в эти моменты он вовсе волочил за ней. Синтия была рада, что хоть кто-то уделяет ей внимание и, зная, конечно же, меру, отвечала на его ухаживания.

Расплата наступала дома.

– Ты мечтаешь выйти замуж, – говорил Джон, – в чем же дело? Пит – отличная пара для тебя!

– Джон, перестань, – пыталась она успокоить его.

– Что перестань?! Вы прекрасно смотрите! Ты будешь варить ему суп. Мелкобуржуазный гороховый суп! А он будет читать газету. И пердеть!

– Ты невыносим!

– Вот-вот. А он – очень даже выносим! И такой симпатичный!

– Если ты так этого хочешь, я уйду домой, – заявила Синтия и принялась собирать свои вещи.

– Домой?! Если бы домой! Знаю я, куда ты пойдешь!

Синтия бросила сумку на пол и села на стул.

– Все-таки ты – идиот, – сказала она, чуть не плача. – Но я... Я все равно...

– Еще скажи, что ты меня любишь, – сказал он и уселся напротив, на кровать, испытующе на нее глядя.

Синтия вскочила и распахнула окно.

– Он – идиот! – закричала она на весь Вултон. – Но я его люблю!!!

И обернулась:

– Доволен?

Джон демонстративно похлопал в ладоши. Потом не выдержал и улыбнулся.

– Ладно, – сказал он. – Оставайся. Иди на кухню. Приготовь мне гороховый суп. Иногда мы друг друга стоим.

Бойкая блондинка, подружка Синтии, Дороти Роун теперь уже «официально» считалась девушкой Пола. Днем она училась в художественном колледже, вечерами подрабатывала продавщицей аптеки, а после работы неслась в «Касбу». Тут они нередко и оставались с Полом до утра... Но он регулярно отправлял трогательные письма в Германию – фройлен Лиззи.

Что ж, у него был достойный учитель: находясь в Гамбурге, Джон педантично отправлял Синтии по письму в день, независимо от того писал он его в одиночестве или под диктовку какой-нибудь проститутки...

Многочисленному семейству Харрисонов приходилось встречаться всем вместе чуть ли не каждую неделю, чтобы отметить тот или иной юбилей.

Джордж свое восемнадцатилетие отмечал дважды. Первый раз – в «Касбе», с друзьями, во второй, двадцать пятого февраля, в узком семейном кругу. Точнее, не в «узком», а в тесном. Тут были не только его старшие братья и сестра, но и их истошно кричащие чада.

– А я-то думал, младшенький у нас – дебил, а, Луиза! – стараясь

переорать всех, горланил Харольд. – (Мать, и старшую сестру Джорджа звали одинаково.) – А он – посмотри-ка! Талант! Кстати, сколько тебе лет-то исполняется?

– Восемнадцать, – ответил Джордж, ничуть не удивившись папшиной неосведомленности.

– Оба-на! – Харольд ударил ладонью о ладонь. – Так тебе жениться пора! Наливай! – он поднял стакан. – За невесту моего сына!

– Папа, у меня еще нет невесты.

– Вот за это и выпьем! И не женись! – Харольд опрокинул стакан в глотку.

– Как это не женись?! – засуетилась мать. – А подарок-то, подарок!

– Сейчас, мама, – отозвалась Луиза. – Я принесу.

Пока она ходила, мать объясняла:

– Мы тут подумали. Мы тебе раньше всегда все навыrost покупали...

– Так экономичнее, – рыкнул Харольд, а мать продолжала:

– Ну, а теперь-то ты уже и сам можешь себе купить все, что захочешь...

Сестра вернулась, толкая перед собой коляску с ребенком.

– Это тебе навыrost, – объяснила мать.

Джордж слегка оторопел. Такого он не ожидал даже от своих экстравагантных родственников. Но сделал вид, будто все нормально.

– На выrost, – повторил он, кивнув. – И пока он растет я буду его воспитывать. Нормально...

Гости притихли.

– Ты что, Джордж? – посмотрела на него Луиза с легким испугом. – Ребенок мой. Мне его просто положить было некуда.

– Я же говорил, что он у меня – дебил! – заорал Харольд.

Гости принялись радостно галдеть.

– Твоя – только коляска! – пояснила мать.

– А-а, – отреагировал Джордж. – Нормально. Я пока в нее буду гитару класть.

Теперь «Битлз» могли снова ехать в Германию. Все-таки в «Топ Тене», им нравилось больше. К тому же, там они могли рассчитывать на больший заработок.

Но еще перед отъездом произошло довольно значительное событие. Желание Джона сбежать из «Касбы» реализовалось: Аллан Вильямс предложил им работу в престижном джаз-клубе «Каверна» Рэя Мак'Фолла на Мэтью-Стрит.

До сей поры тут играли только высокопрофессиональные джазмены. Но рок-н-ролл стал уже достаточно популярен, и, чтобы привлечь сюда и его любителей, хозяин решил два раза в неделю отдавать его на откуп «Битлз».

Джону это нравилось по двум причинам. Они достигли ливерпульской вершины. Они могли играть все, что им заблагорассудится.

Но, работая только два дня в неделю, получать они стали несколько меньше.

В первый же вечер появления «Битлз» «Каверна»^[34] из элитарного заведения со свечами не столах превратилась в шумный бит-клуб. И в первый же вечер у входа выстроилась солидная очередь желающих сюда попасть.

Принимали их великолепно. Тут были и их старые поклонники, и завсегдатаи «Каверны», для которых новая музыка стала чем-то вроде давно назревавшей встряски. Давно уже Джон не пел так самозабвенно. Но не меньшим успехом пользовался и Пол. Теперь, когда никто не заставлял «Битлз» играть лирические песенки, Джон не только смирился с ними, но и по достоинству их оценил.

Аплодисменты стихли. Джон первым вернулся в гримерку и обнаружил там двоих молодых джентельменов. Джон не сразу узнал их и, прищурившись, внимательно вгляделся.

– Зазнался? – спросил один.

– Шоттон?! Айвен?! – радостно закричал Джон и бросился обнимать друзей детства, которых не видел уже очень давно.

– К тебе не пробьешься, – заметил Пит Шоттон. – А билеты дорогие. Еще бы я платил деньги за то, чтобы посмотреть на Джона Леннона! – гости довольно заржали. – Мы лучше вот что на них купим! – И Пит начал выставлять из портфеля бутыл за бутылю.

Подошли остальные.

Веселье затянулось до утра.

Айвен и Пит отправились проводить Джона домой.

– Как в добрые старые времена, – впал он в лирику. – Помните, как мы часами шатались тут? О! – он остановился, – помните этот дуб? Мы залезали на него и, свесив ноги, старались коснуться крыш автомобилей...

– Не говори, – согласился Айвен. – И ты был первый. Ха! Только Джимми Тарбука не хватает. Помнишь, как он тебя, а?.. – он хлопнул Джона по плечу.

– Да-а, – улыбался тот мечтательно, словно они говорили о самом приятном событии детства.

– А я еще кричу: «Он слепой! Он своего пупа не видит!...» – припомнил Пит, и они засмеялись. – А он тебе: «Гуляй профессор!...»

– Ты знаешь, кто он теперь? – спросил Айвен.

– Вышибала в кабаке, – уверенно сказал Джон.

– То-то и оно, что нет. Он сейчас актер. Уже в какой-то кинокомедии снялся. Я в газете читал.

– «Однажды великий актер Тарбук тряс за грудки великого музыканта Леннона...» – произнес Пит, словно что-то цитируя. – Так об этом и напишут. А мы с тобой, Айвен, будем гордиться, что видели это своими глазами. – Он даже остановился от нахлынувших чувств. – Странная штука – жизнь.

Но Айвен сбил его лирическое настроение:

– Давай, ему тумачков надаем, пока можно? – предложил он.

– Идея! – обрадовался Пит, и, не пряча дела в долгий ящик, дал Джону подзатыльник. – Здорово, правда?!

– Эй-эй! Вы чего это? – попятился Джон.

– Чтоб не забывал! – вкатил ему затрещину Айвен. – Может и про нас напишут!

Джон кинулся бежать, а дружки, смеясь и улюлюкая бросились за ним вдоль по Пенни Лейн – улице их детства...

Странная штука – жизнь.

В апреле шестьдесят второго они вновь отправились в Гамбург. Теперь уже не в «свободный полет», а точно зная, куда. В «Топ Тен». Ведь Петер Экхорн обещал принять их.

Поезд, останавливаясь, медленно плыл вдоль гамбургского перрона. «Битлз» пялились в окна, обмениваясь мнениями по поводу попадавшихся на глаза девушек.

– Ух ты! – вскричал Пол, увидев среди встречавших стройную блондинку в необычном кожаном костюме в обтяжку. – Вот это девочка!

– Да-а, – цокая языками, согласились остальные.

– Я бы ей засандалил, – пошел дальше всех Пит.

Но их перебил Стюарт:

– Я кому-то засандалю! Вы обалдели, что ли?! Это же Астрид!

Тут только ее узнали и остальные. Астрид Кирхгерр, девушка Сатклиффа, та самая, которая в прошлый раз купила ему билет на самолет.

– Извини, Стью, – смутился Пол, а затем с надеждой поинтересовался: – У нее случайно нет сестренки?

– Только братишка.

– Не подойдет? – потирая руки спросил Пит.

Пол сокрушенно покачал головой:

– С кем я связался... Подонки. А ведь я мог бы стать учителем. И еще не поздно...

– И не надейся, – сунул ему под нос кулак Джон. – Я тебя из-под земли достану...

– Эй, Стью, а что это там с ней за тип? – обратил внимание Пит Бест на стоящего рядом с Астрид молодого человека в очках, типичного студизуса.

– Его зовут Клаус, – помрачнел Стюарт. – Ее прежний дружок... Сначала я познакомился с ним, а потом уже с ней... Но я думал, она порвала с ним.

– Богема! – усмехнулся Джон. – У этой публики никогда не поймешь, кто с кем спит. Значит, пока тебя не было, она снова развлекалась с этим?..

Стюарт стиснул зубы и пожал плечами.

Студиозус поспешил представиться сам, как только они вышли из вагона:

– Клаус Воорман, – сказал он, протягивая руку всем поочередно.

– Он тоже художник и тоже играет на бас-гитаре, – пояснила Астрид. – Я теперь только с такими и дружу...

Стюарт напрягся еще сильнее.

Удалившись с Астрид и Клаусом, он появился в снятой для них Экхорном квартире только утром следующего дня. (Хозяин «Топ Тена» не обманул их, и вновь заключил с ними контракт на довольно приличных условиях.)

Одет Стюарт теперь был в такой же, как у подруги, кожаный костюм, а прическа его была просто невообразимой: волосы были зачесаны на лоб и на уши, а затем ровно пострижены.

Открывший ему Джордж поднял брови:

– Твой вид, Стью, подрывает мою веру. Теперь я, пожалуй, соглашусь с тезисом о происхождении человека от обезьяны.

Джон, увидевший его вторым, повалился на кровать и заржал, тыча в него пальцем:

– Что это у тебя на конце шеи?!

– Где? – опешил Стюарт. Потом понял: – На голове, что ли?

– Да! Тебе еще усы приделать, и Гитлер готов!

– Сам дурак, – огрызнулся Стюарт. – Астрид сказала, что это «французский стиль», а Клаус говорит, что такая прическа подходит к нашей музыке. А он, между прочим, соображает получше вас всех.

– Он что, слышал нас? – поинтересовался Пит.

– Слышал.

– Не высокого же он мнения о наших песнях...

Джон испытывал легкую ревность. До сих пор ни один из них не привязывался к девушке настолько, чтобы ее мнение значило для него что-то серьезное. Его чувство вылилось в ехидный вопрос:

– Как вы будете делить свою Астрид с эти Клаусом? Если она будет спать с тем, кто лучше рисует, тут у тебя, возможно, еще есть какие-то шансы, а вот если с тем, кто лучше играет, боюсь, твоя карта бита.

– Я давно тебе говорю, что музыкант из меня – никакой, – обиделся Стюарт. – Зачем же ты уговорил меня ехать? Я, между прочим, не навязывался, Тебе все не нравится – и то, как я играю, и Астрид, и эта прическа...

– Хватит вам ссориться, – вмешался Пит. – Каждый делает то, что ему нравится.

А Пол и Джордж, переглянувшись, пошли к выходу.

– Куда это вы? – подозрительно спросил Джон.

– В парикмахерскую.

Вечером все «Битлз», кроме Пита Беста, очень высоко ценившего свою внешность и не пожелавшего расстаться с элвис-преслиевским чубом, вышли на сцену «Топ Тена» с одинаковыми обезьяньими прическами. Одинаковой была и одежда: кожаные пиджаки, джинсы в обтяжку и дешевые остроносые полуботинки. Но Стюарт не мог себе позволить не быть оригинальным, и отныне он выходил на сцену только в солнцезащитных очках. Эту манеру он слизал у модного актера польского киноандеграунда Збигнева Цибульского.

Когда все это покупали, ботинок нужного Джорджу размера не нашлось, но Джон настоял на том, чтобы обувь была стандартной. Джорджу пришлось надеть ботинки на два размера больше, набив концы ватой. Уже через неделю они загнулись как туфли восточного волшебника, но это только работало на имидж Джорджа – чудака с неземными мыслями.

То, как они теперь выглядели, упрочило их славу «сумасшедших англичан». И молва эта ширилась. Не прошло и месяца, как стало общепризнанным мнение, что «Битлз» – лучшая группа Гамбурга.

Потому-то в мае именно к ним подошел продюсер местной фирмы грамзаписи «Полидор» Берт Кемпферт:

– Нужен аккомпанирующий состав для пластинки Тони Шеридана, – сказал он, в пятнадцатиминутном перерыве, потягивая с «Битлз» пиво.

– Опять аккомпанировать?! – возмутился Джон. – Почему бы вам не записать нас самих?

– Поете вы хреново, – объяснил Берт.

– Да?! – обиделся Джон. – А чего же к нам так народ ломится?

– Всем нравится, как вы кривляетесь, вот они и ломаются. А на пластинке этого не видно.

– Да?! – точно с той же интонацией, что и Джон, воскликнул Стюарт. – Может, вам и как мы играем не нравится?

– Как ты – точно не нравится, – заявил Берт. – Мне у тебя только очки нравятся.

– Ну и все тогда, – окончательно обиделся Стюарт. – Я записываться не буду!

Слишком часто в последнее время ему тыкали его слабой техникой. Действительно, если бы не уговоры Джона и не желание встретиться с Астрид, он бы и в Германию не поехал.

– Пожалуйста, – пожал плечами Берт. – Не хотите, не надо. Мало ли в Гамбурге музыкантов? А я, между прочим, плачу неплохо...

– Хотим-хотим, – вмешался Пол и обернулся к Джону. – Если мы решили прославиться, от таких предложений не отказываются.

– Я записываться не буду, – твердо повторил Стюарт.

Когда они играли в ливерпульской «Каверне», Стюарт, серьезно относившийся к своим успехам в живописи, несколько раз по тем или иным причинам отпрашивался у Джона, и на базе, переставив струны под левую руку, его подменял Пол. Звучали «Битлз» тогда даже лучше.

– Стью, – как бы оправдываясь, обернулся к нему Пол, – если ты не против, я за тебя сыграю?..

Стюарт с деланным равнодушием пожал плечами и посмотрел на Джона. Но тот отвел взгляд. Его гнев уже остыл. А искушение увидеть свое имя на конверте настоящей пластинки, пластинки с большим тиражом, было очень велико.

– По рукам? – спросил Берт и протянул ладонь.

– По рукам, – вздохнул Джон, чувствуя, что совершает маленькое предательство. После рукопожатия он обернулся к Стюарту:

– Не обижайся...

– Да ладно, чего там, – махнул рукой тот. – Все нормально. Хочешь совет?

– Ну?

– Пусть на записи стучит Ринго. Как в тот раз... – Стюарт не заметил, что сзади к ним подошел Пит.

– С чего это вдруг?! – возмутился тот. – Если ты сам играть не хочешь, не решай за других!

– Ладно, проехали, – поморщился Стюарт.

– Почему это проехали?! Я уже давно заметил, что ты под меня копаешь!

– Перестань, Пит, – вмешался Пол.

– Что перестань?! Носитесь со своим Стюартом, как с писанной торбой, а я как будто и не с вами играю.

– Мне кажется, ты сам держишься отдельно... – начал Пол, но Пит его перебил:

– Не знаю, что тебе кажется! Не надо решать за меня! – И в который уже раз повторил свою присказку: – Каждый делает то, что хочет!

Впервые Пол подумал о том, что они оба – Пит, и Стью – чужие для остальных. Пит был симпатичнее ему. Его желания были понятны, как и сам Пол, он любил комфорт, красивую одежду и девочек. А Стюарт чертовски умен... Но для них обоих музыка была только средством. Для остальных же она была сутью.

До сих пор молчавший Джордж, заметил:

– Если мы будем работать в том же режиме, мы или свихнемся, или начнем грызть друг другу глотки.

Действительно, ежедневная восьмичасовая игра делала их раздражительными и агрессивными. Спасали наркотики.

Вскоре Пол припомнил брошенную Джорджем фразу при совсем других обстоятельствах. Как-то, проснувшись среди ночи, он, в сочившемся через окно лунном свете увидел Джорджа, в одних трусах стоящего на карачках перед кроватью Джона. Он что-то тихонько бормотал, и Пол подумал, не рехнулся ли тот окончательно на религиозной почве или от передозировки транквилизаторов.

Пол прислушался.

– ...Мне тоже иногда бывает одиноко, – говорил Джордж. – Но я знал, что может спасти нас от депрессии. Маленький кусочек сыра. И я не ошибся. Наша жизнь снова имеет смысл...

Пол перепугался окончательно, тихонько повернулся носом к стенке и постарался заснуть.

Весь следующий день он с нездоровым интересом приглядывался к Джорджу, но тот вел себя, как нормальный.

На самом деле Джордж не сошел с ума. Просто он обнаружил в их квартире еще одного жильца. Это была мышь. Она жила в норе с выходом под кроватью Джона.

Джордж был склонен дружески относиться к любой твари Божьей. Почему-то уверенный, что имеет дело с представителем сильного пола, он окрестил мыша Марком и, подкармливая его по ночам, вел с ним житейские, а порой и теологические беседы.

Их квартира в портовом районе Гамбурга превратилась в натуральный клуб. Реже остальных тут бывали Пит и Стю. Пит ночевал то у одной, то у другой подружки, а Стюарт практически жил у Астрид.

Зато подруга Пола – «головокружительная Лиззи» – постоянно торчала здесь. «Прописался» тут и Клаус Воорман, сдружившийся с Джоном и как бы заменявший ему Стю. Ринго Старр, теперь – лучший друг Джорджа, иногда даже оставался у них ночевать.

Вот и сегодня вечером они сидели именно в таком составе.

В огромной кастрюле Лиззи сварила глинтвейн – из дешевого вина и дешевых яблок, и все потягивали горячий и терпкий, отдающий корицей напиток.

– Я предлагать сегодня играть в правда, – заявила вдруг Лиззи, сидевшая с Полом на диване.

– В правду? – не понял Пол, неловко обнимая ее одной рукой. – А мы что, разве врем все время?

– Пол, ты быть глупей, чем мне, – улыбнулась Лиззи. – Самый главный правда. Самый-самый! Подождите! – вскочила она. – Сейчас!

Она сбегала на кухню и принесла оттуда подсвечник со свечей. (В Гамбурге нередко случались перебои с электричеством.) Она поставила свечу на пол посередине комнаты, зажгла ее, потушила свет и снова примостилась возле Пола.

– Теперь – говорить правду, – сказала она. – Что любим, что хотим. – И она сказала что-то еще, по-немецки, Клаусу.

– Иммер берайт^[35], – отозвался тот и, поднявшись со стула, вышел в центр комнаты.

Новый обряд рождался на ходу. Клаус встал перед свечой на колени. Английским он владел сносно.

– Я, Клаус Воорман, студент Гамбургской академии художеств, говорю свою правду. Мой отец был солдатом. Он был хорошим солдатом. Так мне рассказывали, сам я его никогда не видел. Его убили русские в сорок четвертом, когда мне было только шесть месяцев.

А я не хочу быть солдатом. Я хочу рисовать картины о любви. Только о любви. Я хочу, чтобы войны больше никогда не было. Я хочу рисовать обложки для пластинок с песнями, и эти песни должны быть о любви. Вот так. Можете считать меня идиотом.

Он поднялся и вернулся на свое место. Пламя свечи колыхнулось, тени людей и предметов заплясали на стене. Полу казалось, что все происходящее сейчас – очень значимо, что оно имеет какой-то второй, не видный сразу, смысл. Тепло от горячего хмельного напитка внутри, и от желанного тела Лиззи, снаружи, делало окружающее ясным и звонким.

Неловкое молчание прервал Джон:

– Когда-нибудь я попрошу тебя оформить нашу пластинку, – сказал он. – Это будет очень хорошая пластинка.

– Теперь ты, Джон, – предложила Лиззи.

Джон съехал с кровати на пол и, нарушая возникшую атмосферу благоговения, подполз к свече на карачках. Встал перед ней, как и Клаус, на колени. Вдруг посерьезнел, поправил очки и задумался. Потом сказал:

– Я хочу, чтобы была жива мама. Но это невозможно. А раз так, я хочу только одного: быть знаменитым и богатым. Все.

Он, было, начал подниматься, но, передумав, снова опустился на

колени. – Когда я стану богатым, я хочу, чтобы ко мне явился мой отец, который предал маму и меня. И я спущу его с лестницы своего роскошного особняка. Вот теперь точно – все.

Возвращаясь на свое место, Джон бросил: «Похоже на игру в раздевание».

Ринго сам, без приглашения, приблизился к свече и принял соответствующую позу. Свет, падавший снизу, делал его похожим на сказочного гнома. «Почему он до сих пор не носит кольцо в носу? – подумал Пол и усмехнулся. – Носик подходящий».

– Я – Ричард Старки, неграмотный облезлый кот, – сказал Ринго и зачем-то покивал, как бы усиливая этим правдивость сказанного. – И никому я, братцы мои, не нужен, кроме своих друзей. Потому я хочу больше всего на свете, чтобы мои друзья всегда были со мной. Я знаю, так не бывает, но мне очень хочется. Вот так. Это я, как *трибун* вам говорю.

Последнюю его фразу никто не понял, но атмосфера разрядилась.

На исповедальную позицию выдвинулся Джордж. Неожиданно он воздел руки вверх:

– Господин мой, – сказал он, обращаясь к Тому, Кто не мог не слышать его. – Я хочу быть ближе к Тебе. Музыка, вино, любовь, друзья... Я чувствую Тебя во всем этом... Мы с Тобой. Не забывай нас... и Марка. – Он хотел сказать что-то еще, но, оглядевшись, опустил руки и вернулся на место.

– Какого еще Марка? – спросил из своего угла Джон.

– Это мой друг. Такая же тварь, как и все мы.

– Аллилуйя, – ехидно протянул Джон.

А Пол внезапно осознал ускользавший от него второй смысл происходящего. «Что бы мы сейчас не говорили, – подумал он, – это мы клянемся друг другу в верности...»

– Шнеллер, – подтолкнула его Лиззи.

Пол встал перед свечой. И вдруг оказался в центре мира. И стало ужасно трудно собраться с мыслями. Или виноват глинтвейн?

– Недавно мне приснилась мама Мэри, – начал он, сам не понимая, почему заговорил именно об этом. – Она вошла в мою комнату и спросила: «Ну, как ты, сынок?» А я сказал ей: «Я не знаю, как я. Я хотел стать учителем, мама, чтобы ты гордилась мной на небесах. Но выходит по-другому. Похоже, я буду музыкантом...» И вдруг она сказала мне: «Пусть будет так...» И исчезла...

Пол вздрогнул и огляделся. Все внимательно и очень серьезно смотрели на него. При чем здесь сон? Он почувствовал, что должен

продолжать.

– И если уж мне суждено стать музыкантом, я хочу быть самым знаменитым в мире. Вот! – Сказал он. – А еще я, в конце концов, хочу трахнуть свою подружку Лиззи.

Джон поперхнулся вином и закашлялся. А Пол покраснел от смущения, сам удивляясь собственной выходке. И, в то же время, он был горд своей смелостью.

Прокашлявшись, Джон захлопал ему в ладоши, и его поддержали остальные.

Пол вернулся на диван, а Лиззи уже стояла на его месте:

– Я говорить по-английски, чтобы все понимай меня, – сказала она. – Я хочу ехать в Париж. Моя мечта быть балерина, чтобы все сказать: «Какая она прекрасная». Маме стыдно, что я танцевать в ресторане. Я хочу, чтобы она сказала: «Ты умница, Лиззи»... Хочу много денег. Но это за себя. А больше я хотеть за вас. Вы все такие хорошие... Я хотеть, чтобы все, что вы говорить сегодня, сбылось.

– Особенно у Пола, – с усмешкой проворчал Джон из своего угла.

– Особенно у Пола, – с вызовом посмотрела Лиззи в его сторону. – Да.

И она вернулась на свое место. И никто не засмеялся. Даже Джон. Но удержаться от ехидного замечания он все же не сумел:

– Только не сейчас, потерпите, – сказал он, зажигая свет. И волшебство рассеялось. – Пора топать в клуб.

Запись с Тони Шериданом длилась несколько дней. Он был «свой в доску» и большинство песен, которые он спел, были самыми популярными хитами. Кроме того «Битлз» уже давно и сами играли их в клубе. Так что особых проблем не возникло.

Правда, Берт Кемпферт заявил, что название «Битлз» немецкую публику вряд ли привлечет, да, к тому же, оно созвучно с местным сленговым словечком «пидлз», означавшим член. И он предложил назваться подругому – «Бит Бразерз». Как ни странно, Джон легко проглотил это. Его сговорчивость объяснялась просто: если бы они записывались на диск сами, это были бы «Битлз» и только «Битлз», а как аккомпаниаторам, не все ли равно, как называться?

Для пластинки они записали шесть песен, но к июню, когда они собрались обратно в Ливерпуль, диск еще не вышел. Появился только сигнальный миньон с двумя песнями – «My Bonnie»^[36] и «When The Saints Go Marching In»^[37].

Но и это, наряду с отъездом, стало достаточным поводом для грандиозного сабантуя в «Топ Тене». Тут уж в гримерку набились все – и музыканты, и друзья, и подруги.

Шнапс и пиво лились рекой. Проигрыватель надрывался американскими рок-н-роллами вперемешку со слащавыми немецкими шлягерами. Астрид Кирхгерр фотографировала всех на память.

Это было грустное веселье.

– Я вернусь, честное слово вернусь, – говорил Пол, обнимая свою Лиззи. – Не могу же я остаться, когда уезжают все...

И, как гром среди ясного неба, прозвучал тост Стюарта:

– Ребята! – начал он. – Ребята, я хочу сказать что-то важное. Сделайте музыку потише.

Проигрыватель выключили, все зашикали друг на друга.

– Ребята. Сегодня у нас масса причин для выпивки. Во-первых, расставание, это знают все. А во-вторых, мы с Астрид решили пожениться.

– О-о-о! – обрадованно загалдели все. Только Джон, смекнув, что из этого следует, помрачнел и выкрикнул:

– Ты что, остаешься тут?!

– Да Джон. Прости. Профессор Лерхенфельд сказал, что подготовит меня, и с сентября я буду принят в Гамбургскую академию художеств. Ты знаешь, я плохой музыкант, и до сих пор я был с вами только потому, что очень люблю вас. Но игра в музыку кончилась. Началась настоящая музыка... Эта пластинка, – он взял с колонки миньон и помахал им, – начало больших побед.

Он замолчал, притихли и остальные. Трудно было представить «Битлз» без Стюарта.

– Ты не можешь нас бросить сейчас! – крикнул Джон.

– Я не бросаю. Я отпускаю вас. Я выпрыгиваю из корзины, и шар под названием «Битлз» устремляется к звездам.

А это, – Стюарт положил диск на место и взял за гриф бас-гитару, – это – тебе. – И он протянул инструмент Полу.

Даже по нынешним временам это был королевский подарок, и у Пола, когда он принимал гитару из рук Стюарта, к горлу подкатил комок.

– А теперь – выпьем! – закончил тот.

И в то время, когда все последовали его призыву, он, понизив голос, добавил специально для Пола:

– И не забудь о том, что я тебе говорил, – он показал глазами на Ринго Старра, который, никого не слушая, с идиотским выражением выстукивал что-то ладонями по ляжкам. – Вместе вы будете рядом с Богом.

Пол кивнул. И, сквозь радость от ощущения всеобщего братства, сквозь горечь от расставания с другом, в его душе, словно чернильная клякса через промокашку, проступило пятно безотчетного страха.

Ему нравился Ринго. Но он уже почти не сомневался, что мистические выкладки Стюарта верны.

Так кто же станет следующей потерей?

Нельзя сказать, чтобы Брайан Эпштейн уж очень любил музыку. Но во всяком случае, против музыки он не имел ничего. И, раз уж вышло так, что ему пришлось заведовать отделом грампластинок, он решил подойти к этому делу серьезно.

Во-первых, он выписал самые крупные музыкальные журналы и иногда листал их. Во-вторых, стал лично, часто не без отвращения, прослушивать все поступающие к нему диски. А в-третьих, завел «книгу спроса», в которой фиксировал поступающие заказы и каждый факт продажи. Он хотел ориентироваться в музыкальном рынке.

К его прискорбию, наибольшим спросом у ливерпульцев пользовались не Сибелиус и Григ, а разная грохочущая и бренчащая, преимущественно американская, ерунда. В качестве нештатного корреспондента Брайан стал сотрудничать с местной музыкальной газеткой «Мерси Бит», пытаясь хотя бы таким образом возвышать эстетические пристрастия сограждан.

Однако, бизнес есть бизнес. И потомственный торговец Эпштейн делал все для того, чтобы каждый покупатель мог найти у него то, что хотел.

Неожиданно для Эпштейна-старшего, отдел его непутевого сына на Шарлот-Стрит стал процветать и расширяться.

Настолько, что вскоре появилась возможность превратить его в самостоятельный магазин.

Поначалу Брайан относился к своей работе, как к тяжелой повинности. Но только не теперь. Теперь он летел в свой магазинчик «Немз» как на крыльях. И дело тут было не в коммерческом процветании. Дело было в том, что на днях он принял на работу продавщицу – молоденькую аппетитную еврейку Риту.

Брайан был без ума от нее.

Только для того, чтобы пустить ей пыль в глаза, он купил подержанный, но еще вполне приличный «Форд-зодиак». Только из-за нее он перед выходом на работу не меньше часа проводил перед зеркалом, наводя марафет, оценивая свою внешность, а, соответственно, и шансы.

Именно этим занимался он и сейчас.

«Зрелище не из приятных, – уныло констатировал он, разглядывая свои худые и кривые ноги, не желающие признавать моду курчавые

волосы, а так же розовые, без тени одухотворенной бледности, щеки... – Как не соответствует все это моей тонкой поэтической душе! Но если девушка полюбит меня, она почувствует за этой обманчивой грубой внешностью нежное и трепетное сердце художника!.. Решено! Сегодня я буду настойчив и смел!»

Узрев через стекло витрины машину управляющего, Рита торопливо сказала в трубку телефона:

– Ну, все, Мейбл, мой болван приехал! О, Боже, видела бы ты какой ужасающий куст герани он тащит в своих лапах! Купил?! Жди! У мамочки из горшка украл, точно говорю! Ну все, пока! Позвоню позже...

Рита торопливо бросила трубку, одернула юбку, подтянула грудь вверх и поспешила встречать хозяина к дверям.

Увидев ее на пороге, Брайан, несший цветок впереди себя, вдруг испуганно спрятал руки за спину.

– Какие новости? – спросил он, неловко протискиваясь между продавщицей и косяком. – Много ли посетителей?

– Что это у вас в руках, мистер Эпштейн? – вместо ответа спросила Рита, изогнув роскошную черную бровь.

– В руках? – Брайан вынул из-за спины левую руку. – Ничего...

Рита продолжала смотреть на него все с тем же выражением. Брайан нехотя достал и правую руку.

– Ах это?! – воскликнул он в притворном удивлении. – Чуть не забыл! Это вам.

Сунув ей букет, он, не оглядываясь, быстрыми шагами протопал в свой кабинет. Щелкнул замок.

– Болван... – покачала головой Рита.

А Брайан в это время, бормоча то же самое слово, бегал из угла в угол своего кабинета, то и дело ударяя себя ладонью по лбу:

– Болван! Болван! Какой же я болван! Полное ничтожество!.. – Он остановился. – Я должен немедленно исправить ситуацию!

Он кинулся к телефону и, покопавшись в записной книжке, набрал номер:

– Муниципальный театр? Что у вас сегодня вечером? Премьера? «Сигурд Крестonosец»? А нельзя ли чего-нибудь повеселее? Ах да, простите... Я могу заказать у вас два билета? Все продано? Как же быть? Мне совершенно необходимо попасть туда! Может быть у вас найдется бронь для газеты «Мерси бит»? Кто говорит? Брайан Эпштейн, музыкальный обозреватель... Почему не представился сразу? Как-то не

подумал... Ах, это ты, Мордыхай? Да, да, конечно! Конечно напишу. Спасибо, спасибо, ты меня очень выручил!

Положив трубку, Эпштейн опять принялся клясть себя: «Действительно, какого беса я не представился сразу, ведь администратор театра мой старый знакомый. Папа прав, я никогда не стану настоящим евреем...»

– Рита, – позвал он, отперев дверь.

– Да, сэр?

– Рита, э-э-э... Нам не привезли ничего новенького?

– Нет, мистер Эпштейн. Но поступило два заказа на миньон ансамбля «Битлз».

– Какое дурацкое название... Рита, – продолжал он, пряча глаза, – вы знаете, мамочка купила мне билет в театр. Сегодня вечером там дают «Сигурда Крестоносца». Прекрасное произведение. Почему-то она купила два билета. Не могли бы вы, э-э-э... Не составите ли вы мне компанию?

Рита возвела очи к потолку:

– О, нет, мистер Эпштейн! «Сигурд Крестоносец» – это же такая скучища... Вы уж не сердитесь на меня...

– Ну что вы, Рита, раз вам неинтересно...

Брайан попятился обратно в кабинет. Заперевшись, он приник горячим лбом к холодному стеклу дверцы книжного шкафа и прикрыл веки. «Как все глупо, как глупо!..»

Открыв глаза, он увидел прямо перед собой корешок книги Даниэля Дефо «Робинзон Крузо».

«Нет! Только не опускать руки! – сказал себе Брайан решительно. – Надо что-то делать! Все что угодно, только не отступить!»

Набрав прежний номер, он выпалил:

– Мордыхай? Это снова я. Пожалуйста, извини, но я не приду сегодня. Мне и самому жаль, но ситуация изменилась.

Он нажал клавишу сброса и тут же набрал следующий номер:

– «Адельфи»? Добрый день. Я могу заказать столик на двоих на сегодняшний вечер? Да, да, прекрасно. Эпштейн. Брайан Эпштейн.

Бросив трубку, он опять появился в отделе. Рита в этот миг тоже разговаривала по телефону.

– Вы знаете, Рита, у меня ужасная память! Как я мог собираться в театр, если у меня сегодня юбилей?!

– О?! Какой юбилей? – сделала заинтересованный вид Рита.

– День рождения... День рождения... моей любимой лошади. Да.

– Лошади?!

– Да. Ее звали «Эмбер». Вы не представляете, Рита, как много она для меня значила! Но нас разлучили. Мы не виделись уже много лет. Я собираюсь отметить эту дату в «Адельфи». Может быть, вы пойдете со мной?

– Мистер Эпштейн, мне так жаль... Я сейчас на диете. Мне ничего нельзя – ни есть, ни пить. Совсем нельзя... – Всем своим видом она просила извинения за свой отказ. – Может быть, как-нибудь в другой раз?

– Действительно, жаль, ужасно жаль, – кивнул Брайан и, чуть не плача, убрался обратно в кабинет.

– Ты слышала, Мейбл? – тихо спросила Рита в трубку, которую все это время держала в руках. – Похоже, мне придется увольняться. Этот болван окончательно обезумел. Теперь он пригласил меня в ресторан, отмечать день рождения какой-то лошади... Да! Именно лошади!

«Все! – сказал себе Брайан, – хватит бродить вокруг да около! Я должен открыться ей... Пусть я буду отвергнут, но я должен знать точно!»

И он в какой уже раз выскочил в отдел.

В этот миг в магазин вошел патлатый юноша в кожаной куртке.

– Крошка, – обратился он к Рите, – сделай-ка мне сингл «My Bonnie» ансамбля «Битлз».

«Крошка!» – повторил Брайан про себя, мгновенно приходя в ярость.

– У нас нет этой пластинки! – рявкнул он посетителю.

Рита удивленно покосилась на него, а паренек пожал плечами и пошел к выходу.

«Как некрасиво вышло», – тут же пожалел Брайан о своей выходке и крикнул посетителю вдогонку:

– Одну минутку!

Паренек обернулся.

– Давайте, я запишу ваш заказ, и в течении недели мы постараемся найти для вас эту пластинку.

– Валяйте, – согласился тот, снова пожав плечами.

– Так, так, так, – сказал Брайан, доставая из-под прилавка книгу спроса, – ваше имя?

– Курт Раймонд Джонс.

– Ансамбль... ансамбль...

– «Битлз». Еще их называют «Бит бразерз». Пластинка «My Bonnie». Записана в Гамбурге.

Открыв журнал на «би», Брайан уставился на его страницу, как на гремучую змею. Вся она была исписана заказами на этот самый диск!

Брайан внес данные заказчика, а когда тот вышел, обернулся к Рите:

– Почему вы мне не сказали о том, что эти «Битлз» пользуются таким спросом? Мы теряем прибыль, теряем заказчиков!

– Я обзвонила всех наших поставщиков, – стала оправдываться Рита, – этой пластинки нет ни у кого.

– А есть ли она вообще? Лично я такого названия никогда не слышал.

– Есть, есть, – я слушала ее у подруги.

Эпштейн тут же набрал номер редакции «Мерси Бит».

– Джим, это я, – обратился он, услышав голос знакомого журналиста. – Что ты знаешь о «Битлз»?

– О! И ты туда же! – заорал ему в ответ коллега. – Нас уже замучили с этими «Битлз»!

– Кто замучил?

– Фанаты! Пустоголовые тинейджеры.

– Ну, я-то не тинейджер. И не пустоголовый, надеюсь. Мой вопрос связан с бизнесом. Заказывают пластинку, а я не знаю, где ее взять. Что посоветуешь?

– Спроси у самих «Битлз».

– Глупая шутка. Я что должен отправляться для этого в Гамбург? Или они американцы?

– В какой Гамбург?! Это наша, местная, ливерпульская группа. Честно говоря, я не уверен, что пластинка, о которой ты говоришь, действительно существует. Кому могли понадобиться наши провинциальные лоботрясы?

– Местная группа? – не поверил своим ушам Брайан. – И пользуется таким спросом?

– Да-да! Ко мне толпами ходят их поклонники, все, как один, в кожаных куртках и с нечесаными шевелюрами! И они требуют, чтобы я написал о «Битлз» хоть что-нибудь... Слушай, может быть ты выручишь меня? У меня совершенно нет времени на эту чепуху.

Тут только Эпштейн заметил, что прежде флегматичная Рита вдруг оживилась и делает ему какие-то отчаянные знаки.

– Подожди-ка минутку, – бросил он журналисту и прикрыл трубку ладонью. – В чем дело?

– «Битлз» играют в клубе «Каверна», это в двухстах ярдах отсюда. Мистер Эпштейн, возьмите меня туда, я столько слышала о них, мне так понравилась пластинка, я просто мечтаю на них посмотреть!

Не веря своему счастью, Брайан вновь поднес трубку к уху.

– Джим, оказывается, они работают в «Каверне». Ты можешь сделать мне контрамарку на двоих?

– Все что угодно, Брайан, лишь бы ты написал материал! Ты меня

просто спасаешь! Я немедленно позвоню хозяину «Каверны» и обо всем с ним договорюсь. Ты пойдешь сегодня?

– Сегодня? – спросил Эпштейн Риту, вновь прикрыв трубку ладонью.

Та усиленно закивала, сделав большие глаза.

– Да, – сегодня, – ответил он журналисту.

– Приходишь, называешь свое имя, и все проблемы решены. Начало в восемь. Дерзай!

Услышав гудки, Брайан положил трубку на аппарат.

– Идем?! – с мольбой и надеждой в голосе спросила Рита.

– Идем, – кивнул тот, приглядываясь к ней. Такой он ее еще не видел.

– Вы – просто гений! – закричала она, подскочила к нему и страстно поцеловала.

Эпштейн ошарашено потрогал щеку.

«Что же это за „Битлз“ такие? – подумал он. – Кто бы они ни были, но они умеют творить чудеса».

Вечером Рита удивила Брайана. Сев в автомобиль, она моментально перестала быть его подчиненной, а превратилась в капризную, знающую себе цену светскую даму.

Но он не сразу заметил эту перемену.

Вставив ключ, но не поворачивая его, Брайан решил развлечь свою спутницу беседой:

– Вы знаете, Рита, вчера мне приснился удивительный сон. Как будто я лезу на высоченный столб и никак не могу добраться даже до половины. И я сползаю вниз. Я плачу и повторяю попытки – снова и снова... И вдруг я вижу, что из-за горизонта в мою сторону ветер несет облако. Но не простое, а состоящее из цветочных лепестков и стофунтовых банкнот! Увидев это, я, конечно, сразу смог забраться на самый верх. Но только я добрался до облака, деньги дождем посыпались вниз. А я не могу ловить их, ведь тогда я упаду. И я вижу, что внизу множество людей с радостными песнями собирают этот урожай. А мне – не успеть спуститься. И я торчу на этом столбе, как осел. К чему это, как вы думаете, Рита?

– К тому, что вы – осел, Брайан. Мы когда-нибудь, наконец, поедем?

«Вот тебе раз, – подумал он, заткнувшись и поворачивая ключ, – все-таки она ко мне равнодушна...»

Их провели и усадили за отдельный столик, как особо уважаемых гостей. Тут было душно, сыро и шумно. «Лучше бы мы все-таки сходили на „Сигурда Крестоносца“», – мелькнуло в голове Эпштейна, но сказать об этом Рите он не посмел. Ей-то тут явно нравилось, она вертела головой, с любопытством разглядывая посетителей. И он побаивался, что она снова назовет его «ослом».

Неожиданно для Брайана, он услышал свое имя. Спрыгнув со сцены и держа микрофон в руках, Диск-жокей Боб Вулер объявил:

– Эгей, ребята! А у нас тут большой человек! Позвольте представить вам владельца магазина «Немз» и корреспондента «Мерси бит» мистера Брайана Эпштейна!

Посетители захлопали и засвистели. Боб как раз добрался до столика раскланивающегося Брайана и протянул микрофон ему:

– Два слова, мистер Эпштейн.

– Добрый вечер, друзья, – заговорил Брайан. – Я рад приветствовать

вас в этом замечательном клубе. И вот что я, в связи с этим, хотел бы вам рассказать. Недавно мне приснился поразительный сон. – Он почувствовал, что Рита пинает его под столом, но остановиться уже не мог. – Мне приснилось, что я нахожусь примерно в таком же клубе, как этот, и стою возле стойки бара. И вдруг к стойке на задних лапах подходит огромный ёж. Ёж в человеческий рост. А бармен, словно бы так и надо, спрашивает его: «Что будете пить, мистер?» Но ёж почему-то оказался глухонемым. И он начал объяснять жестами...

Рита пинала Брайана все сильнее. Боб Вулер, вежливо улыбаясь, пытался отобрать у него микрофон... Но не тут то было.

– ...И тогда пришлось вмешаться мне. Я сказал бармену: «Налейте-ка ему виски». И бармен сделал это. Но, оказалось, я не угадал. Ёж понюхал рюмку, сморщился и выплеснул ее содержимое мне в лицо. А затем злобный ёж пригвоздил меня к стойке своими гигантскими иглами. Спасибо за внимание. Продолжайте веселиться. – В полной тишине Брайан отдал микрофон и уселся за столик. Утирая платком пот со лба, он спросил Риту:

– Как я их, а?!

Та молча постучала себя пальцем по лбу и отвернулась. Боб Вулер, нервно похохатывая, объявил:

– Вот такая замечательная история приключилась с мистером Эпштейном. А теперь – «Битлз»!

Зал взорвался аплодисментами.

– Тут понимают хорошую шутку, – заметил Брайан Рите. Ему все больше нравилось здесь. Хотя объявленные музыканты выглядели не слишком опрятно.

Точнее – слишком неопрятно. Они заиграли, и солист в очках запел:

«Люби, люби меня,
Ведь я люблю тебя...»
Ей богу, не вру,
Не вру... [\[38\]](#)

Ничего глупее Брайан не слышал. Но ритм был упругий, мелодия симпатичной, а главное – у него было прекрасное настроение. Он даже начал пританцовывать, не вставая со стула.

– Рита, – позвал он. – Может, попляшем?

Она не услышала его. Целиком поглощенная музыкой, она во все глаза

разглядывала то, что происходило на сцене. А на сцене происходило черт знает что. Музыкантам, похоже, было наплевать на публику, и они преспокойно поворачивались к ней спиной, кричали что-то друг другу, жевали резинку... Как ни странно, именно это и нравилось зрителям.

Но то, что Рита совсем не обращает на него внимания, слегка обидело Брайана:

– Выпьем? – достал он бумажник.

Никакой реакции.

Но вот песня закончилась, и Рита сама обернулась к Брайану:

– Как здорово! Как они мне нравятся!

Он тут же придумал, как превратить их успех в свой:

– Хочешь, я тебя с ними познакомлю?

– Да?! – она схватила его за рукав. – Брайан, какой ты милый! А что ты им скажешь?

– Я скажу, что хочу познакомить их с самой прелестной продавщицей моего магазина. Пойдем, когда кончится отделение, – успел еще сказать Брайан, прежде чем снова заиграла музыка, и Рита вновь стала невменяемой.

А он задумался. Действительно, для того, чтобы подойти к «Битлз» нужен какой-то предлог. Он тут же сочинил его.

Через сорок минут, сложив в дипломат несколько заказанных бутылок шампанского, Брайан повел Риту за кулисы.

– Эпштейн, – сказал он, войдя в музыкалку.

– Кто? – спросил певец-очкарик, смерив его взглядом.

– Я, – ответил Эпштейн.

– Зря, – сказал тот и отвернулся.

«Не слишком-то они гостеприимны», – подумал Брайан и решил сразу перейти к только что придуманному делу:

– Давайте поговорим о наших проблемах, – заявил он.

– А у нас есть проблемы? – вмешался смазливый паренек, игравший на басы.

– Теперь будут, – сказал Брайан. – Я стану вашим менеджером.

– А кто вы такой-то? – снова обернулся очкарик.

– Эпштейн, – весело повторил Брайан.

– Так бы сразу и говорили, – протянул руку очкарик. – Я – Джон, этот левша – Пол, вот тот мальчишка – Джордж, а вон та злобная хитрая морда – это Пит.

– Очень приятно, очень приятно, – пожимал он руки музыкантам. – А

это, позвольте представить, Рита Гаррис.

Джордж пожал девушке руку. Пол ей руку поцеловал. Джон, приобняв ее, чмокнул в щечку. А Пит, не по-детски облапив ее, поцеловал в губы, в засос.

Брайан оторопел. Нужно было срочно отвлечь их внимание от Риты.

– Значит так, – быстро заговорил он. – Вы не поверите! Представляете, вы будете отдавать мне двадцать пять процентов своего заработка!

Пит тут же отпустил девушку:

– С какой стати?! – выпучил он глаза.

– Да так, – пожал плечами Эпштейн довольный успехом.

– У нас уже есть менеджер, – заметил Джон. – Его фамилия Вильямс, и он берет только десять процентов.

– Ну и чего вы с вашим Вильямсом добились? – поднял брови Брайан.

– Играете в этом грязном подвале. А если за дело возьмусь я, вы уже через месяц будете выступать в Лондоне. В «Королевском театре»!

Джон присвистнул и бросил:

– Что-то слишком у вас все просто. Вы кто такой-то?

– Я – еврей, – ответил тот так, словно это объясняло все.

О евреях Джон знал только одно. Что они страшные скупердяи.

– А почему бы вам для начала не купить нам пару бутылочек? – провокационно предложил он.

– Ничего не надо покупать, – ответил Эпштейн.

– Так я и думал, – махнул рукой Джон и усмехнулся. – Зачем покупать? Нужно только брать с нас двадцать пять процентов, а покупать ничего не надо.

– Не надо, – подтвердил Эпштейн, открывая дипломат. – У меня все с собой. – И он выставил на стол три бутылки шампанского.

Джон поглядел на него совсем другими глазами.

– Так как вы смотрите на мое предложение? – спросил Эпштейн. – Если согласны, сейчас и отметим.

Рита восхищенно таращилась на него.

В музыкалку заглянул Боб Вулер:

– Через минуту – на сцену.

– Хорошо, – кивнул ему Джон и снова обернулся к Брайану. – Мистер, а машина у вас есть?..

– Конечно, – кивнул тот. – И у вас скоро будут машины. Ну что, согласны?

Джону показалось, что соглашаться сразу будет не по-деловому.

– Мы немного подумаем, – ответил он.

– Вот как? – Брайан сложил бутылки обратно в дипломат. – Тогда отложим до следующего раза.

Как ни странно, идея продюсировать «Битлз» действительно захватила Эпштейна. Теперь в «Каверне» его видели чуть ли не ежедневно. И, наблюдая за реакцией публики на музыку группы, он с каждым разом все больше верил в то, что дело пахнет большими деньгами.

Заказанные им в Гамбурге двести дисков «My Bonnie» исчезли с прилавков «Немз» за три дня.

Он с головой ушел в это дело, Рита, раньше словно бы и не замечавшая его, сейчас, напротив, стала оказывать ему всяческие знаки внимания. Но теперь уже ему было не до нее.

Чтобы лучше понять, что же это собственно за дело – менеджмент, и с какими людьми ему предстоит работать, он встретился с Вильямсом.

– Леннон – несносный тип, – сказал Вильямс. – Представьте, он отказывается выплачивать мне десять процентов от заработка, если находит работу сам.

– Но это же естественно... – удивился Брайан.

– Ничего не естественно. Если я – их импресарио, то они не должны искать работу сами.

– Ну, а если вы этого не делаете? – продолжал удивляться Брайан.

– Это уже – мои проблемы.

– Даже странно, что вы до сих пор работаете с ними, – заявил Брайан двусмысленно.

– И не говорите! Только последний осел станет с ними работать!

Тут Вильямс замолк и внимательно присмотрелся к Эпштейну.

«Вот тебе два», – подумал тот.

Наконец, третьего декабря, когда все предварительные шаги были сделаны, Брайан пригласил «Битлз» в молочный бар, принадлежавший его отцу.

Встреча была назначена на половину пятого.

«Битлз» и сами успели навести о нем справки, и решили, что такое сотрудничество может принести им пользу.

Ради такого случая не опоздал даже крайне непунктуальный Джон. А вот Пол как раз отсутствовал.

– Я не имею права начинать переговоры, если нет хотя бы одного из вас, – втолковывал Брайан. – Свою подпись в контракте должен поставить каждый. Да позвоните же ему, кто-нибудь!

Джордж нехотя подошел аппарату на стойке, и, поговорив, вернулся:
– Пол принимает ванну, – сказал он Брайану.
– Как это можно – вести себя столь безответственно в такой важный момент?! – вскричал Эпштейн.
– Зато он будет чистым, – усмехнулся Джордж.

Пол прибыл, и Брайан, поджав губы, протянул ему контракт.
– Где расписываться? – спросил тот, не читая. Он больше, чем все остальные хотел завязать отношения с человеком, у которого есть свой магазин, автомобиль и куча денег.
– погоди, погоди, – отобрал у него бумагу Джон, который продолжал ожидать подвоха от этого буржуа.
Водя пальцем по строчкам и шевеля губами, он внимательно ознакомился с договором от первой до последней буквы.
– Ладно, – кивнул он, – пойдет. – И поставил свою подпись. Затем расписались Пол, Пит и Джордж.

– Вот и прекрасно! – потер ладони Брайан и сунул бумагу в дипломат.
– Предлагаю отметить это дело стаканчиком молочного коктейля. Я плачу!
«Раньше он предлагал шампанское», – разочарованно подумал Джон. Но сдержался и не напомнил Брайану об этом. В конце концов, тот играет честно.

Когда «Битлз», выпив коктейль, покинули бар, Эпштейн достал контракт и, усмехаясь, осмотрел оставленные подписи.

«Папа будет гордиться мной, когда я покажу ему эту бумажку! Эти „Битлз“ – сущие дети! Расписавшись сами, они не потребовали подписи с меня! Теперь, если дело выгорит, я подпишу контракт и буду получать свои проценты, а не выгорит – не подпишу, и бумага будет недействительной!»

Ему нравились «Битлз». Но он был деловым человеком.

После такого хлопотливого денька Брайан уснул, едва коснувшись головой подушки.

И ему приснился страшный сон.

Сцена. Толпа юношей и девушек не отпускают «Битлз». Но вот Джон и компания скрываются за кулисами. Там Брайан приоткрывает огромный кованный сундук и, просунув руку в щель, зачерпывает ковшом золотые монеты. А затем – ссыпает их в ладони и карманы музыкантов.

Они пытаются заглянуть в сундук, но Брайан не позволяет им этого. Хитрый Пит Бест, делая вид, что страшно ему благодарен, даже обнимает Брайана и целует его в губы, как давеча Риту. А сам все косится на щель

под крышкой сундука. Но Брайан бдителен и осторожен. Никто не смог узнать, сколько золота у него осталось!

Все садятся в автофургон. Тогда Брайан хватается за ручку... но не может сдвинуть его с места. Он налегает на него изо всех сил, но безуспешно.

Он хочет вернуть остальных, чтобы они помогли ему. Но он боится, что количество золота они определят по весу...

И фургон отъезжает без него.

Брайан плачет. Он ломает руки и зовет хоть кого-нибудь.

Но внезапно темнеет, и из леса (а раньше Брайан даже и не замечал этого леса) выходит огромный ёж.

Неторопливо, на задних лапах, вразвалочку приближается злобный ёж к Брайану. Тот кричит в ужасе, но ручку сундука отпустить не может...

Эпштейн проснулся в холодном поту. Включил ночник и достал из письменного стола папку для бумаг. Извлек из нее контракт, взял «Паркер» и занес его над графой «подписи сторон».

«Стой!!!» – вдруг закричал его еврейский внутренний голос.

«Что это со мной, действительно? – подумал Эпштейн. – Нервишки шалят...»

Он сунул ручку обратно в стаканчик, контракт аккуратно вложил в папку и задвинул ящик стола.

Остаток ночи он проспал без сновидений.

Спустя неделю Брайаном была зарегистрирована продюсерская фирма «Немз Энтерпрайзес», которая должна была устраивать концерты «Битлз» и выпускать диски с их записями.

Но первым делом он взялся за приведение в порядок внешности «Битлз».

– Вы должны поменять одежду, – заявил он.

– С нами никто не станет меняться, – усмехнулся Джордж.

Брайан проглотил эту шутку.

А вот высказывание Джона было более обоснованным:

– На новые костюмы нужно уйму денег. Вы, что ли, нам их купите?

Брайан достал бумажник:

– Нет, вы. По сорок фунтов на брата. Костюмы из серого твида с бархатными воротниками, белые рубашки, одинаковые неяркие галстуки. И не вздумайте покупать все это в магазине готового платья. Только на заказ!

– Фу ты, ну ты, какие мы важные, – поерничал Джон.

Но деньги взял.

В принципе, все они были не против этого нововведения, но Джон считал, что выступать в костюмах имеет смысл только в больших, возможно даже столичных, залах. Тут же, в родной «Каверне», говорил он, их просто засмеют.

Но Эпштейн не хотел этого и слушать.

– Вы нарушаете условия контракта! – сказал он, – внешний вид группы – прерогатива продюсера. В случае вашего отказа, я буду вынужден взыскать с вас неустойку в размере... в размере... – Он что-то прикинул в уме, а затем назвал такую сумму, что у Джона отпала челюсть. И больше он не спорил. А Брайан добавил:

– Кстати, люди в приличных костюмах не сквернословят.

В новых одеяниях «Битлз» вышли на сцену «Каверны» спустя две недели.

И в тот же день Эпштейн, довольный небольшой победой над их строптивостью, наконец-то выставил им обещанное когда-то шампанское.

У этой вечеринки была своя изюминка. Обмывая шикарные костюмы, «Битлз» старались блеснуть друг перед другом светскими манерами.

– Джордж, подай пожалуйста бутылочку, – попросил Пол.

– На, – элегантно ответил Джордж, подавая.

Пол покрутил проволоку на пробке, но та обломилась.

– Дай сюда, – услужливо вырвал бутылку Пит.

– Изольте-с, – согласился Пол. – Только осторожнее, может пиздануть.

– Отнюдь, – покачал головой Пит. – Умение позволит мне не привести сей процесс к столь плачевному результату... – И он сам обалдел от витиеватости своей речи.

– Не сомневаюсь, Пит, – согласился Пол, – у тебя ж опыта больше.

– Жопы-то? – удивился Пит. – Ну-у, не знаю, может быть, я лучше питаюсь?..

– Я имел в виду, опыта ж у тебя больше.

– А-а, – понял, наконец, Пит. – Да, это факт.

Но бутылка все-таки пизданула.

Пена залила костюм Джона, а Джорджу пробка прилетела в лоб. Схватившись за место ушиба, тот дико заорал:

– Ваше поведение, Пит, беспрецедентно! – и, помолчав, добавил более спокойно: – Сука.

– Присоединяюсь к этому мнению, – покивал Джон Джорджу, утираясь. – Я, право, как обоссался.

Пит, зажимая горлышко большим пальцем, нервно выкрикнул:

– Где же фужеры?

– Вот, – утонченно ответил Пол, вытаскивая посуду из шкафа.

– Не будет ли кто-нибудь из вас, джентельмены, столь учтив, – начал Джон, – и не откажет ли нам в любезности, которая заключается в том, чтобы немедленно и неукоснительно...

– Джон, быстрее говори! – заорал Пит.

– Фужеры надо помыть! – коротко объяснился Джон.

Никто и не пошевелился.

– Ну, как хотите, – Пит стал разливать шампанское в грязную посуду.

– Божественный напиток, – заметил Джордж, пригубив.

– Я еще тост не сказал, мистер торопыга, – отечески пожурил его Джон.

– Просим тост, просим тост! – жеманно вскрикнул Пол. – Ах, как это мило!

Джон поднял бокал и, взглядевшись в него, сказал:

– Что это у меня за сопля там плавает?

– Хороший тост, – одобрил Джордж и выпил свою порцию. К нему присоединились и остальные.

Вечеринка обещала быть славной.

Впервые увидев Астрид – возле сцены, под руку с Клаусом – Стюарт, без предупреждения, объявил: «Девушке, на которую я смотрю...» И исполнил «Love Me Tender»^[39] Элвиса Пресли.

Это был дебют Стюарта в качестве вокалиста... И он не разочаровал надежд друзей: пел он отвратительно. Пол аккомпанировал ему на гитаре, а Джон и Джордж валялись за пианино на сцене и ржали, зажимая друг друга рты.

Блистательная фройлен, явно стоящая на пару социальных ступеней выше них, понравилась и Джону. Но он бы никогда не решился подойти к ней...

Каково же было его удивление, когда в тот же вечер она посадила Стюарта в свою машину и куда-то увезла его на всю ночь... А душу – навсегда.

... – Сатклифф, – оборвал воспоминания Стюарта профессор Лерхенфельд, – вы снова витаете в облаках? Повторите-ка, что я сейчас сказал!

Стюарт подвигал бровями, пытаясь разогнать розовый туман грез и вспомнить последнюю фразу лектора.

– Вы сказали, герр Лерхенфельд, что главным в портретах Эль Греко является его умение показать *осанку духа*...

– Пока вы не выучите немецкий язык как следует, вы никогда не выберетесь из болота вашего английского невежества. Будьте внимательнее. Мы говорим о руках... Серию портретов-эскизов Корина можно смело назвать «симфонией рук». Вытянутые вперед, щупающие воздух руки слепца, тонкие сплетенные пальцы художника, рука старухи, сжимающая клюку, высохшие, безвольные руки епископа... Целая вереница характеров и образов выраженная через руки.

Стюарт посмотрел на свои верхние конечности. Самым интересным, что он в них обнаружил, были подаренные Астрид часы. До перемены оставалось пятнадцать минут.

Он перевернул тетрадь, полистал ее и, найдя чистый лист, написал очередное послание Джону.

«Привет. Прочитал твою идиотскую статью. Пока».

Стюарт взял за правило чередовать подобные записки в одну строку с

огромными, листов в тридцать-сорок, сюрреалистическими опусами. Джон писал ему не менее часто. Но его письма были попроще. А в последний раз он просто вложил в конверт вырезку из газеты «Мерси Бит» под названием **«Краткий экскурс в историю сомнительного происхождения „Битлз“»**, автором которой был он сам.

«Жили-были три маленьких мальчика, нареченные Джоном, Джорджем и Полом. И решили они собраться вместе, поскольку были компанейскими ребятами. А когда встретились и начали думать, что же им делать, вдруг, как с неба, им в руки упали гитары, и мальчики дружно ударили по струнам, подняв ужасный шум.

Дурацкие люди вокруг даже не обратили на них внимания. Но трех мальчиков это не царапало и не корябало.

Думали они, прикидывали пока не встретили самого маленького мальчика по имени Стюарт Сатклифф. И сказали они ему: „Стью, позаботься о базе“. И он стал заботиться о базе, потому что играть все равно не умел.

А остальные заботились о Стью, полные любви и разных предчувствий, поливали его и подсыпали в горшок удобрений, пока он, наконец, не расцвел. „Вот теперь-то мы – настоящие “Битлз”! – хором прокричали мальчики, – All Right!“»

Самым странным в этой публикации было то, что Джон ни словом не обмолвился в ней о барабанщике.

Перемены между лекциями Стюарт предпочитал проводить в туалете. Помпезное здание Академии действовало на него угнетающе. В туалетах было привычнее. Ведь «Битлз» проводили в них значительную часть своей гамбургской жизни. Репетировали, принимали таблетки, а иногда, за неимением лучшего помещения, таскали туда проститутку.

Время от времени, за своими процентами, в Гамбург наведывался Аллан Вильямс. «Битлз» приходили в его излюбленный бар «Гретель и Альфонс», он без лишних вопросов отводил их опять же в сортир, по-научному констатировал: «Тестисы распухли, выделения из пениса...», и доставал огромный шприц.

Случайные связи для Стюарта прекратились после знакомства с Астрид. Но и он успел несколько раз пройти курс лечения в туалете.

От триппера пенициллин помогал.

Но в последнее время Стюарта беспокоили совсем иные боли.

Астрид первая отнеслась серьезно к его жалобам на мигрени. Дважды он терял сознание прямо на лекциях. Врачи осматривали его несколько раз, но ничего вразумительного сказать не могли. Сам Стью знал только, когда эта болезнь началась.

Еще до первой поездки в Гамбург Вильямс устроил им несколько концертов в залах на окраинах Ливерпуля. Аудитория там была «оторви да брось», и почти каждое выступление заканчивалось всеобщей потасовкой. Нередко местные парни задирались и к музыкантам, но те старались не связываться.

Но в один летний вечер, в Ливерленде, пьяная компания привязалась к ним на автомобильной стоянке. Драться было бесполезно, компания оказалась слишком велика, и «Битлз» попытались спастись бегством.

Стюарт бежал последним. Внезапно Джон заметил, что не слышит за спиной топота. Он обернулся. Преследователи исчезли. Не было и Стью. Джон кинулся назад и чуть не запнулся о него...

– Ты опять не спал ночь? – Астрид стояла перед Стюартом в полупрозрачном пеньюаре цвета морской волны.

Она была полураздета,
И со двора нескромный вяз
В окно стучался без ответа
Вблизи от нас, вблизи от нас... [\[40\]](#)

Она была встревожена не на шутку.

– Ты забыл, что сказали врачи?

– Отосплюсь днем. Я могу работать только ночью. Ты же знаешь, после того, как мы любим друг друга, меня подкидывает и мне нужно малевать. Закрой глаза.

Астрид послушалась, и Стюарт, взяв ее за руку, провел в угол фотолаборатории, которая стала теперь и его мастерской.

– Вот. Смотри. Я назвал эту картину «Рок-н-ролл».

Холст был испещрен грубыми кричащими мазками. Пятна и переплетение линий. Коричневое, желтое и красное. Астрид внимательно рассмотрела полотно.

– Нет, – сказала она. – Это Джон. Внутри.

Стюарт странно посмотрел на нее:

– Точно. Но я подумал, что такое название никто не поймет. Во всяком случае, пока он не стал знаменит.

– Я ужасно боюсь этого. – Астрид присела на табурет возле мольберта.
– Если они станут знаменитыми, ты начнешь ненавидеть меня за то, что остался со мной.

Стюарт засмеялся, но тут же остановился, приложив ладонь к виску.

– Уже? – забеспокоилась Астрид.

– Ничего, пройдет, – улыбнулся он. – Ты думаешь, я хотя бы на миг сомневаюсь, что они будут знаменитыми?.. Но без меня это случится еще скорее... Подожди...

Он взял кисть и добавил в углу холста неожиданно светлый зеленый зигзаг.

– Это – то место, где был я, – пояснил он.

Астрид прищурилась и наклонила голову. Затем согласно кивнула.

– Вы такие разные с Джоном. Как вы можете быть друзьями?

– А мы не друзья. Просто, на самом-то деле, цвета без звука не бывает. И наоборот.

– Джон – ненормальный. Он нравится мне, но он – одержимый.

– А я – не одержимый?

– Но, во всяком случае, ты не заставляешь свиней летать...

Астрид напомнила Стюарту историю, которая приключилась за пару недель до возвращения «Битлз» в Ливерпуль.

Будучи «под кайфом» Джон купил на рынке поросенка и, посадив его на поводок, гулял с ним по Репербану. Свою живую игрушку он назвал просто – «Дойче Швайн»^[41] и то и дело командовал:

– Сидеть, немецкая свинья! Я сказал, просто сидеть, а не гадить на тротуар! Только немецкая свинья может додуматься до такой гнусности!..

Проходящие мимо недобро переглядывались, а кое-кто из прохожих следовал за ним, не отставая... Вскоре за ним гуськом тянулась группка матросов, только и ждущих, когда он зайдет в какой-нибудь безлюдный уголок, где его можно было бы проучить. Хорошенько и без свидетелей. Но Джон чудом добрался невредимым до отеля «Феникс», на верхнем этаже которого остановился в очередной раз приехавший Вильямс.

Войдя в номер менеджера, Джон открыл фрамугу и выглянул на улицу. Внизу стояли кровожадно настроенные немцы. Тогда, крикнув, чтобы привлечь их внимание, – «Немецкие свиньи умеют летать!» – Джон выкинул поросенка в окно...

– А это что? – Астрид указала на маленький лиловый овал посередине холста, который раньше не заметила. – Кого-то он мне напоминает...

– Это Пол.

– Его я боюсь даже больше, чем Джона. Он такой обаятельный... Я не верю ни одному его слову. Он... – Астрид сделала движение, словно настраивает диафрагму фотоаппарата, – он как бы смазан...

– Я всю жизнь мечтал о девушке, которая в моей мазне узнавала бы людей.

– Не забывай, что я «экзи».

Так называли себя ребята из ее компании. Связаны они были общими взглядами на искусство и увлечением экзистенциализмом. Их настольной книгой был роман Джека Керуака «На дороге», их философией – суждения Жана Кокто, их поэтами – Верлен и Рембо. Все они были или считали себя интуитивистами.

«Экзи» был и Клаус Воорман – прежний любовник Астрид. Они познакомились в частной художественной академии «Майстер Шуль» и были неразлучны, пока Клаус не забрел в «Кайзеркеллер»... Сама Астрид никогда бы не пошла в заведение такого пошиба.

Именно с этого момента жизнь Стюарта превратилась в нечто, состоящее только из двух, равноправных, частей – страсть и живопись.

Рыдала **розово** звезда в твоих ушах,
Цвела **пунцово** на груди твоей пучина,
Покоилась **бело** Бескрайность на плечах,
И умирал **черно** у ног твоих Мужчина [\[42\]](#).

... – И все-таки, тебе нужно спать. Хоть иногда. Не забывай, сегодня нам на прием к доктору Майеру.

– Я специально не спал. Чтобы картина болезни была яснее... А еще я должен быть физически утомленным. И я знаю, как этого добиться, – он коснулся губами ее шеи, – ты же поможешь мне в этом?..

Одной из особенностей аристократического жилища Астрид с видом на море была спальня с обитыми черным бархатом стенами. Это ностальгически напоминало Стюарту гроб в его ливерпульской мастерской.

И вновь медицинский осмотр был безрезультатен. Ничего не показали и рентгеновские снимки. «Боюсь, молодой человек, все дело в нездоровом образе жизни, – сказал Стюарту доктор Майер. – Признайтесь, вы много пьете?» «Нет... Но я принимал таблетки...» «Наркотики? – доктор осуждающе покачал головой. – Ни в коем случае! Но, судя по тому, что никаких ярко выраженных патологий мы не обнаружили, дело идет на поправку. Умеренность и воздержание – вот мой рецепт...»

Выйдя из клиники, Стю уселся рядом с ожидавшей его Астрид – на переднее сиденье ее автомобиля.

– Ну? – спросила она с надеждой.

– Сказали, мне может помочь только одно.

– Что?

– Дай руку.

Астрид протянула ладонь, удивленно глядя на него. И Стюарт надел ей на безымянный палец золотое колечко с пятью малюсенькими сапфирами. Деньги на этот подарок он копил почти год.

– «Can't Buy Me Love^[43]»? – засмеялась Астрид.

– «Love Me Tender», – ответил он без улыбки.

– Джентельмены, – объявил Эпштейн, собрав их как-то в своей конторе, – для того, чтобы добиться известности, нам прежде всего необходимо записать диск-гигант. – Он победно оглядел своих подопечных.

– Да ну? – удивился Джон. – А я-то думал, нам нужно научиться танцевать тарантеллу.

– Что? – не понял Брайан.

– Тарантеллу, – пояснил Джордж, – зажигательный танец итальянских крестьян.

– А это сейчас модно? – заинтересовался Эпштейн.

«Битлз» переглянулись. Они никак не могли привыкнуть к тому, что чувство юмора у их босса хромает на обе ноги.

– Он пошутил, – мягко объяснил Пол. – Он так шутит.

– Ха-ха-ха, – залился смехом Эпштейн, без промедления оценивший удачную остроту. Но тут же, посерьезнев, вновь перешел к делу: – Я договорился с представителем лондонской фирмы «Декка» Майклом Смитом насчет записи демонстрационных фонограмм нескольких песен.

– Вы гоните? – предположил Джордж. О записи в «Декке» они не смели и мечтать.

– В смысле? – опять не понял Брайан. Иногда ему казалось, что они говорят на разных языках.

– Разыгрываете, – перевел Пол.

– Если бы я сказал, что моя бабушка была негритянкой, или что мой дедушка – магнат автомобилестроения, вот тогда бы я вас разыгрывал, – сердито сказал Брайан.

– То-то я думаю, откуда у вас такие курчавые волосы, – задумчиво протянул Джордж.

А Пит добавил:

– И машина.

– Ладно, хватит, – устало вздохнул Брайан. – Смит был в «Каверне» и слушал вас. Запись назначена на первое января.

– Так вы что, серьезно что ли? – поразился Джон.

– Да ну, бросьте, – хихикнул Брайан. – Я ведь известный шутник. Вся округа об этом толкует...

«Битлз» вновь переглянулись.

– Он серьезно, – констатировал Джордж. – Так подсказывает мне

интуиция.

Не успел Эпштейн проводить музыкантов до дверей, как к магазину подкатила машина отца. Сколько бы лет Брайану не исполнилось, он никогда не перестанет его бояться.

Выйдя из автомобиля, Эпштейн-старший хмурым взглядом проводил четверку парней в кожаных куртках.

– Куда уходят деньги? – спросил он двусмысленно, когда они скрылись за поворотом. Однако Брайану сразу стало ясно, что отец в курсе, какие суммы он уже вбухал в свое новое дело.

– Папа, это мои деньги, я их зарабатываю сам, – сказал он неуверенно.

– Да?! – Эпштейн-старший прошел в офис и тяжело уселся в кресло. – А когда ты спустишь весь свой капитал, не мне ли снова придется тащить тебя на своем горбу? – Он откусил щипчиками кончик сигары, прикурил и продолжил: – А я-то радовался: Брайни взялся-таки за ум, Брайни делает достойный бизнес... Но вот я узнаю, что Брайни тратит невиданные суммы на каких-то неотесанных, неумытых подростков!

– Папа, это дело сулит большие дивиденды...

– Поверь моему опыту сынок. Деньги приносят вещи, а не люди. Вкладывай деньги в вещи, и никто тебя не осудит!.. Тратить деньги на человека – неразумно, если только это не женщина, которую ты хочешь. Тут тебя поймет любой мужчина... Кстати, как у тебя с ней? – отец кивнул на дверь в отдел, где работала Рита Гаррис.

– С ней? – переспросил Эпштейн, удивляясь, откуда отцу известно и это. – Да никак...

– Ну и дурак, – заключил отец. – Когда ты взял ее в свой магазин, я одобрил твой выбор. Еврейка, красавица... Но иметь продавщицу с такими сиськами, и не спать с ней, на это, сынок, способен только ты! А если бы на ней женился... Продавщица-жена – это удобно и выгодно.

Брайан почувствовал себя разбитым в пух и прах. Ведь он и сам поражался своему охлаждению к Рите. Что же касается «Битлз», он, несмотря на браваду, не мог не опасаться, что вложения в них не оправдаются.

Это были как раз те узловые моменты, мысли о которых он старательно гнал от себя... Его отец умел смотреть в корень.

Брайан молчал, пытаясь сосредоточиться и дать достойный ответ.

Отец со вздохом поднялся.

– Вот что, Брайни, – сказал он. – Я хочу видеть твоих любимцев у себя. На моем дне рождения. Хочу посмотреть, что они из себя представляют, а

затем рассказать об этом тебе. Девчонку прихвати тоже.

...В Лондон «Битлз», в сопровождении Эпштейна, прибыли первого января и сразу же отправились в «Декку».

Их встретили упомянутый Майкл Смит и руководитель фирмы Дик Роу.

– Рады приветствовать вас, господа! – начал последний, пожимая музыкантам руки. – Рекомендации господина Эпштейна значат для меня очень и очень много. Я надеюсь, вы оправдаете мои ожидания. Пройдемте в студию.

В таком шикарном помещении, специализированном под звукозапись, «Битлз» оказались впервые. То, что звукооператор сидел в соседней комнате, отделенной от них окном, было уже привычно, а вот стерильная чистота, а главное – абсолютная тишина – поражали.

– Эта комната имеет двойные стены, – хвастливо пояснил Дик Роу. – Павильон, в котором мы находимся, прикреплен к внешнему корпусу здания мощными пружинами-амортизаторами. Таким образом, ни единый посторонний звук не может просочиться сюда. Технология – самая передовая. – Он огляделся. – Итак, кто же у нас будет петь?

– Он, – одновременно показали друг на друга Пол и Джон.

– И я, – скромно добавил Джордж.

– Вот как? – удивился Роу. – Целых три солиста? Это что-то новое. По правде говоря, я привык, что поет кто-то один, а остальные – аккомпанируют. Как Клифф Ричард и его «Тени»...

Джон скорчил такую гримасу, что Роу остановился:

– Вам не нравится Клифф Ричард?

– Ненавижу! Три шажка налево, три шажка направо...

– Что ж, посмотрим, посмотрим, – насторожился Дик Роу. Его мечтой было найти второго Клиффа Ричарда, который занимал сейчас первые места хит-парадов и приносил невиданные доходы продюсирующей его фирме. «Эти юнцы не любят Клиффа Ричарда, – подумал он, – не говорит ли это только о том, что они не способны соперничать с ним?..»

Тем временем Эпштейн тихо увещевал Харрисона:

– Эта запись обошлась мне в уйму денег!

– Ну, – ответил Джордж, ковыряясь в зубах спичкой.

– И я не собираюсь выбрасывать их на ветер.

– Я тоже, – согласился Джордж. – Хотя звучит это довольно поэтично.

– Мы должны записать только такие песни, которые могут иметь успех. Думаю у Пола и Джона это выйдет лучше...

Вмешался Джон:

– Ничего подобного! Джордж приготовил отличную песню. «Шейх Аравии»^[44]. Вы же знаете, он у нас со странностями. Эта вещица как раз для него и может стать хитом.

– Джон, – строго сказал Брайан, – В конце концов, кто из нас продюсер? Я попросил бы следовать моим советам!

– Вот что, мистер Эпштейн, – процедил Джон сквозь зубы, – ваше дело – считать деньги. А что играть, и как играть, это мы решаем сами. Понятно?! И не лезьте со своими дурацкими советами...

– Мистер Эпштейн, – нетерпеливо напомнил Дик Роу. – Студийное время стоит дорого...

Подавив негодование, Брайан махнул рукой:

– Начинайте!

«Сопляк! – думал он, сидя в рубке звукорежиссера. – Неблагодарный хулиган! Так разговаривать со мной после всего, что я для них делаю...»

В этот день было записано пятнадцать песен. Дик Роу признал, что звучат они довольно интересно. Но с окончательным ответом попросил немного подождать.

Разговор с отцом, состоявшийся перед поездкой, и ссора с Джоном в студии немного охладили пыл Брайана, и к тратам на «Битлз» он стал относиться несколько трезвее. Потому, несмотря на все их уговоры, он взял обратные билеты на утро следующего же дня, и в этот раз им не удалось даже как следует побродить по столице Соединенного Королевства.

Пригласив своих подопечных отметить отцовский день рождения в дом Эпштейна-старшего на Куинз-Драйв, Брайан безумно волновался. Потому-то он и заглотил один за другим сразу четыре бокала с коктейлями. Тут только он немного расслабился и огляделся.

Гостей было человек двадцать, и все это были его ближние или дальние родственники – Косманы, Вайнсберги и Шумахеры. Чопорно переглядываясь, они с легкой брезгливостью наблюдали, как трое неопрятных парней (Пит прийти не смог, так как пообещал встретить Рождество с мамочкой), вовсю уплетают предложенные лакомства, то и дело переговариваясь друг с другом с набитыми ртами. Они, похоже вообще не понимали, куда и зачем явились. Во всяком случае, поздравить виновника торжества никто из них так и не удосужился.

Брайан скривился, увидев, что сок из куриной ножки капает Джорджу на концертный пиджак, а тот не обращает на это ни малейшего внимания...

Остальные гости, подняв бокалы за здоровье Эпштейна-старшего к еде почти не притрагивались, явно ожидая каких-то событий. Пора было разрядить обстановку, и Брайан встал:

– Друзья, – обратился он к присутствующим. – Друзья! Не кажется ли вам, что вечерок сегодня – прелестный? – Он подождал радостных подтверждений своего тезиса, но их не последовало. Вместо этого с минуты над столом висела неприятная тишина. Слышно было только чавканье музыкантов. – О, да! – вынужден был продолжить Брайан. – Прелестный вечерок! И вот именно поэтому я и хочу рассказать вам...

– «...удивительный сон...» – пробормотала Рита.

Брайан неприязненно глянул на нее. Именно это он и собирался сказать...

– Нет! Не сон! – продолжил он, лихорадочно соображая, что же говорить дальше. – Вовсе не сон. Даже абсолютно не сон!.. – Он огляделся по сторонам и увидел иронические улыбки на лицах родственников. – Я хочу рассказать вам, что будет со всеми нами в наступившем тысяча девятьсот шестьдесят втором году. Но прежде хочу представить вам этих молодых людей. Это – Джон Леннон, Пол Маккартни и Джордж Харрисон из музыкального квартета «Битлз».

Услышав свои имена, юноши, не прекращая жевать, покивали головами.

– Так вот, друзья! В нынешнем году эти молодые люди сделают нас по-настоящему богатыми!

– А сами они станут богатыми? – полюбопытствовал Пол, вытирая руки о скатерть.

– Несомненно! – воскликнул Брайан.

– Отлично! – обрадовался Джон. – А как насчет задатка – фунтов по пятнадцать?

– Об этом – после, – понизив голос, бросил ему Брайан.

– Жаль, – сказал Джон и осушил свой бокал.

– Так выпьем же за это, друзья! – вновь обратился Брайан ко всем.

– Да? – Джон посмотрел на свою опустевшую посуду. – А я уже выпил. Подождите-ка... – Он налил себе снова. – Ну, давайте...

Гости медлили, поглядывая на главу семейства. Эпштейн-старший не шелохнулся, хмуро рассматривая музыкантов.

– Как хотите, – вздохнул Джон и повернулся к своим. Пол и Джордж с удовольствием чокнулись с ним и выпили.

Джордж, не успевший перед этим проглотить кусок курицы, поперхнулся и закашлялся. Джон принялся что есть силы колотить его по

спине. Кусок вылетел изо рта Джорджа и угодил в салатную миску.

– Извините, – сказал Джордж гостям, утирая слезы, затем пальцами вытащил кусок из салатницы и бросил его под стол.

Не обращая внимания на недобрые взгляды остальных, «Битлз» разлили между собой еще бутылку вина и, не чокаясь, выпили снова.

И тут, наконец, подал голос молчавший доселе хозяин:

– Все! – рявкнул он. – Хватит! Вечеринка окончена! Вон из моего дома!

– Папа!.. – смущенно начал Брайан. – Как ты можешь...

– Забирай своих щенков и убирайся вместе с ними! – Эпштейн-старший хлопнул по столу так, что зазвенела посуда.

– Что, уже уходим? – пьяным взглядом оглядел гостей Джон. – Жаль. Вы мне очень понравились. Мне вообще нравятся евреи. Они очень пострадали во время войны.

– За это и выпьем? – предложил Джордж.

– Само собой, – кивнул Джон.

– Вон! – Папаша Эпштейн, сведя мохнатые брови к переносице начал подниматься из кресла.

– Похоже, действительно, хватит, – заметил Пол. И, одарив присутствующих лучезарной улыбкой, сообщил: – Было очень весело. До свидания.

– До свидания, – повторил Джон, взял со стола салфетку, смачно высморкался в нее, скомкав, бросил в свою тарелку и двинулся к выходу. За ним потянулись Пол и Джордж.

Чуть не плача от обиды, дернулся вслед и Брайан. Но властный голос отца остановил его на пороге гостиной:

– Сын. Задержись.

Брайан, не оборачиваясь, замер в ожидании.

– Запомни, – сказал отец. – Я говорю это в присутствии всех членов нашей семьи. Если ты потратишь на этих голодранцев еще хотя бы один пенс, я лишу тебя наследства.

Брайан порывисто обернулся.

– Не пройдет и года, папа, как ты изменишь свое мнение! – высоко подняв голову, ответил он. – Мы уже сделали пробную запись в одной лондонской фирме, и там от их музыки в восторге!

В прихожей его догнала Рита:

– Я восхищаюсь вашим мужеством, Брайан, – попыталась она обнять его.

– Вы ведете себя вульгарно, – отстранился он. – Ваше место за

прилавком. Не забывайте этого.

– Ах так! – вспылила Рита. – Тогда знайте: я не собираюсь соревноваться с невоспитанными подростками. Похоже, они заменяют вам и семью, и любовницу! Я не удивлюсь, если узнаю, что вы спите с ними! И не надо провожать меня. – Накинув шубку, она с достоинством покинула его. Провожать ее Брайан и не собирался, но слова Риты задели его за живое. Весь мир ополчился против него.

«Ничего, ничего, – пьяно бормотал он себе под нос по пути к „Форду“, – когда мы выпустим диск, все вы запоете подругому...»

Но никаких известий из «Декки» не было целых два месяца.

Брайан, отбросив гордость, позвонил туда и спросил Дика Роу.

– Представьтесь, пожалуйста, – попросила секретарша.

– Брайан Эпштейн.

Секунд двадцать трубка молчала, затем все тот же женский голос сообщил:

– К сожалению, мистер Эпштейн, шефа сейчас нет. Позвоните завтра. Или, лучше, через неделю.

Подобными «завтраками» его кормили еще месяц. В конце концов он без приглашения вновь отправился в Лондон.

Дик Роу встретил его более чем прохладно.

– Знаете, – сказал он, словно забыв собственное восхищение сразу после записи, – мы посоветовались и пришли к выводу, что ваш ансамбль нам не подходит.

Хотя Брайан и был полон нехороших предчувствий, все-таки это был удар.

– Как же так, вы же сами говорили...

– Познакомьтесь, – перебил его Роу, – это – наш главный специалист по маркетингу, Бичер Стивенсон.

Эпштейн пожал руку блеклому молодому человеку с цепким взглядом.

– Гитарные ансамбли вышли из моды, – заявил тот. – А ваши парни и вовсе не умеют играть.

– Вы совершаете ужасную ошибку, – выдавил из себя Брайан.

– Мы хорошо знаем свое дело, мистер Эпштейн, – возразил Стивенсон.

– И не хотим выпускать пластинку, которую заведомо не сможем продать.

– Вот ваши фонограммы, – протянул ему Дик Роу две картонные коробки с катушками лент. – Попробуйте счастья в других местах. Но не думаю, что на этот материал кто-нибудь клюнет.

Брайан почувствовал, как волна ярости накатывает на него. Принимая

коробки, он недобро посмотрел в глаза хозяину фирмы:

– Мистер Роу, – сказал он, – а вы когда-нибудь видели гигантских ежей?

– Ежей? – переспросил тот.

– Да, ежей. – Брайан глянул на Стивенсона: – А вы, мой друг, не наблюдали их на своем Острове Сокровищ?

– Нет, – беспокожно ответил тот, пожимая плечами и глядя на Эпштейна с опаской, как на буйно помешенного.

– В таком случае, помяните мое слово, господа. Когда мой ансамбль станет самым популярным в мире, каждую ночь вам будут сниться гигантские ежи. На их иголках будут нанизаны пачки стофунтовых купюр. И они будут проходить мимо вас. Табунами. Мимо. Всегда – только мимо!

В бешенстве хлопнув дверью, Эпштейн скатился вниз по лестнице.

Да кончатся ли его беды когда-нибудь?!!

То, что окружающие смотрят на него, как на сумасшедшего, стало для него уже привычным. Отец не желал разговаривать с ним. Рита вела себя подчеркнуто холодно. «Битлз», хоть и признавали его своим «начальником», особой любви, все же, не выказывали... Тем более, что обещанный им скорый и грандиозный успех отодвигался на все более и более неопределенные сроки.

Да он и сам ловил себя на мысли, что слегка помешался. Выпустить пластинку – вот что стало его идеей фикс.

Дела в магазине он почти забросил. Сделанную в «Декке» фонограмму он заставлял прослушать специалистов фирм грамзаписи «Пай», «Си-Би-Эс» и «Коламбия», проводя в Лондоне больше времени, чем дома. Но везде и всюду ему давали от ворот поворот. «Дурацкие слова, дурацкая музыка и дурацкое исполнение», – так говорили ему чаще всего.

Немудрено, что, когда, в начале апреля, Джон объявил о решении «Битлз» вновь отправиться на заработки в Гамбург, Брайан не посчитал себя в праве запретить им эту поездку. Но он не собирался слагать с себя обязанности менеджера, и, созвонившись с немецкими коллегами, сумел устроить для своей бит-группы ангажемент в лучшем гамбургском клубе. Это был клуб «Звезда». И их первое выступление там было намечено на тринадцатое апреля.

В какой-то степени, Брайана даже устраивало, что «Битлз» некоторое время побудут в отдалении, не мешаясь под ногами. Они мозолили ему глаза, как живой укор его деловой беспомощности. У него есть запись, и он сможет свободно распоряжаться своим временем, не размениваясь на

мелочи. Он даже оплатил им билеты на поезд до Манчестера и на самолет рейсом «Манчестер-Гамбург».

Когда стало окончательно ясно, что тиражировать запись «Битлз» не возьмется никто, Эпштейн надумал сделать хотя бы несколько экземпляров диска, чтобы показывать «товар лицом». Но, выпускай ты хоть одну, хоть миллион виниловых пластинок, для этого одинаково необходимо изготовить сперва так называемый «медный диск» – матрицу. А это – достаточно дорогое удовольствие...

Однако пластинка, по мнению Брайана, выглядела бы намного убедительнее магнитофонных лент, и теперь он пытался найти фирму, которая, согласившись стать его компаньоном, сделала бы матрицу хотя бы за полцены...

В Гамбург, вместе с «Битлз», направилась и мать Стюарта – учительница рисования Милли Сатклифф. Ей не терпелось лично познакомиться с избранницей своего сына. В поезде до Манчестера они говорили только о нем, вспоминая разные смешные случаи, происходившие с ними на прошлых гастролях.

Разговоры эти кое-что освежили в памяти Пола, и когда они с Джоном вышли в тамбур покурить, он задал вопрос с глазу на глаз:

– Что ты думаешь о Ринго, Джон? – шум колес заставлял его говорить собеседнику прямо в ухо.

– Думаю, что он должен играть с нами.

– Ты знаешь, Стюарт все время твердил мне то же самое, но я никак не могу взять в толк почему? Что в нем такого особенного? Пит стучит ничуть не хуже, а выглядит даже солиднее...

– Ринго – такой же придурок, как мы. Это главное. К тому же, Пит до сих пор не решил, посвятит ли он музыке жизнь, или это только хобби. Скажет ему мамочка Моночка, – «хватит дурить», – и он станет управляющим в ее ресторане. А Ринго, как дятел, он не собирается делать ничего, кроме как стучать.

– Зачем же мы тогда взяли с собой Пита?

– А кто тебе сказал, что Ринго свободен? Да мы и с нашим евреем этого не решали. Не думаю, что он был бы в восторге. Но, все равно, с Ринго надо поговорить. На будущее.

В этот момент в тамбур втиснулся Джордж:

– О чем это мы тут секретничаем? – спросил он громко, чтобы заглушить грохот колес.

– О бабах! – рявкнул Джон.

– А-а, – протянул Джордж и достал сигарету. – По-моему твоя Синтия – замечательная. Одно лишь плохо.

– Что?

– У нее зубы как у лошади.

Пол прыснул, а Джон остался невозмутим.

– Мне нравится, – заявил он. – А если уж ты такой великий знаток человеческих достоинств, ответь-ка: как ты смотришь на то, чтобы нашим ударником стал Ринго?

– Мне давно уже кажется, что без него нам чего-то не хватает, – не задумываясь, ответил Джордж. – А с Питом, наоборот, что-то лишнее... Кроме того, выступать мы будем в «Звезде», так что сам Бог велел делать это с Ринго.

– Значит, решено? – Джон бросил сигарету на пол и выставил ладонь вперед. Джордж и Пол по очереди хлопнули по ней, повторяя:

– Решено.

– Решено.

– Но Питу – ни слова, – предупредил Джон. – Еще неизвестно, что скажет нам Ринго. Да и Рори его может не отпустить.

Дверь тамбура открылась, и появился Пит:

– Курите, да? А меня на съедение этой крысе оставили!

– Сам ты – крыса! – ощерился Джон. – У Стюарта – самая лучшая мать в мире!..

– Да, брось ты, – миролюбиво сказал Пит, удивленный такой бурной реакцией. – Хорошая, так хорошая. Я же пошутил.

– Запомни, – угрожающе сказал Джон, – Стью для меня – больше, чем брат. И если кто-то позволит себе в моем присутствии говорить дурно о нем или о его матери...

– Ну перестань, перестань! Вот завелся! Я все уже понял. Давай, покурим спокойно...

– Я уже покурил, – Джон сплюнул и вышел из тамбура.

– Я тоже, – бросил сигарету Пол.

– И я, – добавил Джордж.

Они вместе вернулись в купе.

Пит, прикуривая, пожал плечами:

– Какая муха их укусила? – сказал он себе. – Ну и ладно, я и один покурю. Так даже спокойнее. И просторнее.

Джон вновь разговорился с миссис Сатклифф, а Пол, улегшись на свое место, вдруг почувствовал, что какое-то неясная тревога охватывает его.

Причину ее он осознал почти сразу.

«Ринго будет играть с нами. Раз так решили мы трое, никуда он уже не денется. Но Стюарт говорил... Он говорил... А! Ерунда это все! – он беспокойно перевернулся на другой бок. – Стью – гений. А гении всегда немного чокнутые. Ничего не случится. Все будут живы и здоровы...»

Уже засыпая, он поймал себя на предательской мысли: «Только бы не папа...»

Они прилетели в Гамбург двенадцатого апреля, за день до назначенного концерта. В аэропорту их встретило несколько старых знакомых. Пол поискал среди них свою Лиззи. Но тщетно. За месяц до этого он получил письмо, в котором она сообщала, что собирается поступать в Парижскую балетную школу. Значит, все-таки поступила. Пол не знал, радоваться этому или огорчаться.

– А где же Стью? – освободившись от объятий Клауса Воормана, спросил Джон и даже приподнялся на цыпочки, вглядываясь в толпу встречающих.

Но ему никто не ответил.

– Где Стью? – снова спросил Джон, обеда удивленным взглядом молчащих друзей.

Первым решился сказать правду наименее близкий им человек – владелец клуба «Звезда» Манфред Вайсследер:

– Стюарт Сатклифф умер. Позавчера.

– Умер? – не поверил своим ушам Джон.

– Кровоизлияние в мозг.

– О-о!.. – Джон со стоном повалился на каменный пол.

«Позавчера...» – Пол почувствовал холод в груди, и ощущение реальности начало покидать его. – «Позавчера. Как раз, когда мы решили...»

Сквозь розовую дымку он увидел, как Клаус и бледная заплаканная Астрид кинулись к Джону, чтобы поддержать его. Милли Сатклифф уткнулась в грудь, стоявшего, как столб, Джорджа. А Пит, который, как будто бы, всегда недолюбливал Стюарта, закрыл лицо руками и зарыдал.

Джон был без сознания.

Вытирая слезы, Астрид рассказывала миссис Сатклифф:

– У него несколько дней подряд болела голова. Он упал в обморок на вечеринке у Юргена Фольмера и так и не пришел в себя... Он умер в машине, по пути в клинику. Ему не было больно...

Пол, возившийся с Джоном, испугано всмотрелся ему в лицо. А если и он не придет в сознание?.. Но как раз в этот момент тот открыл глаза. И Пол увидел в них бездну.

Многодневное обивание Брайаном порогов фирм грамзаписи не

приносило никаких результатов.

Увидев в приемной граммофонной компании «Парлафон» (филиала фирмы «Е.М.И.») миленькую улыбчивую брюнетку, Брайан в приступе отчаяния испытал внезапный прилив вдохновения и повел себя иначе, чем обычно. Стандартной была только самая первая фраза:

– Брайан Эпштейн.

– Джуди, – протянула девушка ладонь для делового рукопожатия.

Но Брайан отшатнулся, прикрыв рукой глаза, словно боясь ослепнуть.

– Что с вами? – забеспокоилась Джуди.

– Ничего, ничего!.. – пробормотал Брайан, осторожно отняв руку от глаз, и взял ладонь девушки в свою. Но, вместо того чтобы пожать, вдруг осыпал ее поцелуями.

– Эй, эй! – слегка порозовев, попыталась выдернуть руку девушка. – У вас какое-то дело к мистеру Мартину? Его сейчас нет...

«Как всегда», – отметил про себя Брайан, но руку отпустил лишь после того, как покрыл ее еще одним десятком поцелуев.

– Вот и прекрасно! – заявил он и, не мигая, уставился девушке в лицо.

– И сегодня его уже не будет, – неуверенно сказала та, беспокойно заерзав на стуле.

– Ждите меня, мадемуазель! – бросил Брайан и выскочил из приемной, оставив свой портфель на кожаном диванчике для посетителей.

«Ха-ха! – говорил он сам себе, торопливо возвращаясь и держа в одной руке букет кремовых роз, а в другой – бутылку шампанского. – И эти идиоты из театральной академии посчитали меня плохим актером!..»

Он влетел в кабинет и, вручив цветы остолбеневшей секретарше, принялся сдирать фольгу с пробки.

– Сейчас мы будем пить за наше знакомство, мадемуазель Джуди! – сообщил он. – За нашу внезапную, удивительную, волшебную встречу!..

– Я на работе, – строго сказала та, но, не удержавшись, улыбнулась, и в ее глазах забегали бенгальские искорки.

– Я тоже думал, что я на работе! – вскричал Брайан. – Но, увидев вас, я отбросил эти скучные мысли! Да где тут у вас, черт побери, бокалы?!

Против такого натиска девушка устоять не смогла. Смеясь, она достала из стенного шкафчика пару фужеров. А розы заботливо поставила в вазу.

– Ба-бах! – выкрикнул Брайан одновременно с тем, как пробка покинула горлышко. – Итак, – пылко произнес он, наполнив бокалы, – за наше знакомство! И за вашу изумительную красоту, мисс... мисс...

– Локхарт-Смит, – подсказала та и пригубила вино. – И все-таки, что у вас за дело?

– Ах, не надо об этом сейчас, мисс Локхарт-Смит... Нет, позвольте, я буду звать вас по-прежнему – Джуди?

Та кокетливо пожала плечиками.

– Джуди – отныне и навеки! И ни слова о делах! Давайте, лучше решим, где мы проведем сегодняшний вечер. А?

– Ну-у, – неуверенно протянула та. Но решила уйти от щекотливой темы. – Зачем-то вы все-таки пришли к нам?

– О, мое дело столь прозаично... Я менеджер рок-н-рольного ансамбля. И я хотел бы изготовить матрицу нескольких песен для выпуска небольшой пластинки... Но – не будем об этом... А песни, надо сказать, замечательные!

– Одну минуту, мистер Эпштейн, – сказала Джуди, поставив фужер на стол. – Давайте свою фонограмму, я покажу ее старшему технику.

«Спокойнее... Не спеши... Не показывай ей, как это важно для тебя...» – твердил про себя Брайан, дрожащими пальцами открывая портфель.

– Вот, – небрежно протянул он коробки с пленками. – Номера этюдов, которые меня интересуют, помечены на футлярах. Но, право, Джуди, давайте, вспомним об этом только завтра...

– Это займет у нас всего лишь четверть часа, – бросила та и удалилась из кабинета.

«У нас...» – отметил про себя Брайан, в изнеможении падая на диванчик. – Похоже, я выбрал верный путь... – Потом он вспомнил, как назвал песни «Битлз» и захихикал. – «Этюды»!.. Бог мой!.. «Этюды»...

Пройдя в цех нарезки, Джуди Локхарт-Смит протянула коробки технику:

– Рон, отвлекись. Послушай, пожалуйста, вот это. Прямо сейчас. Эти записи принес какой-то сумасшедший тип, и, если его музыка такая же сумасшедшая, это как раз то, что ищет мистер Мартин... У меня какое-то предчувствие...

Еще через десять минут техник, наугад прослушавший несколько фрагментов, уже разговаривал по телефону:

– Мистер Мартин? В вашей приемной сейчас сидит человек, и Джуди постарается задержать его. Похоже, он принес именно то, что нам нужно...

Джуди вернулась с коробками в руках.

– Как называется ваш ансамбль? – спросила она.

– «Битлз». «Битлз» из Ливерпуля. Так куда же мы сейчас с вами отправимся, дорогая? – «Ого, – обалдел он сам от своей наглости, – уже и „дорогая“...»

– Мистер Эпштейн, мой рабочий день еще не закончился... Но если вы немного подождете... К тому же, с минуту на минуту появится наш босс. Его зовут Джордж Мартин, он прекрасный музыкант, и, я думаю, у вас найдется о чем поговорить с ним...

Через два часа, по пути в ресторан, Эпштейн заехал на телеграф. Джуди Локхарт-Смит осталась ждать его в такси. Телеграмма, которую он дал в Гамбург, гласила: «Е.М.И. предлагает сеанс звукозаписи тчк готовьте новый материал тчк замечательно».

Вернувшись в Ливерпуль счастливым и обласканным, Брайан обнаружил на своем рабочем столе телеграмму из Гамбурга: «Замечательно тчк пришлите пожалуйста десять фунтов задатка».

Они все еще не верили в него.

В этот раз в Гамбурге им работалось труднее всего. Хотя, стараниями Эпштейна, оплата и была на порядок выше. И клуб был чистым и уютным, а отношение к ним – самое доброжелательное. Но тень Стюарта, казалось, всегда была рядом с ними, и все они, а в особенности Джон, не могли, да и не хотели, быть такими же веселыми, как раньше.

Они играли в клубе даже в день его похорон. Это был не самый радостный вечер.

К концу его Джон увидел среди посетителей Астрид. Она была одна, и она явно старалась остаться незамеченной. Джон понял: слушая, она представляет, что среди них играет и Стью.

– Для друзей, – объявил он и запел «Love Me Tender». Но закончить не смог. Душили слезы.

Из-за кулис он поискал глазами Астрид, но безуспешно.

Кто-то окликнул его. Возле сцены стоял Юрген Фольмер, тот самый «экзи», в доме которого случился последний приступ Стюарта.

– Она передала тебе это, – Юрген протянул Джону картонный пакет из-под фотобумаги большого формата.

Джон раскрыл его и достал содержимое. Это была пачка фотоснимков. Повернувшись под свет фонаря, Джон принялся рассматривать их, близоруко приближая к лицу... Снимки были просто великолепны. Он и не предполагал, что «Битлз» могут выглядеть так прекрасно. Особенно хороша была фотография возле автофургона. Пять обиженных юных суперменов...

Этот снимок вполне годился для обложки конверта или на рекламу...

Но нет, теперь все это – только история, ведь на всех карточках присутствует Стюарт. Немало было фотографий и его одного. А в конце пачки лежала записка.

Джон прочел ее и недоуменно глянул на Юргена. Затем перечитал... Внезапно, слегка побледнев, он криво усмехнулся, скомкал листок и сунул его глубоко во внутренний карман куртки.

Рори Сторм и «Ураганы» сидели сейчас без работы, и Ринго Старр все свободное время торчал в «Звезде», слушая «Битлз».

Пол решил, что смертью Стюарт доказал правоту своих мистических выкладок, и теперь он чувствовал долг перед ушедшим другом. Потому-то именно он затеял разговор с Ринго первым. Он подсел к нему за столик в перерыве:

- Мы хотим, чтобы ты играл с нами.
- Так ведь, ребятки, я и сам этого хочу. Но молчу.
- А почему?

– Так чего ж навязываться? Разве ж я вам теперь ровня? Вы, вона, пластинку в Лондоне записывать будете, а я кто? Просто безработный... – Ринго отхлебнул из кружки пиво. – Если б у вас барабанщика не было, я бы, может, и сам к вам попросился. Так ведь нет. У вас Пит есть. Вон он какой, холеный да ухоженный, со мной даже и не здоровается. А девки к нему, как мухи на мед, слетаются...

– Мухи слетаются не только на мед, – заявил появившийся тут же Джон. После смерти Стюарта он вообще не мог смотреть на Пита, словно тот был в чем-то виноват. В этом не было никакой логики, но Пол уже давно отбросил мысль, что Джона можно переубедить в каком-то вопросе.

– Это-то верно, что не только на мед, – ухмыльнулся Ринго, – да только дело-то не в том. Пит у вас – барабанщик грамотный, только суетится много...

– Ты задницей не верти, – грубо оборвал его Джон. – Будешь с нами играть?

– Да я-то бы и не прочь, вроде. Но ведь вот какое дело получается...

– Будешь?! – снова рявкнул Джон.

– Буду, – твердо сказал Ринго. – Чему быть, того не миновать.

– Вот так-то лучше, – хлопнул его по плечу Джон. – Тут мы доиграем с Питом, а в Ливерпуль поедешь с нами. Там все и решим.

– Решим, так решим, – пожал плечами Ринго. – Я, ребята, как скажете, – прикрыв один глаз, он приблизил к другому палец с перстнем и стал так и сяк поворачивать зеленый камешек. – Делать мне в Гамбурге давно уже

нечего. Хватит уже кататься как перекасти-поле, болтаться, как Шалтай-болтай... Я ж не уезжал-то почему? – отвлекшись от камешка, он поднял голову и, хитро улыбнувшись, посмотрел на Джона и Пола. – Я ж все ждал, когда вы созрете.

Джон и Пол ошарашено переглянулись.

Но все вышло не так просто. Эпштейн телеграфировал, что шестого июня они должны быть в Лондоне, в студии «Е.М.І.», и отправиться туда с Ринго они не решились. Еще не известно, как отнесся бы к этому Брайан. Это было бы нарушением их договора, и ответственная запись могла сорваться.

А Пит и вовсе ни о чем не догадывался.

В ночь перед отлетом Пола разбудил странный звук. Прислушавшись, он понял, что это – плач. Звук раздавался со стороны кровати Джона.

Пол сел на постели и включил ночник.

Нет, плакал не Джон. Тот спал, повернувшись лицом к стене. Плакал Джордж, стоя на коленях перед его кроватью.

– Ты что это, а? – шепотом спросил Пол, подойдя к нему и опустившись рядом.

– Марк вернулся, – хрипло ответил тот, одной рукой утирая слезы, а другую поднеся к лицу Пола.

И тот увидел, что на его ладони сидит мышь.

– Ты понимаешь, – объяснил Джордж, – я ждал его каждую ночь. А он пришел только сегодня. Он пришел попрощаться, а это значит, мы больше никогда не увидим друг друга. Что-то кончается в нашей жизни.

– Ты сегодня никаких таблеток не ел? – осторожно спросил Пол.

– Таблеток? – Джордж покачал головой. – Ты этого не поймешь. Этого никто не поймет. Марк не хотел приходить, оттого, что почему-то не любит Джона. А сегодня пришел. Повидаться в последний раз. Поговорить... – У него снова задрожали губы.

– С тобой все в порядке? – спросил Пол и потрогал приятелю лоб.

– Со мной-то все, – усмехнулся Джордж сквозь слезы. – А ты иди спать, Пол. Ты еще такой ребенок...

Шестого июня в студии на лондонской улице «Эбби Роуд» они записали шесть песен. В прежнем составе.

Своего нового покровителя «Битлз» в тот день так и не увидели. Мартин на записи не присутствовал. Да и представленные Брайаном

фонограммы на самом деле не слишком-то задели его. Но «Парлафон» в тот момент находился в бедственном положении. Кое-каким спросом еще пользовались его пластинки с записями юмористических рассказов писателя Питера Устинова, а вот музыкальные – залеживались на прилавках.

Дело в том, что у Мартина был слишком хороший вкус. Слишком много он потратил в свое время сил и нервов на то, чтобы никто и никогда не вспомнил, что его отец – мясник. Он имел консерваторское образование, прекрасно играл на рояле и гобое. Понять рок-н-ролл ему было трудно. Вот и сейчас, ухватившись за «Битлз», он надеялся использовать их только как аккомпанирующую команду, подыскав для них какого-нибудь «приличного» певца.

Но найти второго Клиффа Ричарда Мартину не удалось, и, в конце июля, он телеграфировал Эпштейну, что «Парлафон» готов заключить с «Битлз» контракт на один год, в течении которого обязуется выпустить не менее четырех их синглов. «С дурной овцы – хоть шерсти клок, – примерно так он решил, несколько раз прослушав их новую запись. – Пусть они и не будут пользоваться бешеным успехом, но на небольшой тираж любители найдутся. А я за этот год все же постараюсь подыскать подходящего вокалиста...»

И все же, надо отдать должное его проницательности и чутью. Условием заключения контракта он объявил Эпштейну замену барабанщика.

До этого момента «Битлз» продолжали выступать в «Каверне» с Питом. Ведь он был одним из тех, кто поставил свою подпись в контракте, и без согласия Эпштейна никаких изменений в составе группы быть не могло.

Пит замечал, что в последнее время остальные общаются с ним только по необходимости, но не слишком-то тяготился этим. У него была своя, сугубо «мажорная» компания.

Не догадываясь о назревшем конфликте и Эпштейн, потому, рассказывая Джону о требовании Мартина, он виновато прятал глаза под стол.

Выслушав его, Джон высокомерно поднял подбородок:

– И это, мистер Эпштейн, вы называете честной игрой? – спросил он с пренебрежительной усмешкой. На самом же деле он чувствовал, как с плеч его буквально свалилась гора. НЕ ЕМУ придется выгонять Пита из группы.

– Джон, я понимаю, что это ужасно неприятно, но бизнес есть бизнес... Другого такого шанса нам, возможно, не представится никогда...

– Что ж. Трудно остаться чистеньким, связавшись с такими делягами, как вы... – покачал головой Джон. – У меня есть на примете барабанщик более высокого класса, чем Пит. Его зовут Ринго Старр. Вот его телефоны, ищите. И Питу о своем решении сообщаете вы.

Тяжело вздохнув, Брайан согласно кивнул.

Когда Джон уже был на пороге, Эпштейн окликнул его и жалобно попросил:

– Я могу хотя бы сказать, что это не мое, а НАШЕ решение?

– Валяйте, – великодушно разрешил Джон и хлопнул дверью.

И вновь, шестнадцатого августа, Брайану приходилось прятать глаза. На этот раз, беседуя с Питом. Тот приехал в резиденцию Эпштейна несколько удивленный его звонком. До сей поры переговоры велись или со всеми вместе или только между Эпштейном и Ленноном.

Когда Пит уселся в кресло напротив Брайана, тот вдруг принялся смущенно копаться в бумагах. Потом, как бы мимоходом, обронил:

– Тебе придется уйти из группы.

– С чего это вдруг? – Пит закинул ногу на ногу и выпятил нижнюю губу.

– Так надо. Прими это, как факт.

– И не подумаю. Вы что, Эпштейн, о-ду-ре-ли? – произнес он по слогам. – Да меня ребята не отпустят!..

Брайан оставил в покое бумаги и поднял глаза:

– Они тоже этого хотят.

Пит ошеломленно уставился на него:

– Но почему?!

Брайан пожал плечами.

– Лично мне ты нравишься больше всех. Ты – человек моего круга. Ты не сморкаешься в занавески и не стесняешься носить галстук... Но их трое. И тут я уже ничего не могу поделать.

Они посмотрели друг на друга долгими взглядами. Пит поднялся из кресла с выражением горькой обиды на красивом лице.

Внезапно Брайан осознал, что говорил сейчас чистейшую правду. Пит действительно нравится ему. Более того, он испытывает к нему что-то вроде странной влюбленности...

Но ему пришлось перешагнуть через это чувство. К тому же, оно было и не совсем естественным.

– Это неслыханно! Да ты единственный из них похож на человека! – Мона Бест, хозяйка клуба «Касба», искренне считала своего сына основателем «Битлз» и возмущена была крайне.

– Мама... – простонал Пит.

– Что, мама?! Сколько раз я тебя предупреждала, что выпивка и девочки не приведут тебя ни к чему хорошему.

– Ну это-то тут при чем? – скривился Пит. – Оказывается, они уже давно хотели меня пнуть.

– И надо же мне было приютить их у себя! Вот дура! – она внимательно посмотрела на удрученную физиономию сына: – Или ты все-таки спорол какую-нибудь глупость? Не может быть, чтобы они вот так, ни с того ни с сего...

Пит воздел глаза к потолку:

– Джордж со мной еще разговаривает... И он сказал, что я «не являюсь частью их духа...»

Мать посмотрела на сына, как на дурака. Вообще-то, она не чаяла в нем души. Она молодилась, и ей нравилось пройтись по вечерней набережной под руку с Питом, зная, что окружающие принимают их за счастливую влюбленную пару... Но в этой ситуации она не понимала его. Ее поражал тот фатализм, с которым он принял свою отставку.

– Что они с тобой сделали?! – всхлипнула она, поправив ему воротник. – Ты исхудал. У тебя прорезался нездоровый аппетит. Вчера, например, ты съел целую кастрюлю картофельного пюре...

– Да? – неподдельно удивился Пит.

– У тебя провалы памяти! О Боже! Что стало с моим единственным сыном?! С сыном моим единственным! С единственным сыном моим!

Мона Бест нервно постучала костяшками пальцев по столу. Ну, нет! Если ее бедный мягкосердечный сын и способен простить своим друзьям любую низость, то бороться будет она!

Женщина – владелица ночного клуба – редкость. Да еще – привлекательная женщина. Она была уверена, что многие ее влиятельные друзья помогут ей в эту трудную минуту.

Она закурила.

– Кто у них за главного? – спросила она.

– Джон... Брайан Эпштейн, – поправился Пит, припомнив своего

главного обидчика.

Так-так-так. Она обзвонит всех владельцев клубов и скажет им... скажет... что Брайан Эпштейн – гомосексуалист! И все «Битлз» – гомосексуалисты! Один Пит – нормальный человек, потому-то его и отвергли.

Но это – чуть позже. А сейчас она напишет разгромную статью в городской вестник.

– Мамочка тебя не бросит! – пообещала Мона и уселась к письменному столу.

Ее старания и статьи, появившиеся в ливерпульской прессе, неожиданно сыграли двоякую роль. С одной стороны, они выставляли «Битлз» в невыгодном свете, с другой, послужили им рекламой. Ажиотаж вокруг первого их выступления в новом составе был невиданным.

Дело дошло до того, что перепуганный Брайан нанял для себя телохранителей. Именно на него был направлен весь гнев поклонников (точнее, поклонниц) Пита.

«Каверна» неистовствовала. Те, кому не досталось билетов, толпились у входа, скандируя: «Эпштейн – недоносок! Эпштейн – недоносок!...»

– От народа ничего не утаишь, – шепнул Джордж на ухо Джону, и тот громко заржал. Удивленные фанаты расступились и проводили их до дверей клуба недоуменными взглядами.

Примчавшийся в Ливерпуль по звонку Брайана, Ринго нервничал больше всех.

– Расслабься! – потряс его за грудки Джон. – Не съедят.

– Съедят, – не согласился с ним Ринго.

Наиболее спокойным выглядел Джордж. Он был серьезно занят. Скатывая из обрывков бумаги шарики, он прицельно метал их в мусорную корзину. Когда у него кончились снаряды, он огляделся и увидел, что Джон сидит на газете.

Джордж не спеша подошел к нему, толкнул в плечо, выдернул листок и продолжил свое занятие. Джон ошарашено посмотрел на него. Только Джордж со своей детской непосредственностью мог позволить себе подобную выходку.

– Ты что, совсем оборзел? – спросил Джон.

Джордж, не оглядываясь, пожал плечами.

– Ты сегодня точно допрыгаешься, – предупредил его Джон. – Я-то все стерплю, но кто-нибудь точно залепит...

Джордж пожал плечами опять.

– Может, выпьем по стаканчику для храбрости? – предложил Пол и трясущейся рукой попытался взять со стола бутылку. Но не сумел.

– Выпей ее один, – посоветовал Джон. – Тебе надо.

– Скоро выходим? – тихо спросил Ринго.

– Что? – не расслышал Джон.

– Скоро выступаем? – переспросил тот.

– Скоро.

– Я в туалет успею сходить?

– Успеешь, – сказал Джон. – Тебе надо.

Ринго поднялся, открыл дверь, и шум толпы стал слышен более отчетливо.

«Да здравствует Бест! Долой Ринго! Бей евреев!» – выкрикнул звонкий девичий голос.

– *Шовинизм* какой-то, – сказал Ринго, так и не выйдя, и прикрыл дверь изнутри. Он решил потерпеть.

Джон глянул на него новыми глазами. «Шовинизм...» А он-то считал его безграмотным простаком...

Когда они выскочили на сцену, реакция зрителей была неоднозначной. Кто-то возмущенно улюлюкал, но кто-то и подбадривающе свистел. В зале, все-таки, собрались не одни почитатели Пита.

Первая песня – «Hello, Little Girl»^[45] – завела публику. Зрители танцевали и хлопали в такт. Стало похоже, что конфликт исчерпан.

После каждого номера на сцену рвался Брайан. «Я должен им все объяснить!» – доказывал он Джону.

«Мне нужен ЖИВОЙ менеджер», – возражал тот и выпихивал его за кулисы.

Но когда «Битлз» отыграли первый сорокапятиминутный сет и, сложив инструменты, собрались удалиться в гримерку, Эпштейн, улучив момент, все же подскочил к микрофону.

– Джентельмены, – помпезно обратился он к публике, чем сразу настроил ее против себя. – Музыка – это не только ноты и звуки, не только слова и куплеты, это и некая совокупность энергий, перетекающая со сцены в зал. И обратно – из зала на сцену. Вот и сегодня, я думаю, это таинство свершилось! Не правда ли?

Толпа мрачно смотрела на его, не внушающую доверия, физиономию.

Не дождавшись поддержки, он продолжил:

– Сегодня в этом зале собралось значительно большее количество

зрителей, чем обычно, и, я думаю, это – результат того, что в ансамбле, наконец-то, появился новый, не достающий ранее, музыкант.

Публика угрожающе загудела.

– Позвольте представить! – перекрывая шум, выкрикнул Брайан. – Барабанщик – Ринго Старр!!!

Ринго поднялся... Но работа в ночных заведениях научила его быть чутким к настроениям масс. И вместо того чтобы поклониться, он сразу же кинулся в коридор, ведущий в подсобные помещения.

И действительно, терпение толпы при этих словах Эпштейна лопнуло. Группа разъяренных поклонников Пита Беста ломанулась на сцену.

– Уходим!!! – крикнул Джон и побежал вслед за Ринго.

Вовремя сориентировался и Пол.

...Телохранители очистили сцену и вытолкали публику из клуба. Этот вечер явно не мог иметь продолжения.

Тем временем, из своего убежища выбрался Джон и взялся за осмотр поля брани. Инструменты были целы. Тогда он переключил свое внимание на два распростертых на сцене тела. Эпштейн лежал свернувшись калачиком. Джордж валялся на спине, раскинув руки в стороны. Джон приблизился к нему и заглянул в лицо.

О, нет. Это было не лицо. Это была морда. Левый глаз Джорджа превратился в сплошной синяк.

Джон подsunул ладонь ему под голову:

– Эй! Ты жив?! – обеспокоенно спросил он.

Джордж приоткрыл здоровый глаз, обвел им помещение, затем, сконцентрировавшись на Джоне, изрек:

– А ты, оказывается, колдун...

Не прочитав и страницы, Синтия отложила своего любимого Сэлинджера в сторону. Сегодня это повторялось с ней уже не в первый раз. Потому что сегодня врач подтвердил ее опасения. Она беременна.

Ее слегка успокаивали ежечасные посещения кухни и поедание огромного количества «вкусенького». Но тетя Мими при этом нехорошо косилась на нее и, в конце концов, Синтия заперлась в их с Джоном комнате.

«Над пропастью во ржи». Джон казался ей чем-то похожим на Холдена Колфилда, и Синтия попыталась угадать, как бы тот отнесся к известию, что его подружка ждет ребенка... «Хотя, нет. Колфилд был девственником... Но после-то книжки, он наверное... О, Боже! Какие идиотские мысли приходят мне в голову!...»

Джон вернулся поздно ночью. Синтия слышала голоса на кухне – его и тети Мими... Она решила сделать вид, что давно спит. Если он разбудит ее, желая близости, она расскажет ему... Если ляжет осторожно, стараясь не разбудить, завтра же она начнет искать врача, который сделает аборт...

То, как повел себя Джон, оставляло выбор за ней. Он прошел тихо, стараясь не будить. Лег рядом... и положил ладонь ей на грудь.

Синтия повернулась к нему.

– Я тебя так ждала, Джон, – сказала она. Но сразу сообщить о главном не решилась. – Сегодня у нас в гостях была тетушка Роберта...

– Насрать, – ответил он.

Синтия не обиделась. Ей и самой было насрать на тетю Роберту.

– А еще я беременна.

– А еще что?

– А больше ничего.

Минуты две Синтии казалось, что Джон заснул. Но внезапно он подпрыгнул и, свесив ноги, уселся на кровати.

– Так что? – сказал он. – Будем жениться?

– Ты серьезно? – Синтия даже не ожидала, что он сам заговорит об этом.

«А почему нет? – думал Джон. – В конце концов, когда-нибудь я должен жениться...»

– Я такой же псих, как Стюарт, – объяснил он. – И кое-чему он научил меня. Я не хочу умереть, пока у меня не будет сына.

– Почему именно сына? – Синтия почувствовала, что ее тревоги отступают.

– А кого? – изумился Джон.

Синтия тихо засмеялась. Стоит ли объяснять ему, что на свете бывают и дочери...

Двадцать третьего августа Джон и Синтия прибыли в бюро записи гражданского состояния «Маунт Плезнта». Мэри Смит не присутствовала на церемонии. Брак племянника болезненно напоминал ей о свадьбе ее сестры с Фредом Ленноном, союз которых был официально оформлен именно в этом заведении. Она не могла забыть письма Фреда, присланного им жене в сороковом году с армейского судна: «Это – война, дорогая. Желаю тебе хорошо поразвлечься».

Не было и Ринго. Его свалил очередной недуг.

Пол и Джордж вяло плелись за родственниками Синтии. Они тихонько посмеивались, обсуждая чьи-то уши, чью-то прическу или чьи-то ботинки.

Но на самом деле они были всерьез обеспокоены. Не означает ли женитьба Джона распад «Битлз»?

– А это кто такой женится? Что-то мне его лицо знакомо, – спросил невесть откуда взявшийся долговязый сутулый парень с огромным носом.

– Да так, придурок один, – ответил Пол. Эпштейн, строго-настрого запретил им говорить о свадьбе посторонним.

– А-а, – протянул носатый. – А вы кто? Друзья или родственники?

– Родственники, – ответил Джордж.

– Троюродные девери, – нашелся Пол.

– А-а, – понимающе покивал парень. – А выпить-то тут дадут?

– Только своим, – попытался избавиться от надоевшего собеседника Пол.

– А-а, – незнакомец потер руки и направился к фуршетному столику.

– Ловко устроился, гад, – заметил Джордж, но вынужден был отвлечься. Чиновник бюро записи гражданского состояния завел пламенную речь о святости английского брака.

Брайан Эпштейн, брат Синтии – Тони и ее золовка Марджери, исполнявшие роли свидетелей, поставили свои подписи в книге регистрации...

На этом, собственно, «торжественная часть» и закончилась. Гости переместились к фуршетным столикам и принялись доедать то, что осталось после носатого проходимца.

Фуршет длился недолго. Шампанское быстро кончилось, и гости стали собираться. Начался дождь.

В тот же вечер «Битлз» выступали в «Ривер-Парк Белрумз».

После концерта, как теперь стало заведено, Эпштейн развозил их по домам на своей машине. Последним он вез Джона.

За квартал до его дома Брайан остановил автомобиль, достал сигару и закурил.

– Значит, ты считаешь, женатому человеку нельзя играть рок-н-ролл? – спросил он, затаившись.

– Это... это все равно, что ходить по улице в носках разного цвета.

– Но ведь женатых музыкантов полным-полно!

– Например?

Эпштейн наморщил лоб. К своему удивлению он осознал, что большинство его знакомых музыкантов или не были женаты никогда, или – очень недолго.

– Да многие... – заключил Брайан.

– Если б не ребенок, – обреченно заметил Джон. – Жалко бросать группу.

Брайан пыхнул сигарой, громко чихнул и согласился:

– Дело только начинается... А если переженятся все?

– Не знаю...

– Я бы на твоём месте не был таким пессимистом, – сказал Брайан, сплевывая табак. – Женитьба – это ещё не конец света.

– Да я, вообще-то, и сам так думаю...

– А ты веришь в сны? – спросил Эпштейн.

– Я что-то их уже давно не видел.

– А я верю. Недавно мне приснился дивный сон. Я иду по цветущему лугу. Вокруг – птицы, пчелки... Вдруг вижу – стадо коров. Прохожу мимо и слышу: «Мистер Эпштейн, можно вас на минутку?..» Я повернулся и увидел... кого бы ты думал?.. миленькую, такую, телочку, чернопеструю, с белой звездой во лбу. «Да? – благосклонно отвечаю я. – Слушаю вас». Она посмотрела на меня томным-томным взглядом и спрашивает: «Му-у-жа моего не видели?» «Нет», – говорю я. Тогда она поворачивается ко мне задницей, машет хвостом и советует: «Так посмотрите...»

Я оглядываюсь и вижу огромного быка. Он стоит в метре от меня, наклонив рогатую голову, и яростно роет копытами землю. И я закричал первое, что пришло мне в голову: «Между нами ничего не было!!!» И побежал...

Что было дальше, не помню. Кажется, он меня догнал...

Брайан сдул с кончика сигары пепел и уточнил:

– Ну, теперь тебе все ясно?

– Что ясно? – удивился Джон.

– А то, что ты должен остаться в группе и прекратить ныть.

Джон почесал в затылке.

– Знаешь, Брайан. А ты не такой идиот, как я думал...

Польщенный Брайан, хмыкнув, расправил плечи.

– Ты ещё хуже, – закончил Джон.

До своего дома он шел пешком.

Тетя Мими раскаялась, что не была на регистрации брака любимого племянника. И чтобы заглушить голос совести, она объявила Джону, что отдаёт ему с Синтией весь первый этаж особняка.

Если бы Пол знал это, он бы просто постучал в окно. Но Пол не знал, и потому на следующее утро, по традиции, Леннона разбудил его истошный крик на улице:

– Джон! Джон!..

Находясь еще в сомнамбулическом состоянии, Джон натянул брюки, носки и открыл дверь.

– Газеты читал?! – не успев войти, воскликнул Пол.

– Больше мне делать нечего, – прохрипел тот.

– Вот, смотри! «Мерси Бит»! Здесь, здесь и здесь, – Пол листал перед близоруким Джоном полосы свежего номера.

– Чего тебе надо?! – рявкнул Джон.

Пол уже, было, собрался обидеться, но тут случайно взглянул на ноги Джона и захохотал.

– О! – сказал Джон, проследив за взглядом Пола и увидев, что спросонья одел разные носки.

Он выдернул из рук Пола газету, зашел в спальню, одел очки и прочел заголовок: **«„Битлз!“ – группа № 1 в Ливерпуле»!**

Читать дальше он не стал и вернулся в прихожую.

– Брайан постарался? – небрежно спросил он, стремясь не выказать радость.

– Он мне только что звонил. Ему полгода не позволяли выпустить эту статью! А теперь – все с этим согласны! Он просил немедленно приехать к нему.

– Началось?

– Началось.

Они озадаченно посмотрели друг на друга.

– Подожди...

Джон снова нырнул в спальню и принялся торопливо натягивать рубашку.

– Куда это ты? – сонно спросила Синтия и попыталась поймать его за рукав.

– Отстань. Спи... Это полезно для ребенка.

Вчерашние мысли о несовместимости семейной жизни и рок-н-рольной карьеры уже не беспокоили его. Ему начинало нравиться ходить в разных носках.

Студия на Эбби Роуд была уже знакома им. В начале сентября они прилетели в Лондон, чтобы, наконец, записать две песни для настоящей пластинки.

А вот человек, встретивший их, знаком им не был.

Это был благообразный доброжелательный джентельмен лет сорока, худощавый, чисто выбритый и с иголочки одетый.

– Ну, наконец-то! – воскликнул он вместо приветствия. – Значит так, в половине третьего – репетиция, в семь – запись, в двенадцать – отбой. Гостиница – рядом. Если вас что-то не устраивает, – продолжал он, проводя их в павильон, – скажите об этом сразу.

– Для начала меня не устраивает ваш галстук, – сразу, как и просили, сообщил Джордж Харрисон.

Незнакомец оторопел. На самом деле его галстук, с красными лошадами на черном фоне, был последним криком лондонской моды.

– Я пошутил, – наблюдая за выражением лица собеседника, сочувственно сказал Джордж.

Приступили к репетиции.

– Джордж, – подай другую гитару! – крикнул Джон.

Гитару ему принес сотрудник с галстуком в лошадках.

– Не надо, – бросил ему Джон. – У нас своя есть.

Еще через пару минут он попросил вновь:

– Джордж! У тебя медиатор есть?

Сотрудник с галстуком в лошадках, покопавшись в подсобке, нашел и медиатор. Но Джон отверг его:

– Наш лучше.

И они заиграли. В середине песни Джон остановился и заорал:

– Джордж! Какого дьявола?! Ты перестанешь кривляться или нет?!

Красный, как рак, сотрудник с галстуком в лошадках выскочил из операторской:

– Ну чем я опять вам не угодил?! Джордж – туда, Джордж – сюда!.. В конце концов, я продюсер, или мальчик на побегушках?!

Джон непонимающе смотрел на него. Потом расплылся в улыбке:

– Вы – Джордж?

– Да! Я – Джордж Мартин, директор этой студии!!!

Ринго ехидно захихикал. Пол, в приступе хохота, схватился за живот.

– Представяться надо сразу, – поучительно сказал Джон. – У нас есть свой Джордж. Вот – видите, какой Харрисон.

Джордж Мартин осознал свою ошибку и, извинившись, поочередно назвал себя каждому.

– Ну все? – спросил он, покончив со знакомством. – Или вас не устраивает что-нибудь еще?

– Меня не устраивает ваш галстук, – тупо повторил Джордж прежнюю шутку.

Ринго опять ехидно захихикал.

Озадаченно глянув на него, Мартин молча вернулся в операторскую.

Ему трудно было это понять. Во-первых, он считал, что одевается безупречно. Во-вторых, как профессиональный знаток юмора, он никак не мог посчитать сказанную Харрисоном фразу за остроту.

С самого начала своей карьеры Джордж Мартин специализировался именно на юмористических пластинках, и потому в кругу друзей он прослыл отменным шутником. Нередко в компаниях его просили выдать «что-нибудь эдакое», но он, каждый раз ссылаясь на нездоровье, принимался нервно кашлять в кулак. Чем неизменно вызывал бурный смех благодарных зрителей. Он даже сам поверил, что природа одарила его недюжинным комическим талантом.

А вот чужие шутки он не понимал.

Он считал их ниже своего уровня.

Харрисон в этот день был явно в ударе. На перекуре между репетицией и записью он вдруг начал предлагать все новые и новые варианты аранжировки:

– А, может, мне играть какой-нибудь железякой, как на гавайской гитаре? А может, вместо гитары пустить банджо? А может, вообще не петь, а сделать соло на губной гармошке? Или еще что-нибудь на что-нибудь поменять?

– А может быть, вас, молодой человек, заменить на кого-нибудь другого? – тонко пошутил Мартин. Он не удивился, что никто не засмеялся. Тонкий юмор не был знаком неотесанным ливерпульцам.

Запись начали с «Love Me Do».

В отличие от Джорджа, Ринго был сегодня просто не в себе. Он нервничал и с каждым дублем стучал все хуже и хуже. После пятого Мартин спросил Брайана: «А прежнего мальчика вы не привезли? Не такого смешливого?» Эпштейн горестно покачал головой.

Сидя в операторской, Мартин в переговорное устройство давал советы

всем, а особенно Ринго. После четырнадцатого дубля он подошел к нему и снова тонко пошутил:

– Если ты не сыграешь как надо, мы тебя выгоним.

Для Ринго эта шутка была настоящим потрясением. Его нос стал еще длиннее. Но, оказалось, шокотерапия для него – самый подходящий метод лечения. Именно последний, пятнадцатый, дубль он сыграл четко и ритмично.

Когда они приступили ко второй песне – «P.S. I Love You»^[46] – неугомонный на выдумки Мартин сразу подошел к Ринго и прошептал:

– Если ты с первого раза не сыграешь, мы тебя выгоним.

Ринго Старр сразу стал самым несчастным, но самым правильным барабанщиком в мире.

Через десять минут, завершив запись, они собирались в гостиницу.

На следующий день четверо провинциалов отправились побродить по столице. Пол решил купить себе новый костюм, а Ринго подыскать парутройку колечек, которых ему не хватало. Они заглядывали в каждый магазин, а Джон и Джордж, которых покупки не интересовали, терпеливо ждали их на улице.

– Мы тут посоветовались и решили, – объявил Джон, когда пижонская парочка вышла из обувной лавки, – нам нужно разделиться. Пока вы шаритесь по прилавкам, мы с Джорджем пропустим по кружечке пива.

– По две, – уточнил Джордж.

– А где встретимся? – спросил Пол.

– Какая разница? Ну, давай, здесь же. Через час.

– Давай, через два, – предложил Пол. – За час я ничего не выберу.

– Ну, давай, через два, – согласился Джон.

– А еще лучше – через три, – начал торговаться Пол.

– О! – возвел глаза к небу Джон. – Ладно, через три.

– И пива – по три кружечки, – подкорректировал Джордж.

– По четыре, – уточнил Джон.

– Тогда уж и встречаемся через четыре, – вмешался Ринго.

– Все! Хватит! – заорал Джон. – Здесь! Через пять часов! – круто развернувшись, он поспешил к приглянувшемуся по дороге пабу. Джордж не отставал. Времени было в обрез.

Товаров в Лондоне оказалось слишком много. Купить что-то одно было просто невозможно. А вдруг в следующий раз найдется нечто еще более великолепное? Но сам процесс поиска Пола и Ринго увлек не на

шутку. А особенно – разговоры с продавцами.

– Покажите вон то, – ткнул пальцем Пол.

Чопорный седой торговец снял с вешалки чудную малиновую жилетку, с торчащим из кармана желтым цветком, и положил ее на прилавок.

Пол послунывил два пальца и потер материал между ними.

– Линяет... – отметил он раздосадовано.

– Осень, – пояснил Ринго.

Торговец раздраженно повесил жилетку на место.

– А кольца у вас есть? – поинтересовался Ринго.

Торговец уже понял, что покупок не будет.

– Это вам еще зачем?

– Пожениться хотим, – серьезно ответил Пол.

– Голубые что ли? – презрительно усмехнулся торговец.

– Почему? – удивился Ринго. – Серебряные. Или медные.

– О таких не слышал, – недружелюбно заметил торговец. –

Поразвелось...

– Темный народ, – констатировал Пол. – Пойдем отсюда...

В другом магазине разговор получился совсем коротким.

– У вас трусы есть? – спросил Ринго молоденькую продавщицу.

– Нет, – ответила та.

– Давай, подарим, – предложил Пол. – А то простудится.

– Давай, – согласился Ринго.

– Мы сейчас вернемся, – обнадежил Пол девушку, и они пошли дальше.

В часовой лавке Ринго попросил *часы на правую руку*.

Пока продавец соображал, чего же, собственно, от него требуют, Пол с ужасом заметил, что сотня ходиков на стенах показывают время их встречи с Джоном и Джорджем. И они поспешили прочь, так и не дождавшись ответа.

– А где мы встречаемся-то? – спросил Ринго.

Пол поскреб подбородок.

– Я помню, что Джон сказал «здесь».

Они беспомощно переглянулись.

– Там была обувная лавка! – осенило Ринго.

– Девушка! – обратился Пол к прохожей. – Где тут поблизости обувной магазин?

Польщенная старушка целых пятнадцать минут рассказывала им все, что знает об обувных магазинах Лондона и его окрестностей... Она бы рассказывала и дальше, но благодарные слушатели, молча развернувшись,

покинули ее.

После долгих и бесплодных поисков *той* обувной лавки, они решили двинуть сразу на Эбби Роуд – в гостиницу возле студии.

– Слушай, Джон, а куда мы едем? – заплетающимся языком спросил Джордж, очнувшись, когда за окнами автобуса уже стемнело.

– Да! Куда мы едем?! – крикнул Джон на весь салон.

– Если бы я знал, куда вам надо, – сказал водитель, – я бы разбудил вас еще на первом круге.

– А сейчас уже – какой? – поинтересовался Джон.

– Шестой.

– О! Наш! – обрадовался Джордж. – Останавливай!

Водитель послушно затормозил и открыл дверь. Джон попытался расплатиться, но честный водитель сообщил им, что они расплатились с ним заранее.

– А за сколько кругов? – спросил Джордж, стоя на обочине и провожая автобус взглядом.

– Не имеет значения, – ответил за шофера Джон. – Уже.

– Точно, – согласился Джордж. – Уже. – И пожал Джону руку.

– Ну, что, по домам? – предложил Джон.

– Угу, – кивнул Джордж. – Пока.

И они пошли в разные стороны.

Минуту спустя, слегка придя в себя, Джон догнал Джорджа.

– Эй! – окликнул он.

– Ну?

– Мы в Лондоне!

– Опять?

Джон пожалел, что не сообщил ему, что они в Занзибаре. Джордж отнесся бы к этому так же спокойно.

– Нам нужно встретиться с Полом и Ринго.

– Я бы тоже был рад повидаться с ними, – почти осмысленно улыбнулся Джордж.

– Тогда пошли.

Тут только Джон понял, что они находятся на какой-то пустынной окраине. В этом факте имелось одно преимущество. Было ясно, куда идти. Огни горели только в одной стороне.

Минут десять они понуро плелись в этом направлении. Мимо проносились машины, но оказалось, что в карманах нет не пенса. Похоже, они заплатили в автобусе примерно за миллион «кругов».

Наконец они добрались до первого одноэтажного домика и, не задумываясь, постучали в дверь.

– Вы откуда? – дружелюбно спросила их хозяйка, вынув изо рта сигарету с запахом марихуаны. Хозяйке было лет сорок, но Джон сразу отметил, что она еще достаточно хороша.

– Из Ливерпуля. Отстали от автобуса. И заблудились.

– Бывает, – понимающе кивнула хозяйка. – Заходите.

В гостинице они появились только к обеду следующего дня.

– Вы же вышли ненадолго! – рвал и метал Эпштейн. – Прогуляться!

– Отстали от автобуса, – тупо сказал Джордж.

– И заблудились, – добавил Джон.

– От какого автобуса?! Где вы были?!

– О-о-о, – загадочно протянул Джон.

– Да-а-а, – подтвердил Джордж.

И больше Брайан не добился от них ни слова.

Мартин настоял на повторной записи тех же песен. На этот раз за ударной установкой сидел сессионный музыкант Энди Уайт. Ринго же выполнял функции перкуссиониста. В одной песне он колотил в тамбурин, в другой – шуршал маракасами.

Но все-таки на пластинку попала та версия «Love Me Do», в которой стучал Ринго.

«Битлз» вернулись в Ливерпуль. Пятого октября их первый сингл поступил в продажу. За реализацию диска, само собой, отвечал Эпштейн. Требовалась реклама. По его просьбе многочисленные родственники и знакомые настроили целую гору писем в адрес станции «Радио-Люксембург» с просьбой как можно чаще передавать «нашу любимую песенку» – «Love Me Do».

С десяток писем он написал и сам. Труднее всего давалось изменение почерка и подписи под этими посланиями. «Таинственный незнакомец»; «студентки колледжа прикладной хореографии»; «господин Багир-Заде, эсквайр»; «монахи ордена Августина Блаженного»...

Но главным рекламным трюком стала скупка десяти тысяч экземпляров пластинки. Получив этот заказ от Эпштейна, Мартин опешил: «Как Брайан собирается продать такую уйму дисков в своем захолустном Ливерпуле?..»

Но расчет Эпштейна был прост до гениальности. Во ВСЕХ музыкальных изданиях Англии появились сообщения о том, что сингл

никому не известного квартета «Битлз» в один день занял первое место по раскупаемости среди пластинок бит-ансамблей.

Если бы Брайан за каждое такое сообщение платил по рекламным ставкам того времени, ему пришлось бы продать с молотка и свой, и папашин дома. «А пластинки я рано или поздно сбуду», – рассудил он.

И не ошибся. Тот рекламный бум, который он же и создал, позволил ему спихнуть диски небольшим оптовым фирмам в самый кратчайший срок.

С сорок девятого места в хит-параде газеты «Нью Рекорд Миррор» сингл перебрался сперва на двадцать седьмое, а затем и на семнадцатое место в «Нью Мюзикл Экспресс». И продержался там восемнадцать недель. Такого успеха не имела еще ни одна пластинка «Парлафона», и изумленный Джордж Мартин решил немедленно выпустить новую.

Взявшись за дело всерьез, он подыскал для «Битлз» песню, которая, по его мнению, была просто обречена стать хитом – «Как это у тебя получается?»^[47] профессионального песенника Митча Мюррея.

– А нас ты спросил? – сморщился Джон, узнав об этом уже в Лондоне.

– Я сейчас и спрашиваю, – стараясь оставаться выдержанным, ответил Мартин.

– А-а... Ну, тогда я отвечаю. Сам ее и пой.

– Вы что, можете предложить что-нибудь лучше?

– Много. У нас с Полом сто двадцать две песни, пятнадцать недописанных, тридцать две мелодии без слов и море слов без музыки.

Мартин ужаснулся.

– Да вы хоть послушайте то, что я вам предлагаю...

Он уселся за фортепиано и запел хорошо поставленным баритоном:

«Как это у тебя получается,
Что все в тебя влюбляются?
Я уж готов отчаяться,
Как это у тебя получается?..»

Пол и Джордж с воодушевлением принялись подпевать ему, а Ринго – подстукивать на барабанах.

– Ну как?! – закончив, вскричал Мартин, окрыленный успехом и уверенный в своей полной победе.

– Дерьмо! – хором ответили «Битлз».

– Мы будем записывать «Please, Please Me»^[48] и «Ask Me Why»^[49], – резюмировал Джон. – Или мы не будем записывать ничего.

Поторговавшись, они записали и две своих и одну чужую песню, но последняя на пластинку не попала. Второй сингл «Битлз» появился на прилавках музыкальных магазинов двенадцатого января шестьдесят третьего года.

Миссис Харрисон сидела у включенного приемника в комнате Джорджа и вязала для него пончо. (Он всегда поражал ее своими требованиями к одежде.)

– Луиза, – прохрипел из кухни Харольд. – Я что, пингвин, в холодную постель нырять?!

Отложив вязание, миссис Харрисон пошла к мужу.

Харольд, в пижамных штанах, голый по пояс, свесив пузо на колени, поедал цыпленка.

Цыплят Луиза готовила теперь только в отсутствии Джорджа. Перед отъездом в Лондон он заявил: «Есть цыплят – хоть и вкусно, но кощунственно». А раньше это было его любимое блюдо.

Когда он сказал это, ей вспомнилась история из его детства. Как то раз братья – Питер и Гарри – принесли домой маленьких цыплят и вручили их Джорджу: «На, воспитывай...» Но, как Джордж за ними не ухаживал, выжил только один. Звали его, опять же, Питер. Цыпленок превратился в здорового задиристого петуха с довольно неприятными наклонностями. Как то: клевать босые ноги домочадцев и гостей, гадить на диван, дико орать на рассвете и спать в платяном шкафу.

Ничего удивительного, что, однажды, в отсутствии Джорджа, бедняга превратился в главное блюдо для рождественского стола. Джордж промолчал. Но к жаркому не притронулся и при каждом удобном случае напоминал родителям о родстве людей, зверей и особенно птиц.

Это прошло довольно скоро, и, надо же, аукнулось сейчас, через много лет.

Не успела Луиза присесть, как из комнаты зазвучали позывные «Радио-Люксембург», и она засеменила к приемнику. Диск-жокей бормотал какую-то ерунду о музыкальных новостях сезона. Не выпуская из рук куриную косточку, Харольд примостился на кровать рядом с женой.

– Тебе что – семнадцать лет, чтобы дуреть от этих песенок?

– Сегодня должны передавать «Битлз», я слышала утренний анонс.

– Джордж! Джордж – настоящий мужчина. Он многого добьется в этой жизни... Интересно, вспомнит ли он тогда, что это я его сделал таким? Бывало, я так его драл, что он по три дня сидеть на заднице не мог.

– Ты всегда был примерным отцом, – умилилась Луиза и потерлась щекой о его плечо.

– Да и вообще он весь в меня. Вот, хочешь, стих прочитаю?
За долгие годы совместной жизни Харольд еще ни разу не читал Луизе стихов. Она посмотрела на него новыми глазами:

– Читай...

Харольд поднялся и, взмахнув косточкой, продекламировал:

– Злые свиньи ждут поживы –
И младенец на пути.
Что ж, ребеночек сопливый,
Не пора ль тебе найти?

Если хныкать перестанешь,
И ворочаться в траве,
Сразу на ноги ты встанешь –
И пойдешь на голове. [\[50\]](#)

– Вот так ты их и воспитывал! – всплеснула руками Луиза. – Что ж ты мне раньше никогда этого не читал? А я и не знала, что ты – поэт, – она игриво шлепнула его по животу.

– Да не я это написал, – признался Харольд, втягивая пузо. – Это Джордж мне из Гамбурга привез. Фридрих Ницше. «Стих номер двадцать восемь».

Внезапно ди-джей перестал трепаться, и заиграла музыка. Солировала губная гармошка.

– О, – сказал Харольд, – это хорошая музыка. Когда же наши-то будут?

– Ну ты, прямо, захотел, чтобы их первыми передавали...

– А почему нет? Даже обидно.

– Да ладно, потерпи... Может, еще и не передадут...

Так они проболтали до конца песни, пока ди-джей не объявил:

– Итак, не правда ли, такого вы еще не слышали?! «Love Me Do» в исполнении талантливых провинциалов – ансамбля «Битлз»!

Харольд и Луиза переглянулись. И отправились в спальню.

Чары «Битлз» действовали не только на девочек.

Инженер телевизионной связи Малькольм Эванс, здоровенный красавец-тугодум одиннадцать лет проработал на одном месте и уходить с него не собирался.

Но однажды, возвращаясь домой мимо «Каверны», он заглянул туда.

Проторчав там весь вечер, он подошел к владельцу заведения с вопросом, не найдется ли тут для него какого-нибудь дела. И был принят вышибалой.

Бывшие коллеги посчитали его за идиота. Он потерял не только в престиже, но и в зарплате. Объяснять им, что зато теперь он может слушать «Битлз» каждый вечер, он даже не пытался.

Отец Брайана, скрепя сердце, был вынужден признать, что его непутевый сын все-таки оказался прав. «Битлз» стали приносить деньги. Хотя и небольшие.

Доходы от синглов дали возможность Эпштейну нанять людей в обслуживающий персонал.

Первым оказался приятель Пита Беста – Нил Аспинолл, который собирался стать банкиром, но пока что не преуспел на этом поприще.

– Ему мы обязаны нашей популярности в Ливерпуле, – напомнил Джон Брайану историю с плакатами, в которых Нил назвал «Битлз» немецкой группой.

– А что он умеет делать? – спросил Эпштейн, как на невольничьем рынке оглядывая Нила с ног до головы.

– Ничего, – признался тот.

– Все, – возразил Джон. – Он готов делать все. Например, искать девочек.

– А надо? – усомнился Брайан.

– А нет? – странно глянув на него, парировал Джон.

– Ладно, – смутился Брайан. – Берем. Но это уже – раздувание штатов. Придется погастролировать.

Сначала, по накатанной дорожке, они отправились в Гамбург.

Несмотря на то, что владелец «Звезды» Манфред Вайсследер платил им хорошие деньги и даже добавил им сверх условий контракта тысячу фунтов, «Битлз», отыграв оговоренные двенадцать концертов, двинулись дальше.

– Гамбург – это пройденный этап, – заявил Эпштейн, впервые побывавший в Германии вместе с ними. – Нас ждет Шотландия и Мартин – записывать диск-гигант. Нам нужно делать имя.

– А кто же будет делать деньги? – скептически осведомился Пол.

– Монетный двор Ее Величества, – весомо бросил Эпштейн, так, словно он уже контролировал и этот процесс.

Очередное турне по Шотландии вместе с певичкой Хелен Шапиро не

пропало даром. В каждом городе Брайан сходил с местными журналистами и ведущими радиопередач.

Однажды Ринго притащил в гостиницу номер газеты «Сандерлендский Докер». (В Сандерленде они были два дня назад.) Это была хилая четырехполосная листовка, но с огромным тиражом. «Битлз» прочли заголовок: **«У нас в гостях неплохие музыканты из Ливерпуля»**. Джона перекосило от злости, и он принялся читать вслух.

«Недавно в нашем прекрасном городе под управлением мистера Брайана Эпштейна выступил замечательный ансамбль музыкантов и певцов из Ливерпуля, с веселым названием „Жуки“.

Теперь уже злобой кипели все четверо...

«...Юные таланты исполнили ряд прелестных композиций собственного сочинения. А вот какие забавные ответы они дали на вопросы нашего корреспондента Барбары О'Риордан.

Корр. – Как вам понравился наш прекрасный город?

Пол. – Это лучший город, который мы видели в мире.

Джон. – Правда, мы почти нигде не были.

Корр. – Расскажите о себе.

Джордж. – Это долго.

Джон. – И нудно. Давайте, лучше поговорим о вас, девушка.

Корр. – Нет, давайте, все-таки, о музыке. Кто ваши кумиры?

Джордж. – Джон Леннон.

Джон. – Я.

Пол. – Мы.

Ринго. – Они.

Корр. – Как это мило.

Вот такие интересные ребята побывали у нас в городе. До скорой встречи, „Битлз“!

ОТ РЕДАКЦИИ. Надеемся, это не последняя встреча наших меломанов с музыкальными коллективами из Англии».

Джон замолчал. Они тупо переглянулись.

– Сука! – внезапно заорал Джон и принялся рвать газету на мелкие кусочки. – Если бы я знал, ЧТО она напишет, я бы эту Барбару трахнул на месте!

– Много чести, – высказал свое мнение Пол.

– Где ты это взял?! – накинулся Джон на Ринго. Тот решил, что его в чем-то обвиняют и принялся оправдываться:

– А я-то что. Ну так, приобрел...

– Говори быстрее, где! Я заставлю Брайана выкупить весь тираж!

– Не стоит, – вмешался Джордж. – Пусть лучше эти деньги он заплатит нашему пресс-агенту.

– Кому? – не понял Пол.

– Пусть наймет толкового журналиста, который будет писать про нас во все газеты. То что нам надо. И толково.

Джон с уважением посмотрел на него. И процедил:

– Умен.

Так, по возвращении в Ливерпуль, в штате «Битлз» появился Тони Барроу, критик газеты «Ливерпул Резонанс». Его знакомство с Брайаном Эпштейном предварила следующая история.

Редактора газеты звали Джордж Харрисон. С некоторых пор его начали одолевать непрерывные телефонные звонки. Поначалу ему нравилось отвечать на жеманные девичьи голоса, и некоторым он даже назначал место и время свиданий. Но вскоре это стало просто невыносимо, и он вынужден был отключить телефон.

Зато ему не нужно было далеко ходить за горячим материалом, и, изложив эту ситуацию в юмористическом ключе, он, сам того не ожидая, поднял тираж газеты в полтора раза... Вот тогда-то он и поручил журналисту Тони Барроу внимательнее приглядеться к этой теме.

Только тому было все недосуг.

Но вскоре, к его удовольствию, с предложением о сотрудничестве в редакцию явился менеджер «Битлз». Явился сам, и не очень-то расторопному Тони не пришлось разыскивать его по Ливерпулю.

– Нам нужна хорошая реклама, – взял быка за рога Эпштейн.

– Всем нужна хорошая реклама, – флегматично заметил Тони.

– Но нам нужна **ОЧЕНЬ ХОРОШАЯ** реклама.

– Угу, – согласился Барроу.

– Я плачу приличные деньги, – заявил Брайан.

– Интересно, у нас одинаковые понятия о приличиях? – слегка оживился Тони.

Брайан достал из кармана пачку банкнот и шлепнул ею о стол.

– Ого! – вырвалось у Барроу.

Брайан достал еще одну пачку.

– Ого-го! – прокомментировал этот жест журналист.

– Можете взять прямо сейчас, – сказал Эпштейн, пододвигая деньги. – Работу начнете немедленно. Хорошие отзывы критиков, репортажи с концертов, интервью с «Битлз» и опросы слушателей.

– Уже начал, – приподнялся Тони.

– Сядьте. Поговорим о деталях.

Тони плюхнулся обратно в кресло.

– На первое время вам хватит и половины, – Эпштейн забрал одну пачку денег и сунул ее обратно в карман. – Трудитесь, мой друг! И помните: вторая пачка лежит у меня здесь. – Похлопав себя по карману, он покинул кабинет.

Девочки одолевали не только Джорджа Харрисона. Однажды Пол взбудораженный и взлохмаченный ворвался в квартиру Дороти Роун и без предисловий объявил с порога:

– Я на тебе не женюсь. – (О своей помолвке они объявили за месяц до этого.) – Слишком много девушек хотят переспать со мной, я не имею права их разочаровывать!

Сказав это, он вышел, не дожидаясь ее реакции.

Он явно спешил. Жить.

Одним из путей завоевать публику было издание партитур и текстов песен для домашнего музицирования.

– Проходите, присаживайтесь, – указал на стул Дик Джеймс, лондонский композитор и издатель музыкальной литературы. – Что вас привело ко мне?

Брайан внимательно оглядел жилище НАСТОЯЩЕГО композитора. Описанного в книгах творческого беспорядка он не обнаружил. Наоборот. Жилище было роскошным и на редкость чистым. Даже казалось, тут никто не живет. На фортепиано лежала стопка чистых листов для нот. Даже казалось, на них никто не пишет.

Все это приятно удивило Брайана. Но он почувствовал, что не сможет купить этого человека так же грубо, как рядового щелкопера.

– Я принес вам кое-какие записи, – начал Брайан. – Не будете ли вы столь любезны отслушать их?

– Извольте, – чинно кивнул Джеймс и установил катушки на магнитофон – шик доступный лишь профессионалам.

– Погромче, погромче, – посоветовал Брайан.

– Понимаю, – улыбнулся Джеймс, – это тихая музыка, – он выкрутил ручку громкости до отказа и, нажав клавишу воспроизведения, поудобнее

устроился на стуле.

Колонки взорвались энергичным саундом «Please, Please Me».

Джеймс едва не свалился со стула.

– О-о!!! – закричал он, забивая музыку.

Брайан кинулся к магнитофону, в поисках нужной ручки.

– О-о!!! – продолжал кричать Джеймс. – Это восхитительно! Это же эолийская каденция! Но как по-новому она решена! Это то, чего мир давно уже ждал! ОТ МЕНЯ!

Брайан, моментально успокоившись, уселся на стул. Он уже понял, как вести себя дальше. «„Эолийская каденция“, – повторил он про себя. – Надо будет сказать это Полу. Ему понравится».

Джеймс, подпрыгивая, пританцовывая на стуле и даже подпевая, дослушал запись.

– Да, – заявил Брайан, когда она кончилась. – Не зря мне порекомендовали обратиться именно к вам. Никто! Никто не желает признать, что мои ребята пишут неплохие песни.

Глаза Джеймса вспыхнули праведным негодованием:

– Я сделаю их знаменитыми! – погрозил он кулаком неведомым врагам. – Я издам все их песни! Всего за пятьдесят процентов от дохода, – добавил он на тон ниже.

Торговаться Брайан не стал. Он уважал преданность.

Одиннадцатого февраля тысяча девятьсот шестьдесят третьего года «Битлз» вновь отправились в студию «Парлафон». На этот раз – для того, чтобы записать свою первую долгоиграющую пластинку.

Вначале Джордж Мартин собирался записать живое выступление в «Каверне», но, побывав в Ливерпуле, он остался недоволен акустикой зала.

Однако задачу создать эффект живого звучания он с себя не снял, подчеркнув это тем, что первая песня альбома начиналась отсчетом Джона: «Раз, два, три, четыре!..»

Пол и Джон были авторами восьми песен из четырнадцати. А так как все они многократно «обкатывались» на концертах, запись была сделана за один день.

Ринго уже не дожидался вкрадчивых нашептываний Мартина и перед каждым дублем мысленно настраивал себя: «Если не сыграю как надо, меня выгонят... Если не сыграю, выгонят...»

Кроме того, в этот раз, благодаря Ринго, «Битлз» вновь несказанно поразили Мартина. Теперь в ансамбле было ЧЕТЫРЕ солиста. Ринго исполнил песню «Boys»^[51].

Мартин работал с невиданным воодушевлением. На этот раз он занимался не только микшированием. В композиции «Misery»^[52] он исполнил соло на фортепиано, а в «A Taste Of Honey»^[53] настоял на том, чтобы голос Пола был записан дважды – методом наложения.

Но не обошлось и без очередного конфликта между Джоном и Брайаном. Внезапно последнему показалось, что он уже достаточно сделал для «Битлз», чтобы иметь право голоса и на записи.

– Пол! – крикнул он по селекторной связи из рубки Мартина. – Не кажется ли тебе, что эту песню нужно исполнять лиричнее? Вот, представь себе. Ты идешь по прекрасной аллее с многочисленными цветочными клумбами...

– Заткнитесь! – рявкнул Джон.

– Что? – не понял Эпштейн.

– Джон, нельзя ли повежливее? – вмешался Мартин, выйдя из рубки.

– Заткнитесь, ПОЖАЛУЙСТА, – «исправился» Леннон. – Подсчитывайте свои проценты и не мешайте нам работать!

Тяжело дыша, Брайан обдумывал свое дальнейшее поведение в этой ситуации. То ли, как бы между делом, бросить: «Ну ладно, поругались, и хватит...» То ли, вспылить и показать, кто тут главный: «Это вы мне? Вы еще пожалеете! Вы еще ко мне приползете!»

Но решение пришло само собой. В отсутствии Мартина он не смог включить селекторную связь и, тихо поднявшись, незаметно удалился в гостиницу.

В половине двенадцатого, закончив запись, пришли туда и «Битлз».

Джон стянул с себя мокрую от пота рубашку.

Остальные трое молча смотрели на него.

– Чего уставились? – спросил он.

Ему никто не ответил.

Он снял штаны и завалился на кровать. Полежал. Приподнялся и огляделся.

Остальные смотрели на него все так же молча.

Джон вскочил и запрыгал по комнате, уродливо вздрагивая худыми ногами и дурашливо блажа:

– В мире нет людей щедрей, чем известный вам еврей! Оп-ля! Оп-ля! – дважды сделал он какое-то невиданное па. И замер.

Никто не смеялся.

– Ну что?! – заорал он. – Мне извиняться что ли идти?!

– Смотри-ка ты, – обратился Пол к Джорджу, – а он догадливый парень.

– Не говори, – восхищенно протянул тот. – Бывают же на свете такие сообразительные люди.

– Он знал, – предположил Ринго.

Джон плюнул и прямо в трусах выскочил из комнаты.

Они ждали его полчаса. Час. Полтора.

В конце концов, не выдержав, отправились к Брайану – в номер «люкс».

Было не заперто, и первым туда заглянул Пол.

Обалдев от увиденного, он распахнул дверь настежь.

Пьяные и веселые Джон с Брайаном, под аккомпанемент бьющейся посуды и собственного пения, плясали на столе кукарачу.

Джон был в трусах, а Брайан – в кальсонах.

Альбом «Please, Please Me» вышел пятого апреля, а через три месяца прочно занял первое место в британских хит-парадах. «Битлз» становились по-настоящему знаменитыми. Там же оказался и очередной их сингл «From Me To You / Thank You Girl»^[54].

Популярность имела массу приятных сторон.

– Мне кажется, я перетрахал уже весь Ливерпуль, – выдал как-то Пол.

– Половину, – ревниво не согласился с ним Джон.

– Скорее треть, – прикинув в уме, поправил Джордж.

Они устали на Ринго, ожидая, что тот скажет: «Четверть». Но он, как всегда, оставался коллективистом:

– Скажем так, друзья-приятели. Вместе мы уж точно перетрахаили его весь.

– Даже обидно, – задумчиво сказал Пол. – Так хотелось встретить нормальную девчонку... Чтобы она не лезла к тебе сама...

– Вроде Дороти, – с невинным видом напомнил Джордж.

– Дороти лезла, – возразил Пол.

– Бремя славы следует нести стойко, – отечески похлопал его по плечу Джон. – Думаешь, мне легко скрывать, что я женат?

– У тебя получается, – похвалил его Джордж.

Но Джону действительно было не просто.

Шестнадцатого апреля он позвонил Полу и попросил зайти к нему. Но зачем, говорить не стал.

Полу открыл незнакомый усатый мужчина в темных очках и надвинутой на глаза шляпе, одетый в длинный потрепанный плащ.

– Заходи, – сказал незнакомец голосом Джона.

– О Боже! Джон, это ты?!

– А кто же, по-твоему?!

– Ты чего так вырядился? Тебя преследует мафия?

– Фигняфия! Синтия родила. Нужно забрать ее из госпиталя «Сефтон-Дженирал». Я не хочу, чтобы меня там видели.

– Ах, понял, понял! Ты скрываешься от обезумевших фанатов! Ты боишься, что тебя разорвут на сувениры!..

– Засунь свою иронию в задницу и заткни пробкой. Брайан позвонил и сказал, что о ребенке никто не должен знать. И, между прочим, если к тебе

на улице пристаёт какая-нибудь совсем не симпатичная девица и начинает твердить, какие мы лапочки, тоже ничего хорошего. А такое уже сколько раз было!

С Полом в последнее время тоже уже несколько раз приключались подобные истории. Но ему нравились все поклонники, от мала до велика, независимо от внешности.

– Кто у тебя родился-то?

– Ты что, не знаешь кто рождается?

– Сын или дочь?

– Дурак что ли? Сын, конечно. Я назвал его Джулианом. В честь мамы. Ладно, пошли быстрее. Мими давно там. Я в этом плаще уже взмок.

– Где ты его откопал?

– От дяди остался.

Джон выпихал Пола на улицу, запер дверь и размашистым шагом двинулся в сторону остановки.

– Ну ты и чучело! – хохотнул Пол.

– На себя посмотри, – огрызнулся Джон и со всего маха ударился ногой о мусорный бак.

– О! – запрыгал он на одной ноге. – Дьявольщина! Я в этих проклятых очках вообще ничего не вижу!

– Надень свои, – посоветовал Пол.

– В моих узнают. Вот что... Я буду слепым, а ты меня води. Понял?

Кое-как они добрались до остановки, а когда уселись в автобус, какая-то совсем не симпатичная девица, всплеснув руками, заголосила:

– Это же Джон Леннон! Из «Битлз»! Что с тобой стряслось Джон?!

Тот скрипнул зубами, но промолчал. Пол хотел ответить, однако его опередил голос водителя из встроенного в корпус динамика:

– Это он так постарел, когда узнал, что стал папашей...

Пассажиры принялись поздравлять Джона и обсуждать случившееся.

Джон сидел мрачный и желтый, как мумия.

Полу же ничего не оставалось, как с улыбкой кивать, отвечая на поздравления вместо него, пока автобус не добрался до места.

– Какой он симпатичненький, – заметил Пол заглядывая в сверток в руках Джона.

Синтия счастливо улыбнулась, а Джон недоверчиво покосился на Пола:

– Да?

– Конечно! – подтвердил тот в умилении, – и на тебя похож, просто

вылитый!

– Ну, спасибо тебе, дружок...

Перед намеченным турне по Англии Эпштейн устроил «Битлз» двухнедельный отпуск. Синтия чувствовала себя на седьмом небе. Она стала не только матерью, но и, наконец-то, почувствовала себя женой. Несколько дней Джон никуда не уходил и нянчился вместе с ней, стирая пеленки и распашонки. Вот только истерический плач он переносил с трудом. А Джулиан орал почти без перерыва.

«Теперь-то я понимаю, почему папаша Фред сбежал от меня», – невесело пошутил Джон однажды. И в тот же вечер, когда Джулиан на часик задремал, а вместе с ним уснули Синтия и тетя Мими, он прокрался в прихожую, присел возле тумбочки с телефоном и позвонил Эпштейну.

– Алло, Брайан. Не спишь?

– Нет, собираюсь.

– Куда?

– В Испанию.

– Ух ты! А зачем?

– Отдохнуть. И если удастся – договориться насчет гастролей.

– Черт! Жалко. Я хотел попросить тебя устроить нам какую-нибудь работу.

– Тебе нужны деньги?

– Да нет, денег у меня навалом. Я с ума сойду от этого младенца. Мне от него уже на стенки лезть хочется.

Эпштейн помолчал. Потом выдал:

– Поехали со мной в Испанию? За мой счет.

Джон оторопел:

– Да как? А что я скажу Джулии?

– Гастроли.

– Какие гастроли?! Она позвонит Полу, а он – дома.

– Ну, я не знаю! Решай свои проблемы сам. Манчестерский поезд через час, а я еще не закончил сборы.

– Ну, ладно, – уныло сказал Джон. – Счастливого съездить. – И повесил трубку.

На цыпочках он двинулся в спальню. Джулиан заворочался в кровати и перевернулся на другой бок. Джон, решивший, что тот сейчас проснется, облился холодным потом. Но Джулиан не проснулся, только пустил слюнку на простыню.

Джон осторожно вернулся к телефону и вновь набрал номер.

– Алло, Брайан? Я еду. Через час? Договорились.
Он нажал кнопку сброса и тут же набрал номер Маккартни.
– Привет, Пол, – ответил он на сонное «Какого дьявола?!»
– А-а, это ты. А я думал, какая-нибудь чокнутая поклонница. Чего ты людям спать не даешь?
– Пол, тебе правда понравился Джулиан?
– И для этого ты мне звонишь среди ночи?
– Нет, ну скажи, правда?
– Ты что, решил мне его подарить?
– Ладно. У меня к тебе просьба. Заходи к моим почасе. Помогать. Я сейчас уезжаю в Испанию.
– Куда?! – Пол чуть не выронил из рук трубку.
– В Испанию. С Брайаном. Или я сойду с ума.
– Ну, ты даешь, – протянул Пол. – Ладно. А что говорить?
– Говори, что это очень важная поездка. Связанная с будущими гастролями.
– А ты – при чем? Для этого есть менеджер.
– Скажи, что эти глупые испанцы пожелали разговаривать только со мной. Вот мы и поехали вместе.
– Наивно.
– Для моих – сойдет.
– А все-таки. Чего это вы вместе поехали? Слушай, а может, Мона Бест правду говорит, что вы – голубые?
– Вот урод! Она, между прочим, говорит, что и ты голубой.
– Ну, про себя-то я знаю, что нет. А вот про вас...
– Дьявол! Говорю тебе, я просто устал!
– Слушай, раньше ты с Брайаном и в сортир бы вместе не пошел...
Джон помолчал, потом признался:
– Я его начал уважать. Я был неправ. Вот скажи, ты что, лучше играешь или поешь, чем год назад?
– Ну... нет, наверное.
– Вот! Зато год назад ты был никем. А сейчас тебя весь Ливерпуль знает, а может уже и вся Англия! А дальше будет еще круче. Кто это все сделал? Брайан. Он – часть того божественного плана, о котором мне говорил Стью. Теперь мне это ясно.
– Какого плана? – насторожился Пол.
– Да это так, мистика, – ушел от ответа Джон. – Слушай, я уже опаздываю! Ну, мы договорились?
– Хорошо.

– Все! Пока!

Джон положил трубку. Взял с тумбочки листок и написал: «Синтия, Мими, Джулиан. Я уехал в Испанию. Скоро вернусь. Ваш Джон».

В спальне он положил эту записку на стул возле детской кровати. Потом осторожно вынул из ящика стола пачку денег, отсчитал половину и положил на записку. Оставшуюся сумму сунул в задний карман джинсов.

Больше он не взял ничего.

Знойное канте-хонде звучало из динамика, и музыка густым маревом плыла над горячим адриатическим пляжем.

Джон и Брайан, в пестрых трусах, с бутылками колы в руках, пробирались между загорающими к своему месту.

– Какие тут девочки! – причмокнул Джон.

– И мальчики – ничего! – подхватил Эпштейн.

– Слушай, Брайан, – глянув на него искоса, начал Джон (он вспомнил последний разговор с Полом): – А ты, случаем, все-таки, не гомик?

– Да я и сам не знаю, – печально пожал плечами тот. – Со мной что-то такое происходит... Девушки меня, во всяком случае, совсем перестали волновать. – Они добрались до своего места и улеглись животами на надувные матрасы. – Нет, я вижу, когда девушка красивая. Мне на нее приятно смотреть... И все.

Джон задумчиво отхлебнул несколько глотков колы.

– Похоже, все-таки ты – гомик. – сказал он серьезно. – Давай, проверим?

– Давай, – смущенно согласился Брайан и несмело погладил щеку Джона.

Тот, уронив бутылку, как ошпаренный вскочил на ноги и отпрыгнул на пару шагов:

– Но-но! – крикнул он испуганно. – Я же не себя имел в виду!

– А-а, – разочарованно протянул Брайан. – Ладно ты, чего испугался? Даже если я и гомик, я же не маньяк-насильник.

И вот, когда он произнес эту фразу так легко и буднично, они оба поняли, что так оно и есть.

В турне по Англии «Битлз» уже выступали во втором отделении, как гвоздь программы. В первом работал певец Рой Орбинсон.

«Битлз» обнаружили, что, благодаря пластинкам и радиопередачам, их действительно знают в любом, даже самом захолустном, городишке.

Во время гастролей они столкнулись с двумя новыми проблемами.

Худощавый интеллигентный Нил Аспинолл и здоровяк Малькольм не могли уследить за тем, чтобы разгоряченные поклонники не свистнули чего-нибудь из аппаратуры. На сувениры.

– Если вы, Мал!.. Если еще раз!.. Тогда я!.. Что вы можете сказать в свое оправдание?! – распекал Брайан Эванса, когда пропала, ни много ни мало, гитара Джона.

– Даже не знаю, что и ответить, мистер Эпштейн, – неуклюже разводя руки, оправдывался тот. – Она лежала вот тут. Подхожу, глядь, нету... Даже не знаю, что сказать...

Но на долгие разбирательства времени не было. На первый раз Эпштейн простил Малькольма, просто лишив его заработной платы за месяц.

Еще одна дурацкая манера зрителей состояла в том, что во время выступления они стали кидать на сцену деньги, конфеты, игрушки и прочие предметы первой необходимости. Больше всех вновь досталось Джорджу: ему залепили монетой в глаз.

Но нельзя сказать, чтобы их узнавали везде и всюду. В городке Карлайл, в отеле «Краун энд Майтэ», где они остановились, на первом этаже, в танцзале гольф-клуба шел бал. «Битлз» захотели спуститься туда. Провести вечер в приличном обществе и пофлиртовать с чистенькими порядочными девушками.

Сценические костюмы решили не надевать. Чего выпендриваться? И сошли вниз в своей обычной одежде – джинсах и кожаных куртках.

Швейцар в золоченой ливрее остановил их у входа:

– Молодые люди, вы значите в списке приглашенных?

– Мы – «Битлз», – задрал нос к потолку Джон.

– Жуки? – переспросил швейцар. – Навозные, что ли? Убирайтесь! Подобную публику тут не принимают.

Разобиженные, они вернулись в свой номер.

– Давай, переоденемся и пойдем снова, – предложил Пол.

– Еще чего, – скривился Джон. – Я не собираюсь пресмыкаться перед местными буржуа. Скоро они сами будут бегать к нам на поклон.

Но в этот раз бегать пришлось Нилу Аспиноллу, который, между прочим, ради работы с «Битлз», бросил карьеру финансиста. Сегодня ему пришлось искать четырех проституток. Посвежее.

Несмотря на бесконечные гастроли Джон и Пол сочиняли песню за песней. Первого июля «Битлз» вновь прибыли в студию «Парлафон»

записывать очередной сингл – «She Loves You»^[55] и «I'll Get You»^[56].

По этому случаю у Брайана возникла очередная рекламная идея: пригласить журналистов прямо на запись.

Дело двигалось туго. Мартина не устраивали нюансы, и он заставлял переигрывать первую песню снова и снова. Журналисты, настроенные дождаться итога, устали, начали болтать, и, время от времени, в студии раздавались взрывы хохота.

– Ну все, они меня достали! – взревел Джон после очередного всплеска их игривости.

Увидев, что он направляется к ним, журналисты приготовили блокноты и диктофоны – «Мистер Леннон, несколько слов, пожалуйста...»

– Пошли вон! – рявкнул Джон и, несмотря на протестующие крики Эпштейна, двумя руками погнал их выходу, словно стаю домашних гусей.

– Не трогайте меня! – возмутилась рыжеватая корреспондентка «Дейли Мэйл», – я, в конце концов, дама!..

Она явственно напомнила ему Барбару О'Риордан из Сандерленда.

– О, простите, мадам, вы можете остаться. В качестве исключения. Я передам через вас должок другой моей знакомой журналистке.

– Какой должок? – заинтересовалась та, снова доставая диктофон.

– Да так... – уклончиво ответил Джон.

Догадливый Пол, повторил когда-то сказанное:

– Много чести...

– Действительно! – одумался Джон. – Давайте, давайте, никаких исключений!

Журналисты удалились, и у Джона резко подскочило настроение. Что, возможно, и сказалось на результате работы. По итогам продаж именно этот сингл стал их первой золотой пластинкой.

Правда, через несколько дней после описанной сцены во многих газетах появились обличающие статьи обиженных журналистов. «Битлз» были представлены грубыми, неотесанными невежами, с этой же позиции оценивалось и их творчество. Но многим это даже нравилось.

В конце июля, после записи второй долгоиграющей пластинки – «With The Beatles»^[57] и небольшого турне, они вернулись на отдых в Ливерпуль.

Но отдыхать было не так-то просто. На улице в них тыкали пальцами, а каждый уважающий себя владелец клуба пытался затащить их к себе.

Эпштейн принял только одно предложение. Желая сделать сюрприз своим подопечным...

– Третьего августа работаем в «Каверне», – радостно объявил он, созвав их в контору.

Вопреки его ожиданиям, особого восторга не последовало.

– Тебе не кажется, Брайан, что мы уже переросли этот уровень? – задал риторический вопрос Джон.

– Бесспорно, – стал оправдываться тот. – Но я полагал, вам будет приятно.

Джордж покачал головой:

– Я сосчитал. Мы играли там двести девяносто три раза. Как вы думаете, нам не надоело?

За Брайана заступился Пол:

– Нет, правильно, надо хоть раз выступить в родном городе, а то подумают, что мы зазнались.

– Да нас же там задавят! – с опаской высказался Ринго. – Прямо в подвале и похоронят.

– А вот это – резонно, – Пол посмотрел на Эпштейна вопросительно.

– Не беспокойтесь, – заверил тот. – Я загнул такую цену за билеты, что придет только приличная публика.

Пол был обескуражен:

– Вот тебе и не зазнались... А как же друзья?

– На всех – десять пригласительных, – Брайан хлопнул ладонью по столу, показывая, что разговор закончен.

Концерт прошел нормально. Не более.

– Джон! – даже по телефону в голосе Эпштейна ясно звучали эйфорические нотки. – Наш сингл опять на первом месте и уже продано полмиллиона штук!

– Отметим? – предложил Джон.

– Конечно!

– А где и когда?

– Решай! Я угощаю!

– Ну... Самый шикарный ресторан в Ливерпуле – это...

Внезапно из спальни вышла Синтия с малюткой-Ленноном на руках.

– Это... – Джон глянул на жену. – У вас в конторе, – другим голосом продолжил он. – Проблема серьезная и, я думаю, нужно собрать и остальных...

– Ты о чем это? – удивился Брайан.

– Конечно, конечно. Через час? – Джон посмотрел на часы.

– Лучше вечером, – возразил Брайан.

– Немедленно?! Я что, и отдохнуть не имею права?!

– А-а, понял, – догадался Брайан.

– Ну, ладно, ладно... Буду.

Положив трубку, Джон перевел усталый взгляд на Синтию:

– У нас не менеджер, а зверь. Извини... – чмокнув жену и ребенка он выскользнул из дома. Свободный, как птица.

Дик Джеймс оказался даже более полезен, чем ожидал Брайан. Он не только издавал ноты песен «Битлз», но и, пользуясь своим влиянием, всячески способствовал их продвижению. Он-то и устроил им выступление в теле-шоу компании Эй-Ти-Ви «Воскресный вечер в „Палладиуме“». По оценкам экспертов эту программу смотрят более пятнадцати миллионов англичан.

– Кто там шумит? – спросил Брайан, услышав какие-то крики за окнами театра перед началом.

Нил Аспинолл выглянул в окно.

– Там штук десять девчонок. Поклонницы. Пойти, отогнать?

– Не надо, – остановил его Джон. – Они нам пригодятся после передачи.

Остальные одобрительно ухмыльнулись...

Но терпения почитательниц до конца эфира не хватило. «Битлз» так ни разу и не выглянули в окно. Отстрелявшись, они засели в гримерке отметить событие, и вот тут неожиданно остро встал вопрос о досуге.

– Нил, – позвал Джон. – Сходи-ка на улицу, присмотри там четверых посимпатичнее.

– А можно пятерых?

– Он заслужил? – спросил Джон у Брайана.

– Не заслужил. Но, ладно... В качестве аванса.

– Тащи пятерых, – махнул рукой Джон и обернулся к Полу:

– Ты сегодня ночуешь с Ринго и Джорджем. – (В гостинице они жили в двухместных номерах.)

– С чего это? – возмутился Пол. – Я же тоже буду не один.

– И мы! – подал голос Ринго.

– А у меня есть другое предложение, – вступил в полемику Джордж. – Раз помещения нет, берем одну девку и трахаем ее по очереди. Чур, я первый, как изобретатель...

– Я – за, – поднял руку Ринго. – Чур, второй.

– Изобретатели... – процедил Джон. – Братья Монгольфье... Знаешь, что с такими изобретателями делают?..

Но объяснить он не успел. Вернулся Нил.

– А уже и нет никого, – объявил он.

– Даже одной?! – воскликнул Джон, тут же оценив изобретательность Джорджа по достоинству.

– Никого.

– Ну и ладно! Будем пить! – резюмировал Джон.

– Вот и славно! Пить будем! – поддержал его поскучевший было Брайан.

Утро было солнечное. Это не радовало. У Ринго трещала голова, и ему не хотелось открывать глаза. А звонок телефона прозвучал как раскат грома.

– Да? – вяло спросил он, сняв трубку.

– Одевайтесь и дуйте в мой номер, – голос Эпштейна был необычно взволнован.

... – Даже и не знаю, как охарактеризовать то, что случилось, – неуверенно начал Брайан. – Вот, посмотрите, – он помахал перед ними свежим номером «Дейли Экспресс» и, вернув его на стол, принялся читать вслух.

– *«Выступление „Битлз“ в „Палладиуме“ никогда не забудут не только лондонские любители музыки, но и полицейские...»*

Далее из материала следовало, что вчера у театра с раннего утра царило форменное столпотворение. Под напором тысяч поклонников рухнула железная лестница служебного входа... Полиция оказалась не готова к подобному ажиотажу, и не обошлось без травм и обмороков. Сами «Битлз» чудом выбрались из «Палладиума» и остались живы только благодаря сноровке своего шофера...

– В этих приблизительно то же самое, – Брайан указал на стопку газет.

– И зачем это вам понадобилось? – спросил Джон.

– Да в том-то и дело, что я тут абсолютно ни при чем! Я даже до сих пор не решил, хорошо это или плохо.

– И?.. – спросил Джордж.

– И все. Будьте готовы к непредвиденным событиям. Я постараюсь контролировать ситуацию. В первую очередь, я найду того, кто все это устроил...

Подобная компания в прессе стоит невиданных денег. Но связи – не менее внушительная сила. Тони Барлоу таковыми не обладал. И Брайан понял...

– Сначала я испугался, – начал Эпштейн разговор с Диком Джеймсом, – но теперь я решил, что это нам только на руку. И все-таки, следовало

посоветоваться с нами... Так неожиданно... – Он боялся, что сумма, которую Дик потребует за труды будет астрономической. – Лично я – против самодеятельности... Но как тебе это удалось?

Дик загадочно улыбался и упорно молчал. На самом деле сказать ему было нечего. Он и пальцем не шевельнул. Все произошло само собой. Десятки журналистов ведущих изданий, словно сговорившись, ввалили как по писанному. Дик и сам удивлялся, что это с ними стряслось.

Будучи профессиональным издателем и вращаясь в этих кругах, он сознавал, что «если бы „Битлз“ не было, их следовало бы придумать». Слишком много трагических, ужасных и отвратительных событий произошло за текущий год – от убийства Кеннеди и роста безработицы во всем мире до войны в Африке и бесспорного космического превосходства России. Срочно нужна была добрая и веселая сенсация.

Но как случилось, что все одновременно обратили внимание именно на «Битлз»?! Словно что-то лопнуло, что-то «дозрело». Каждый из журналистов действовал самостоятельно, по собственной инициативе, даже не зная, что о том же пишут и его коллеги, не ощущая себя винтиками в некоем чудовищном механизме...

В воздухе отчетливо пахло мистикой.

У Пола холодело на сердце, когда он задумывался над этим.

Но самое удивительное заключалось в том, что следующий же их концерт проходил именно по придуманному журналистами сценарию: с толпами бьющихся в истерике фанатов, с разливающими их пожарными, со сломанными перилами и полицейскими кордонами.

Их пятидневные гастроли в Швецию были одновременно и триумфом, и адом. Радио и телевидение забыли обо всем, кроме «Битлз».

На концерте в Стокгольме их сцену охраняли сорок полицейских с собаками, но и они не сумели удержать обезумевшую толпу. Джон, Пол и Ринго еле успели скрыться за кулисами, а вот Джорджа, как всегда, сбили с ног, и только дубинки полицейских позволили ему, пробежав полсцены на четвереньках, последовать за остальными.

– Я всегда подозревал, что шведы – психи, – сказал Джон, когда они уселись в самолет. – Я не понимаю, на кой черт они шли на наши концерты, за их воплями я и сам-то себя не слышал.

– А зачем им слушать? – придумал оправдание для шведов безмятежный Ринго. – Они же все равно по-английски не понимают...

– Тем более, – только и нашел, что сказать Джон.

Эпштейн был вне себя от восторга. Деньги текли рекой. Он был готов

к успеху. Но не к такому грандиозному.

– Я вчера получил телеграмму от Бернарда Делфонта! – размахивал он руками. – Четвертого октября мы выступаем перед Королевой в «Театре принца Уэльского»! Вместе с Марлен Дитрих!

– С этой старой клячей? – отозвался Джон без тени почтения к мировой звезде.

Джордж и Пол отмалчивались. Джордж уже свыкся с ролью козла отпущения. Но, нельзя сказать, что она ему сильно нравилась. Хотя он и искренне считал, что телесные испытания возвышают его дух.

А Пол... Ему было страшно. Он чувствовал, что происходящее слишком ненормально. Он всегда мечтал быть знаменитым музыкантом. Но не идиолом, которому поклоняются, даже не слушая.

Тридцать первого октября в лондонском аэропорту «Хитроу» повторилось то же. Тысячи поклонников, вопя от восторга, теснили друг друга. В одном самолете с «Битлз» летели премьер министр Великобритании сэр Алек Дуглас-Хьюм и только что коронованная «Мисс Вселенная». Ни журналисты, ни, тем более, толпа встречающих, не обращали на них внимания.

Стоя на трапе самолета, Джон толкнул Пола в бок.

– Посмотри вон на ту блондинку. Миленькая, правда?

– Если бы еще не рыдала, как сумасшедшая...

– Это она от счастья, – самодовольно возразил Джон. – Еще до дела не дошло, а она уже кончает. Точно-точно, я по лицу вижу. Помани ее пальцем, и она – твоя.

– Неохота, – отвернулся Пол.

– А мне охота! – хищно улыбнулся Джон.

– Ничего не выйдет, – вмешался Джордж. – Когда тигр сидит в клетке, ему тоже нравится кое-кто из тех, кто пришел на него поглазеть... Забудь то время, когда мы сами выбирали себе девочек.

– Напьюсь сегодня, – заключил Джон.

– Улыбки, улыбки, ребята, – напомнил им Эпштейн. – И руками помашите. Нас снимают!

В гостинице, в номер Брайана позвонил метрдотель.

– Мистер Эпштейн, тут одна женщина хочет встретиться с мистером Полом Маккартни.

– Вы в своем уме? – устало отозвался Брайан. – Мало ли чего она хочет?..

– Я не говорю о толпе девчонок. Это солидная дама. Она – то ли родственница, то ли что-то в этом роде...

– Как ее звать?

– Мэйфилд. Миссис Мэйфилд.

– Хорошо. Я спрошу у него.

«Битлз» ужинали в каминном зале при свечах. С шампанским и четырьмя очаровательными девушками, добытыми для них Нилом. Брайан почти никогда не принимал участия в подобных пирушках, естественно переходящих в оргии. У него были другие интересы. К тому же сегодня он был слишком вымотан, чтобы развлекаться. Но все-таки ему пришлось отправиться туда.

Отозвав Пола, он сообщил ему о посетительнице.

– Миссис Мэйфилд?! – расцвел Пол. – Конечно! Пусть ее проведут!

– Сюда? – осторожно спросил Брайан.

Пол оглянулся. Ринго о чем-то болтал с двумя девицами, и обе хохотали почти истерически. Джордж целовался, а Джон уже уволок свою подружку в темный угол комнаты и занимался с ней любовью на ковре.

– Нет, не сюда. В мой номер. И пусть принесут бутылку «Кардан-Вера» и фрукты. Это моя учительница! – улыбаясь добавил он. – Представляешь?!

– Пол! – вскочила миссис Мэйфилд, когда он вошел. – Как ты вырос!

Она тоже не помолодела за эти годы. Но Пол тактично умолчал об этом.

– Рад видеть вас, – искренне сказал он. – Какими судьбами?

– Я прилетела в Лондон специально, чтобы встретиться с тобой.

Это сообщение насторожило его.

– У вас какое-то дело ко мне? – спросил он, открывая бутылку и разливая.

– Дело? – кокетливо похлопала глазами та. – Какое может быть дело у женщины к молодому мужчине?

– Я надеюсь, это шутка? – наигранно засмеялся Пол и протянул ей бокал. – Как там, в Ливерпуле?

– Какие могут быть шутки, мой мальчик, – отозвалась та и, поставив вино на столик не тронутым, стала расстегивать блузку. – Я прекрасно помню, какими глазами ты смотрел на меня.

– Миссис Мэйфилд, – чуть повысил голос Пол, – вы ведь замужем!

– О, да, – ответила она, обнажая роскошный бюст. – И я никогда не изменяю мужу.

– А что же вы делаете сейчас? – хрипло спросил Пол, уже не зная, действительно ли он не хочет близости с ней. Ему вдруг вспомнилась фраза, которую он сказал ей много лет назад: «Не только знание словесности сделает нас настоящими мужчинами, мем, но и то, что есть у каждой девочки, даже у вас...»

– О, нет, Пол, – сказала она, придвинувшись и снимая с него рубашку. – С тобой я не изменяю. Ведь я никого не предаю, когда поверяю чьи-то тайны Господу на исповеди.

– Это кощунство! – успел пискнуть Пол, прежде чем был подмят под себя ее страстным телом.

– Это не кощунство, это – причастие, – прошептала она между поцелуями...

Они вышли из номера как раз в тот момент, когда из лифта вывалился Джон.

– Оп-ля! – сказал он, оглядывая растрепанного и слегка ошалевшего Пола. А затем, перевел взгляд на его далеко не юную даму.

– Э-э-э... Познакомься, Джон. Это – миссис Мэйфилд, моя школьная учительница.

– Ох-хо-хо... – все так же невразумительно сказал Джон.

– Миссис Мэйфилд, это... – начал Пол, но она перебила его:

– Джон Леннон! Его-то я знаю. Его знает вся Англия. А мои ученики просто без ума от него. Но мне пора. Прощай, мальчик, – она смачно поцеловала Пола в губы и вошла в лифт.

Прежде чем двери закрылись, он успел увидеть в ее глазах странное выражение. Как будто она силилась вспомнить, что, собственно, она тут делает...

Джон с пьяной улыбкой прислонился к стене и сполз по ней на ковровую дорожку.

– Ну ты даешь! – сказал он Полу. – Говорил мне Стю в Шотландии, что ты – геронтофил, а я не поверил...

– Джон, это моя учительница! – повторил Пол укоризненно.

– Только не говори мне, что вы с ней сюсюкались о школьной поре!

Пол присел рядом с Джоном на корточки.

– Ринго все перепутал, – сказал он неожиданно мрачно. – Это не мы трахнули весь Ливерпуль, это нас трахает вся Англия. А если дело пойдет так и дальше, нас трахнет весь мир.

– Не надо трагедий, – бодро возразил Джон. – Ты знаешь, где сейчас Ринго с Джорджем?

– Где?

– На балконе. Мы пели там «She Loves You», а тысяч пять девчонок внизу подпевали нам – «Йе-йе-йе!..» Знаешь, как негры кричат в своих церквях?.. И все они нас хотели, я видел!

– Я не могу так больше! – внезапно закричал Пол и заколотил кулаком в стену. – Мне это снится! Этого не должно быть!!!

– Да что такое? – оторопел Джон. – Успокойся!

– Мы становимся больше, чем есть, – быстро заговорил Пол. – Мы раздавим себя... Мы выгорим изнутри и лопнем, как сухие кожурки. Раньше мы убивали, теперь мы сводим с ума... – слезы ручьями текли по его щекам.

– Кого мы убивали?! Что ты несешь?! – схватив за плечи, принялся трясти его Джон. – Ты что рехнулся?

Пол замолчал. Вытер слезы ладонью и поднялся.

– Спроси у Стюарта, – ответил он глухо, прошел в свою комнату и заперся на ключ.

С шестнадцатого этажа отеля мчавшиеся внизу автомобили были почти не видны, но их гул, скрип тормозов, редкие гудки и вой сирен проникали через двойные стекла окна. Огни фар сновали туда и сюда, создавая ощущение хаоса...

И все же это было красивое зрелище. Муравейник ночью.

Книга вторая В муравейнике (Хроника блистательного падения)

*Стояли звери
Около двери.
В них стреляли,
Они умирали... [\[58\]](#)*

Театр Принца Уэльского подвергся небывалой осаде. Пятьсот полицейских пытались сдержать несколько тысяч визжащих девчонок, которые жаждали хотя бы одним глазком взглянуть на вождя «Битлз»...

А в это время Джон Леннон и Брайан Эпштейн стояли друг против друга в гардеробной.

– Ты не посмеешь этого сказать, Джон, – со всей, на какую был способен твердостью сказал Брайан.

– Не вам мне приказывать!

Минуту назад Эпштейн застукал его репетирующим перед зеркалом фразу: «Вы – наши, хлопайте в ладоши. А знать пусть трясет своими сраными бриллиантами!..»

– Ты не посмеешь... – от волнения у Брайана перехватило дыхание, и он нервно сглотнул.

– Посмотрим! – усмехнулся Джон и вышел.

Брайан искательно обернулся к Полу:

– А ты понимаешь меня? Оскорбление дворянства в присутствии королевского Дома вызовет негодование света. И это будет совсем другое, чем скандалы с девочками, которые только прибавляют вам славы. О вас просто замолчат. О вас не напишут больше ни строчки. Слово «Битлз» станет неприличным и оскорбительным. – Он был белым, как полотно, и трясся мелкой дрожью.

– Думаю, вы преувеличиваете, – отозвался Пол. – Хотя в целом согласен с вами. Но если этот баран упрется, его даже я вряд ли сдвину.

– Пол! Сделай хоть что-нибудь! Я знаю, ты можешь повлиять на него!

Пол был польщен. В их лидирующем тандеме Джон всегда выступал на корпус вперед. В данной ситуации они явно поменялись местами. Хотя бы в глазах Эпштейна.

– Попробую, – кивнул Пол, выходя.

Брайан, обреченно опустив руки, проводил его взглядом. Тут на глаза ему попались Джордж и Ринго с сигаретами в зубах, пальцами играющие в крестики-нолики на запыленной крышке пианино.

– Ну-ка встать! – заорал Эпштейн вдруг.

Ринго вскочил и, вытянувшись, испуганно уставился на него честными, голубыми, как бусинки, глазами. А Джордж только скривил губы

и выпустил в направлении менеджера колечко дыма:

– Чего это вы так кипятитесь?

– Все может рухнуть, как карточный домик, в один единственный миг, а вам до этого как будто бы и дела нет!

– А мы-то что можем сделать? Джон и Пола вряд ли послушает, а уж нас и подавно. – Он сунул руку в карман пиджака, достал оттуда небольшую целлулоидную коробочку, открыл и протянул ее Брайану. – Вот, примите-ка лучше парочку.

– Что это за гадость?

– Амфетамин. Съешьте, съешьте. Успокаивает.

– Не надо мне этой дряни. Я совершенно спокоен, – Эпштейн нервно сунул в коробочку руку, сгреб штук десять таблеток и, до того, как Джордж успел остановить его, проглотил их, не жуя и не запивая.

У Ринго глаза стали еще голубее и еще круглее. Он не хуже Джорджа знал действие этого снадобья.

– Сильно, – оценил поступок Брайана Джордж. – Достойно уважения, – и, обратившись к Ринго, тихонько добавил: – Глаз да глаз...

Тем временем, в соседней комнате Пол увещевал Джона:

– Нет ничего глупее, чем ломать то, что строилось годы. Мы добились успеха. Ты думаешь, это будет длиться вечно? Да через год про нас забудут. Ну, через два. Зачем торопить события? Нужно взять от ситуации все, что возможно...

– Мы потому чего-то и добились, что я всегда говорил и делал только то, что хотел.

– Например, в костюмчик переоделся...

Джон передернул плечами, словно стараясь отогнать неприятное воспоминание.

– Да, переоделся! – ответил он с вызовом. – Потому что я принял эту идею.

– Так прими и эту. Не будь таким твердолобым. Был бы жив Стью...

– Заткнись! – оборвал его Джон. – Не смей говорить от его лица! Вообще, не смей касаться его имени!

Они помолчали.

– Ладно, – нехотя согласился Джон. – Не буду я ничего говорить.

Лишь тут они заметили стоящего в проеме двери Брайана. Его глаза стеклянно поблескивали, а за его спиной маячили Джордж и Ринго.

Брайан нетвердыми шагами просеменил вплотную к Джону, остановился и вдруг, с подвизгиванием, выкрикнул ему прямо в лицо:

– Что?! Испугался?!

Джон ошалело утер слюну со лба. А Брайан продолжал наступать:

– Сдрейфил?! Тоже мне, бунтарь!.. Что ж, тогда я сам выйду на сцену! Я сам скажу: «Наши – хлопайте! А паршивые дворяне пусть бренчат своими мерзкими бриллиантами!» И знаешь, что я еще скажу?! «А королева Елизавета пусть колотит себя ими по заднице!» Всё! Я пошел.

Брайан решительно развернулся и пошагал прочь. Но не вписался в проем и, ударившись о косяк, упал на четвереньки.

– Колеса, – коротко пояснил Джордж Полу и Джону, а Ринго кинулся помогать Брайану подняться на ноги.

– Этого еще нам не хватало... – Пол зажмурился и потряс головой.

В этот миг в комнату влетел Нил Аспинолл:

– Ребята! Бегом! Ваш выход!

– Нил! – Джон схватил его за руку. – Будь здесь и следи за ЭТИМ! – ткнул он пальцем в сторону Эпштейна. – Он не в себе.

– А в ком?! – возопил Брайан, но покачнулся и упал снова.

– Всё, мы пошли, – Джон подтолкнул Нила к нему. – Глаз с него не своди. И держи крепче!

– Как я могу?.. Он главный...

– Он нажрался наркотиков! – перебил его Джон. – Он сорвет нам выступление. Делай что хочешь, но из комнаты его не выпускай, понял? Когда очухается, еще премию тебе выпишет.

Нил кивнул, и «Битлз» поспешили к выходу.

– Джон! – прохрипел Брайан.

Тот задержался. Эпштейн смотрел на него безумными глазами:

– Если ты не скажешь про бриллианты, клянусь мамой, концерт я сорву...

– Держи его крепче, – кивнул Джон Нилу и припустил за остальными.

Их встретили шквалом аплодисментов, а когда они заиграли, Джон подумал, что эта публика ему симпатична: они почти не орут и не стучат ногами. Даже слышно музыку.

Королевское ложе было достаточно близко к сцене, и Джон, прищурившись (выступал он, как всегда, без очков), видел, что и Елизавета II, и ее двоюродная сестра принцесса Маргарет с мужем, лордом Сноудоном, сияли улыбками, полными доброжелательности.

Вслед за хитами номер один «Please, Please Me» и «She Loves You» последовала «All My Loving»^[59], которая на пластинках еще не выходила. И тут-то принцесса запрыгала и завизжала от счастья, как простая девчонка

из какой-нибудь глухой провинции. А когда Пол запел трогательную до слащавости «Till There Was You»^[60] из мюзикла пятьдесят седьмого года «Музыкальный человек»^[61] (Эпштейну сказали, что это один из любимых фильмов королевы, и он порекомендовал Полу выучить эту песню), Джон увидел, как Елизавета вынула кружевной платочек и утерла слезы умиления.

Джон чувствовал себя счастливым. Но чувство это моментально улетучилось, когда, перед «Twist And Shout»^[62], он увидел за кулисами свирепую физиономию Брайана. Тщедушный Аспинолл за его спиной знаками и жалобной мимикой каялся в том, что не смог усмирить его.

Сориентировался Джон мигом. Шагнув к микрофону, он произнес:

– А следующая наша песня потребует вашей помощи. Кто сидит на дешевых местах – хлопайте в ладоши. А остальные, – он направил озорную улыбку в ложе королевы, – могут позвенеть драгоценностями.

Прозвучало это вовсе не оскорбительно, а как веселая шутка независимого человека, хорошо знающего жизнь.

Стены зала содрогнулись от хохота. Засмеялась и королева и, поднявшись, стоя аплодировала Джону.

Удовлетворенный Брайан повернулся к Нилу:

– Так-то! Разве я мог не позволить нашему мальчику сказать то, что он хочет?

Помахав пальцем перед носом Нила, он со спокойной душой отправился в гардеробную вздремнуть. А Джон, увидев, что Эпштейна нет, с блаженным облегчением закричал:

«А ну, давай, девочка!

Трясись и ори!

Давай, давай, давай, девочка!

Еще, еще раз повтори!...»^[63]

По сведениям ведущего британского шоу-продюсера, управляющего Театром принца Уэльского, Бернарда Делфона, этот концерт смотрело двадцать шесть миллионов телезрителей...

Выходка Джона пришлась по вкусу всем. Аристократы восхищались «тонкостью шутки» уже хотя бы потому, что ее оценила сама Елизавета II, коммунисты уверяли, что «простой парень из Ливерпуля» поставил на место зарвавшуюся знать, а большинство просто радовались тому, что

«Битлз», их кумиры, стоят наравне с королевой и могут себе позволить все, что угодно.

Тем паче, стало известно, что после концерта лорд Сноудон попросил устроителей провести «Битлз» к ним в ложу. В прессу беседа не просочилась. Она была недолгой.

Елизавета II. – Примите мою искреннюю благодарность. Давно уже я не ощущала такого подъема. Вы окунули меня в детство.

Джон. – Если попало в уши, нужно наклонить голову и попрыгать.

Принцесса Маргарет (Джону). – Я хочу вас поцеловать.

Джон (указывая на Ринго). – Лучше его. Он симпатичнее.

Ринго (указывая на лорда Сноудона). – Лучше его. Он же вам вроде как муженьком приходится...

Лорд Сноудон (кивая). – Крайне признателен.

Елизавета II (Джорджу). – А вы?

Джордж. – Что я?

Елизавета II. – Вы также остроумны, как ваши друзья?

Джордж. – Нет, я – соло-гитарист. Мне не до шуток.

Пол. – Он у нас самый маленький, мы его воспитываем.

Принцесса Маргарет. – А на сколько он вас младше?

Пол. – Меня? На девять месяцев.

Джон. – Когда Пол родился, джорджевы родители как раз...

Лорд Сноудон (перебивая его). – Я попросил бы вас... Я думаю, нам пора.

После чего принцесса взяла у них автографы – они расписались на обложке сингла «Love Me Do», и аудиенция окончилась.

Возвращаясь в гардеробную, в коридоре Пол нос к носу столкнулся с совсем молоденькой рыжеволосой девушкой и остановился перед ней, как вкопанный. Где-то он ее уже видел... И не один раз!...

Остальные, перемигиваясь, прошествовали дальше.

У нее были зеленые глаза, ее губы, казалось, были готовы рассмеяться в любой момент, а на ее ушах...

– У вас на ушах не хватает кисточек, – брякнул Пол первое, что пришло в голову.

Ее смех прозвучал, как звон серебряных колокольчиков.

– Я знаю, – ответила она, отсмеявшись, – я давно мечтаю о них...

Джейн Ашер. – Она по-мальчишески протянула ладонь.

Напряженно пытаюсь сообразить, откуда ему знакомо и это имя, он

пожал ей руку, ответив:

– Пол Маккартни.

Колокольчики прозвенели вновь.

– Могли бы и не представляться. Кто, интересно, в Англии вас не знает? – Ее выговор выдавал принадлежность к высшему лондонскому свету.

И тут он вспомнил!

– И вы тоже могли бы не представляться! Я вас видел в теле-шоу «Джук Бокс Джури»! А еще раньше – в Гамбурге, в диснеевском «Принце и нищем»! Вы же знаменитая актриса!

– Знаменитая! – отмахнулась Джейн, но глаза ее сияли. – Прямо-таки Сара Бернар... Мне всего семнадцать лет. Хотя, мне и приятно, что вы узнали меня.

Внезапно Пол пришел в неопишное волнение:

– То теле-шоу мы смотрели вместе с братом, – затараторил он. – Помню, Майк еще сказал мне: «Страшная штука судьба. Ведь вот какими бы мы умниками ни были, а с такими девчонками, как эта, нам даже постоять рядом никогда не доведется...» А глядите-ка, стою!..

Ему почудилось вдруг, что именно сейчас, в этот самый миг, происходит нечто очень и очень значимое.

Не упустить!!!

– Джейн, мы сейчас едем пить кофе с сэндвичами, – выпалил он. – Поехали с нами? – Заметив в ее взгляде неуверенность, он твердо добавил: – Сэндвичи – очень вкусные.

Джейн фыркнула.

– А куда?

– В «Роял Корт Отель», это на Слоун-Сквер, в Челси.

– И что, за кофе с сэндвичами обязательно нужно нестись в такую даль?

– Нам пообещали, что там к нам никто не будет приставать, никаких журналистов и поклонников. Таких мест мало!

Джейн кивнула:

– Понимаю. Я ведь играю в театре и в кино с пяти лет...

– Ну что, едем? – Пол нетерпеливо переминался с ноги на ногу.

– Если я расскажу кому-нибудь, что ужинала с «Битлз», мне вряд ли поверят. Но если я скажу, что «Битлз» приглашали меня, а я отказалась, меня уж точно посчитают лгуньей. – Она притворно вздохнула. – Придется ехать...

Пол окончательно осознал, что очарован ею.

Покинуть театр было возможно лишь потому, что их автофургон стоял в гараже на первом этаже здания. Их спустилось восемь – «Битлз», Джейн, прошедший через испарину, озноб и почти оклемавшийся Брайан, присматривающий за ним Нил и еще один тип из «Нью Мюзикл Экспресс». Без журналиста все-таки не обошлось оттого, что именно он пообещал показать тихое местечко.

Массивные металлические ворота гаража поползли в стороны и штатный водитель «Битлз» Билл Корбет двинул машину вперед. Но выехать сразу не удалось: в проем ворвалась толпа возбужденных фанатов.

Фургон медленно, рискуя кого-нибудь задавить, продвигался через бушующий людской водоворот. Удары в обшивку и рев заглушали слова, и пассажиры тревожно примолкли. Спокоен был только Брайан. Он спал.

Пол воспользовался ситуацией и, словно стремясь укрыть Джейн от возможной опасности, обнял ее и прижал лицом к своей груди. По-настоящему испуганная, она не сопротивлялась. Но как только Билл вырулил на проезжую часть и двинулся с нормальной скоростью, она высвободилась из объятий и, сев неестественно прямо, призналась:

– Я говорила, что знаю тяготы славы. Но я имела в виду вовсе не это. В меня иногда тычут пальцем на улице, но... Отчего этот ажиотаж? Вы что, какие-то особенные?

– А тебе что, детка, не нравится, как мы поем? – заносчиво спросил Джон.

– Почему?! Очень даже нравится. Вы милые и смешные. Но это не значит, что нужно, теряя рассудок и достоинство, лезть под колеса вашей машины.

– Массовый психоз, – констатировал крючконосый журналист, назвавший себя Дикси, и оглядел остальных так победно, словно все объяснил.

– Ваш брат щелкопер его и разжигает, – осадил его Ринго, которому Джейн тоже понравилась с первого взгляда. Обернувшись к ней, он добавил: – Но ты, малютка, не робей. Пока с тобой я и мои друзья, ничего худого не приключится.

Расчувствовавшись, он даже погладил ее коленку, но Пол, бормоча, – «Эй, эй!», ударил его по руке. Джейн, казалось, не замечала их маленькой перебранки. Она, словно сама с собой, продолжала недоуменно рассуждать:

– Возможно, журналисты и подлили масла в огонь, но так взвинтить массы не смогут никакие статьи и телепередачи. Тут что-то другое...

Она примолкла, потому что машина остановилась под светофором и

пассажиров сильно потрянуло.

– Толпа всегда превращается в стадо, – декларировал Джон. – За что я и ненавижу войну. Стадо на бойне.

– Я не верю в толпу, – возразила Джейн. – Нет никакой толпы, есть много людей. Вот вы, будь вы там, вели бы себя так же, как они?

– Я – нет.

– И я – нет. Почему же вы считаете остальных глупее нас с вами?

– Вы же сами их видели, – вступился за Джона Дикси.

– Да. Это невероятно и противостоестественно. Тут есть какая-то тайна. Но, по всей видимости, вы и сами ее не знаете.

Тут подал голос молчавший доселе Джордж:

– Есть силы, способные заставить человека действовать вопреки воле и разуму. Отрешение от разума возвышает. Так гласит «Тибетская Книга Мертвых».

Пол удивленно глянул на него. Он уже давно заметил, что на гастролях тот часами перелистывает в номерах какие-то странные книжонки. Но тут разговор прервался, потому что они достигли «Роял Корт Отеля».

Кофе и сандвичи. Проснулся Брайан и принялся испуганно расспрашивать, как прошел концерт, и что все это время делал лично он. Джон с удовольствием сообщил, что тот выскочил на сцену голым и демонстрировал королеве свой зад.

Брайан краснел, бледнел и жалобно спрашивал окружающих: «Это ведь неправда, да? Этого ведь не было?»

«Было, было, – злорадствовал Джон, – и ты еще кричал: „Вот она – Ее Величество Задница! Она – моя! Первая задница Соединенного Королевства!..“»

Ринго спорил с Нилом о каких-то пластиках, пружинах и прочих деталях ударной установки. Дикси с диктофоном перебежал от столика к столику, и все с удовольствием хрюкали и кукарекали ему в микрофон...

Только Джейн была по-прежнему сосредоточена. Она молчала, а на попытки Пола завести разговор отвечала или односложно, или невпопад. Наконец, она спросила Джорджа:

– Что же хорошего в отрешении от разума?

Пол ревниво поерзал на стуле:

– Почему бы нам не сменить тему?

– Я – Овен, – ответила Джейн так, словно это все объясняло.

Джордж посмотрел на нее задумчиво.

– Разум мешает душе общаться с Богом, – пояснил он.

«Надо будет поговорить с ним о словах Стюарта, – подумал Пол. – Похоже, он начинает разбираться в таких делах».

– Положим, – кивнула Джейн. – Но при чем тут вы и ваши глупые песни?

– Не глупее чем у других, – слегка обиделся Пол.

– Я сравниваю не с вашими коллегами, а с Байроном и Гёте...

Джордж был последователен:

– Глупые песни помогают отрешиться от разума.

– Но все-таки, – настаивала Джейн, – почему именно вы? Пол правильно заметил, бывают песни даже глупее.

Джордж пожал плечами.

– Пока не знаю.

А Пол добавил:

– К нам пару раз привозили инвалидов и просили, чтобы мы коснулись их...

– Надо будет поговорить об этом с папой, – сказала Джейн себе самой.

Неожиданно громогласно дал знать о себе Дикси:

– Предлагаю всем продолжить общение у меня дома! Изысканные коктейли и лучшая в метрополии коллекция записей!

На том и порешили.

За коктейлями Джейн слегка расслабилась, и Пол, наконец-то, завладел ее вниманием. Точнее – наоборот, сумел разговорить ее – о театре и кино, где она играла, о литературе и поэзии, которые она серьезно изучала, о ее друзьях и родителях.

Ее отец – Ричард Ашер, оказался психиатром, ведущим специалистом больницы Сентрал Миддисекс, а мать – Маргарет, профессором музыки. Всеобщий восторг вызвало известие, что именно Маргарет Ашер учила Джорджа Мартина игре на гобое...

Понаблюдав за сидящими на диване Джейн и Полом, Джон шепнул каждому поочередно: «Оставим их. Погуляем...»

Конечно же Джейн поняла, что всеобщее внезапное желание прогуляться – не случайно. И уж тем паче понял это Пол. И Джейн не высказала желания пойти с остальными, как бы дав ему этим согласие на все, что угодно.

Но когда Пол попытался поцеловать ее, одновременно укладывая на диван, она мягко отстранила его и сказала просто, как будто даже извиняясь:

– Не надо, Пол. Я не кокетничаю. Ты мне нравишься, но я еще никогда

не была с мужчиной. И я не хочу, чтобы это случилось ТАК...

И Пол, который, честно говоря, в последнее время вел себя с женщинами по-свински, удивляясь себе сам, послушно пересел в кресло со словами: «Только не обижайся. Считаю, что ничего не было. Прости, я – дурак...» И они продолжили мирную беседу.

«Битлз» и Дикси катались по Лондону полтора часа, время от времени останавливаясь перед супермаркетами, прикупая выпивки и провизии. Останавливались и перед газетными автоматами. Почти во всех газетах о них что-нибудь да было. В основном – полная чушь.

Возвращаясь, Джон и Брайан держали пари. Джон, хорошо знающий Пола, утверждал, что тот уже «оприходовал девочку», а сентиментальный Брайан уверял, что «леди из высшего света – совсем не то, что ваши обычные подружки». Ставкой назначили ящик шампанского.

Остальные склонялись на сторону Джона.

– Сейчас будем пить за очередную победу красавчика Макки! – ревел тот в лифте, как и остальные держа в руках полные пакеты снеди.

Чтобы никаких сомнений не было, Дикси осторожно отомкнул дверь ключом, и они с шумом и хохотом ворвались в квартиру...

Джейн сидела на диване, а Пол в кресле.

– Наконец-то! – обрадованно воскликнул он. – А мы тут поспорили, Джон. Она утверждает, что в тексте твоей «There's A Place»^[64] чувствуется влияние Уильяма Вордсворта, а я говорю, что ты и не читал его никогда...

– Мы тоже поспорили, – мрачно сообщил Джон. – И Брайан выиграл ящик «Дэми сета». – И мстительно добавил: – А «There's A Place» я у Вордсворта практически слово в слово списал.

– Это шампанское будет выпито здесь и сейчас! – провозгласил сияющий от счастья Эпштейн. – И первый тост мы поднимем «за чистоту и достоинство, присущие лучшим представителям нашей великой нации!»

– Особенно педерастам, – пробормотал Джон.

Во Францию они отправились без Брайана, тот умчался «на разведку» в США.

В Париже им показалось сначала, что встречают их с прохладцей. Прежде всего потому, что в Версальском зале «Сирано» вместо привычного скопища девушек публика в основном состояла из представителей сильной половины человечества.

Французы вели себя сдержаннее, но инцидент в отеле «Георг V» показал, что и тут психоз достиг определенного накала.

После концерта Джон шел по коридору отеля, и вдруг движущаяся ему навстречу немолодая женщина, поравнявшись с ним, остолбенела, выронила сумочку и закричала на плохом английском:

– Вы?! Не может быть?! Так и есть!!! Или нет?

Джон опешил и не нашелся, что ответить.

А женщина коснулась его лица рукой и закричала в полном восторге:

– Все-таки вы! Настоящий!!!

Тут он, наконец, очнулся и, процедив: «Это еще что такое?..» неожиданно исполнил вокруг нее дикий танец, сопровождаемый непристойными жестами.

Это был достойный ответ.

Женщина грохнулась в обморок.

В этот же день, восемнадцатого января шестьдесят четвертого года, из Нью-Йорка позвонил Эпштейн: сингл «„I Want To Hold Your Hand“ занял первое место в американском хит-параде!..»

До сей поры номера британских музыкантов не поднимались в заокеанских списках популярности выше пятнадцатого места. Немудрено, что «Битлз» пришли в неистовство, вылившееся в бойню на подушках в номере отеля.

Умилительные снимки «случайно» оказавшегося при этом журналиста облетели весь мир.

А двадцатого января американская фирма «Кэпитл» выпустила альбом «Meet The Beatles!»^[65], по содержанию почти совпадающий с недавно вышедшим в «Парлафоне» диском «With The Beatles»^[66]. И сингл, и альбом к третьему февраля стали в Штатах золотыми.

Что окончательно рассеяло опасения Эпштейна.

В Америку! Столица мира будет у наших ног!

Пол всерьез отговаривал Брайана от этого шага. «Во Франции и то мы не слишком нужны, – говорил он, – а в Америке и без нас есть все что угодно...» Но менеджер был непоколебим. И «Битлз», и Брайан вернулись в Лондон и принялись за подготовку. А через три дня, седьмого февраля, рейсом 101 «Пан Америкэн» они вылетели в Нью-Йорк.

Впервые Джон взял с собой на гастроли и Синтию.

Все они по-настоящему нервничали. Провалиться в Штатах было легко. И этот провал мог серьезно изменить существующее положение. Так совсем недавно уже случилось с Клиффом Ричардом.

И вот самолет приземлился на взлетную полосу аэропорта «Кеннеди». «Битлз» вышли на трап...

Давненько они уже не видели перед своим самолетом такую жалкую горстку встречающих. Да и те были – репортерами...

– Очень теплый прием, – заметил Джордж, зябко ежась от налетевшего промозглого ветра.

Брайан почувствовал себя дурно. Но, сделав хорошую мину при плохой игре, скомандовал:

– Уберите с лиц меланхолию. Улыбайтесь! Это пойдет в газеты!

– А стоит ли? – саркастически спросил Пол, думая – «это начало конца», и смерил менеджера уничтожающим взглядом.

– Может, лучше отдохнем? – улыбаясь уголками губ, предложил Джордж. – Похоже, здесь это получится...

– Делайте, что я сказал! – рявкнул Эпштейн и, скорчив елейную мину, первым помахал ручкой.

Засверкали фотовспышки, и «Битлз» с вымученными улыбками ступили на благословенную землю Америки.

До здания аэровокзала их сопровождал полицейский эскорт, но было непонятно, от кого их готовятся защищать.

– Мы арестованы, – сумрачно пошутил Джон.

Но вот они вошли в здание и остановились. Такого скопления народа в одном помещении они не видели никогда в жизни. Стало ясно, что просто наученная бороться с масштабными беспорядками американская полиция не позволила встречающим перейти рубеж здания. И вся эта толпа взорвалась истошными воплями.

«Мы любим вас, „Битлз“! Да, мы любим вас!!!» – орали люди и тянули к ним руки. – «„Битлз“ – навсегда!!!»

Когда они проходили по узкому коридору, образованному

выстроившимися в два ряда полисменами, какая-то девушка, слишком далеко высунувшаяся за перила балкона третьего этажа, перевалилась через них и только чудом не упала вниз: стоявшие рядом поймали ее за полы плаща. Но втянуть наверх смогли не сразу.

Словно не замечая смертельной опасности, девушка висела вниз головой и кричала: «Джон Леннон, я люблю тебя! Я люблю тебя!..» Кто-то подхватил: «Ши лавз ю, йе-йе-йе!!!», и тысячеголосый хор стал скандировать эту строчку.

– Ох уж эти мне американки, – сказал Джон и расправил плечи. Привычное чувство опасности взбадривало. Ведь эта опасность проистекала от слишком уж высокого уровня обожания...

Их провели на второй этаж в специально подготовленный конференц-зал. Ринго выглянул в окно и почти с ужасом ткнул туда пальцем: «Гляньте-ка...» Границы колышущегося людского моря утопали в снежном тумане. Один из их провожатых сообщил: «Уже подсчитали. Примерно двести пятьдесят тысяч человек...»

– У них очередная война Севера с Югом, – пояснил Джордж. – За отмену равноправия и введение рабства.

Джон высунулся в окно и крикнул:

– Привет Америке!

В ответ раздался такой мощный рев, что зазвенели стекла аэропорта...

Их усадили по местам, и около двухсот журналистов наперебой, стараясь перекричать друг друга, принялись задавать вопросы. Пресс-конференция то и дело прерывалась взрывами хохота.

– Как вам понравились американцы?

Джордж. Аборигены похожи на людей. Следует признать.

– Вы нам споете что-нибудь?

Джон. Нет.

– Что, не умеете?

Джон. Деньги вперед.

– В одной из ваших песен упоминается Бетховен. Как вы к нему относитесь?

Ринго. Мне нравится. Особенно его стихи.

– Каково ваше отношение к организованному в Детройте движению за уничтожение «Битлз»?

Пол. Мы уже организовали движение за уничтожение Детройта.

– Чем вы объясняете свой успех?

Джон. – У нас есть пресс-секретарь.

– А серьезно?

Джон. – Если бы мы знали, мы бы собрали другую группу, а сами стали бы менеджерами.

– Как вы находите Америку?

Ринго. – Летим в сторону Гренландии, потом сворачиваем налево.

– Планируете ли вы запись антивоенных песен?

Джон. – У нас все песни – антивоенные.

– Почему в них так много личных местоимений – «я», «мне», «тебя»?..

Джордж. Вы считаете, нам нужно петь, «Я хочу держать ЭТО за руку?»

– Хотелось бы вам просто так прогуляться по улице, и чтоб вас никто не узнавал?

Джон. Мы это делали много раз, когда у нас еще было пусто в карманах. Удовольствие так себе.

– Пишут, вы хотите снять фильм. Вы уже выбрали кого-нибудь на главную женскую роль?

Джордж. – Хотим пригласить королеву. На нее пойдут.

– Говорят, на ваших концертах из-за воплей зрителей не слышно музыки. Что вы делаете в такой ситуации?

Пол: – Отдыхаем. Молча открываем рот. Все равно, не слышно.

– Когда вы стриглись в последний раз?

Джордж. – Вчера.

Ринго. – Вы бы на него позавчера посмотрели!.

– Многие американцы считают вас копией Элвиса Пресли. Но то, что он делает в одиночку, вы можете только вчетвером...

Когда прозвучала эта фраза, Джон онемел. Он преклонялся перед Элвисом и именно сравнения с ним боялся больше всего, уверенный, что итог будет не в его пользу. Пол и Джордж, тоже переглянулись в замешательстве.

Неожиданно выручил Ринго.

– О, да! – воскликнул он, вскочил и, характерно вихля бедрами, пропел знаменитую преслиевскую припевку: – Шуба-дуба!..

Остальные трое подпрыгнули как по команде и, так же вульгарно пританцовывая, подхватили:

– Шуба-дуба!..

Журналисты покатались со смеху. Первый круг ада был пройден. «Битлз» и тут теперь считали «своими в доску».

Они остановились в отеле «Плаза».

При закрытых дверях Эпштейн встретился со своими деловыми (и не только) американскими партнерами – адвокатом Дэвидом Джейкобзом, конечно же гомосексуалистом, и молодым менеджером Никки Берном. Эти двое вели рекламную компанию «Битлз» в США.

В компанию входила и распродажа различных товаров – маек, значков, открыток и воздушных шариков с изображением четверки, кукол «Битлз», париков и многого другого. По договору, от продажи этих товаров самим «Битлз» причиталось десять процентов прибыли. (Когда об этом узнал Пол, он схватился за голову: «Нас ограбили!»)

Ник Берн вручил Брайану чек на девять тысяч семьсот долларов. «Негусто... – подумал Брайан, вспомнив, что почти каждый в многотысячной толпе встречающих имел что-нибудь связанное с „Битлз“. Но он привык строить деловые отношения на доверии, к тому же он не мог представить, каким образом мог бы узнать реальную прибыль. – Похоже, Пол был прав...» Но хладнокровно спросил:

– Сколько из этих денег я должен вам?

– Это ваши десять процентов, – пояснил Берн слегка шокированный.

Брайан моментально повеселел.

– А-а! Ну, тогда другое дело! – Он засунул чек в бумажник. – Коньяк?

Партнеры, облегченно вздохнули, ведь они боялись, что Эпштейн потребует от них подробного отчета... И выпить конечно же согласились. Они готовы были угодить ему в чем угодно. По оценке «Уолл-Стрит Джорнал», к концу года этот бизнес обещал принести им пятьдесят миллионов долларов...

– Вы неплохо поработали, Дэвид! – продолжал ликовать Брайан.

– В основном это заслуга Никки, – возразил тот. – Я лишь оказывал юридическую поддержку...

– Прекрасно, Никки, прекрасно! – Брайан привстал и пожал молодому человеку руку. – А знаете что, Никки? Идите ко мне в штат. Я буду платить вам тысячу долларов в год!

Никки Берн поперхнулся коньяком и закашлялся, пытаясь сообразить, как ему следует реагировать на эту шутку. И вдруг он понял, Брайан говорит серьезно.

– Нет-нет, – поспешил ответить за него Джейкобз, – и я, и он с большим удовольствием останемся вашими *независимыми* партнерами. – И они обменялись с Брайаном долгими многозначительными взглядами...

Раздался звонок телефона, Брайан поднял трубку и о чем-то заговорил, а Берн, наклонившись к уху Джейкобза, шепнул:

– Дэвид, да он просто сумасшедший. Он не понимает, чем владеет.

– Тсс, – ответил Джейкобз.

«Битлз», тем временем, умирали от скуки. Вечером им предстояло выступать в «Шоу Эда Салливана». Но это вечером...

Ринго, Джон и Синтия, прокравшись через черный ход на улицу (главный вход был заблокирован фанатами), тайком выскользнули из отеля.

Хотя встречали их достаточно шумно, была надежда, что тут их портреты еще не превратились в иконы, и на улице еще можно остаться неузнанными. Хотелось порезвиться на свободе.

Поймав такси, Джон скомандовал:

– «Пепперминт Ланж». – Он вычитал, что именно этот клуб считается родиной твиста.

Заплатив за билеты, они вошли.

– Негров много, – заметил Ринго.

Джон внимательно посмотрел на него, пытаясь угадать, что это – тонкая шутка или же «не менее тонкое» наблюдение. Убедившись в последнем, он отозвался:

– Непорядок.

– Шовинизм, – подтвердил Ринго.

А Синтия, уже изрядно задерганная в последние несколько часов, пожаловалась:

– Опять шум. Лучше бы побродили по улице...

Действительно, пятеро музыкантов на сцене гремели ужасно.

– Побродим, – пообещал Джон. – Немного послушаем и уйдем.

Они пробрались к свободному столику и заказали «Мартини». Официант, приняв заказ, почему-то помчался через зал бегом.

– Ишь, какой прыткий, – заметил Ринго.

– Что это за дрянь тут играют? – прислушался Джон.

– А ты не узнал, что ли? – удивился Ринго.

Джон нахмурил лоб. Потом его брови поползли вверх.

– Да это же моя «I'll Get You»! – И тут же возмутился: – Но как они играют?! Что за ритм идиотский?! Все переврали!

– А мне нравится, – не согласился Ринго. – Этот черный ударник тарабанит в десять раз быстрее, чем я. Я бы так не смог.

– У них в племени все так умеют, – успокоил его Джон. – А где, кстати, этот прыткий-то с нашим мартини?

Песня закончилась, и конферансье, выпрыгнув на сцену, заверещал:

– Это была песня «Битлз»! Как вы знаете, сегодня они прибыли в Нью-

Йорк! И, о, чудо! Что за феерический сюрприз! Кто бы мог подумать?! Взгляните на третий столик справа, вон, вон, – он указывал рукой, – у нас в гостях мистер Джон Леннон!!!

Наступила гробовая тишина. И тут же взорвалась истошными воплями. Казалось, в том месте, где сидели Джон, Ринго и Синтия, мгновенно образовалась обширная область вакуума, и теперь всё стремительно втягивается в нее. Людской поток хлынул со всех сторон.

– Ноги! – крикнул Ринго.

Джон успел опрокинуть столик перед первой волной почитателей и, выиграв тем самым пару секунд, троица со всех ног кинулась к выходу.

Кто-то поймал Ринго за плащ, который тот держал под мышкой, и он, не сопротивляясь, отпустил его.

Бежать по обледенелому тротуару, спасаясь от преследователей, пришлось целый квартал. Выручил какой-то таксист, по опыту знающий, что на том, за кем гонятся, можно хорошо заработать.

Скрипнули тормоза, и дверца машины распахнулась прямо перед беглецами. Ринго первым юркнул в автомобиль и скрючился, дрожа от холода. За ним Джон втолкнул Синтию, а уж потом плюхнулся сам.

– Пошел! – скомандовал он. – Отель «Плаза»!

Машина дернулась.

– Много сперли? – спросил через плечо водитель – пожилой красномордый мексиканец.

– А сколько надо? – поинтересовался Джон.

Шофер загнул астрономическую цену. И добавил:

– Только не шалите. Меня тут каждая собака знает.

Джон, не торгуясь, заплатил названную сумму.

Тем временем Пол и Джордж решили развлечься с девочками.

Да, Пол был влюблен в Джейн Ашер. Во всяком случае, он настроил себя на это. И он даже провел одну ночь в доме ее родителей на Уимпоул-Стрит (на кушетке в гостиной). Но он уже давно научился «работать» на два, а то и на три или четыре «фронта». К тому же он жестко делил женщин на тех, с кем возможны серьезные отношения и тех, с кем «можно развлечься». И одно никогда не мешало другому.

Наконец, он еще не был столь уж уверен в том, что любит Джейн. Точно он знал только то, что она для него – идеальная партия: юная, красивая, умная и упорная, уже сейчас – опытная актриса, из принадлежавшей к высшему свету Британии семьи. Да к тому же еще и девственница. Это что-то.

Его завораживали манеры ее родителей, их интеллектуальные беседы за ланчем... Он хотел бы быть достойным их...

Но, как бы то ни было, они с Джорджем решили найти пару приятных американочек. И обставить все так, чтобы те не догадались, с кем имеют дело. Не хватало еще выслушивать их «охи» и «ахи»...

Пол позвонил метрдотелю:

– Алло.

– Слушаю вас?

– Мы из восьмьсот шестнадцатого. Где у вас тут можно добыть девочек?

– Простите сэр, я сожалею, но подобные услуги противоречат законодательству нашего штата, – ответили на том конце провода. – Еще раз примите мои извинения. – И трубку положили.

Друзья переглянулись. Вот так-так... Вот тебе и «Дикий Запад»...

За окном пронзительно завывал ветер.

– Что это? – спросил Пол.

– Вероятно, енотовидные собаки.

– Ты их когда-нибудь видел?

– Что ты, их только еноты и видели...

В дверь номера постучали.

– Кто? – спросил Пол, подойдя вплотную.

– Простите, сэр, – глухо раздался вкрадчивый голос. – Не вы ли желали найти себе собеседниц?

Пол распахнул дверь. На пороге стоял худой, бритый наголо негр с лицом отпетого проходимца. Он смачно подмигнул.

– Чертовы ханжи, – бросил Пол Джорджу и обернулся к сутенеру. – Тащи двух.

– Белых?

– Хоть зеленых. Только чтоб от них рвать не тянуло.

Негр исчез, а вскоре появились девицы. Одна – пышная, лет тридцати, крашенная блондинка. Другая – худосочная негрityанка неопределенного возраста, но зато с безумно похотливым взглядом. В общем, ничего.

Войдя, они сели в кресла, синхронно закинув ногу за ногу. В их движениях ощущалась скрытая нервозность.

– Хай, красотки! – широко улыбнулся Пол. – Давайте знакомиться. Я – Сид, а это – мой дружок Винсент. Мы оба – пожарники.

– Угу, – ответила негрityанка, пару раз кивнула и принялась нервно качать ногой.

– Спроси, сколько они стоят, – шепнул ему на ухо Джордж.

– Да неудобно как-то сразу...
– Спроси, спроси. Раз у них это так строго, цена может оказаться жуткой.

Пол был вынужден признать логику.

– У нас, у пожарников, милашки, все по-простому, – как можно доброжелательнее начал он. – Говорите-ка быстрее, сколько вы стоите. А там уж и выпьем, и закусим...

– За кого вы нас принимаете? – хохотнула белая, – мы с пожарников не берем. – Она расстегнула сумочку и достала две одинаковых рождественских открытки с изображением «Битлз» – румяных и веселых. Четыре куклы «Барби» мужского пола. – Распишитесь тут, и мы в расчете.

– О-о... – возвел глаза к потолку Пол.

– Давай, – Джордж взял из ее рук открытки. – Как вас звать-то?

– Я – Эбигейл, – ответила белая, – а это – Сюзи.

Он полез в шкаф, достал из кармана пиджака ручку и написал:

«Эбигейл, ты самая сладкая. Ты сделала „Битлз“ счастливыми».

«Ах, Сюзи, милашка, Сюзи! „Битлз“ тебя не забудут никогда».

Он расписался и подал открытки с авторучкой Полу:

– Черкни.

Пол сквасил презрительную гримасу, но автограф поставил.

Вручив женщинам открытки, Джордж сказал:

– А теперь – давайте отсюда. Быстрее, быстрее!

– Вот так просто, без ничего? – удивилась черная.

– Проваливайте, я сказал, – рявкнул Джордж.

Проститутки гордо поднялись.

– Может, вы голубые? – не унималась Сюзи. – Чего же звали?

Крашенная Эбигейл прикрикнула на нее:

– Не заводись, Сью. Они ж нам сейчас цену раз в двадцать подняли.

– Давай, давай, давай... – Джордж выпихнул их за дверь, заперся и обернулся к Полу.

Помолчали, глядя друг на друга без улыбки.

– Правильно, – мрачно одобрил Пол поступок Джорджа. – А то бы трахались тут с заводными куклами... Хотя, я не пойму, в чем здесь дело. В Гамбурге с нас тоже не всегда брали деньги. И не противно было...

Джордж покачал головой:

– Совсем другой расклад. Заниматься любовью имеет смысл только с равными. Иначе получается зоофилия.

Пол подтвердил:

– Да. Это не девушки нашей мечты.

Джордж сел в кресло и закурил. Потом сообщил:

– В сущности, между ними и принцессой Маргарет не оказалось никакой разницы. Мы для них – не мужчины, а способ доказать окружающим собственную значительность.

За окном зябко завывали енотовидные собаки.

Телепередача Эда Салливана собрала рекордную аудиторию – семьдесят три миллиона зрителей. В этот час по всей Америке подростками не было совершено ни одного серьезного преступления. Все тинейджеры, независимо от цвета кожи и социальной принадлежности, сидели по домам, уткнувшись носами в телевизоры.

На билеты в зал, вмещавший всего семьсот зрителей, было подано пятьдесят тысяч предварительных заказов.

Но для самих «Битлз» это мероприятие стало просто еще одной изнурительной клоунадой. По-настоящему порадовала только приветственная телеграмма от Элвиса.

Вечером предстояло лететь в Вашингтон. Но, в связи с гололедом на взлетной полосе, рейс отменили, и Эпштейн взял билеты на поезд. Он сообщил им об этом извиняющимся тоном, добавив: «Но мы успеваем. Только-только...»

Реакция «Битлз» была неожиданной. Они радовались, как дети. Целая ночь спокойствия!

Но предстояла еще посадка в поезд.

На улице бушевала пурга, густо сыпал снег, но ничто не могло остановить восторженных поклонников. С помощью полисменов «Битлз» сели в вагон, но толпа оттеснила Эпштейна, который лез в поезд последним.

Поезд тронулся, а Брайан, поскользнувшись, покатился прямо под колеса. Его спас сотрудник безопасности, который, упав на четвереньки, успел схватить его за лодыжку. Он же засунул Брайана в вагон.

В купе Джорджа и Пола тихонько постучали. Это был Ринго.

– Не спите, парни?

– Заходи, заходи, лучший в мире барабанщик, – Пол действительно обрадовался ему, так как с его появлением автоматически исчезала возможность завязать с Джорджем разговор о Стюарте. А Пол собирался заставить себя сделать это.

Ринго протиснулся в приоткрытую дверь и уселся на постель Джорджа.

– Не спится что-то...

– А я думал, ты Брайана испугался, – улыбнулся Джордж.

– Не-е, – протянул Ринго. – Я за свою попку спокоен. Кто ж на такого урода позарится?

Они похихикали, и Ринго продолжил:

– Храпит, аж стук колес заглушает. Натерпелся он сегодня.

В дверь опять постучали.

– Ну, кто?! – крикнул Джордж.

– Я, я! – голос Джона звучал нетерпеливо.

Дверь открыли, и Джон уселся на койку к Полу, придавив тому ноги. Пришлось Полу ноги поджать.

– Что это вы не спите? – оскалился Джон. – Я могу вам колыбельную спеть.

– Не надо, – торопливо попросил Пол, – весь вагон перебудишь...

– А Синтия где? – спросил Джордж.

– А тебе какое дело, мальчик? – снова оскалился Джон.

– Пошел ты...

– Спит она. Устала.

Ринго предложил:

– Может, выпьем?

– А у тебя есть?

– Не. Откуда? В вагоне-ресторане...

Джон повертел пальцем у виска:

– Ты забыл, что мы «Битлз»? В ресторан сбегутся все пассажиры, вагон лопнет, и поезд сойдет с рельсов...

Шутка получилась невеселой, и они примолкли.

– Вот я и говорю, – нарушил тишину Джордж. – Мы мчимся со скоростью миллион миль в час, а вокруг – пустыня. Только снег. Снег...

– Хотите стишок, – перебил его Джон и подвинулся еще, так, что Полу пришлось согнуться пополам. – Слушайте:

«Гав-гав, живет, не тужит
Дружок лохматый мой,
То по двору покружит,
То – гав – бежит домой.

Ты весел, мой проказник,
Ты чуешь, верно, брат,
Тебе готовят праздник:
Завтра
(в третьем часу по полудню)

тебя УСЫПЯТ!!!»

Он закончил чтение, а остальные сдержанно посмеялись.

– Ну и юморок у тебя, – с нотками осуждения заметил Пол. – В школе тебя точно проходить не будут.

– А вот и не угадал, – отозвался Джон хвастливо. – Одно лондонское издательство, между прочим, собирается опубликовать все мои стихи и рассказы. Они говорят, это будет бестселлер.

– Новая статья дохода, – одобрил Джордж. – Нам всем нужно освоить какие-то побочные занятия. Лично я буду показывать фокусы. Пол – вышивать крестиком. А Ринго... Что ты будешь делать?

– Открою парикмахерскую, – серьезно ответил тот. – Люблю я, братцы, как там пахнет...

Не успели они прохихикаться, как в дверь опять, на этот раз тихонько, постучали.

Переглянулись.

– Не отвечаем, – шепотом предложил Джордж. – Какие-нибудь психи...

Затаились.

Стук повторился. Для психа слишком уж нерешительный.

Инициативу взял на себя Пол.

– Да?.. – сонным голосом откликнулся он.

– Ребята, это я.

– Крошка Брайни проснулась

Ни свет, ни заря...

– отпирая, вполголоса продекламировал Джон первые строчки экспромта.

Брайан стоял на пороге улыбаясь – рот до ушей, с многообещающим портфельчиком в руке.

– ...Мне она улыбнулась,

Я верил не зря!

– закончил Джон.

– Выпить хотите? – спросил Брайан.

– О!!! Спаситель!!! – заголосили они в один голос, и через минуту из портфельчика были извлечена бутылка дорогого коньяка, дорожный набор хрустальных рюмочек и коробка конфет.

– За наши удачи! – поднял тост Эпштейн, устроившийся на краешке постели Джорджа, слегка придавив тому живот. – За вас, ребята!

– Нет. За вас! – не согласился Ринго. – Если бы не вы, мистер Эпштейн...

– Короче, ладно, – постучал по столу Джон. – За нас всех, вместе взятых.

Они выпили. Брайан блаженно откинулся, сплуснув Джорджа между своей спиной и стенкой.

– Ы-ы... – прохрипел тот, но никто на этот звук не обратил внимания.

– Только что, ребята, мне приснился удивительный сон, – начал Эпштейн с улыбкой. Пол закатил глаза, Джон оскалился, а Джордж снова захрипел. На этот раз: «Нэ-эт...»

Только Ринго смотрел на Брайана огромными доверчивыми глазами, чуть приоткрыв рот. Но тот заметил, наконец, мытарства Джорджа и вскочил:

– Ох, прости, прости! Какой же я неуклюжий!

Джордж сделал глубокий вдох, а затем, от греха подальше, свесив ноги, сел.

Снова уселся и Брайан.

– Так вот. Сон. Мне снилось, что все мы живем в удивительной волшебной сказке...

В дверь постучали.

– Да-да?! – мелодично отозвался Брайан, несмотря на протестующие жесты остальных.

– Мальчики! Мне одной страшно!

Это была Синтия.

Леннон скорчил ужасную гримасу, но тут же заменил ее радостной миной и отпер:

– А я думал, ты уже дрыхнешь...

– Да, я спала, – ответила Синтия присаживаясь рядом с ним. – Но я проснулась от кошмара, а в купе – никого! Мне приснилось, что все мы живем в отвратительной страшной сказке...

– О! – выдохнули все разом и уставились друг на друга.

– Что? – забеспокоилась Синтия. – Я что-то не так сказала?

Ринго покачал головой и стал разливать коньяк. Пол почувствовал, что

по его спине забегали мурашки. В тишине слышны были завывания и свист ветра.

– Енотовидные собаки преследуют нас, – сказал Пол, чтобы разрядить обстановку.

– И гигантские ежи, – добавил Эпштейн.

– Так. Все взяли? – неожиданно распорядился Джордж, и каждый поднял свою рюмку. – Джон, выключи свет, я хочу кое-что сказать.

– Тебе что, свет говорить мешает?

– Пожалуйста.

Джон нехотя потянулся и щелкнул выключателем. А Джордж отодвинул занавески на окне. За стеклом в полутьме вихрем кружила снежная пурга.

Глядя туда, все почувствовали себя маленькими и беззащитными.

– Мы несемся через вселенную со скоростью миллион миль в час, – повторил Джордж сказанное полчаса назад. – А вокруг нас лишь снег, снег и снег. И все мы живем в сказке – страшной и прекрасной. Отвратительной и удивительной. Она снится кому-то... Она называется Карма. Есть люди, которые умеют разгадывать сны людей. Но случаются люди, которые умеют разгадывать сны этого Кого-то. Я хочу выпить за Стюарта. Однажды он рассказал мне все, что с нами происходит сейчас.

Джордж смолк.

И вновь Полу стало немного жутко.

– За Стюарта, на небесах, – эхом отозвался Джон.

– За Стюарта, – подхватили остальные, включая Брайана, который, хоть и не был знаком с Сатклиффом, хорошо знал, что он для них значил.

– Главное – мы вместе, – сказал Ринго невпопад, но это пришлось очень кстати.

Выпили.

Джон зажег свет и, покопавшись в кармане, достал футляр с губной гармоникой. Открыв, он извлек оттуда помятый листок бумаги и развернул его.

– Я храню это уже несколько месяцев. Все не было повода прочесть вам. Слушайте:

«В машине он на минуту очнулся и сказал: „Передай им, вместе можно и к дьяволу...“ Это были его последние слова. Астрид К.»

– Это точно! Вместе – хоть к дьяволу, братцы! – Ринго ударил ладонью

по столу, а потом вытер навернувшиеся слезы.

– Может быть, давайте спать? – неожиданно предложил Пол скучным голосом.

На него недоуменно покосились. Но Брайан поддержал:

– Точно, точно. Давайте-ка спать... Завтра у нас тяжелый день.

Через минуту все разбрелись по своим купе.

Пол лежал в темноте, покачиваясь в такт стуку колес. Он лежал с открытыми глазами, кусая ногти.

«Они ничего не поняли! Совсем, совсем ничего. Стью столько раз твердил мне: „Вместе вы приближаетесь к Богу“... И вот, заглянув куда-то по ту сторону жизни, он предупредил нас: „Вместе можно и к дьяволу“... Он нашел силы сделать это. А достанет ли сил и мудрости у нас?..»

– Джордж, – тихо позвал он.

Но Джордж не отозвался, сделав вид, что уже уснул.

На концерте в вашингтонском «Колизее» все повторилось с пугающей точностью. Рев многотысячной толпы, за которым не было слышно музыки. Рыдающие от счастья девушки. Врачи, уносящие на носилках тех, кто упал в обморок. Полицейские кордоны... Допев последнюю строчку, «Битлз» побросали инструменты и едва успели унести ноги: кордон был прорван...

В привычном уже возбуждении бегущих по канату над пропастью, они вскочили в полицейскую машину, и та дала ходу...

На этом выступлении обнаружилась и еще одна неприятная деталь. Какая-то газета оказала медвежью услугу лично Джорджу, вытащив на свет божий его шутовское признание годичной давности: «Когда все мы были подростками, я был самый маленький, и Джон с Полом отбирали у меня сладости...»

Повторилось то, что было когда-то в Шотландии, только умноженное на сто. Зрители пришли с мешками конфет и метали их прицельно в Джорджа. Он шарахался по сцене, увертываясь от этих кондитерских снарядов, ухитряясь при этом еще и дергать струны. Под конец концерта он был весь в ссадинах и стоял по щиколотку в десерте.

– Странные эти американцы! – посетовал он уже в машине. – Почему они делают мармелад не мягким, а твердым, как камень?!

– Ты плохо знаешь этот злопакоственный народец, – объяснил ему Джон. – Они скупили весь мармелад еще месяц назад и сушили его специально, чтобы кидаться в тебя.

– Следующий раз говори, что мы с Джоном отбирали у тебя стодолларовые бумажки, – посоветовал Пол.

А Ринго, как всегда, выглядел оптимистом:

– А мне понравилось, – сообщил он. – Они так радовались! Если бы они даже кирпичами кидались, я бы все равно играл, пока не прихлопнули...

– Он ненормальный, – пояснил Джон остальным.

– Склонность к суициду не красит тебя, сын мой, – поучительно заметил Джордж.

– Если случится рецидив, позови меня, – ласково сказал Пол. – Я люблю тебя, Ринго, и я найду для тебя превосходный кирпич. Я не хочу, чтобы это сделал чужой, случайный человек...

– Связался же я, – пробормотал Ринго и отвернулся к окну. Но было видно, что на самом деле ему приятно всеобщее внимание.

Посол Великобритании сэр Дэвид Орсби-Гоуэр и его супруга Сильвия пригласили «Битлз» на бал в посольстве. Брайан был польщен, и они впятером отправились на это великосветское сборище.

В большом зале под хрустальными люстрами толпились дипломаты с супругами, разодетыми в платья, стоившие состояния. Увидев собрание снобов во фраках, «Битлз», не сговариваясь, решили устроить привычное шутовство.

– Здравствуйте, Джон, – обратился посол к Леннону, покровительственно улыбаясь.

– Я не Джон, я Чарли, – ответил тот, – вот Джон, – указал он на Джорджа.

– Простите, – кивнул Джону сэр Дэвид Орсби-Гоуэр и повернулся к Джорджу:

– Здравствуйте, Джон...

– Я не Джон, я – Фрэнк. – Вот Джон, – Джордж показал на Ринго.

– Ох, – окончательно смутился посол. – Похоже, я все перепутал, или меня неверно информировали...

Им нравилось паясничать в то время, как остальные принимают их более чем серьезно. Но тут они столкнулись с кардинально противоположной ситуацией.

Сразу после разговора с послом Джона окружили великосветские львы, протягивая ему открытки для автографов. Он чиркнул несколько подписей, как вдруг услышал надменно брошенное какой-то дамой:

– Смотрите, он действительно умеет писать!

Джон тут же остановился:

– Я не могу расписаться на всех этих карточках, их слишком много.

Рослый молодой человек в университетском галстуке, глядя на него сверху вниз, сказал хорошо поставленным дикторским голосом:

– Можете. И сделаете.

Тут только Джон осознал, что здесь ему не нужно изображать шута. Здесь его таковым и считают. Шутом. И только шутом.

Кровь бросилась ему в лицо. Сжав кулаки, он, расталкивая толпящихся, направился к выходу. И вдруг услышал обиженное – «Ой!»

Вскрикнул Ринго.

Джон сменил направление.

– Что стряслось?

– Вот эта... девица... отстригла у меня клочок волос! Вот тут, за левым ухом.

Девушке было лет восемнадцать, и она была привлекательна. Но Джон уже клокотал от ярости:

– Что вы себе позволяете, мадам?! – глухо, но угрожающее произнес он.

– Нет, это вы что себе позволяете? – вступился ее спутник. – Как вы смеете повышать голос на девушку? Мисс Беверли Марковиц ваша большая поклонница, и можно простить ей эту шалость...

– Шалость?! – взъярился Джон. – Да если бы каждая его поклонница отщипнула от него по одной молекуле, от него бы через час не осталось ни крошки! И еще полмира рыдало бы, что им не досталось!

– Вот что, любезный, – продолжал его собеседник. – Не спешите повышать голос и на меня. Мы работаем тут на благо Отечества и Королевы. А вы развлекаете американцев, причем – низшие слои общества. И зарабатываете себе таким образом средства на жизнь. Вот и все. Вот и все ваши достоинства. Так что, будьте добры, развлекайте и нас, если мы от вас этого потребуем.

– Ужасная публика, – заметил Джордж, подойдя, и это слегка остудило Джона.

– Ублюдки, – тихо ответил он Джорджу.

Но молодой человек, с которым он только что препирался, услышал и это.

– Простите, – сказал он, смерив Джона взглядом. – Все присутствующие в этом зале – отпрыски древнейших и достойнейших фамилий Британии. Так что ублюдки-то, выходит, как раз вы. И благодарите форуну, что Вам посчастливилось побывать в нашем

обществе. – Он высокомерно отвернулся и повел свою даму в середину зала.

– Ах, какая честь! – крикнул Джон ему вдогонку.

Но злиться по-настоящему он уже не мог. Просто это был другой мир, с другими понятиями о ценностях и достоинстве. Переглянувшись с Джорджем и Ринго, он повел их к выходу... Но нельзя было бросать тут Пола.

Они нашли его всюду флиртующим с дочкой какого-то дипломата.

Джон хотел позвать, но в этот миг его перехватили Дэвид Орсби-Гоуэр с супругой.

– Сэр, – обратился к Джону посол. – Мне передали, что с вами тут обошлись оскорбительно. Я глубоко сожалею о случившемся. От всего состава нашего посольства в моем лице, как его руководителя, прошу вас принять самые искренние извинения. Виновных мы поставим на их действительное место.

– Некоторые из присутствующих тут спесивы и надуты, как пузыри, – вмешалась Сильвия с мягкой улыбкой. – К тому же они напрочь оторваны от реальной жизни. Не судите по ним обо всех нас. Лично я вместо них предпочла бы почаще видеть тут вас. Поверьте, мой мальчик, не все мы таковы.

Действительно, несмотря на стандартный лоск, посол и его жена произвели на Джона впечатление интеллигентных, умных и порядочных людей.

Вмешался Брайан:

– Джон, с вашей популярностью уход с приема обязательно вызовет скандал и пересуды в прессе. Это может стоить послу назначения. А ведь он-то перед вами ни в чем не виноват. К тому же, он нам кое в чем помогает...

Молча поклонившись послу, Джон вернулся к Джорджу и Ринго.

– Ладно, побудем тут еще. Брайан просит. Посол извинился. Да и Пола от этой красотки за уши не оттащишь...

Примерно через полчаса, не акцентируя на этом чье-либо внимание, Джон все же тихонько слинял в отель. Джордж и Ринго довольно уныло прослонились там до конца вечера.

Скандал в прессе все же разразился, но не такой грандиозный, чтобы принести сэру Дэвиду Орсби-Гоуэру крупные неприятности.

Но Джон раз и навсегда вынес из этой ситуации урок для себя. Высший свет закрыт для него. Да он и не хотел бы стать там своим человеком.

В отеле Брайан извинился перед ними так, словно это он был во всем виноват. И поклялся, что НИКОГДА больше не будет настаивать на их участии в каких-либо официозных мероприятиях.

Последовавшие два концерта в нью-йоркском «Карнеги-Холле» прошли все с тем же аншлагом. Америка была покорена. А значит, покорен мир.

Но в Лондон они возвращались полные радостных ожиданий. Ведь там их ждали друзья. Друзья, приобретенные не без труда.

Чувствуя себя чужими в мире столичного рок-н-ролла, они старались внедриться в «тусовку». Побывав однажды в полупустом зале на концерте малоизвестной группы «Роллинг Стоунз», Пол и Джон пришли в восторг от их игры и немедленно отправились за кулисы.

– Мы – «Битлз», – представился Пол.

– Да уж знаем, – осклабился толстогубый костлявый вокалист по имени Мик. – Сладкие звездочки популярной эстрады. «Люби меня, как я тебя...» «твоя любовь волнует кровь»... – он сделал уродливый реверанс и издал губами неприличный звук.

– Похоже, нас тут не очень-то любят? – спросил Джон Пола.

– Похоже, – ответил тот. – А мы-то хотели им песню подарить...

Они пошли к выходу, но Мик Джаггер обогнал их и загородил дорогу, растопырив узловатые руки.

– Ну зачем так сразу?! Ах, какие мы обидчивые!.. Мы, наверное, родились в лучах славы и не привыкли к простому разговору...

– Хочешь простого разговора? – процедил Джон. – Пожалуйста. Я ведь могу и по морде залепить.

– Вас тут двое, а нас – целая команда, – ухмыльнулся Мик.

Джон ухмыльнулся тоже. Ему нравилась эта непочтительность.

– Мы, между прочим, без охраны не ходим. Выгляни за дверь, увидишь, какие два шкафа нас ждут.

– А у меня... А у меня... – закатив глаза, залопотал Мик, – ...у меня брат – морской пехотинец!

– А у меня сестра – морская пехотинка!

Они посмотрели друг другу в глаза и заржали.

– Нужна вам песня или нет? – гнул свое Пол.

– Спрашиваешь! Да если мы скажем, что нам «Битлз» песню подарили, нас же сразу на пластинку запишут! Давайте, показывайте.

Пол взял гитару и запел в развязной «роллинговской» манере:

«Я хочу быть твоим мужчиной,
Я хочу быть твоим!
Я хочу быть твоим мужчиной,
Я хочу быть твоим!»^[67]

Джон подпевал и выстукивал при этом ритм по крышке стола.

Я круче всех в постели, крошка,
Я хочу быть твоим!
Я круче всех в постели, крошка,
Я хочу быть твоим!

Ведь я такой крутой!
Ведь я такой крутой!..»

– Это припев, – пояснил Пол, остановившись. – Эту строчку надо четыре раза повторить.

– О-о... Да-да... – принялся юродствовать Мик. – Что и говорить! Не самую великую песню вы решили нам подарить, не самую!

Остальные «роллинги» согласно заготовили.

– Не хотите, не надо! – обиженно сказал Пол и встал.

– Ладно, ладно! Хоть такая! Давай, дальше.

– А дальше пока нету.

Мик сделал вид, что сейчас рухнет в обморок:

– Ну вы даете! Вот так подарочек! Как у Винни-Пуха. «Оч-чень полезная вещица»! Бездвоздмездно!

– Дурак ты губастый, – сказал Джон.

Обиженные, они покинули клуб. Мик, кусая свои, действительно толстые, губы, наблюдал в окно, как они садятся в машину. Он понимал, что из гордости упустил золотую рыбку. Остальные «роллинги» старались не встречаться с ним взглядами.

Но через десять минут Джон с Полом снова появились в гримерке.

– Мы дописали, – мрачно сообщил Пол. – В машине.

– Вот это другое дело! – просиял Мик. – И вообще, вы на мои ужимки не обращайте внимания. На самом деле вы – самые-самые. Просто мне завидно.

Пол и Джон расслабились.

– Да вы садитесь, – предложил Мик, ставший поразительно радушным. – Кит уже за виски помчался!

Вскоре «I Wanna Be Your Man»^[68] действительно вышла на сингле «Роллинг Стоунз», попала в «горячую двадцатку» Британского хит-парада и продержалась там несколько недель.

Так Пол и Джон вывели никому доселе не нужных «Роллинг Стоунз» на вершину музыкального Олимпа, а Мик Джаггер ввел «великих провинциалов» в лондонскую рок-тусовку.

И вот они, покорив Америку, летят в Лондон, где их ждут друзья.
А Пола ждет еще и Джейн.

Он окончательно поселился в доме Ашеров. Официально он только ночевал у них – в гостиной. Бедному провинциалу было негде остановиться в Лондоне на ночлег. Но гостиная находилась прямо напротив спальни Джейн. Ее родители как будто и не догадывались об этом.

– Так сколько же у тебя было женщин, Пол? – спросила она однажды. Ее голова покоилась у него на плече.

– До тебя?

– А что, уже были и после?! – Джейн села.

– Ну что ты, глупая, – потянулся к ней Пол.

– Я не глупая, – она отстранила его. – Так были?

– Нет, – чистосердечно соврал Пол.

Джейн легла.

– А до?

– Та-ак, – протянул Пол, – сейчас посчитаю.

Минуты две он сосредоточенно молчал. Потом загнул один палец.

– Ты что, так долго вспоминал единственную женщину?

– Нет. Не мешай. Я их группирую по десять...

Джейн села снова.

– Иначе не хватит пальцев? Если понадобится, можешь воспользоваться моими. Ты бы видел, какая у тебя сейчас похотливая рожа!

Пол отвлекся.

– Короче, много.

– И ты способен остановиться?

– А почему нет? Я же бросил курить.

Нормально работать, не переехав в Лондон окончательно, было уже невозможно. Фирма «Немз» переместилась в столицу, а заведовать Ливерпульским филиалом Брайан оставил своего заместителя Питера Брауна.

Ответственность за переселение в Лондон Эпштейн взял на себя. Для сотрудников фирмы он снял целый этаж дома на Арджил-Стрит, а себе купил большую квартиру в Уэтхали Хауз.

– Я вижу, вам понравились мои *апартаменты*? – с затаенной гордостью спросил Эпштейн посетивших его Джорджа и Ринго.

– Еще бы, – усмехнулся Джордж, оглядывая гостиную с тремя

огромными хрустальными люстрами. – Своих-то у нас нет.

– Как так? – удивился Брайан. – А та квартира, что я вам снял на Грин-Стрит?

– Так у нас квартира, а не *апартаменты*. Твоя гостиная больше всей нашей квартиры. Но мы там все равно не живем.

– Почему? – Брайан испугался, что не оценил аппетитов своих подопечных.

– Нас вычислили в первый же день, – объяснил Джордж. – Ночь мы провели в осаде, а потом смылись в гостиницу.

– Но какая это была ночь! – мечтательно протянул Ринго.

– Да, – подтвердил Джордж, – второй такой мы бы уже не выдержали. Брайан развел руками.

– Не знаю, что и придумать. Может, переселитесь ко мне? У меня есть вторая спальня.

Джордж и Ринго переглянулись.

– Так принято, – поспешил объяснить Брайан. – Во всех приличных домах есть отдельные спальни для мужа и жены...

Джордж хмыкнул, а Ринго спросил прямо:

– А наша какая будет?

Ощувив, что вопрос этот носит несколько деликатный характер, Брайан поспешил с новым предложением:

– В этом доме, двумя этажами ниже, сдается хорошая двухкомнатная квартира...

– Нормально, – согласился Джордж.

– А Пол и Джон? – Ринго, как всегда, думал и о других.

– Пол живет у Джейн Ашер, – сообщил Джордж. – Он говорит, так дешево.

– А Джон с Синтией сняли квартиру сами, – добавил Эпштейн с нотками недовольствия.

Дело в том, что, приехав в Лондон с женой и сыном, Джон раз и навсегда сломал имидж «Битлз» – четырех «мальчиков на выданье». Об этом Брайан и решил посоветоваться с остальными.

Он сходил в кабинет и молча вручил им пачку газет. Абсолютно все первые полосы были посвящены «Битлз», их победам в Америке. В нескольких были и семейные снимки Джона, которые так возмущали Эпштейна: обнимает Синтию; играет с Джулианом; втроем на прогулке...

– А что, – зевнул Джордж, – нормально. Никто не возмущается. Наоборот, все в умилении. Оказывается, парень из «Битлз» может быть мужем и отцом. Рано или поздно что-то должно меняться.

– А как же девочки? – спросил Брайан, имея в виду, что именно они составляют большую часть аудитории «Битлз».

– А мы на что? – шмыгнул носом Ринго.

– Наши акции даже выросли, – усмехнулся Джордж.

Заголовки в газетах иногда удивляли. *«Музыка „Битлз“ имеет корни в наследии Баха»*. *«Ринго коснулся алкоголика и вылечил его от похмелья»*. *«Станут ли „Битлз“ первыми английскими астронавтами?..»*

– О! – ткнул пальцем Ринго. – Гляди-ка. – Статья называлась: *«Питер Хаммер: „Я был на свадьбе Джона Леннона“»* и занимала целую полосу. – Это еще кто?

Джордж пригляделся к фотографии автора... И присвистнул от удивления. Он вспомнил этого человека. Это был тот самый носатый проходимец, который сожрал все со свадебного фуршетного столика, пока шла регистрация. Так-так-так... Интересно, что этот носатый врет? Джордж вчитался.

«В том году я подрабатывал грузчиком на парфюмерной фабрике рядом с брачной конторой Маунт Плезнта...» – это неинтересно, Джордж перескочил на пару абзацев ниже. – *...«Кто женится?»* – спросил я. *«Один придурок»* – ответил мне парень...» – Было, было, – припомнил Джордж, – что дальше? – *«...Такого счастливого жениха я еще не видел. А наелся я там так, что не мог есть потом целых два дня...»* – Еще бы! Столик-то был рассчитан человек на тридцать... Джордж заглянул в конец статьи. – *«...За особые заслуги перед родным городом Питер Хаммер награжден знаком „Почетный Ливерпулец“*. *На гонорар от этого эксклюзивного интервью нашей газете он предполагает приобрести автомобиль „Фольцваген-жук“»...*

«Ого! – удивился Джордж. – Хотя, вообще-то, машину заслужил. Почти не врет».

Он снова зевнул:

– Ну что, пойдём, глянем квартиру? Спать уже хочется.

О решении поселить Джорджа и Ринго в своем доме Брайану пришлось пожалеть не раз. Заметив, что ежедневно к нему в гости навещаются странноватые молодые люди, они взяли за правило назло ему торчать у него допоздна, навязывая его гостям обсуждение соблазнительных достоинств своих подружек или девушек с журнальных

обложек. Это занятие приятно разнообразило их досуг.

Брайан был уверен, что ажиотаж вокруг «Битлз» рано или поздно должен утихнуть. Вдохновленный успехом их песни в исполнении «Роллинг Стоунз», он принялся «готовить тылы». При всей своей любви к «Битлз», он считал, что главным в их взлете являются его недюжинные менеджерские способности. А раз так, то до их уровня можно раскрутить и еще кого-нибудь. Недолго думая, Эпштейн взялся штамповать звезд.

Все его «открытия» ограничивались теми, кто хотя бы раз выступил в ливерпульской «Каверне». Джерри Марсенд и группа «Пейсмэйкерз» записали отвергнутую «Битлз» песню «Как это у тебя получается?» и через месяц заняли первое место в английском хит-параде. Затем песня Пола и Джона «Do You Want To Know A Secret»^[69] в исполнении Билли Дж. Кремера и «Дакотас» прочно закрепилась на втором месте, сразу за «Битлз».

Но особые надежды Эпштейн возлагал на бывшую гардеробщицу «Каверны» Присциллу Уайт^[70].

До сих пор Брайана привлекали женоподобные юноши. Присцилла была груба, криклива и своим поведением напоминала мужчину. К удивлению «Битлз» Брайан частенько стал появляться на вечеринках именно с ней.

– Если ты хочешь стать звездой, перво-наперво тебе нужно кое-что изменить в себе, – заявил Эпштейн Присцилле.

– Что например, Брайни?

– Фамилию Уайт нужно поменять на Блэк^[71].

– А еще сменить пол и цвет кожи?..

– Пока не надо. Но волосы, точно, надо перекрасить в черный цвет. И немедленно снять все это. – Эпштейн указал на ее шерстяную клетчатую юбку и игривый цветной свитерок.

– Да я не против, – согласилась Присцилла, начиная стягивать юбку. – Но ведь ты голубой.

– Я неправильно выразился, – смутился он. – Тебе нужно сменить прикид...

Песня Пола Маккартни «Love Of The Loved»^[72] в исполнении восходящей звезды – певицы Силлы Блэк – целую неделю продержалась на первом месте в британском списке популярности.

Но «Битлз» все же оставались главной «золотой жилой».

– Мы будем снимать кино! – объявил однажды Эпштейн.
– Музыку больше играть не будем? – спросил Ринго.
– Будем, будем, – успокоил его Брайан. – Но еще будем делать фильм.
– Про что? – без энтузиазма поинтересовался Джордж.
– Пока не знаю. Но контракт уже подписан.
– А как называется? – спросил Ринго.
– Ну что вы ко мне пристали?! Как-нибудь да называется! Завтра встречаемся со съемочной группой, там все и узнаем.

Утром следующего дня в апартаментах Брайана, где уже собрались «Битлз», появился представитель кинокомпании «Юнайтед Артистс» Уолтер Шенсон.

– Простите, джентельмены, – оправдывался он, – пришлось задержаться... Но мы еще не опоздали. Внизу ждет такси.

– Одно? – спросил Джордж.

– Влезем, – успокоил его Брайан.

В машину, отбиваясь от поклонников, они торопливо втиснулись всемером.

– А это кто? – спросил Эпштейн, указывая на оцепеневшего от счастья молодого человека с надписью «Битлз» на куртке, сидящего на коленях у Пола. – Это ваш, Уолтер?

– Впервые вижу.

Оцепеневшего молодого человека выпихнули наружу, и машина тронулась. Пока они не выехали на проезжую часть, за автомобилем бежала толпа.

– Вот об этом и будем снимать! – осенило Уолтера.

– О чем? – не понял Эпштейн.

– О том, как «Битлз» убегают от почитателей. Все время. Нет ни минуты покоя!

– Приставьте к нам оператора с камерой, и фильм будет снят за два дня, – предложил Джордж.

– Мы снимаем художественный фильм, – ответил Уолтер, делая ударение на слове «художественный». – Осталось только найти название. Я предлагаю: «Битломания».

– Что-то медицинское, – возразил Пол, припоминая свои беседы с психиатром Ричардом Ашером.

– Вы можете предложить что-нибудь лучше? – слегка обиделся Уолтер.

– Давайте, поговорим о названии потом, – предложил Брайан, смягчая ситуацию. – Название – в последнюю очередь. Еще фильм надо снять. А сегодня нам предстоит чертовски трудный день.

– У нас все дни чертовски трудные, – огрызнулся Джон.

– Придумал! – раздался крик из неоткуда.

Все примолкли, озираясь.

Ринго, свернувшийся клубком и лежащий на коленях Джона, потрепыхавшись, ухватился за плечо Уолтера и, приподнявшись, оказался с ним нос к носу.

– Придумал!

– Ур-ра!!! – закричали все.

С перепугу таксист резко затормозил, и пассажиры повалились друг на друга.

Атмосфера разрядилась.

Пол заговорил с Брайаном о том, что по его мнению, Дик Джеймз получает от издания их песен неоправданно большой процент. Джордж принялся расспрашивать Уолтера, увлекается ли киношный мир идеями буддизма...

Спустя пару минут Джон спросил Ринго:

– Так что ты придумал-то?

– Фильм должен называться «Ночь после трудного дня».

– Ура! – вдруг заорал таксист и ударил по газам.

– Разрешите представить. Это – ваш режиссер Ричард Лестер, – Шенсон указал на человека с кудрявой головой.

– Очень приятно, – сказал Лестер, протянув руку.

– А вот этого молодого человека вы не узнаете? – спросил Шенсон, указывая на сидящего за столиком коротко стриженного очкарика, так, словно заготовил приятный сюрприз.

– Мы – нет, – ответил Джон, – но у нас есть специалист по молодым людям, – и кивнул на Эпштейна.

– Да это же ваш земляк! Мистер Оуэн из Ливерпуля. Он будет писать сценарий.

Оуэн поднялся, неуклюже сутулясь, но, несмотря на это, всем пришлось задрать головы. Он был огромен.

– Здорово, братишки, – на ливерпульский манер поприветствовал он «Битлз» и протянул руку Джорджу.

– Приветствую тебя, Большой Брат, – ответил тот. И это прозвище моментально закрепилось за Оуэном.

Большой Брат сразу всем понравился.

– Вы не будете против, если мистер Оуэн проведет в вашем обществе несколько дней? – спросил Шенсон. – Это нужно для сценария.

Большой Брат смиренно смотрел на свои необъятные ботинки «Сафари».

Джон глянул на остальных и согласился:

– О'кей. Надеюсь, религия не запрещает Большому Брату пить огненную воду?

– Не запрещает, Косолапый Джон.

Все покатались со смеху, а сценарист добавил:

– По правде говоря, я с этого и хотел начать. Мой отец, Сизый Шнобель, говаривал: «Хочешь узнать бледнолицего, сынок, выпей с ним». Приглашаю вас в ресторан. За мой счет, конечно. Хау, я все сказал.

– Хау, – согласился Джон.

За неделю до съемок они снова собрались на студии, и Оуэн прочел сценарий. Это был очень короткий сценарий. (Он был написан «утром после трудной ночи».) И состоял, в основном, из повторяющейся фразы: «„Битлз“ бегут от поклонников по улице (вокзалу, мосту, полю, крыше, тоннелю и пр.)»...

Видя, как кривится лицо Ричарда Лестера, Джон, скорее, из симпатии к Большому Брату, чем искренне, восхитился:

– Замечательно! – и наступил под столом Полу на ногу.

– Здорово! – заорал тот послушно и повторял с каждым нажатием ноги Джона: – Здорово! Здорово!

Выражение лица Лестера изменилось. Сначала оно стало удивленным, а затем – довольным.

Только Ринго заныл:

– Я же не актер, я не смогу выучить столько текста. – (По сценарию в одном месте ему нужно было сказать: «Здравствуйте, джентельмены», а в другом – «Занято».) – Да и вообще, меня там слишком много. А у меня – нос... И уши... И вообще...

– Ничего подобного, – постарался переубедить его Лестер. – Это же комедия. У тебя прекрасные данные.

– Надо же, – удивился Ринго. – А я-то считал, что я – урод. – И искательно огляделся, ожидая возражений.

– Мы все так считали, – поспешил поддержать друга Джордж.

– Но другого у нас нет, – заключил Лестер.

На самом деле, все что было связано с именем «Битлз» автоматически превращалось для окружающих в эталон. И внешность, и образ мыслей.

В то самое время, когда шли съемки, вышла книга Джона – сборник

его идиотских рассказиков, стишков и рисунков.

«Джон Леннон собственноручно написал книгу „Джон Леннон собственноручно“», – плоско шутил Джордж. Название придумал Пол. И книга, как и предполагалось, стала бестселлером. Рецензия в литературном приложении к «Таймз» гласила: «Эта книга заслуживает внимания всех, кто боится обнищания английского языка и фантазии британцев».

«Наш коротяпка Бобби сегодня народимчик, так ему и надо, получай сюр, получай приз. Нету у Бобби коряги-руки, значит, пятерки – самой кисти (война).

Так вот, присылают ему на день рождения деревянное письмо, а внутри новенький протест.

Сбылась мечта Бобби, в тридцать девять лет услышал „кто надо“ его молитвы, да только не совсем. Если чего и не хватает у Бобби, так это правой коряги-руки, значит, а протест прислали левый. Блестит, пальчик к пальчику.

Жалко Бобби протест стало – э, да что за проблема, раз-два, оттяпал себе левую руку-корягу, значит. Приложил протест – как влитой.

„Может, – говорит, – на следующий год и правый протест пришлют, а что?“»

В качестве почетного гостя Джона пригласили на «Филозский литературный ланч» по случаю четырехсотлетия рождения Шекспира. Его наградили специальным призом, и, по традиции, он должен был сказать спич.

Джон подошел к микрофону и не нашел ничего оригинальнее, как промямлить: «Очень приятно. Большое спасибо». Разочарованные литераторы вежливо похлопали. Положение решил спасти Брайан.

– Только что вы видели и слышали величайшего писателя современности! – взволнованно начал он свою речь. Униженные писатели попрытали глаза. – И самое удивительное, джентельмены, что никто не мог разглядеть этот гигантский талант, пока я... Но об этом позже. Да будет вам известно, однажды мне приснился вещий сон. Будто еду я на лошади, а она мне и говорит: «Почеси мне за ушком, Брайни». И я, джентельмены, почесал. А почему бы и нет? Кто в праве осудить меня за это? От счастья она помчалась быстрее молнии и принесла меня в ближайший бар. Так не выпить ли нам?

Онемев, писатели изумленно пялились на него.

– Я говорю, не выпить ли нам? – повторил Эпштейн и на всякий случай подмигнул.

Не в правилах британских пиитов было отказываться от выпивки. Они очнулись и разразились аплодисментами.

Вскоре литературный ланч превратился в заурядную пьянку.

Брайан не помнил, как добрался до дома. Он помнил только то, что какой-то издатель предложил ему опубликовать мемуары открывателя «Битлз».

Съемки фильма шли полным ходом. Так как «Битлз» играли самих себя, напрягаться особенно не приходилось. Кроме того, в павильоне было полно симпатичных девушек, и они были не прочь оказываться в костюмерной наедине с исполнителями главных ролей...

Патти Бойд, бывшая модель, никогда не заходила туда. Это была очаровательная блондинка с голубыми глазами и безумно стройными ножками. Джордж был сражен ее красотой, но подойти не решался. Она подошла сама и попросила автографы на плакат.

– Это для моих сестричек, – надменно пояснила она им. – Они у меня маленькие и еще глупые.

Когда очередь дошла до Джорджа, он поставил подпись и, дважды поцеловав плакат, радостно сообщил:

– Это для сестричек.

Затем достал из кармана свою фотографию и, поцеловав ее семь раз, протянул Патти:

– А это для вас.

Она взяла фото и, небрежно бросив его в сумочку, удалилась.

Обескураженный Джордж смотрел ей вслед, открыв рот.

– А ты, похоже, втюрился, – заметил Ринго.

– Я-то?

– Ну, не я же...

Джордж подумал и согласился:

– Похоже. Не знаю, что и делать.

Опытный Джон, с интересом следивший за этой сценой, посоветовал:

– Можно, конечно, начать ухаживать за ней. Но лучше – немедленно трахнуть. Быстрее и экономичнее. И ей, и тебе сразу легче станет. Да и нам. Во всяком случае, не будешь посмешищем. И познакомишься заодно.

В справедливости этих слов Джордж смог убедиться к концу съемочного дня. Несмелая попытка затащить Патти в костюмерную закончилась его полным поражением. Девушка прилюдно отвесила ему

такую звонкую пощечину, что на них оглянулись все, кто был на площадке.

Джордж стал посмешищем.

Но он не сдавался.

Куда бы Патти не шла, всюду ей на дороге попадался застенчиво улыбающийся Джордж. Но оскорбленная Патти, словно и не замечала его.

Однажды, вернувшись со съемок, она обнаружила перед своим домом Джорджа, одиноко сидящего на скамейке.

– Патти, – произнес он, поднимаясь и умоляюще глядя на нее.

Она остановилась и оглядела его скучающим взглядом.

– Может, куда-нибудь сходим? – предложил Джордж.

– У меня есть друг, – ответила она веско. – Мы вместе уже два года.

– И его с собой возьмем.

Патти посмотрела на Джорджа уже несколько по-иному.

– Куда?

– Куда-нибудь. Я же говорил.

Патти не выдержала и улыбнулась, но тут же взяла себя в руки.

– Ехал бы ты домой, – сказала она и двинулась к двери.

– Да ничего, я посижу, – обреченно ответил Джордж, усаживаясь.

Патти открыла дверь и оглянулась. Потом бросила:

– Ладно, я сейчас...

– А где друг? – спросил Джордж, когда она вышла одетая так, что было ясно: они отправляются в самый шикарный ресторан.

– Ты что, совсем глупенький?

– А что такого? – пожал он плечами.

В этот вечер Джордж был неотразим. Все, на что бы не обратила внимание Патти, тут же принадлежало ей. Недостаток приличных манер он с лихвой заменял бесчисленными знаками внимания.

К концу вечера Патти оттаяла.

Однажды, возвращаясь со съемок, Брайан пригласил всех к себе. В лифте он смущенно сообщил:

– Мне предложили написать автобиографическую книгу. Я согласился. Но пока не придумал, как ее назвать. Может быть, вы что-нибудь подскажете?

– Назовите ее «Еврейский педераст», – посоветовал Джон.

Эпштейн стиснул зубы, но слезы выдали его обиду. Дома он надолго заперся в одной из спален.

«Битлз» преспокойно потягивали пиво и курили, сидя за круглым

столом. Примерно через час Эпштейн вышел с вдохновенным выражением лица и бокалом шампанского в руке.

Он подошел к окну, театральным жестом откинул портьеру и вгляделся в вечернюю мартовскую серость за стеклом. Затем решительно повернулся и, скрестив руки, объявил:

– Я назову свою книгу «Звуки в подземелье».

– «Мальчики в подвальчике», – шепнул Пол на ухо Джону. Джон захохотал и шепнул Ринго. Ринго – Джорджу, а Джордж – снова Полу, чем немало удивил того.

Этим же вечером Брайан сел за работу. Но, едва написав заглавие, он почувствовал что-то неладное. Ага! Великое произведение нельзя писать той же ручкой, которой подписываешь чеки! Он позвонил Нилу, и через час тот привез ему заказанный «Паркер» – самый дорогой, какой только нашелся в магазине канцелярских товаров.

Брайан вновь уселся за стол и написал:

«Однажды мне приснился пчела. Она была печальна...»

На этом его творческая фантазия иссякла.

Назавтра он нанял «соавтора» – журналиста Дерека Тейлора.

В начале июня шестьдесят четвертого года «Битлз» впервые отправились в мировое турне. За четыре недели им предстояло выступить в Европе, Азии и Австралии. Перед самым отлетом с острым тонзиллитом свалился Ринго. Вместо него за ударную установку сел парень по имени Джимми Никол.

Ринго выздоровел, только когда «Битлз» были уже в Мельбурне. В самолете он нервничал: «А нужен ли я им теперь? Джимми – неплохой барабанщик, не хуже меня. А может, даже и лучше. Да точно лучше. И нос у него не такой здоровенный...»

Каково же было его удивление, когда в аэропорту его встретила огромная толпа фанатов. Газеты, радио и телевидение трезвонили только об одном: «„Битлз“ воссоединились!» «Ринго вернулся!» «Опасность миновала!»

– Ну как ты? – побеспокоился о его здоровье Джордж.

– Отлично!

– А мы тебе подарки приготовили. Держи. – Он протянул огромных размеров пластмассовую расческу. – Изготовлено по специальному заказу.

– Спасибо, – умилился Ринго, пробуя причесаться.

– Это для грубого причесывания, – пояснил Джордж.

– А вот – для окончательной доводки. – Джон подал малюсенький деревянный гребешок.

Пол подарил Ринго почти полную коробку зубочисток, а Джимми Никол – почти целый рулон туалетной бумаги, сказав со вздохом:

– Все равно мне завтра улетать.

Прямо из турне они угодили на королевскую премьеру фильма «Ночь после трудного дня». Из королевского дома на ней присутствовали теперь уже только истинные почитатели «Битлз» – принцесса Маргарет и лорд Сноудон.

Дизайнер по интерьерам Кеннет Партридж предложил провести презентацию в своем роскошном особняке «Белгравия», в котором был даже кинозал, и в течении дня украсил его тысячами белых и красных гвоздик.

У входа играл маленький оркестрик, а блюда большей частью были еврейскими. На этом по телефону настояла мать Брайана – Куини Эпштейн.

Прибыв в Лондон в назначенный день специально для того, чтобы присутствовать на премьере, она остолбенела при виде разукрашенной «Белгравии».

– О, Боже! – воскликнула она испуганно. – Красное с белым! Это приносит несчастье!

– Ну что вы, мама, – засуетился Брайан, – с чего вы взяли?

– Это проверенная еврейская примета!

– Можно ли быть такой суеверной?

Куини укоризненно посмотрела на сына:

– Мало тебе того, что начисто обокрали магазин Клайва? А я говорила ему, что нельзя вешать на окна занавески с птичками!

– С какими еще птичками?

– С дроздами! Если вы не переделаете, ноги моей не будет в этом доме!

Брайан нашел хозяина и скомандовал:

– Немедленно замените гвоздики. Они должны быть или только белые, или только красные!

– Я ведь истратил уйму денег! – взмолился Партридж.

– Купите красные чернила, – нашелся Брайан. – За мой счет. Много не надо. – Он прикинул в уме. – Восемнадцать литров. С половиной. Если останется, оставьте себе. Хотя... Ну, ладно, оставьте себе.

Несколько часов перед премьерой походили на кадры из сюрреалистического фильма Феллини: Партридж, Брайан, «Битлз», Нил Аспинолл и Мэл Эванс ползали по деревянным лесам с баночками чернил и макали в них белые цветы.

В последний момент из дома выбежала Куини, потрясая над головой сорванной занавеской:

– Я так и думала! На ней щеглы!

Ее предосторожности не пропали даром. Премьера прошла тихо и спокойно.

Турне, съемки, запись нового альбома... Все это изматывало. И Брайан устроил небольшой отпуск. Джордж и Патти в компании Джона с Синтией инкогнито отправились в Ирландию, чтобы устроить там помолвку.

Приготовления проходили в глубокой тайне. Вот где им пригодились парики, грим и уроки актерского мастерства, преподанные Диком Лестером.

Два старичка в сопровождении молоденьких родственниц сошли с трапа частного самолета в аэропорту «Дромоленд» и на такси добрались до

пансионата для престарелых «Дромоленд Кастл».

Утром следующего дня Джон и Джордж, наслаждаясь свободой, попили в номере кофе, а Синтия и Патти секретничали.

– Ну как у вас с ним? – кивнула Синтия в сторону мужчин.

Патти мягко улыбнулась:

– Он не такой, как твой. Если честно, я побаиваюсь твоего Джона.

– Ничего удивительного. Мы женаты уже два года, но я до сих пор его боюсь.

– А Джордж – как маленький ребенок. Между прочим, он пишет отличные песни, но Джон и Пол почему-то берут по одной песне в альбом.

– А как он в постели? – откровенно поинтересовалась Синтия.

– Он-то? Да как все.

– О-о? – протянула Синтия лукаво. – А как все?

– Нормально.

За их спиной раздался голос Джона:

– Ага! Попались!

Они подпрыгнули от неожиданности. Мужчины ухмылялись.

– О чем это вы болтаете? – спросил Джон. Но, не дожидаясь ответа, напустился на Джорджа: – Ну и с чего ты взял, что она похожа на Бриджит Бардо?! – он бесцеремонно взял Патти за подбородок и повернул туда-сюда. Потом, подхватив под мышки, приподнял и поставил на ноги. Оттянул ворот кофточки, нахально заглянул под нее. – Ничего похожего, – резюмировал он.

– Можно подумать, ты видел это у Бриджит Бардо, – высокомерно усмехнулась Патти, поправляя платье.

– Похожа, похожа, – настаивал Джордж. – Во-первых, она такая же красивая, – он загнул палец. – Во-вторых, у нее такие же волосы. А в-третьих, зубы. Патти, покажи, пожалуйста, ему зубы.

– Ты что, совсем обезумел? – возмутилась Патти. – Я вам лошадь, что ли?

– Синтия, покажи зубы! – приказал Джон.

Та, не перечая, оскалилась.

– Во, понял? – обернулся Джон к Джорджу. – Воспитание!

– Зато у Патти – зубы, – ответил Джордж с интонацией явного превосходства.

В дверь постучали.

– Войдите!

Заглянул управляющий пансионатом. Он был явно испуган.

– Прошу прощения, мистер Леннон. Я хотел бы вас предупредить. Журналисты узнали откуда-то, что вы здесь, и внизу их сейчас человек тридцать.

– Пронюхали! Надо смываться! – Джон потребовал: – Распорядитесь, чтобы ко входу подошла машина, в которой вы возите белье. И принесите два платья горничных.

– А помолвка? – расстроился Джордж.

Джон сделал успокаивающий жест, затем взяв Джорджа и Патти за шкирку, заставил их поцеловаться:

– Благословляю вас, дети мои, – пропел он, похлопал рука об руку, с видом выполненного долга и заторопился снова: – Все. Бегом переодеваться!

Через час Джон и Джордж спустились вниз.

– А где же ваши прелестные спутницы?! – подсунув к самому лицу Джона микрофон, осведомился пожилой лупоглазый репортер в линялых джинсах.

– Кого вы имеете в виду? – поднял брови Джордж. – С нами никого нет. И мы не собираемся давать интервью.

Они пробились к выходу и влезли в автомобиль.

Тем временем Синтия и Патти, переодевшись в горничных, выкатили во двор тележку с грязным бельем, под дождем загрузили его в грузовик и, забравшись в кузов, зарылись в вонючее тряпье.

Всю дорогу до аэропорта их нещадно трясло, и на каждой колдобине они истерически взвизгивали.

Автомобиль с Джоном и Джорджем подкатил к аэропорту минут через десять после того, как туда прибыли девушки.

– А вот и наши принцессы, – указал Джон на двух мокрых и грязных горничных, трясущихся у входа.

– Ты был прав, – кивнул Джордж. – На Бриджит Бардо она совсем не похожа...

И все-таки их почикали. В аэропорту прибытия их ожидала целая свора фотокорреспондентов, и на следующий же день газеты пестрели снимками Джорджа с Патти. Помолвка состоялась в принудительном порядке.

Снова Америка – США и Канада. На этот раз Брайан уже не

беспокоился, теплым ли будет прием. Достаточно сказать, что по всей Америке транслировался радиорепортаж о том, как проходит полет. *«Пол Маккартни попросил кофе! – надрывался диктор так, словно сообщал величайшую сенсацию века. – Ринго Старр возмущен отсутствием туалетной бумаги!!!»*

За двадцать один день они дали тридцать один концерт. Америка бесилась и сходила с ума. Их гостиничные номера превратились в тюремные камеры. У входа в комнату Нила выстраивались длиннющие хвосты девушек, мечтающих познакомиться с «Битлз» поближе. Однажды Пол поймал его на том, что самых симпатичных он оставляет себе и персоналу, а к музыкантам отправляет тех, что поплоче. Разразился скандал, который чуть было не стоил Нилу места.

Вновь за воплями зрителей не было слышно музыки. «Битлз» безбожно лажали, но никто этого не замечал. Иногда они играли песни значительно быстрее, чем надо, чтобы поскорее смыться со сцены. Первые ряды занимали инвалиды, уверенные, что «Битлз» принесут им исцеление. Словечко «битломания» прочно вошло в обиход газетчиков.

Не только как социальное явление, но и как медицинский термин.

...Девятилетний мальчик из пригорода Атланты по имени Марк Чепмен напугал своих родителей тем, что ночью разговаривал с кем-то в пустой спальне. Их разбудил его громкий возбужденный голос за стенкой.

Миссис Чепмен осторожно подошла к его приоткрытой двери. При свете ночника Марк сидел на полу в клетчатой пижаме, пристально глядел на стену и, размахивая руками, вещал безжизненным скрипучим голосом:

– ...В прошлый раз вы не послушались своего короля и были сурово наказаны. Но сегодня моя невеста, принцесса Розалинда попросила меня сделать вам подарок. По-моему, вы этого не заслуживаете, но она сказала, что главные бунтовщики казнены, а остались только верные мне подданные. И я согласился с ней.

– Марк... – осторожно позвала мать.

Он поднял на нее невидящий взгляд, затем вновь перенес его на покрытую старыми обоями стену.

– К тому же принцесса сказала, что другого такого случая может и не быть, ведь они могут больше никогда не приехать в Америку. Вы конечно уже догадались о ком я говорю? Да! Радуйтесь и восхваляйте своего короля, собирайтесь на огромном стадионе. Перед вами выступают великие «Битлз»!

Марк стал покачиваться из стороны в сторону и, сменив интонацию на

заговорщицкую, тихонько запел:

«Слушай, я тебе открою тайну,
Никому не говори, оу-о-о...
Знаю, есть слова, которых ждешь...»^[73]

– Марк! – позвала мать громче, чувствуя, как холодок пробегает по ее спине.

Он замолк, обернулся вновь и приложил палец к губам. Теперь он явно видел ее, и его брови были сердито нахмурены:

– Тихо, мама, они поют... – сказал он шепотом.

– Кто? – так же шепотом спросила мать.

– Разве ты не слышишь? Они поют для моих человечков. Вот, посмотри, – ткнул он пальцем в обои.

– Я ничего не вижу...

– Это потому что они очень маленькие. Но я-то их вижу. Ты не умеешь становиться маленькой сама, а я умею.

...Утром миссис Чепмен впервые повезла сына к психиатру. Его фантазии перешагнули пределы нормального.

В автобусе он поведал ей:

– Помнишь, я тебе рассказывал, что раньше прятался под кроватью у какого-то злого мальчишки? А теперь я знаю, что это был Джон Леннон. Но теперь я еще знаю, что он совсем не злой, а наоборот, очень хороший...

– Ох, Марк, – с трудом выговорила мать и отвернулась к окну, чтобы спрятать слезы. А потом прошептала себе самой: «Будь они прокляты!..»

После выступления на нью-йоркском стадионе «Форест Хилл Теннис» «Битлз» ужинали в номере.

– Посмотрите, кто к нам пожаловал! – радостно сообщил вошедший Брайан. Следом за ним в номере возникли трое. – Разрешите представить мистера Боба Дилана!

Брайан много раз слышал это имя от Джона и Пола и знал, что этот музыкант для них – большой авторитет.

Невысокий лохматый горбоносый тип вышел вперед и церемонно поклонился.

– А это мои приятели, – махнул Боб рукой. – Аранович и Мамодас. Они уверяют, что у них есть еще и имена, но я не верю. Только гляньте: Аранович и Мамодас! Подругому и не назовешь.

Здоровенный Мамодас и тщедушный Аранович смущенно переминались с ноги на ногу. Наступила неловкая тишина. «Битлз» и Дилан не знали, что сказать друг другу.

– Ну вот и познакомились! – нашелся Брайан. – Может, за стол присядете?

– А вот возьмем и присядем! – нашелся Дилан. – Мамодас! Аранович! За стол!

– Что будем пить? – спросил Брайан, когда они уселись.

– Дешевое вино! – заказал Дилан. – Чем дешевле, тем лучше. А Арановичу с Мамодасом еще дешевле.

Джон почувствовал себя уязвленным. Вот это – настоящий рок-музыкант. А они – зажрались.

– Мэл, – позвал Эпштейн. Тот, показав жестом, что уже все понял, отправился на поиски дешевого вина.

– Ну вот, – одиноко прозвучал голос Брайана. – Вот так вот...

– Да... – поддержал разговор Боб.

– Я слышал твои песни, – сказал Джон. – Они мне нравятся.

– А мне твои – не нравятся! – пробурчал Боб, набивая рот кровяным бифштексом и не глядя на него.

– Всем нравятся, а тебе не нравятся! – обиделся Пол.

– Все – дураки, а я – нет, – парировал Боб.

– Ну, а что вам конкретно не нравится, мистер Дилан? – забеспокоился Эпштейн.

– Во-первых – ты. Во-вторых, слова. Кто у вас пишет слова?

– Я... он... – показал Пол на Джона. – Да мы все пишем...

– То-то и видно. Поэзия не делается толпой. Вот, послушайте... – И, проглотив бифштекс, он продекламировал:

«Сколько ты должен пройти дорог,
Чтобы хоть чем-то стать?
Сколько морей облетит голубок,
Прежде чем лечь поспать?
Сколько еще, мне ответь, сынок,
Будут людей убивать?

С запада ветер летит на восток,
Чтобы опять смолчать...

Море размочит гранитный бок,

Долго ль скале стоять?
Сколько нужно ушей, чтоб смог
Ты её плач услышать?!
Сколько еще, мне ответь, сынок,
Будут людей убивать?

С запада ветер летит на восток,
Чтобы опять смолчать...»^[74]

- Здорово! – признал Джон. – Но ведь это петь-то нельзя.
- Я пою. Это песня, – мрачно сообщил Дилан.
- Я хотел бы научиться так писать, – Джон поскреб затылок.
- Нет ничего проще, – заявил Боб и достал из кармана коробочку.
- Колёса? – догадался Джордж.
- Что вы на это скажете? – Дилан презрительно усмехнулся и посмотрел на своих приятелей. – Чтобы я глотал химию?! Даже Аранович с Мамодасом на такое не способны. Если вы покажете им таблетки, их сразу стошнит. А вам тут еще жить... Нет! У меня все природное, зеленое и благоухающее, произрастающее на теплом лоне Матери-Земли.
- Марихуана, что ли? – спросил Ринго.
- А что же еще? Она – родимая.
- Ну нет, – засомневался Джон. – Мы марихуану не курим.
- Да ты что?! – выпучил глаза Дилан. – А откуда же у вас вот эта песня: «Я лечу, лечу...»
- Нет у нас такой песни, – возразил Джордж.
- Нет, так напишете. Ну что, по косячку? Убьем себя, чтобы родиться заново?
- Словечко «убить» на сленге молодых американцев означало, принять дозу наркотика. Кому-то другому Джон, возможно, еще и отказал бы. Но не Бобу Дилану.
- Давай, – согласился он. Не устояли от соблазна и остальные.
- Аранович и Мамодас быстро скрутили по сигаретке на каждого и показали, как ими пользоваться.

- ...Первым засмеялся Ринго.
- Чего ржёшь? – удивился Пол.
- А ты что, не видишь? – промычал тот.
- Чего?

– А вот, – Ринго ткнул в пустоту.

– А-а, – понял Пол и тоже захохотал.

Через минуту смеялись все. Брайан, схватившись руками за стул, кричал:

– Я на потолке! Я могу упасть! Помогите мне спуститься!

Джон пел покатывающемуся со смеху Дилану экспромтом сочиненную песенку про пятерых мертвых старичков с припевом: «Тутовый шелкопряд! Тутовый шелкопряд!..»

Джордж, Аранович и Мамодас ползали по полу между стульев, стреляя друг в друга из воображаемых пушек и атомных подводных лодок.

Пол встал у окна и взором, исполненным озарения, оглядел город.

– Я думаю! Впервые в жизни по-настоящему думаю, – прошептал он. – Мэл! Возьми тетрадь и записывай! Все, что я сейчас скажу, должно на веки остаться в памяти потомков. Я знаю много. Очень много. Почти все. Пиши. – Заложив руки за спину, Пол принялся расхаживать по номеру, диктуя. Мэл бегал за ним и фиксировал буквально каждое слово, так как Пол то и дело отбирал у него тетрадь, перечитывал написанное и бранил за неточности.

«Если исчезнет солнце, то травы и деревья еще немного порастут и начнут увядать. Потом погибнут птицы. Затем звери. А затем и люди.

Последними умрут Аранович и Мамодас...»

Утро было тяжелым. Раскалывались головы, пухли глаза. Дилан лечился дешевым вином и поил им Арановича с Мамодасом, приговаривая: «Пейте, пейте, млекопитающие, Боб вас в беде не оставит...» А Джордж читал вслух «Постулаты Пола Маккартни» и хохотал больше других. Он уговорил Пола подарить эту тетрадку ему.

Труднее всех пришлось Ринго. Он не приходил в твердый рассудок несколько дней, непрерывно пил спиртное и глотал амфетамин. Вскоре он впал в глубочайшую депрессию.

Однажды вечером он, пошатываясь, вывалился из номера и пошел к лифту.

– Ты куда это направился? – заметил его пьяненький Нил.

– Туда, – Ринго неопределенно махнул рукой.

– Зачем?

– Я хочу себя убить, – пробормотал Ринго и двинулся дальше.

Нил, уже усвоивший местный сленг, усмехнулся и покачал головой. «Колеса, что ли, кончились?»

Но Ринго и не думал принимать таблетки. Он действительно решил умереть.

«Кому я нужен? – чудом выйдя из отеля незамеченным, рассуждал он. – Никто, никто меня не любит. Эти вшивые канадцы обозвали меня евреем. Пол сказал, что будет на мой нос вешать свой пиджак и еще хотел прихлопнуть меня кирпичом. А Джон нассал мне в ботинки. И уверяет, что пролил чай... Что?! Пролил во все ботинки, кроме своих?!»

Ринго остановился и огляделся в поисках места, где бы он мог тихо, и никому не мешая, совершить какой-нибудь суицид. Рядом резко затормозила машина и из нее вылез полицейский.

– Эй, парень, с тобой все в порядке? – спросил он.

Ринго посмотрел на него затуманенным слезами взором:

– Дяденька, это что за город?

Полицейский усмехнулся:

– Во дает! Это Индианаполис, дружок. Ты, видать, не в себе. Говори-ка адрес, мы тебя живо довезем до дома.

– Лондон, Уэтхали Хауз. Второй этаж.

– Да ты иностранец! А тут-то что делаешь?

– Я хочу умереть. Не подскажите, где это у вас делают? – помолчав, он добавил: – Пожалуйста...

Полицейский присвистнул.

– А ну, залазь в машину.

Ринго послушно сел в автомобиль.

– Слушай, мне что-то лицо твое знакомо, – заметил второй полицейский. – Где я тебя видел?

– Везде, – ответил Ринго. – Я барабанщик из «Битлз».

Полицейский взгляделся внимательнее и воскликнул:

– Слушай! А ведь верно! Ты – Ринго Старр! Вот не ожидал! Ты что же тут делаешь?

– А он решил умереть, – доложил напарник. – Не дадим?

– Не дадим! – полицейский завел машину. – С чего это ты решил себя убить?

– Джон Леннон нассал мне в ботинки, – жалобно объяснил Ринго.

– Ну и порядочки у вас, у звезд, – покачал головой тот. – У меня было так, с кошкой. Я ее за это утопил.

– Джона Леннона не утопишь, – посетовал Ринго и заплакал.

«Совсем паренька извели», – пробормотал полицейский.

Почти всю ночь они катали Ринго по городу, а под утро привезли его на трек, где проходили ежегодные автогонки. Полицейские позволили ему сесть за руль, и Ринго целый час нарезал круги, разгоняя хандру.

Потом они поехали в гости к одному из полицейских, где пообедали, и Ринго, поиграв с его пяти- и шестилетним сынишками, завалился спать.

На концерт он прибыл за несколько минут до начала.

– Где ты был!!! – орал Эпштейн, которого чуть было не хватил сердечный приступ.

– Я снова с вами, друзья! – не слушая его, обнимался Ринго с остальными. – Как мне вас не хватало!

Ринго отработал на концерте без тактового барабана, так как ноги у него совсем не двигались. Как и следовало ожидать, этого никто не заметил.

Очередное обострение тонзиллита у Ринго уже ни для кого не стало сюрпризом. На днях, к его искреннему смущению, его избрали почетным вице-призедентом Лондонского медицинского университета. Наверное, потому, что из всех «Битлз» он имел самые тесные контакты с медициной. Заболев, он угодил в клинику этого самого университета, и носились тут с ним, как с писаной торбой.

Добровольной сиделкой вызвалась быть его старая знакомая – маленькая суматошная брюнетка по имени Морин Кокс, которая приехала из Ливерпуля специально для этого. Во всяком случае, так считалось. В первый же день она принесла ему гостинец – пакет с мороженым. Само собой, мороженого Ринго было нельзя, потому, разговаривая с ним, Морин сама уплетала порцию за порцией:

– Представляешь, Ричи, а ведь я уже не помощница парикмахера, – тараторила она. – Представляешь?!

– Уволили? – прохрипел Ринго.

– Да ты что?! Да как ты мог подумать? Как у тебя язык-то повернулся? Я теперь – парикмахер! Мастер! Ну?! Что же ты не радуешься?

– Поздравляю, – вымученно улыбнулся Ринго. – Ты в Лондон надолго? Морин, загадочно поведив пальцем по одеялу, объяснила:

– Ну-у... Как пойдут дела... Наверное, на недельку. Или на две. Или больше. Как скажешь... – последнюю фразу она произнесла так тихо, что Ринго не расслышал ее.

– Может, у меня остановишься? Я сейчас один живу. И кактусы некому поливать.

– Это было бы здорово! – обрадовалась Морин. – А то приехала, а сама не знаю, где и жить буду. А жить-то где-то надо, правда ведь? А кактусы, говорят, постригать нужно?

– Не слышал, – признался Ринго.

– Нужно, нужно! А стригу я отлично! Вот и тебе уже стричься пора. Ну, давай, давай, поднимайся. Я, вот, и ножницы припасла...

Ринго выздоровел и выписался из клиники, а Морин продолжала жить у него. Это разумелось как-то само собой и не обсуждалось.

А однажды она сообщила ему, что беременна.

– Как это? – удивился Ринго. – Откуда?

– Тебе лучше знать, – хохотнула она. – Или ты не знаешь, как это бывает? Я как заметила, что со мной что-то не то, сразу к врачу побежала, а он посмотрел-посмотрел, да и говорит, так, мол, и так... А я думаю, не зря я значит... – тут она осеклась и виновато посмотрела на Ринго. Но тот снова ничего не заметил. Он сосредоточенно смотрел в пол. Наконец, спросил:

– И что мы теперь будем делать?

– Ой, Ричи, ну ты, прямо, такой застенчивый!.. – И она остановилась, ожидая.

Ринго хлопнул себя по лбу, неуклюже встал на одно колено и, сняв с мизинца серебряное колечко, надел его на пальчик Морин.

– Прелестная девушка. Я знаю, что не вышел ни лицом, ни статью. Я простой барабанщик, не больше того. Но, может быть, ты согласишься выйти за меня замуж? – он с волнением ждал ее ответа.

Морин вдруг стала таинственной и неприступной.

– Это так неожиданно, Ричард, – сказала она. – Я не могу так сразу... Я подумаю.

Они поженились через неделю – одиннадцатого февраля.

«Битлз» научились жить в осадном положении. Но круг общения пришлось сузить до минимума.

Четвертая пластинка – «Beatles For Sale»^[75] – наконец-то принесла музыкантам реальный финансовый успех. И Пол с Джоном стали трезво оценивать доход, который может дать им каждая очередная песня.

– Давай сегодня сочиним плавательный бассейн? – предложил как-то Пол.

– У меня уже есть, – ухмыльнулся Джон. – Давай лучше машину. «Паккард».

– Одну на двоих?

– Ну, давай, сочиним две машины.

– Если мы хотим получить две машины, придется присочинить еще серебристый «Бентли» для Брайана... Проценты наших менеджеров и продюсеров больше, чем то, что получаем мы сами. Дик Джеймз, между прочим, уже стал миллионером...

– Ладно, не ной, – скривился Джон. – Деньги – хорошо, но не для этого же мы пишем! Показывай, что у тебя есть новенького.

Пол неуверенно начал:

– Я сегодня проснулся, в голове мелодия вертится. Сел за пианино, сыграл... Какая-то она не такая. По-моему, я ее у кого-то содрал. Сыграл

Джейн, она говорит, что не слышала раньше...

– Хватит предисловий. Играй.

– У меня еще и текста нету. Я пока пою слова считалочки, помнишь, «Яичница-болтунья, на сковороде шипунья...» Есть еще самое начало другого варианта. Называется «Вчера»^[76].

– Ну, хватит уже! Пой, давай!

Пол исполнил куплет и припев, Джон остановил его.

– Розовые сопли, – сказал он. – Когда тебе будет шестьдесят четыре, встанешь со шляпой возле входа в метро и будешь петь это. На хлеб с маслом зарабатываешь. Послушай лучше, что у меня.

Он отобрал гитару у обиженного Пола и запел:

«Когда-то я глупее был и младше, чем сейчас,
Я смелым был и не просил я помощи у вас.
Но вот, когда я сильным стал, вошел в любую дверь,
Я стал нуждаться в простоте и в честности теперь.

Дай мне руку помощи свою,
Ты же видишь, как нетвердо я стою...^[77]

– Пьяный, что ли? – прервал его Пол в отместку за критику «Яичницы»^[78]. – Чего это ты нетвердо стоишь?.. На тебя Дилан дурно повлиял.

Джон посмотрел на него тяжелым взглядом:

– Знаешь что. Давай-ка больше не лезть друг к другу. Будем показывать песни Мартину, пусть он и решает.

Через несколько дней Пол принес «Яичницу» Джорджу Мартину, спев при этом и уже законченный второй вариант текста. Мартин взял за правило записывать на пленку все, что они ему показывали. Так же он поступил и на этот раз.

– Понравилось? – ревниво спросил Пол.

– Трудно сказать, – замялся Мартин. – Во всяком случае, на «Битлз» это не похоже. Особенно второй вариант. Собрались бы вы лучше с Джоном и написали пару-тройку ударных вещей. В вашем стиле.

– С ним стало невозможно работать. Мои песни ему не нравятся, а сам пишет какую-то дрянь.

– Да нет, я бы не сказал. Вчера он принес одну вещичку. Тоже не

фонтан, но зато она быстрая. Вот, послушай.

Мартин ушел в рубку и включил фонограмму. Пол услышал: *«Когда-то я глупее был и младше, чем сейчас...»*

– Вырубай!.. – крикнул он. – Знаю я эту песенку. Если она кому-то понравится, то моя «Яичница» – просто супер-хит.

– Как бы там ни было, но по контракту через три месяца новый альбом должен быть готов. Хороший, – пошутил Мартин. – Так что, думайте. Вспомните хотя бы что-нибудь старенькое.

– «Диззи мисс Лиззи»? – предложил Пол.

– А что? – обрадовался Мартин. – Песенка, конечно диковатая, но она уравновесит вашу меланхолию. Это может иметь успех. А еще можно записать ту вещьцу Мюррея, которую я уже предлагал: «Как это у вас получается».

– Ее ведь уже «Пейсмэйкерз» записали.

– Хорошую песню и повторить не грех. Вот, послушай, – Мартин уселся за рояль и затянул:

«Как это у тебя получается,
Что все в тебя влюбляются?..»

Спустя полчаса, когда Мартин обернулся, он обнаружил, что Пола в студии уже нет.

Дик Лестер нервно курил сигарету за сигаретой, пока писатели Марк Бейм и Чарльз Вуд читали вслух сценарий фильма «Восемь рук, чтобы держать тебя».

Поначалу Лестер намеревался пойти по накатанному пути, и, как и в «Ночи после трудного дня», показать «Битлз» такими, какие они есть. Но когда Бейм и Вуд, по примеру Большого Брата, провели с ними несколько дней, они появились в студии в невменяемом состоянии.

Бейм, хихикая, приговаривал:

– Хорошие ребятки, хорошие...

– Но снимать про это нельзя, – вторил ему Вуд.

И появился вариант совершенно не связанного с реальностью сценария. Главное место в фильме отводилось Ринго и его перстню, который пытаются похитить жрецы индийской секты почитателей богини Кали.

– А у меня нет перстня с таким красным камнем, – с тайной надеждой

сообщил Ринго.

– Купим, – уверил его Лестер.

Ринго удовлетворенно кивнул и больше возражений не имел.

– Мне не нравится название, – сказал Джон. – Оно длиннее, чем фильм. Давайте, назовем его коротко и ясно: «На помощь!»

«Так-так, – подумал Пол, – пропихивает свою песню...»

– Нет, – возразил он, – лучше «Яичница».

– А почему не «Трюфеля в сметане?» – съязвил Лестер. – Про яичницу ты сам фильм снимешь. Если захочешь. А вот «На помощь!» мне нравится.

– Раз так, – ревниво сказал Пол, – то я сниматься согласен только на Багамах.

– Почему это? – оторопел Лестер.

– Я там еще не был, – популярно объяснил Пол.

– И в Альпах, – добавил Джордж. – Я хочу научиться ходить на лыжах.

– Понял, – обрадовался Лестер, – вы шутите.

– Нисколько, – спокойно ответил Джордж. – Если вы не согласитесь, мы с Патти поедem в Альпы просто так.

– Вы ведете себя, как дети, – возмутился Лестер, – мы не можем безмерно раздувать смету из-за ваших прихотей.

Тут вмешался Брайан, до сих пор что-то молча подсчитывающий в записной книжке:

– Не стоит отмечать такие прекрасные идеи. Недавно я организовал на Багамах фирму по производству зонтиков...

– При чем тут это? – поразился Лестер.

– А при том, что делать что-то в Англии нам совершенно невыгодно. Налоги съедают большую часть доходов. – Далее он долго и непонятно объяснял длинную цепочку махинаций, ведущую в обход департамента налогов, и в конце концов пришел к неожиданному результату, что выпускать зонтики значительно выгоднее, чем снимать кино.

– Может на этом и остановимся? – предложил он.

Лестер сидел с вытянувшейся физиономией. Молчали и остальные.

– Нет? – спросил Брайан, оглядев всех. – Ну тогда будем снимать фильм. Но на Багамах и в Альпах. Я там тоже не был.

На Багамских островах было красиво, как в сказке, но стоял собачий холод. Сниматься в пляжных сценах «Битлз» наотрез отказались.

– Не так уж и холодно, – уговаривал их Лестер. – Я же не заставляю вас нырять глубоко. Окунулись, выскочили и водите хороводы.

– Насколько я понял, фильм будет цветной? – с дальним прицелом

уточнил Пол.

– Конечно, – заверил Лестер.

– А вам не кажется, что хоровод синих людей будет выглядеть несколько неестественно?

– Хм, – Лестер задумался. – Хорошо. Но прыгать на берегу вы будете в одних шортах.

– А что, купить четверо шорт не позволяет смета? – пошутил Джордж.

Лестер долго молча смотрел на него. Потом ответил:

– Да.

Сценарий многократно перекраивался по ходу съемок.

В эти дни военно-воздушные силы США по приказу президента Джонсона начали массированную бомбардировку Вьетнама, и Джон Леннон потребовал вставить в фильм антивоенную сцену. Магическое слово «Битлз» позволило Лестеру раздобыть танки и солдат-статистов, не потратив на это ни пенни.

Группа, охраняемая военными и техникой, исполняла песню Джорджа Харрисона «Ты нужна мне»^[79]. Любовь в окружении танков. Это была новая для «Битлз» символика, и она была обречена на успех.

В Альпах было еще веселей.

– Значит, вы хотите научиться? – Лестер выстроил их на высоченной горе, велел надеть лыжи.

От настоящих лыжников «Битлз» отличались предусмотренными сценарием цилиндрами на головах и совсем не подходящими для занятий спортом черными плащами.

– Хотим! Конечно! – загомонили они.

– Что ж. Это не сложно. Возьмите палки. – Лестер зашел к ним за спины.

«Битлз» подчинились.

– Расставьте ноги чуть шире плеч... Я сказал, чуть шире, Ринго, а вовсе не «сесть на шпагат»! Так, так. Хорошо. Согнули колени. Сгруппировались... Готовы?

Ринго обернулся.

– А дальше что?

– Дальше-то? А дальше – вот что!

С этими словами Лестер одного за другим быстро спихнул их с горы.

– Эй! Эй!.. – закричал Пол, пытаясь остановиться, но скорость стремительно увеличивалась.

– Берегись! – со свистом пролетел мимо Джордж.

Ринго от ужаса забыл все слова и вспомнил только одно:

– Лыжню! Лыжню!!!

Джон катился молча, но, поравнявшись с Полом схватил его за шарф. И дальше, к подножию, они кубарем покатались вместе.

Выбравшись из сугроба и глядя на крошечного Лестера наверху, Джон злобно погрозил кулаком. Когда они поднялись, режиссер, вне себя от счастья, прыгал вокруг камеры: «Какие кадры, какие кадры!...»

Месть «Битлз» была ужасной: на следующий день точно такой же курс обучения они провели с Эпштейном.

Часть сцен снималось в Лондоне. В перерывах «Битлз» регулярно курили марихуану. Лестер тратил немало времени на то, чтобы привести их в сознание. Случалось, явившись на съемочную площадку после бурно проведенной ночи, они не понимали, что от них требуют и не реагировали на угрозы режиссера, а только тыкали пальцами в никуда и непрерывно смеялись.

А однажды Джордж, Джон, Патти и Синтия испытали действие и более сильного наркотика. Вечером, после съемок, они были в гостях у своего дантиста Эрика Казинса. Разливая кофе, его подружка, не предупредив, добавила в чашки порошок ЛСД.

Первым что-то не то почувствовал Джордж. Точнее – увидел:

– А почему ты до сих пор не познакомил нас с этой прелестной девушкой? – спросил он Эрика, показывая на включенный розовый торшер.

Патти беспокойно оглянулась и, встретив взгляд Джорджа, испугалась:

– С ним нехорошо, – сказала она остальным. – Нам нужно домой.

Они стали собираться, но Эрик остановил их:

– Что вы, вам нельзя выходить из дома, это опасно! Вы приняли сильный галлюциноген...

– С какой стати? – уставился на него Джон.

– Я думал, нам будет весело...

– Свинья! – рявкнул Джон. И они покинули этот дом, не прощаясь. Только Джордж пытался извиняться перед торшером за столь скоропалительный уход, и Джону пришлось выволочь его силком.

– О! А где моя машина? – дурашливо улыбаясь, спросил Джордж на улице.

Тут наркотик начал действовать уже на всех.

– Да вот же она! – истерически закричала Патти и потащила Джорджа обратно в подъезд.

– Джон?! Куда ты?! – кинулась вслед за ними Синтия. В подъезде, отобрав Джорджа у Патти, Синтия принялась осыпать его страстными поцелуями.

Джон пока единственный оставался в здравом уме. Вытащив всех троих на улицу и загрузив машину, он погнал ее за город в недавно приобретенное Джорджем бунгало.

– Ну, ребята, сейчас я начну шутить, – вдруг грозно сказал он, когда машина выкатилась за черту города.

Патти покрепче ухватилась за кресло, думая, что Джон будет демонстрировать высший автомобильный пилотаж. Но вместо этого машина резко сбавила ход и остановилась. Джон обернулся к Джорджу и все так же напористо спросил:

– Ты знаешь, почему у кролика большие уши?

Вместо ответа Джордж четыре раза чихнул и залился смехом.

– Не знаешь?! Никто не знает! Так вот. Потому что он длинноухий! Так-то.

И они поехали дальше.

До бунгало, которое находилось в двадцати минутах езды, они добирались почти два часа. Джон все время шутил, останавливая для этого машину.

Остаток ночи они провели достаточно неординарно. Патти собирала в комнате грибы, Синтия смеялась над ней и объясняла, что это вовсе не грибы, а цветы. Джон и Джордж, играя на воображаемых мандолинах, распевали похабные песни, а в антрактах без аккомпанемента материли воображаемых зрителей.

У Эпштейна в этот период все шло наперекосяк. На съемках он влюбился в американского актера и певца Ди Джиллескай, широко прорекламировал его, как восходящую звезду, но роман закончился отвратительной сценой с поножовщиной.

Брайан убедился, что большинство заключенных им контрактов значительно выгоднее для партнеров, нежели для «Немз». Решив, что и тут он проявляет себя, как полная бездарь, он пригласил в Лондон своего заместителя Питера Брауна, но положения это не спасло.

Брайан перенял от «Битлз» пристрастие к амфетамину и другим транквилизаторам, глотая их горстями. Он даже завел в своем гардеробе специальный пиджак, с дюжиной потайных карманчиков.

Его стала мучать бессонница. Волшебные сны покинули его. Часто по ночам он садился за руль своего нового серебристого «Бентли» и ехал в

клуб «Клермонт», проводя там ночь за игрой в карты и проигрывая до двадцати тысяч фунтов...

Тем удивительнее было, что и фильм «Help!»^[80], и одноименный альбом, и даже книга мемуаров Брайана стали чуть ли не главными событиями общественной жизни Великобритании и еще раз подтвердили заслуженность славы «Битлз».

Особый сюрприз приготовил Джордж Мартин.

Когда «Битлз» собрались в студии на прослушивание окончательной фонограммы альбома, они услышали песню «Yesterday» в сопровождении струнного квартета. Мартин, движимый внезапным озарением, пригласил классических музыкантов и наложил их партии на единственную черновую запись этой песни.

Сочетание неуверенного, почти подзаборного побрякивания Пола на гитаре с виртуозной игрой скрипачей Большого королевского симфонического оркестра как бы говорило: и вот опять простой парнишка из Ливерпуля написал то, что войдет в века.

Пол спел «Yesterday» по бумажке. И сколько бы тысяч раз не пришлось ему исполнить эту песню потом, никогда больше не прозвучит она так свежо и трогательно.

«День назад
Было небо голубей в сто крат,
А сейчас его закрыла тень,
И я ищу вчерашний день.

Правда ли,
Часть меня осталась там, вдали,
На безоблачном клочке земли
Ушедших дней моей любви?

Как знать,
Мог ли я ей вчера не дать уйти.
Но я
Верных искренних слов не смог найти.

Я вчера
Был уверен, что любовь – игра,
Но однажды настает пора

Поверить только во вчера»^[81].

Джордж и Ринго вообще не слышали эту песню раньше, Джон слышал лишь раз и напрочь забыл, а Пол махнул на нее рукой, считая неудавшейся. Фактически, сейчас все они слушали ее впервые. И обнаружили, что вновь под маркой «Битлз» на свет появилось нечто гениальное.

И критикой, и всеми слушателями поголовно были признаны шедеврами не только «Yesterday», но и ленноновская «Help!» и даже «I Need You» Джорджа.

Во всем этом ощущалась некая пугающая фатальность. «Битлз» могли работать вместе, а могли по отдельности, могли писать серьезно, а могли и левой ногой. Шедевры получались при любом раскладе.

Королева Елизавета объявила о включении Джона, Пола, Джорджа и Ринго в число кавалеров высшей государственной награды – Ордена Британской Империи.

Брайан был одновременно и несказанно горд, и слегка разочарован. Формулировка заслуг «Битлз» была следующей: *«За выдающийся вклад в британскую культуру и экономику»*. Вторая часть в большей степени касалась как раз его. Но он в список почему-то включен не был.

Это было так же странно, как если бы за большие объемы реализации шерсти вместо продавца наградили овец.

Реакция самих «Битлз» была достаточно неоднозначной.

Джордж просто дико захохотал. Сама мысль, что ЕМУ вручают орден, на обратной стороне которого написано *«Чрезвычайно Высокочтимая Государственная Персона»*, казалась ему комичной.

Ринго прослезился, бормоча: «Вот так подарочек моей Морин. Она-то еще раздумывала, стоит ли идти замуж за такого простофилю. А оказалось...»

Пол был польщен. Но что-то в этой ситуации вызывало в нем и чувство протеста. Исполнитель рок-н-ролла ПО ОПРЕДЕЛЕНИЮ не может стать кавалером М.В.Е. ^[82] Это еще одно звено в цепи немыслимых, противоестественных событий, которые с ними происходят.

А Джон пришел в бешенство.

– Чтобы я вступил в банду этих чванливых ублюдков?! – орал он, вспоминая прием в британском посольстве США. – Да ни в жизнь! Я скорее сдохну, чем приму эту фальшивую побрякушку!

Уговоры Брайана были бесполезны.

– Забирайте ее себе, раз она вам так нужна! – бушевал Джон.

Эпштейн «отшутился»:

– «Еврейским педерастам» таких орденов не дают...

Он ожидал, что Джон, почувствовав раскаяние за нанесенную когда-то обиду, пойдет на попятный. Но вместо этого тот смерил его взглядом и процедил:

– Вот и правильно.

На следующий же день в прессе разразилась настоящая буря. Члены палаты лордов заявили, что данное решение королевы подрывает престиж

ордена. Гвардейские офицеры, политики и аристократы возвращали свои награды в Букингемский Дворец, объясняя журналистам, что «не желают делить честь с четырьмя вульгарными придурками, при том, что честь эта отныне несколько сомнительна...»

Джон позвонил Эпштейну:

– Я передумал, Брайни. Я приму орден. Пусть их всех от злости понос прохватит...

До церемонии награждения «Битлз» еще отработали очередное американское турне. Они начали его с выступления на нью-йоркском стадионе «Ши». Нововведение этого турне – железная клетка, в которой транспортировали «Битлз». Обыкновенный автомобиль уже не давал полной гарантии их безопасности от обезумевших фанатов.

На стадионе их слушали пятьдесят шесть тысяч зрителей. Это была немыслимая толпа. Рекордным было и количество потерявших сознание девочек.

На этот раз Леннон в некоторых песнях играл на электрооргане. Несмотря на восторженный рев публики, ему казалось, что концерт идет вяло, ведь теперь он не имел возможности прыгать и скакать по сцене, как он делал это с гитарой в руках. И тогда он решил «оживить» выступление другим способом.

В разгар истерии на песне «I'm Down»^[83] он вдруг принялся колотить по клавишам локтями, кулаками и даже ногами. Звуки, которые издавал инструмент, были отвратительными. Но эта его выходка выбила ход выступления из опостылевшей колеи. Воодушевились и остальные.

...Со стороны можно было подумать, что к дому Элвиса Пресли везут космический корабль с инопланетянами: бронированную машину с «Битлз» охраняли приведенные в боеготовность войска ВВС. Добравшись до места, военные приняли круговую оборону, а машина с четверкой и Брайаном въехала в ворота.

Раздобревший Элвис стоял на крыльце, окруженный вооруженными до зубов угрюмыми личностями, как догадались «Битлз», мафиози. Сойдя со ступеней, он поочередно церемонно обнял каждого гостя, и они прошли в дом. В гостиную с Элвисом вошел только лысоватый и мешковатый человек.

Он ткнул пальцем в грудь Брайана.

– Эпштейн?

– Так точно, – пролепетал тот, почему-то вытянувшись по стойке

смирно.

– Я – Полковник Паркер, менеджер Элвиса. Думаю, нам лучше оставить наших бойцов наедине друг с другом...

Полковник провел Брайана в соседнюю комнату. Со времен службы тот испытывал перед офицерами безотчетную робость. Вот и сейчас он не мог сообразить, о чем можно говорить с полковниками. Но Паркер взял инициативу на себя. Он достал и водрузил на кофейный столик портативную рулетку.

– А? – спросил он Эпштейна.

Брайан обрадованно кивнул. У него отлегло от сердца. Ведь в Лондоне он в последнее время ощущал себя профессиональным игроком.

– По пять, – предложил он.

– Долларов? – пренебрежительно усмехнулся Полковник.

– Тысяч, – уточнил Брайан.

– Забыл предупредить, – невозмутимо сказал Паркер, вынимая бумажник и делая вид, что такая ставка ему ни о чем, – игра на деньги карается в нашем штате лишением свободы сроком до пяти лет...

– Нет, нет, нет, – забеспокоился Эпштейн, – мы должны быть дома через неделю!

Паркер удовлетворенно вернул бумажник в карман. И, достав из бара бутылку рома, предложил:

– Может, на глотки?

– Конечно, конечно! – обрадовался Брайан.

– Ну... уговорили, – нехотя согласился Полковник.

Кстати, в армии Паркер не служил никогда. Псевдоним «Полковник» он взял себе для солидности.

«Битлз» уселись на диван и, не отрываясь, смотрели на кумира своей юности. Элвис вел себя странно. Казалось, он забыл о них. Побродив по гостиной, он включил телевизор, убрав громкость и уселся за огромное красное фортепиано. Взял несколько аккордов, остановился, закрыл крышку и поднял с пола подключенную к комбешнику гитару. Провел по струнам и пропел пару строчек из «Отеля разбитых сердец»... Наконец посмотрел на гостей и вдруг заорал:

– Олухи английские!

– Разговаривает! – восхищенно сказал Джон.

– Ха! – Элвис приподнялся и одобрительно шлепнул Джона по затылку.

Джон нахмурился и так треснул Элвиса в ответ правым боковым, что

тот еле удержался на ногах. Набывчившись и выпятив второй подбородок, он подал Джону гитару:

– А сыграть?

– Неохота.

– А выпить?!

– Другое дело.

– Ну, слава Богу! – обрадовался Элвис. – А я уж думал, мы сейчас будем музицировать... Как насчет русской водки?

– Даже очень, – обрел, наконец, дар речи и Пол.

– Другой разговор, – покивал Элвис. – А давайте-ка, я покажу вам свою коллекцию? – Доставая обшитые изнутри бархатом коробки, он разволновался, как ребенок. – Это значки разных спецслужб. У меня даже есть бляха русского полисмента-регулирующего! Закачаетесь! Такой коллекции ни у кого нет!

Восхищение «Битлз» было настолько искренним, что всякая натянутость в отношениях стала просто невозможной.

Элвис сетовал:

– Мою сценическую карьеру подорвала служба в армии. Зато сколько я оттуда разных значков и блях привез! Вот только знака почетного агента ФБР у меня до сих пор нет. Даже и не знаю, как его добыть...

Азарт коллекционера лучше всех был понятен Ринго, который за необычное колечко был готов отдать последнюю рубашку:

– Мистер Пресли, – говорил он одному из двух Элвисов, маячивших перед его хмельным взором. – Да если бы я мог, я для вас сам в этот значок превратился бы! Ежели только я бы мог, я бы для вас не знаю что сделал! Любую бы службу сослужил...

...Утреннее похмелье не могло испортить им настроения.

– Неплохо погудели, – заметил Ринго.

– Жаль, так и не попели с ним, – заметил Пол.

– Еще чего! – возразил Джон. – Тебе не надоело?

– Конечно надоело. Но это было бы интересно в смысле рекламы.

Очнулся Брайан:

– Мальчики, – предложил он. – А, давайте, говорить журналистам, что вы всю ночь импровизировали – его и ваши песни.

– Врать нехорошо, – напомнил Джордж.

– Но иногда полезно, – парировал Брайан.

Джон вопросительно глянул на Ринго. К удивлению остальных, именно тот, благодаря своей искренности, стал пользоваться у Джона

наибольшим доверием.

Ринго пожал плечами:

– А что? Лучше уж мы сами так скажем, чем журналисты придумают. К тому же, у старины Элвиса, кажись, настали не самые лучшие времена. Ему такое вранье даже на пользу будет.

Джон усмехнулся:

– Ладно. Я – не против.

Тем временем Пресли, проснувшись и намотав на раскалывающуюся голову мокрое полотенце, уселся за письменный стол и задумался. «Хорошие ребята, – думал он. – Особенно этот. С носом. Хотел в значок превратиться... Службу хотел сослужить...» Внезапно его осенило.

– Паркер! – заорал он.

Полковник, побряхтывая, спустился к нему.

– Садись, пиши, – приказал Элвис и начал диктовать: – «Директору ФБР мистеру Эдгару Гуверу от агента „Красавчик“.

Проведя несколько часов с музыкантами британского ансамбля „Битлз“, информирую Вас о выводах, сделанных мною:

1. В беседе английские музыканты неоднократно отрицательно высказывались о политике администрации США во Вьетнаме;

2. „Битлз“ признались, что многие свои песни они сочинили находясь в состоянии наркотического опьянения и считают, что именно так данные „произведения“ следует и прослушивать...»

Пунктов было штук пятнадцать. А закончил он письмо следующей фразой: «Надеюсь, я оправдал оказанное мне высокое доверие и заслужил, наконец, значокетного агента ФБР...»

У «Битлз» со значками тоже было все в порядке. Двадцать шестого октября они прибыли в Букингемский Дворец, загодя окруженный толпой счастливых поклонников. Целый час одетый во фрак церемониймейстер объяснял, как следует вести себя в присутствии королевы. Легкая нервозность и ощущение нелепости происходящего привели к тому, что они непрестанно перешептывались и хихикали.

– Запомните, джентельмены. Ее величеству не подобает показывать спину, – инструктировал церемониймейстер.

– Укусит, – шепнул Джордж, и они дружно прыснули.

Церемониймейстер удивленно покосился на них.

– Не следует заговаривать с ее королевским величеством первыми. Следует только отвечать на вопросы.

– Как в полиции, – пояснил Джон остальным...

Наконец, подготовка была пройдена, и «Битлз» ввели в тронный зал.

Королева благосклонно кивнула им. Они ответили поклоном. Секретарь зачитал указ. Елизавета II сошла с трона и поочередно приколотла к груди каждого подаваемые секретарем ордена. «Рады служить Королеве и Отечеству», – бормотали они ритуальную фразу.

Закончив с официальной частью, Елизавета перешла к неофициальной:

– В последнее время принцесса Маргарет не может говорить более ни о чем, кроме вас и вашей музыки. Вы действительно внесли неоценимый вклад в нашу национальную культуру. Кто из вас старший?

– Я, – отозвался Ринго, чувствуя, что сердчишко у него заколотилось, как у зайца.

– Так это вы организовали столь блестящий ансамбль?

– Не, я пришел последним. Это Джон с Полом.

– Вот как? – улыбнулась им королева. – А давно ли вы знакомы?

Они переглянулись и вдруг, не сговариваясь, синхронно ответили фразой из «Алисы в стране чудес»:

– Тому уж скоро сорок лет...

Сначала на лице королевы появилось выражение удивления, а затем – крайней степени неудовольствия. Глупые шутки не входили в придворный этикет.

Почти сразу ее величество дала понять недостаточно почтительной четверке подданных, что аудиенция окончена.

Джон остался недоволен собственным, чересчур примерным, как ему казалось, поведением в присутствии королевы, и он стал распускать слухи, что перед приемом они обкурились марихуаной во дворцовом сортире. Но ему не очень-то верили.

...Об отце у Джона имелось одно-единственное, но болезненное воспоминание. Фред Леннон вынырнул из небытия, когда Джону было пять лет. Джулия не пустила его в дом в Эдинбурге, а Мими – в Ливерпуле, так что остановится ему пришлось в отеле.

Когда Джулия с Джоном пришли к нему в номер, он хвастался деньгами, которыми были набиты его карманы, и необычайными приключениями, которые произошли с ним за эти годы.

Он клялся и божился, что не собирался бросать семью, что лишь ужасная случайность отдалила его от любимых жены и сына.

– Так вышло, что в порту, в Нью-Йорке, я напился, – рассказывал он. –

И не успел вернуться на судно, как эти грязные янки арестовали меня и – бац! – засадили в каталажку. А оттуда, я уж и не знаю почему, отправили на корабль «Либерти». Наверное, только потому, что он английский.

Корабль отплывал в Северную Африку. Там меня сделали помощником кока, паршивой рыжей бестии по имени Сол. Чем-то я не приглянулся ему, наверное тем, что играл на банджо. И этот гад наврал капитану, что я украл с камбуза бутылку виски. А я, клянусь тебе, Джулия, и в глаза-то не видел этой бутылки. Каналья Сол ее, наверное, сам высосал. А я только и думал, как бы побыстрее вернуться к тебе да к сынишке!

И вот, когда мы прибыли в Африку, меня – бац! – и сдали в местную тюрьму. Ох уж и натерпелся я там с этими черномазыми... Просидел там три месяца! Ну, а все остальное время я добирался до Англии. Где я только не побывал! Ведь у меня не было ни пенса, приходилось останавливаться то тут, то там и зарабатывать – на пропитание и на билет хоть куда-нибудь. Я торговал контрабандными чулками, играл на банджо в барах, дрался за деньги...

И вот, наконец-то, я с вами, милые вы мои! Я с вами, и я хочу начать новую жизнь!

Джон слушал отца, глядя на него во все глаза и вдыхая терпкий волшебный запах, который от того исходил.

Но Джулию рассказ мужа не впечатлил.

– Даже если половина из того, что ты рассказал и правда, Фред, это еще не значит, что я сейчас кинусь тебе на шею. У нас уже давно своя жизнь, а у тебя – своя.

– Но, Джулия, я, ей-богу, ни в чем не виноват!

– Уезжай, Фред. Так будет лучше для всех нас...

– Меня зовут на судно, которое плывет в Новую Зеландию, – сказал Фред. – Это не страна, а просто рай земной! Там нет зимы, там не было войны, там нужны толковые ребята, а моих денег хватит на то, чтобы купить приличный дом! Джулия, поедem со мной!

– Нет, Фред, с меня хватит. С тобой я никуда не поеду. К тому же, у меня есть мужчина, которого я люблю...

Ее последняя фраза заставила Фреда передернуться, но он, подавив обиду и ревность, продолжал уговоры. Так они препирались еще долго, словно забыв, что маленький Джон, сидящий в кресле, слышит все это, и сердце его разрывается на части.

В конце концов, они разругались окончательно.

– Что ж, ладно, – сказал Фред. – За себя ты вольна решать сама. Но сына ты должна отдать мне. Там он, во всяком случае, не будет таким

худым и бледным. Не очень-то ты тут его балуешь!

Джулия пришла в бешенство:

– Ты еще смеешь меня упрекать?! Ты! Который и пальца о палец не ударил для него все эти годы!

– Ох, ох, ох, что я слышу! Праведная мамаша в гневе. То-то ты – бац! – и спихнула парнишку сестре!

Джулия замолчала, поджав губы. Наконец, она сказала бесцветным голосом:

– Да, ты прав, Фред. Я плохая мать. Пусть Джон сам решает свою судьбу...

– Что? – не понял Фред.

– Пусть Джон решит сам, останется он здесь или поедет с тобой. Он уже давно умеет говорить «да» и «нет».

Фред внимательнее пригляделся к жене.

– Я всегда знал, что ты сумасшедшая, Джулия, – сказал он и повернулся к сыну: – Джон, малыш, ты слышал?

Джон кивнул.

– Я уезжаю в Новую Зеландию, а твоя мама едет обратно в Эдинбург. С кем ты поедешь, с мамой или со мной?

В голове маленького Джона пронеслись картинки из книжки о путешественнике Ливингстоне: бушующее море, обветренные лица матросов, кокосовые пальмы, львы и слоны... А рядом с ним сидел папа. Папа, о котором он так мечтал... И он ответил:

– С тобой, – сполз с кресла и обхватил его колени.

Отец, прослезившись, потрепал его по голове.

Джулия закрыла глаза и посидела так с полминуты. Потом поднялась со стула, присев, поцеловала сына и вышла из номера.

Она уже шла по улице, когда услышала крик Джона: «Мама! Мама! Я передумал! Я с тобой!...»

Он, рыдая, влетел в ее объятия. Он плакал от того, что чуть было не предал ее, и от того, что никогда уже не увидит кокосовых пальм, слонов и попугаев...

К этому визиту Джон, как ему казалось, был готов. Ему сообщили, что сегодня человек, выдающий себя за его отца, появится в его доме.

И вот в роскошную гостиную Джона Леннона, прихрамывая, вошел обрюзгший мужчина с плутоватым выражением лица, в мятом шерстяном костюме.

– Джон! Малыш! Приди в мои объятия! – крикнул он с порога. – А это,

что за красotka?! – ткнул он пальцем в сторону опешившей Синтии. – Женка твоя, что ли? Ну-ка, ну-ка, – заковылял мужчина к ней. – Обними-ка, дочка, папашу Фреда!..

Синтия попятилась.

– Ах, вот это кто, – холодно произнес слегка побледневший Джон, поднимаясь. Фред сильно изменился, но что это – не самозванец, не было сомнения. – И где же это ты шляется последние двадцать лет? Папаша.

– Сынок! Ну, как ты можешь говорить такое?! Твоя мать не захотела, чтобы я жил с вами, и, видит Бог, она же не отдала тебя мне. А я страдал. Я очень страдал... – Фред добрался до стола и, удовлетворенно крикнув, уселся напротив Джона. – Всю жизнь я вкалывал на чужих людей, чтобы заработать на пару жаб. – Он замолчал.

– На пару чего?! – выпучил глаза Джон.

– Жаб, сынок, жаб, – Фред покивал и шмыгнул носом. – На куриц мне было не заработать.

Синтия облегченно усмехнулась.

– Сынок, оказывается весь в отца, – бросила она мужчинам и вышла.

– Норовистая, – заметил Фред. – Прямо как твоя мать... Если б она не сказала мне тогда о каком-то другом мужчине, я бы, наверное, еще постарался что-то сделать... Но я был оскорблен... Ты ведь теперь большой, и ты понимаешь, что это такое, когда тебя оскорбляет женщина...

– И с какой целью ты явился сейчас?

– Уж во всяком случае не для того, чтобы просить у тебя денег...

Наступила неловкая пауза. Ее поспешил прервать Фред.

– Я, как всегда, мыл посуду на камбузе, когда услышал, как по радио объявили: «Исполняет Джон Леннон...» Мало ли на свете Джонов Леннонов?.. Но, как только я услышал твой голос, я сразу все понял! Ты поешь точно как я, только немного хуже. Я высунулся на палубу и закричал матросам: «Ребята! Тут, по радио, мой сын поет!» Они спустились ко мне и давай надо мной потешаться: «Да ты рехнулся, Фред, – говорят, – это же „Битлз“! Понимаешь?» А что я должен был понять?

– А теперь понял, да?

– Что понял?

– Что у твоего дорогого сынка, о котором ты и не вспоминал двадцать лет, водятся деньжата.

– Опять ты за свое, – обиделся Фред. – Ничего мне от тебя не надо, кроме того, чтобы ты взял да и вспомнил, что мы с тобой одной крови...

– Для этого надо сделать анализы, – безжалостно бросил Джон. А затем крикнул: – Синтия! Принеси-ка нам чего-нибудь выпить!

Фред пропустил мимо ушей фразу Джона об анализах, а вот на слово «выпить» одобрительно заулыбался:

– Ведь нам и правда есть, чего отметить. А деньги мне твои не нужны. Я, может быть, скоро и побогаче тебя буду. Я как только доказал, что я все-таки твой отец, явился к нам на корабль важный господин да и спрашивает: «Ну, и нравится вам, мистер Леннон, как ваш сын поет?» Я ему честно и отвечаю: «Нравится, конечно. Весь в меня пошел. Только я-то, все-таки, немного лучше пою». А он мне сразу – бац! – и бумагу про запись пластинки, а я – бац! – и подписал. Оказалось, этот прохиндей из какой-то граммофонной фирмы. Так что, сынок, уж если ты песнями прославился, то я-то и подавно разбогатею. Я, вот, уже и зубы вставил, на конверт фотографироваться! – Он оскалился и показал новенькие протезы.

– Что ж, папаша, поздравляю и желаю творческих успехов, – криво усмехнулся Джон, разливая принесенный Синтией джин. – Давай-ка выпьем за всех блудных отцов и всех брошенных детей.

Поднявший было рюмку Фред, поставил ее на место.

– Ох и язвой же ты вырос, Джон. Зачем уж так-то?

– А как?! – рявкнул тот.

Фред провел в Уэйбридже трое суток. Дни напролет отец и сын спорили, кто виноват в том, что детство Джона было не самым счастливым. И так и остались каждый при своем мнении. Лед отчуждения не растаял. Между ними не возникло и тени родственной близости. Два взрослых, предельно чужих друг другу человека.

В конце концов Фред покинул сыновний дом. С кругленькой суммой в кармане.

Еще долго после этого Джон оставался выбитым из колеи.

...Турне «Германия-Япония-Филиппины» не принесло «Битлз» ничего кроме разочарований. Они с волнением ждали приезда в Гамбург, им так хотелось пройтись по улице «Полной Свободы», заглянуть в «Звезду»... Но этого клуба больше не существовало, а походить по городу без охраны было невозможно.

В Японии выяснилось, что зал «Будо Кан», в котором они собираются играть, является местной святыней, и ничего, кроме ритуальных боев, проходить там не должно. Какой-то самурай заявил, что если «Битлз» будут играть там, живыми они не уедут... Концерт состоялся. Больше всего «Битлз» были поражены тем, что японцы чинно сидели на своих местах и внимательно слушали музыку. А, возможно, просто чего-то ждали...

Наконец, Филиппины.

Столица Манила встречала «Битлз» почти сотысячной толпой.

Ранним утром Эпштейну приснилось, что его разбудил звонок телефона.

– Алло? – сняв трубку, сонно спросил он.

– Как?! Вы еще в гостинице?! – раздраженно просипел голос на другом конце провода.

– Какого черта?.. – выругался Брайан и, бросив трубку, вновь провалился в сон.

Через минуту звонок раздался снова.

– Алло, – промычал Брайан, не снимая трубку.

Аппарат названивал минут пять. Наконец, из под одеяла высунулась худая белая рука. Трубка исчезла под одеялом.

– Да?

– Что вы себе позволяете?! – верещал все тот же голос. – Я – посол ее королевского величества! Вы должны немедленно отправляться на ланч, устраиваемый женой президента Имельдой Маркос! Вы меня слышите?

– Слышу...

Трубка повисла над полом, а Брайан опять заснул.

– Послушайте, мистер Эпштейн! – кричал посол, не догадываясь, что его уже никто не слушает. – Вы не отдаете себе отчета в том, что происходит! Во дворце госпожи Маркос вас ждут триста детей ветеранов войны! Ваше отсутствие – оскорбительно! Филиппины – не то место, где можно выкидывать подобные фокусы! Алло, мистер Эпштейн, вы меня слышите?..

Минут через двадцать Брайан проснулся, высунул голову из-под одеяла, с удивлением повертел перед носом прерывисто гудящую трубку и, пробормотав, – «Приснится же такое...» – положил ее на стол...

В полдень Эпштейна разбудили Нил и Мэл. Они принесли завтрак и напомнили ему, что через полчаса «Битлз» выезжают на концерт.

– Вы что, сдурели, в такую рань? – проворчал Брайан, сел и голыми ступнями стал нащупывать тапочки. – Я с вами не поеду, – вяло сообщил он. Всю ночь снились какие-то кошмарные телефонные звонки...

Эпштейн ковырялся в завтраке, когда в номер влетел всклокоченный Питер Браун.

– Беда! – выкрикнул он и, метнувшись к телевизору, включил его.

На экране, в кругу рыдающих детей, сидела заплаканная Имельда

Маркос:

– Бедные, бедные детки, – вопила она. – Они так ждали! Проклятые «Битлз» плюнули в лицо всей нации...

– Я сплю? – спросил Эпштейн.

– Нет, – мрачно констатировал Питер.

– Какой я болван! – простонал Брайан. – Где все?

– Выступают.

– Вот и хорошо! – вскочил Брайан. – Сейчас я все улажу!

Но телефон оказался отключен. Брайан и Питер примчались на телестудию. Но едва Эпштейн начал говорить, как прервали эфир...

«Битлз» покидали гостиницу на двух машинах. Никто не хотел их везти, и, в конце концов, пришлось заплатить астрономическую сумму.

В аэропорту они пробирались через толпу разъяренных людей, то и дело получая пинки и тумаки.

В самолете Брайана трясло мелкой дрожью. «Как я мог это допустить? Как я мог?..» – повторял он.

Его попытался успокоить Ринго:

– Вы не виноваты. Вы же обещали нам в Вашингтоне, что никогда не будет никаких официальных приемов...

Но Брайан был безутешен. Масла в огонь подливал Джон:

– Взялся командовать, так соображай...

Президент Филиппин Маркос принес официальные извинения за «не совсем корректное поведение своих граждан». Но только после того, как «Битлз» уже покинули страну.

Ситуации в Японии и на Филиппинах, конечно же, были чертовски неприятны, но в Европе и Америке ничего подобного произойти просто не может, были уверены «Битлз». Но не Эпштейн.

Собрав их, он заявил:

– Ребята. Я пришел к выводу, что мое руководство вашими делами бездарно.

Он замолчал. Все выжидательно смотрели на него, только Пол согласно кивнул, как бы говоря: «Рано или поздно вы должны были признать это».

Выдержав паузу, Брайан продолжил:

– Некая фирма предложила мне передать ведение ваших дел ей. Как вы на это смотрите?

У Пола вытянулась физиономия. Он ожидал чего-то совсем иного.

– Вы шутите? – первым отозвался Джордж.

– Вовсе нет! – поспешил заверить Брайан. – Это очень выгодное дельце. Мне предложили за вас сто сорок тысяч фунтов, и мы поделим их по нашему раскладу.

– Зажрались... – процедил Джон.

– Вы дурно воспитаны, мистер Леннон.

– Может и так. Но я не продаю друзей.

– Друзей? – усмехнулся Брайан. – Вы уверены, что выразились точно?

– Я всегда уверен в том, что говорю.

– Что-то я не припомню с вашей стороны выражения теплых чувств в мой адрес. Во всяком случае, в последнее время.

– Еще бы, если вы только и думаете, кому бы нас подороже продать...

Их прервал Ринго:

– Мистер Эпштейн! Да куда же мы без вас? Нет уж, вы нас в люди вывели, вы нас и дальше ведите.

– Спасибо, Ричард. Мне приятно слышать это от вас. Но вы пришли последним, и ваше слово значит меньше всего. А остальные, я уверен, придерживаются совсем иного мнения.

– Ошибаетесь, Брайан, – покачал головой Джордж. – Слово Ринго значит ничуть не меньше, любого из нас. И лично я в этом вопросе с ним согласен.

– Если вы нас продадите, мы полностью выйдем из строя, – добавил

перепуганный Пол. Он вдруг осознал, что одно дело замечать чужие ошибки, другое – остаться без надежного администратора. – Мы завтра же перестанем работать.

Стараясь скрыть нахлынувшие чувства, Брайан продолжил самобичевание:

– Но я плохой менеджер. Вы, Пол, неоднократно подчеркивали это. При моем попустительстве нас обкрадывают все кому не лень, возникают конфликты и скандалы...

– От ошибок никто не застрахован, – заметил Пол. – Но мы вам доверяем.

– Только не бросайте, – попросил Ринго жалобно.

Джон, молча слушавший все это, встал и положил руку Брайану на плечо.

– Если мы тебе надоели, поступай, как считаешь нужным. Но прежде я хочу извиниться за все свои глупые выходки. Прости. Я тоже не хочу, чтобы ты уходил.

Джон сел. Все молчали, ожидая.

– Ну раз так... – произнес Брайан с трудом, сглатывая комок в горле. – Раз так... – И вдруг взревел: – Вы у меня забудете, что вы – «Битлз»! Вы у меня, как ишаки вкалывать будете!!!

– Ура!!! – заорал Ринго. – Да здравствует мистер Эпштейн! Да здравствуют ишаки!

И Брайан развернулся вовсю.

Сами «Битлз» к этому моменту заметно обленились. У каждого из них были свои семейные дела... Употребление наркотиков стало регулярным. Это тоже вышибало из колеи то одного, то другого.

Брайан установил жесткий график работы и даже ввел штрафные санкции за нарушение дисциплины. К его удивлению, они не возмущались, а, казалось, были даже довольны.

Для Эпштейна было главным, чтобы два альбома появились в оговоренный с «Е.М.И.» срок, иначе пришлось бы платить крупную неустойку. А «Битлз» это понравилось потому, что можно было запереться в павильоне и не высовывать из него носа. Битломания бушевала, им просто стало невозможно показываться на людях.

Когда «Битлз» начали работать над «Rubber Soul»^[84], у них практически не было ни одной новой песни. Но Брайан давил, и они сочиняли альбом с нуля. Не песни, а именно альбом – целиком. Благо,

студия на Эбби Роуд была в их полном распоряжении, а Джордж Мартин дневал и ночевал тут вместе с ними.

Это была первой попыткой работать в таком режиме. Павильон превратился в творческую лабораторию. Каждый выкладывал свои идеи, а потом все вместе доводили выбранную песню до ума. Поначалу в работу брались почти все предложения, но в один прекрасный момент демократии пришел конец.

– Так дело дальше не пойдет, – сказал Джон, глядя на скучающую физиономию Пола после прослушивания очередной заунывной композиции Джорджа.

– Но ведь это хорошая песня, – надул губы Джордж. По нависшей тишине он догадался, что с ним не согласны. – Ну, как хотите. Тогда послушайте другую, – он принялся листать толстенную тетрадку, сплошь испещренную кабалистическими знаками, заменявшими ему ноты и названия аккордов. Наконец он нашел что-то, на его взгляд подходящее, и внимательно глядя на свои костлявые пальцы неуклюже поставил их на гриф. Затем гордо объявил:

– Этот аккорд я сам придумал! Послушайте еще одну песню. Она называется...

Джордж замялся и пристально всмотрелся в свои чернильные закорючки. После нескольких попыток прочесть он виновато сообщил:

– Название неразборчиво написано. Но ведь это и не важно. Я вам сыграю и вы все сразу поймете.

Понимание пришло после первых же звуков. В некоторых местах текста еще не было, и автор подвывал без слов. В конце концов, Джон не выдержал и прервал его:

– Все. Долой благотворительность! Верно Макка? Дай ему волю, так он будет тут весь день завывать.

Пол криво усмехнулся:

– И всю ночь.

– А разве были плохие песни? – вступился Ринго, приложивший руку к некоторым из композиций Джорджа.

– Замечательные, – поерничал Джон смачно затягиваясь сигаретой. – Особенно стихи. Хотя... – он почесал небритый подбородок. – Есть и неплохие вещи. Взять хотя бы «If I Needed Someone»^[85]. Сгодится. Ее возьмем. Взяли бы и другие, но вся штука в том, что и я не с пустыми руками пришел.

Он водрузил на стол довольно объемистую папку и сквозь пелену сигаретного дыма посмотрел на остальных.

– Да-а... – присвистнул Ринго. – Впечатляет...

– Так-то, – ухмыльнулся Джон.

– Не знаю способны ли вы на удивление, – Пол небрежно поставил на стол рядом с папкой Джона пухлый кожаный портфель. Затем он открыл замок и уронил портфель на бок. Из него вывалилось такое количество листов, что на этот раз присвистнули все.

– И это еще далеко не все, – уточнил Пол. – Я приношу только то, что записать просто необходимо.

Джон критически оглядел груды материала.

– И знаете о чем это говорит? – спросил он.

– О чем? – задал первый попавшийся вопрос Ринго.

– О том, что с этого дня и во веки веков мы будем записывать альбомы только со своими песнями. На чужие места уже не хватит.

Пол покосился на Джорджа и подытожил:

– Но начинать мы будем как всегда – с моих и Джона.

Ринго шутливо поднял руки вверх, признавая свое поражение, а Джордж обиженно промолчал.

Несмотря на эту договоренность, вскоре Ринго приволок на репетицию кипу исписанных бумажек.

– Парни, – сообщил он, – это стишки моего отчима Гарри. Он прислал мне их из Ливерпуля и просит, чтобы вы положили их на музыку.

Пол и Джон переглянулись.

– Ты в своем уме? – поинтересовался Пол. – Ты хоть раз видел, чтобы мы писали на чужие слова?

– Ну, это-то ясно, – понимающе кивнул Ринго, – ни с кем делиться не хотите. Но Гарри платить не надо. Напишите его имя на пластинке, и на том спасибо...

Пол повертел палец у виска и пошел показывать Джорджу его партию в своей новой песне под названием «Michelle»^[86]. Тогда Ринго переключил все свое обаяние на Джона.

– Ну, Джон, ну что тебе стоит, а? Знаешь, сколько он для меня сделал?! И стихи-то, по-моему, отличные. Да я уже и пообещал...

– Больно ты приткий, за нас обещать, – поморщился Джон. Но бумажки взял и ушел с ними в курилку. Все-таки он любил Ринго.

А тот подошел к Джорджу и Полу и, присев, стал прислушиваться и подбирать партию ударных, постукивая себя по коленке. Но вскоре из курилки раздался дикий хохот. Побросав инструменты, троица кинулась туда.

– Слушайте! Слушайте! – встретил их Джон радостно. Встав в позу и держа перед собой листок, он продекламировал:

«Трава напоминает мне трамваи,
Она берет энергию из почвы
И оторваться от нее не может,
Как от железных голых проводов.

Животные, они, как паровозы,
Они в желудок свой, как будто в топку,
Бросают материалы для сгорания.
Хоть неуклюжи, но свободней трав».

Пол покатился со смеху.

– Что вам не нравится? – обиделся Ринго. – По-моему, нормально. Получше, чем у вашего дружка Дилана. Хотя смысл есть какой-то...

– Твой Гарри – философ, – пояснил Джордж причину веселья. – Мы до такой поэзии еще не доросли.

– Ладно вам, – продолжал обижаться Ринго. – Тоже мне, гении нашлись. Там, между прочим, и попроще стихотворения есть.

– Это точно, – подтвердил Джон. – Вот например:

«У меня сегодня
Умер голубок.
Даже удержаться
Я от слез не смог.

Но недолго плакал,
Слезы-то на что?
У меня под крышей
Их еще штук сто».

Тут уже не выдержал и захохотал вместе со всеми и Джордж.

– Что вы ржете, как кони? – насупился Ринго. – Пойдемте репетировать...

– Нет, нет, подожди, – запротестовал Джон, перелистывая стопку. – Вот еще, вот, слушайте:

Поэта – меня – наградили венком,
Надет он теперь, сам не знает, на ком.
Лавровый венок и в хозяйстве сгодится:
Он вкус придает, если в супе варится.
Доволен вдвойне я, ведь стоят у Шунта
Лавровые листья – пакетик – полфунта».

– Кто такой Шунт? – давась смехом, спросил Пол.

– Хозяин магазина рядом с нашим домом, – пояснил Ринго. – Ничего вы не понимаете. Гарри, знаете кто? Трибун. Это все правда жизни. Не то, что у вас – «Мишель, ма бель...», – вообще не понятно на каком языке... Как хотите, а я пошел репетировать.

Еще в течении часа из курилки раздавались взрывы хохота. А Ринго мрачно стучал по барабанам.

На запись новой пластинки «Битлз» понадобилось чуть больше месяца. Стихи Гарри Гривеца на нее не попали, но песни получились совсем неплохие.

«Girl»^[87] Джона выжимала слезу даже из самых толстокожих, и Пол с ревностью убедился, что не он один в «Битлз» умеет писать лирические баллады.

Его ответным ходом стала песня «Drive my car»^[88]. Пол, просто-напросто, зарифмовал выдуманную историю и положил ее на жесткий рок-н-рольный мотив. История звучала так:

«Я познакомился с классной девчонкой и спросил ее: „Кем ты хочешь стать?“ „А что, разве не видно? – спросила она. – Конечно, звездой. И, между прочим, ты можешь помочь мне“. „Чем?“ – удивился я. „Будь моим личным шофером... Ну и, может быть, еще любовником...“ Я задумался. „Последнее мне нравится... А вот насчет первого... Я вполне доволен своей работой“. „Да?! – возмутилась она. – Это так похоже на вас, мужчин: вкалывать за гроши и быть довольными!.. То, что я предлагаю – намного интереснее“.

Я подумал, подумал и согласился. „Ладно, – сказал я. – Я готов. Когда приступать?“ „Ты знаешь, дорогой, – замялась она. – Вообще-то у меня пока что нет машины... Но зато уже есть водитель!..“»

Впервые песня «Битлз» представляла из себя законченную новеллу. Она-то и встала на открытие диска.

Однажды Эпштейн возник в студии с чужой пластинкой в руках. Это был настоящий большой альбом и выпустил его... Пит Бест. Прочитав название альбома, все попадали от хохота со стульев. Он назывался: «Лучший из „Битлз“». Главное, и придраться было не к чему, ведь Пит просто обыграл свою фамилию^[89].

– А знаете, чем он, вообще-то, сейчас занимается? – спросил Брайан, переждав смех.

– Ну? – интерес Джона был неподдельным.

– Так знаете или нет?

– Говори, не томи!

– Печет батоны. Он – булочник.

Новый взрыв хохота потряс стены студии. Только Джон не засмеялся.

– Счастливчик, – сказал он серьезно.

А Джордж с иронией посмотрел на Ринго:

– Ты понял, Ричи? Тебе есть на кого равняться.

– Я тоже умею печь хлеб, – насупился тот. Но на самом деле он, конечно, понял, что имеет в виду Джордж. И ушел в себя.

Вскоре он вынес оттуда довольно неказистый песенный риф. Выстукивая ритм, он спел Джону:

«Ктой-то там, в твоей душе?

Ктой-то там, в твоей башке?..»^[90]

– Все, – уныло сообщил он. – Больше я ничего придумать не смог.

– Хорошая песня, – оценил Джон, сдерживая смех. – А про что она будет?

– А будет? – переспросил Ринго.

– Будет, будет. Питу ты нос утрешь. Вещицу мы с Маккой доделаем... Но петь будешь сам.

– А чего? Я спою, – согласился Ринго. – А песня про то, что пока не застукаешь девчонку с другим, ни за что не догадаешься, что у нее кроме тебя кто-то есть...

Еще один хит альбома – «What Goes On»^[91] – был сочинен и записан в тот же вечер.

Их будни протекали в студии и в домах, превратившихся в крепости. Наконец-то раскошелился и Пол. Он купил себе особняк – в фешенебельном районе Лондона Сент-Джонз-Вуд. Но его надежды, что пауза в гастролях даст возможность привести в порядок мысли и заняться домашними делами, оказались напрасными.

Джейн давно заметила, что все внемузыкальные начинания Пола останавливаются на полпути. Запланированное им строительство в глубине сада сферического здания «для размышлений и углубленного самосозерцания» было заброшено. Повсюду валялись кирпичи и лежали кучи песка, а сам сад напрочь зарос сорняками.

Поначалу Джейн старалась следить за порядком хотя бы в доме, но через некоторое время пыл пропал и у нее. Возможно, она бы и справилась с бытовыми сложностями, но у нее не поднималась рука выгнать из дома десятков приبلудных кошек. Вскоре дом пропах кошачьей мочой, и углы комнат заросли паутиной.

Единственное, чем Джейн по-прежнему занималась, так это косметической уборкой спальни.

Как-то Пол в поисках вдохновения стал копаться в шкафу, где хранил свои старые записи, и к великому удивлению обнаружил, что большая часть его черновиков и набросков исчезла.

– Ты не знаешь, куда могли подеваться мои бумаги? – спросил он Джейн, уныло наблюдавшую с балкона загнивающий пейзаж сада со снующими в зарослях папараотника рыжими и полосатыми кошками.

– Какие бумаги? – меланхолично отозвалась она.

– Мои бумаги. С текстами песен! Штук сто черновиков!

– В шкафу? – флегматично спросила Джейн.

– Да, в шкафу! Пожалуйста, вспомни куда ты их могла задевать?

– Мне не нужно вспоминать, – ответила Джейн. – Я знаю точно. Я использовала их для уборки кошачьего кала.

– Кала?! – вскричал Пол пораженно. – Да там было больше сотни песен! Многие из них могли стать хитами!

– Не злись.

– А что мне делать? Спасибочки сказать?

– Пол! – Джейн примирительно погладила его шевелюру. – А помнишь, как мы мечтали, что заживем в прекрасном замке окруженным великолепным садом? Где все это?

– Если ты будешь выбрасывать мои бумаги, этого не будет никогда, – мрачно заявил Пол. – И прошу тебя, больше никогда не убирай кошачий КАЛ! Убирай ГОВНО!!!

Джейн непонимающе наморщила лоб.

– Как можно быть такой... – продолжал Пол. – Такой...

– Я так воспитана. А ты, ты разве не хочешь стать другим?

– Но не до такой же степени.

– Пол!

– Ну хорошо. Я виноват. Прости. Исправлюсь.

Джейн утерла глаза и спросила:

– Ты меня уже не любишь? Совсем-совсем?

– Да люблю я тебя, – раздраженно ответил Пол. – Люблю.

– Нет, не любишь.

– Ну что, мне на колени встать?

– Не надо. Тут грязно.

Пол покачал головой удивляясь женской логике. Хрупкая и беззащитная Джейн всхлипывая смотрела на него.

– Ну хорошо. Черт с ними, с этими черновиками, – сжалился он. – Извини, что я на тебя накричал. Хотя и ты тоже хороша. Если я иногда и злюсь, ты ведь тоже можешь мне сказать – «Иди в задницу!» или «Отвали!»

– Не могу, – ответила Джейн твердо, и Пол неожиданно понял, что вся ее беззащитность была притворством. – Ты прав. Один из нас должен перевоспитать другого. Но только не ты.

Через неделю в доме появились дворецкий и домоправительница, а также английская пастушья собака по кличке Марта, вмиг разогнавшая прижившееся в доме кошачье полчище. Немного позже появился и порядок.

Как бы то ни было, Пол теперь не мог надеяться на свои «архивы», и в новом альбоме он использовал только новые песни.

«Резиновая душа» возглавляла национальный список популярности в течении шести недель и еще долго оставалась в «горячей десятке».

Вскоре «Битлз» принялись за сочинение следующей пластинки.

Джон вспомнил о своем давнишнем обещании Клаусу Воорману, другу Астрид Кирхгерр. Брайан связался с ним, и тот нарисовал для альбома «Revolver»^[92] отличную обложку...

Этот диск критики единодушно признали вершиной творчества «Битлз». И даже высказывали опасения, что на том оно и закончится. Так как представить что-нибудь лучше уже просто было невозможно.

Выстрел «Револьвера» попал в десятку. Мир был потрясен вновь. Этот альбом продержался на верхушке хит-парада уже девять недель.

Отметить все эти победы «Битлз» собрались на квартире Брайана. Это была вечеринка редкостная по своей теплоте. Не было никого лишнего, зато были все самые близкие «Битлз» люди. А так же новые друзья Джорджа и Пола – гитаристы Эрик Клэптон из «Крим» и Денни Лейн из «Муди Блюз». Мик Джаггер, несмотря на просьбы не брать никого «чужого», приперся с какой-то невероятно длинноногой девицей. Но она так наивно хлопала огромными карими глазами, что понравилась всем и не стала помехой дружескому веселью.

– Леди и джентельмены, – начал вечеринку Брайан. – Всех вас я тут собрал недаром...

– Поскольку скидываемся? – без улыбки спросил Джордж.

Брайан поперхнулся. Потом поправился:

– Я хотел сказать, что собрал вас тут всех не случайно...

– А нарочно, – помог шефу Ринго.

– Вот-вот, верно, Ричард! – обрадовался Брайан. – Пора отпраздновать новое рождение группы «Битлз». Да! Вы не ослышались! Много ночей подряд мне ничего не снилось. И я уже начал скучать. Но вот, на днях это все-таки случилось. И сон был вещим. Мне приснилось яблоко. Оно просто лежало в траве. И ничегошеньки не происходило. Никаких ежей! Я долго к нему присматривался: а не грейпфрут ли это, или, не приведи господи, груша?! Но нет! Нет, и еще раз нет! Это было яблоко. Вот, собственно, и все.

Брайан победно оглядел слегка ошалевших гостей.

– И, когда я проснулся, я понял, что все еще можно начать с начала. Да здравствует «Битлз», да здравствуем мы.

Гости принялись чокаться.

Показывая на Эрика глазами, Патти спросила Джорджа:

– Он действительно гитарист?

– Дальше некуда, – ответил тот.

– Жаль, – сказала Патти.

– Не понял? – поднял брови Джордж.

– Чего ж тут непонятного? – ответила Патти. – А этот? – указала она на Джаггера. – Тоже?

– Тоже.

– Кошмар.

Гости беседовали, разбившись на группки. Джон захватил внимание Пола, Денни Лейна и Джаггера. Но больше всего его вдохновляла

хлопающая глазами подруга Мика.

– Все, что мы делаем – полная ерунда! – запальчиво говорил он. – Пишут, что наши последние альбомы являются едиными произведениями. Чушь! Мы-то знаем, что это получается просто потому, что все сочиняется и записывается примерно в одно время. А вот если, действительно, поставить перед собой задачу, сочинить альбом с единым смыслом, с одной главной идеей, со сквозным сюжетом...

– Скучно получится, – заявил Мик. – Сам представь: целый час – одно и то же...

– Почему одно и то же? – поддержал Джона Пол. – разные мелодии, разные инструменты, как в опере.

– Нет, – вдруг возразил сам себе Джон. – Если кто-то это и сделает, то только не мы. Мы – законченные «Битлз»...

– Давай попробуем, – наседали Пол. – Давай придумаем персонажей и будем писать от их лица...

Присцилла Уайт заперлась с Нилом Аспиноллом в кабинете, но вскоре, покрасневшая, выглянула в гостиную:

– Брайни, тебя к телефону!

Эпштейн вернулся бледный, с дикими глазами. Быстрыми шагами прошел через зал к Джону и рявкнул:

– Как ты посмел?!

– Что посмел? – удивился тот.

– Что ты наговорил про Иисуса Христа?

– Я? Про Иисуса? Ничего не говорил.

– Не лги! Твои высказывания напечатали в «Ирвинг Стандарт»! И теперь твориться черт знает что!

– Да не говорил я ничего! – взвился Джон. Он действительно ничего такого не помнил. – А если бы и говорил, что особенного?

Вскоре и эта газета, и кипа других были доставлены в дом Эпштейна. Фраза, сказанная Джоном журналистке Морин Клив дословно звучала так:

«...Христианство умрет. Оно будет сходить на нет понемногу. Уже сейчас „Битлз“ любят больше, чем Христа. Я не знаю, что исчезнет раньше – рок-н-ролл или христианство. Иисус был „о'кей“, а вот его апостолы – жирные и заурядные типы. Они все извратили, и вот это извращение мы и называем „христианством“...»

– И из-за этой ерунды вы написали в штанишки? – насмешливо посмотрел Джон на Брайана.

– Я – нет, – ответил тот. – А вот ты – напишешь, когда узнаешь, что сейчас творится в Америке! – Брайан потряс у него перед носом пачкой газет и начал, листая их, вычитывать куски текстов:

– «Бирмингем. Диск-жокей Томми Чарлз собрал митинг под лозунгом „Джон Леннон, Иисус умер за тебя!“ Участники митинга бросали пластинки „Битлз“ в пасть огромного лесопильного агрегата, где они превращались в пластмассовую труху...» Так, так... Вот еще, слушай: «Великий Дракон Ку-клус-клана Южной Каролины устроил церемонию сожжения пластинок „Битлз“...» А как тебе нравится это: «„Совет белых граждан“ штата Алабама выступил за запрет рок-н-ролла. „Мы не угрожаем, – заявил председатель совета Генри Хук, – но наши люди всегда отличались высокой гражданской активностью. Боюсь, если „Битлз“ сунутся к нам в штат, живыми они его не покинут...“»

– Психи, – пробормотал Джон.

Брайан бросил газеты на стол и тяжело опустился в кресло:

– И наконец: «Тридцать радиостанций США объявили о бойкоте музыки „Битлз“...» Ну, что ты обо всем этом скажешь?

– Мне нечего сказать! – с напускной бравадой объявил Джон. – Психи. Я всегда знал, что американцы – психи.

– Я бы дал отрубить себе палец за то, чтобы такой скандал заварился вокруг «Роллинг Стоунз», – вставил свое слово Джаггер.

– О! Смотрите-ка! – подал голос Джордж. – Не все против нас. Кое-кто и «за». «В городке Лонговью штата Техас в пятницу тринадцатого по инициативе местной радиостанции состоялось ритуальное сожжение пластинок „Битлз“. На следующий день в передатчик ударила молния, и станция надолго замолчала...»

У Пола по спине пробежали мурашки. Он привык к роли «звезды», и она уже не пугала его так, как раньше. Но вот «Кое-кто» вновь напомнил о их таинственной связи с Ним.

– Что будем делать, парни? – прервал его размышления Ринго. – Мы же в Америку собирались...

– Надо отменять, – высказал свое мнение Пол. – Пристрелят.

– Сумма неустойки перекроет все наши заработки, – устало вздохнул Брайан.

– Нас убьют, – повторил Пол.

Джон поднял голову:

– Я знаю, что делать. Я извинюсь. Принесу публичные извинения.

Последнее время я только и делаю, что извиняюсь! – вдруг заорал он, но тут же успокоился. – Но это будут наши последние гастроли.

Вечером Пол позвонил Джорджу.

– Что ты думаешь обо всем этом?

– То же, что и ты. Мир сошел с ума, и нам нужно быть осторожнее со словами.

– Но ведь он и правда не сказал ничего особенного.

– Для них «Битлз» – божество. Они верят в нас, Пол, они поклоняются нам. И они верят в Иисуса. А когда одно божество затевает склоку против другого, происходит большой катаклизм.

– А ты сам веришь, что «Битлз» – божество?

– Каждый человек – божество. А нас – четверо. И мы – едины, что бы там не происходило, как бы это не выглядело внешне...

– Послушай, Джордж, – перебил его Пол, решив задать давно мучивший его вопрос. – Ты сейчас читаешь разные книги... Скажи, это правда, что есть такой закон природы: когда рождается гений, кто-то должен умереть?..

– Кто это тебе сказал?

– Стюарт.

Джордж помолчал. Потом сказал осторожно:

– Не то, чтобы закон. Но такая зависимость замечена. Это может быть не обязательно смерть человека. Это может быть стихийное бедствие. Гений изменяет вселенную, а она борется за себя...

– Подожди, ну а когда родился тот же Иисус?..

– Ты забыл Библию? Избиение младенцев. Когда родился Иисус, было уничтожено целое поколение.

– Пока, – Пол бросил трубку и долго смотрел на нее, как на ядовитую змею.

«Битлз» вылетели в США, и в первый же день в Чикаго состоялась специальная «примирительная» пресс-конференция.

Джон долго юлил и крутил, пытаясь, не унижившись, погасить страсти. Но журналисты с каменными лицами продолжали твердить одно:

«Готовы ли вы принести извинения американским христианам?»

– Если бы я сказал, что, например, телевидение популярнее Христа, на это не обратили бы внимания, – уходил от прямого ответа Джон. – Но, что сказано, то сказано, и я признаю, что был неправ или неправильно понял. И теперь давайте об этом забудем.

– *Готовы ли вы принести извинения?* – Казалось его могут придушить прямо здесь и сейчас.

– Я не против Бога, не против Христа, не против религии, – с выражением зубной боли отвечал Джон. – Я же не утверждаю, что мы лучше или важнее. Я и сам верю в Бога. Я верю: то, что люди называют Богом, находится внутри нас. Я верю: все что говорили Иисус, Магомет, Будда и все прочие, – это все верно. Просто их слова не всегда правильно переводили. Я же не имел в виду, что «Битлз» лучше Бога или Иисуса. Я упомянул о «Битлз» просто потому, что мне легче говорить именно о «Битлз».

– *Вы сожалеете о том, что сказали по поводу Христа? Вы готовы принести извинения?*

– Я не говорил того, что мне приписывают. Я сожалею, что сказал так. Правда. Я не думал, что это будет воспринято как грубое антирелигиозное заявление... – Его лицо было покрыто красными пятнами. – Я прошу прощения, если уж вам именно это так хочется услышать. Я до сих пор не понимаю, что же я такого сказал. Я пытаюсь вам все объяснить... Но если вам уж так хочется, то ладно – я прошу прощения...

Никогда еще Джон не чувствовал себя так униженно.

«Совсем не похоже на нашу первую пресс-конференцию в Америке», – заметил Джордж, и остальные невесело усмехнулись.

В этом турне изоляция «Битлз» от окружающих достигла наивысшего пика. Теперь их охраняли не только от чрезмерной любви, но и от откровенной ненависти. По согласованию с правительством США служба безопасности, пропуская зрителей в залы, обыскивала их и изымала оружие... Когда на одном концерте раздался выстрел детской хлопушки, Пол с перепугу кинулся со сцены...

– Итак, мальчики больше не будут выступать, это решено, – скорбно сказал Эпштейн своему другу, американскому юристу Нату Вайсу перед последним гастрольным концертом. – Я больше не заключаю контрактов, и, похоже, я больше не буду им нужен... – Он встряхнулся. – Но всегда найдется что-нибудь, способное меня утешить. Мне позвонил Ди Джиллескай, он тут, в Лос-Анжелесе. Он хочет со мной встретиться.

Нат по-настоящему уважал Эпштейна и был в курсе его личных невзгод:

– Брайан, – попытался он отговорить его, – ты не должен встречаться с этим парнем. Однажды он уже пытался зарезать тебя, что он выкинет на

этот раз?

– Отелло не убил бы Дездемону, если бы не любил ее, Нат. Я живу в мире сильных страстей.

Он встретился со своим любовником в домике на Беверли Хиллз и провел с ним идиллическую, по понятиям гомосексуалиста, ночь. Утром Ди исчез. Прихватив атташе-кейс Брайана. В нем было двадцать тысяч долларов, важные документы, а главное – его фотографии в постели с различными молодыми людьми...

Поисками Джилеской занялись частные детективы.

Вернувшись в Лондон, Брайан никуда не выходил из дома, заглушая душевную боль и страх публичного позора спиртным и наркотиками. Однажды Питер Брайан, у которого были ключи от его квартиры, нашел его без сознания и отвез в больницу.

Когда Эпштейна привели в себя, он сказал Питеру:

– Это случайность. Глупая случайность.

Неизвестно, кого он хотел обмануть больше – Питера или себя. Ведь на его столе, на самом видном месте лежала записка:

«Это все для меня чересчур. Я не могу этого больше выносить».

Но он поправился. Возможно, не последнюю роль в этом сыграло послание, найденное им среди принесенных в палату апельсинов:

«Выздоровливайте быстрее. Я вас люблю, вы понимаете, что я имею в виду. Джон».

Слова Пола о том, что без Брайана они работать не будут, полностью подтвердились. Во всяком случае, предложение Джорджа устроить «каникулы» было принято с восторгом. Десять лет безостановочной работы – репетиции, концерты, записи... И вот, наконец, долгожданный отдых.

Джон уединился в своем доме в Уэйбридже, целыми сутками он читал, смотрел телевизор и возился с Джулианом. У Синтии появилась надежда, что нормальная семейная жизнь наконец-то наладится.

– Папочка, почитай сказку, – попросил Джулиан, когда Джон укрыл его и подоткнул одеяло. – Про Люси.

– Про какую Люси?

– Вот, – Джулиан, вновь распотрошив одеяло, вытащил из под подушки альбом, раскрыл его и подал отцу. – Вот она.

Джон с удивлением обнаружил, что рисунок сына разительно похож на его собственный. Фигурка девочки, выполненная черным карандашом была неказистой, но трогательной. Черными были и небо, и земля. Только в огромных глазах девочки сверкали искры всех цветов радуги.

– Кто это?

– Я же говорю, Люси О'Донелл. Мы вместе в детский сад ходим. У нее в глазах как будто калейдоскопы.

– Вы с ней дружите?

– Зачем?

Джон вернул альбом сыну.

– Красивая девочка. Но про нее еще книжек не написали.

– Напиши.

– М-м... Это долго. Если я что и напишу, то песню. Давай-ка, лучше я почитаю про Дороти.

– «Волшебник из страны Оз!» – обрадовался Джулиан. – Конечно! Она точно такая же!

Джулиан снова зарылся в постель, и Джон принялся читать. Он произносил слова механически, не вдумываясь в текст. Перед глазами стояла Люси с калейдоскопическими глазами. «В жизни нужно срочно что-то менять! – вдруг решил он. – Семейная идиллия – не для меня»...

– Вот бы никогда не подумала, что ты можешь быть таким, – на пороге детской стояла умиленная Синтия. – Джул уже давно спит.

Джон захлопнул книгу, выключил свет, вышел из комнаты сына, уселся в кресло и уставился в экран телевизора.

– Звонил Джордж, сказал, что они с Патти решили провести медовый месяц в Индии, – рассказывала Синтия.

Джон переключил программу.

– Они так счастливы, я это услышала по его голосу, – она покосилась на мужа, ожидая реакции.

Джон снова переключил программу.

– Да, чуть не забыла. Еще звонила тетя Мими. Просила поцеловать Джулиана. Она говорит, что Тим все никак не может прижиться в новом доме...

Кота по имени Тим когда-то собственноручно притащил с улицы Джон. А новый дом тете Мими он купил год назад.

– ...На этот раз, Мим, ты не сможешь отказаться! Ты всегда говорила, что хочешь жить прямо у моря, – объявил Джон, проезжая с ней вдоль Пулского залива на заднем сидении своего размазанного в разные цвета «Роллс-ройса». – Выбирай, какой из них тебе нравится? – он указал на симпатичные домики, стоящие на побережье.

– Если бы я и стала покупать, то – вон тот белый особнячок. Он просто сказочный... Но мне это ни к чему. Я всю жизнь прожила в Вултоне и такая роскошь не по мне.

– Энтони, – скомандовал Джон шоферу, – слышал? К тому дому.

– Что ты надумал?! – запротестовала Мими. – Там ведь и люди, наверное, живут...

Джон сделал успокаивающий жест и, натянув на голову кепку, вышел из автомобиля.

Открыв дверь, хозяева опешили:

– Неужели Джон Леннон?!

– Он, – ответил Джон. И добавил тоном, не терпящим возражений: – Я хочу купить ваш дом. Мим! Иди сюда, посмотрим.

Они обошли комнаты, вышли на веранду с великолепным видом на море...

– Нравится?

– Дом, конечно, хороший. Но так же не делается... – глядя на испуганные лица хозяев, сказала она вполголоса.

– Делается, – возразил Джон. – Как раз так и делается. Ну? Если не согласишься, я куплю его себе!

Мими была вынуждена сдаться.

Цена, как ни странно, оказалась приемлемой. Хозяева уступили дом Джону всего в два раза дороже его стоимости.

Новое жилище тети Мими украсили старая фотография Джона, сделанная еще в Гамбурге Астрид Кирхгерр, его орден М.В.Е. (над комодом) и подаренная им серебряная доска с выгравированной на ней фразой: **«Гитара – это хорошо, как хобби, Джон, но с ней ты на жизнь не заработаешь!»**

... – Пора спать, – не дождавшись от мужа ни малейших знаков внимания, сказала Синтия и выключила телевизор. Взяв Джона за руку, она повела его в спальню. Джон послушно плелся за ней.

Сидя на кровати, он вдруг сообщил:

– Я завтра еду в Ливерпуль.

– Что?

– Я еду в Ливерпуль! – повторил он, оживляясь.

– Зачем?

– Да, действительно. Зачем? – снова поскуачнел Джон, стянул обувь и улегся в постель...

«Я все-таки уехал», – прочла Синтия в записке, которую нашла утром на его столе.

Пит Шоттон в халате и рваных тапочках открыл дверь своей квартиры.

– Да, я – Свинья, – протянув ему руку, представился Джон. – Извини, что давно не заходил.

– Я, вообще-то и не ждал, – пожал плечами Пит. – Для свиньи ты слишком хорошо одет, а вот на осла ты в этих очках похож. Это что, мода сейчас такая? – Пит указал на круглые старушечьи очки-велосипеды Джона.

– Наоборот, так меня меньше узнают.

– А-а, понимаю, понимаю. Журналисты, поклонницы и все такое прочее... Извините, сударь, но моя квартира, наверное, слишком проста для такой персоны...

– Ты-то хоть не гадь в душу. Я Джон Леннон, понял? И больше *ничего*.

– Ничего?

– Ничего.

– Тогда заходи.

Они вошли в неубранную кухню. Пит открыл холодильник и,

пошарившись для виду по пустым полкам, повернулся:

– Чего ж ты в гости, и без бутылки? У тебя деньжищи-то есть?

За выпивкой они отправились вместе. Булыжная мостовая гулко отдавалась с детства знакомым стуком под их подошвами. Редкие гудки портовых кранов заглушали крики чаек, и Джону невыносимо хотелось остановиться и оглядеться по сторонам. Но то и дело он ловил на себе любопытные взгляды прохожих и, отворачиваясь, прятал лицо.

– Да, тебе не позавидуешь, – заметил Пит, когда они уже подходили к супермаркету. – Хотя, мне-то – тем более. Я ведь безработный. Ни пенса нет в кармане.

– А кем бы ты хотел работать?

– Продавцом. Вот в таком вот шикарном магазине. – По его тону было ясно, что это – предел его мечтаний.

– Продавцом? А как насчет управляющего?

– Ну, ты загнул...

– Сейчас ты станешь управляющим вот этого самого магазина, – Джон потащил его в дверь.

– Да перестань, – стал отбиваться Пит. – Ты сейчас будешь просить за меня, а я буду стоять рядом и краснеть, как рак... Не надо мне таких одолжений.

– Просить?.. Да я со стыда сгорю! Лучше уж, я куплю этот магазин и назначу тебя управляющим.

– Ты что серьезно? Так не бывает...

– С сегодняшнего дня бывает, – заверил Джон. – Кстати, раз ты сейчас станешь управляющим, то и на выпивку можно не тратиться. Здорово я придумал?

– Ты чертовски хитер, Джон, – отдал ему должное Пит. – Ты умеешь экономить!

...С тех пор, как Джон в последний раз был в родительском доме Сатклиффа, тут почти ничего не изменилось. Может, облупилась, когда-то новенькая, краска на полу и обои стали немного темнее. Или так казалось оттого, что время близилось к вечеру.

– Джон! – воскликнула Милли Сатклифф. – Неужели это ты? Как вырос... Давненько же я тебя не видела. Живем в одном городе, а ты совсем не заходишь...

Джон посмотрел на нее изумленно.

– Только не ври, что у тебя не было времени. Всегда можно найти минутку, зайти к старым друзьям... Ну, так чем же ты сейчас занимаешься?

– А вы разве не знаете? – осторожно спросил Джон.
– Откуда? Ты же не заходишь...
– Ну... Мы по-прежнему играем рок-н-ролл, – запинаясь начал Джон.
В глазах миссис Сатклифф мелькнула жалость:
– Разве на это можно жить?..
– Вообще-то, можно. Мы добились кое-каких успехов... Пластинки записали... – Он вдруг почувствовал, что готов заплакать.
– Что-то не так? – забеспокоилась Милли.
– Да нет, все нормально... Все нормально... – он замолчал. Тактично молчала и миссис Сатклифф.
– Я... – начал он. – Я... Простите меня. Простите...
– За что, Джон? – она ласково погладила его волосы.
– Пожалуйста... За Стюарта... Он должен был... – Джон задохнулся, не в силах произнести больше ни слова.
– Я сейчас принесу воды, – засуежилась она, – посиди, посиди...
Милли Сатклифф вышла из комнаты, и Джон тихо застонал, вложив в этот звук все нахлынувшие на него чувства. И тут же, взяв себя в руки, вытер глаза, выпрямился и посмотрел в окно.
И увидел небо. Впервые за тысячу лет. Он уже давно привык смотреть только сверху вниз. А ведь небо намного больше, чем все то, что можно увидеть на земле.

Вскочив на ноги и отряхивая с себя солому, Патти возмутилась:
– Ну, все! Я так больше не могу! Твоя хижина не только плавучая, но и вонючая! Мы живем тут... Нет, мы прозябаем тут уже целую неделю! Надоело! У меня, кажется, началась морская болезнь, меня все время тошнит!
– А, может, ты беременна? – спросил Джордж, садясь в позу лотоса.
– Еще чего! Только не здесь!
– Я тебя и не заставлял ехать в Кашмир. Оставалась бы в Лондоне. С Эриком.
– Неужели ты вообще не умеешь ревновать?
– К Клэпτονу? Он же тебе нравится.
– И что, если бы я с ним... То ты бы...
– Я же тебя люблю.
– Если бы не это, я бы уже давно вернулась в Лондон.
Патти вздохнула и легла обратно на циновку рядом с Джорджем.
– И все-таки, я не понимаю, Джордж, – сказала она уже более миролюбиво, – зачем тебе сдалась эта Индия? Рави Шанкар, конечно, очень

добрый человек, но ведь он смотрит на тебя как на бестолочь. Ты никогда не научишься играть на ситаре. А если и научишься, то зачем?

– Дело не в ситаре. Ты видела, какое здесь чистое небо? Мириады звезд. Нас часто называют звездами. Я нашел место, куда падать. Сейчас, здесь, я к Нему ближе, чем кто-либо.

– Вообще-то мне иногда тут тоже нравится, – сменила гнев на милость Патти. – Но эти ламы не доведут тебя до добра. Они творят с собой ужасные вещи. Просверливают в черепах дырки, рисуют на себе какие-то кружочки и крестики... А главное, они не хотят иметь детей. Это же неправильно.

– Ты слишком много думаешь о плоти, – отметил Джордж.

– А ты, как будто, не думаешь? По десять раз на день...

– Грешен, грешен, – потупился Джордж. – Однако, все в руках Божьих. А? – И он придвинулся к Патти поближе. – Если бы Он этого не хотел, то я бы, наверное, тоже?..

В Ливерпуле Джон получил приглашение от Дика Лестера на участие в съемках фильма «Как я выиграл войну». Роль чудаковатого солдата Гриппида, совсем не желающего воевать, приглянулась ему. А главное, тут он мог показать себя не как «один из „Битлз“», а как некто вполне самостоятельный. И, со съемочной группой, он отправился сначала в Западную Германию, а затем в Испанию, в местечко Алмерия.

Однажды, в разгар съемок, в треллер Джона постучали. Отперев, он увидел до боли знакомую носатую харю.

– Какими судьбами?! – поразился он.

– Да вот, решил тебя навестить, – добродушно улыбался Ринго. – Джордж – в Индии, Пол пишет музыку к какому-то кино, а ты, как я погляжу, стал заправским актером?

– О! И Морин тут, – Джон помахал стоявшей в отдалении, под навесом, жене Ринго, – а где сыночек Зак? В приют сдали?

– В Ливерпуле, – пропустив дурную шутку мимо ушей, ответил Ринго. – У родственников.

Морин подошла к ним, прикрывая глаза от солнца.

– Слышь, женушка, – повернулся к ней Ринго, – надо мне такие же очки, как у Джона, купить. Они сейчас самые модные.

– С каких это пор? – удивился Джон, в тайне гордившийся тем, что имеет смелость носить на лице такую неказистую вещь.

– Да, с тех пор, как ты их надел, – пояснил Ринго.

– Писаки... – процедил Джон. – Ну, а вы-то что здесь делать

собираетесь?

– Дурака валять, – вмешалась Морин. – Ему, понимаете ли, приспичило посмотреть корриду. Что ты, быков что ли не видел?! Да у моего деда на ферме их тысяча штук! Коровы и коровы, только кобеля! Я, главное, говорю ему, – затараторила она, обращаясь к Джону, – «поедем в Венецию, там гондолы по городу плавают», а он мне: «что ты, лодок не видела? Их у нас в порту, в Ливерпуле, тысяча штук...» Совсем он с вами глупый стал. Но ничего, я из него человека сделаю...

Ринго с гордостью посмотрел на Джона:

– Понял? Твоя так не сможет.

Места для почетных гостей находились вплотную к арене. Считалось доброй приметой, если на твою одежду попала хоть капля крови поверженного быка.

Пикадоры, матадоры и тореадоры с неизменным успехом заваливали огромных животных, их туши со смертоносными пиками в холках оттаскивались в сторону с помощью лошадей. Испанцы веселились вовсю.

– Тебе еще не надоело? – спросила, позевывая, Морин.

– Вот что значит холодная северная кровь, – неодобрительно глянул на нее Ринго. – Вон, посмотри на этих синьорит. Они так азартны, так горячи...

– Ну-ну, не заглядываться! Синьориту ему подавай! Мало тебе одной синьориты? Да ты только глянь на них: кровожадные дуры. Какой интерес порядочной женщине в том, что убивают ни в чем не повинную скотину?.. Видеть этого не могу.

– Не понять тебе. Это тебе не волосики стричь. Жила бы в деревне, подругому бы разговаривала. Рубила бы курицам головы, да морковкой похрустывала. Тут, девка, дело мужское... Страсть охотника... Жажда крови...

– Ну, надо же, какой охотник выискался! То-то ты без чувств свалился, когда палец порезал...

– Так то я, а то – бык... – невразумительно возразил Ринго.

– А я-то, как раз, крови не боюсь.

– Еще бы! Всем клиентам, небось, уши пообрезала, – по-настоящему обозлился он.

– Дятел ты носатый, вот ты кто! – отвернулась она сердито.

В этот миг стадион взревел: поднялась решетчатая створка загона, и на арену выбежал огромный черный бык. Оказавшись в центре поля он вдруг остановился и в нерешительности огляделся.

– Сейчас его будут убивать, – тихо сказала Морин. – И никто не спросит, нравится ему это или нет... А орут, как на ваших концертах.

– Это точно, – вдруг остыл Ринго. – Нас тоже никто не спрашивает. Пойдем-ка отсюда, а? На море съездим.

Оплавленный диск солнца, под аккомпанемент обрадованных наступающей прохладой цикад, спускался прямо в воду, и, казалось, в небо сейчас взметнутся клубы густого пара. Шелест прибоя и дрожащее марево воздуха окончательно примирили супругов Старр. Сидя на камне у кромки воды и опустив в нее ноги, они молча наблюдали за тем, как один за другим в небе зажигаются фосфорные огни.

– А вот это я надолго запомню, – нарушил тишину Ринго.

Дом Пола и Джейн в Сент-Джонз-Вуд засиял чистотой, и Пол ощутил честолюбивый зуд. Нужно было срочно собрать тут друзей, поклонников, коллег Джейн – актеров, журналистов и показать им всем, что и у него дела обстоят распрекрасно. И он затеял благотворительный вечер.

Природа благоухала, то и дело в небо взлетали разноцветные фейерверки, лощеные официанты разносили коктейли по расставленным в саду ажурным столикам. Джейн лишь на миг появлялась рядом с Полом, чтобы шепнуть: «Я в долгу у тебя за этот вечер...» или «Я верила, ты можешь!..» – и тут же растворялась среди гостей, жаждущих общения с хозяйкой.

«Ну-ну, – думал Пол, поглощая коктейль за коктейлем, – если бы ты знала, сколько все это стоит... – Он неодобрительно поглядывал на орду малознакомых ему людей. – И какой только шушеры тут не набилось!..» В его душе накалилась мстительность, не направленная ни на кого конкретно. А когда, подойдя к ограде, он услышал печальный хор изгнанных из его дома кошек, он проникся к ним искренним состраданием. «Вот и мое место там, за забором, – подумал он и, проявляя плебейскую классовую солидарность, позвал: – Кис, кис, кис...»

– Можно вас на минутку, – прервала его низенькая японка с загадочным выражением лица. – Я – Йоко Оно, художница. Вы должны помочь мне.

– Всегда к вашим услугам, – отозвался Пол сочувственно, думая, что это неказистое существо хочет узнать, где находится уборная или познакомиться с кем-то из гостей.

– Мне нужны ваши стихи. Я хочу проиллюстрировать их. В Лондоне я недавно, и меня пока что еще никто не знает. А ваше имя сразу привлекло

бы внимание к моей выставке.

– Могу ли я посмотреть ваши работы? – поскучнел Пол.

– О да, конечно, с этого следовало начать. – Она открыла перед ним папку для бумаг и принялась демонстрировать.

В основном на ее рисунках были изображены высокие худые существа с огромными пенисами, корявые коробчатообразные женщины с распущенными волосами и отвислыми бюстами, а так же целый набор разнокалиберных задниц.

– Прекрасно, прекрасно, – промямлил Пол. В последнее время под давлением Джейн он увлекся классическим искусством – книгами Дилана Томаса, музыкой Вивальди и фильмами Бергмана, так что творения экстравагантной японки его не впечатлили. Особенно в качестве иллюстраций к его песням. – Но это как-то... Хотя, это, знаете ли, похоже... Да! – осенило его. – Пожалуй, я знаю, кто вам поможет. У меня есть друг и соавтор – Джон Леннон. То, что вы делаете, может его заинтересовать...

«Если он ее пошлет, скажу, что это шутка, – думал Пол, – а если и вправду понравится, он будет мне даже признателен».

– А как мне с ним сойтись?

– Ну, не знаю... Сейчас он в Испании... Но, думаю, люди нашего круга всегда найдут возможность встретиться... – и, откланявшись, он направился к Мэлу Эвансу, который уже несколько раз призывно махнул ему рукой.

По пути к столику Мэла он нос к носу столкнулся с каким-то седовласым стариком крайне непрезентабельного вида, одетым в убогие лохмотья. Пол чуть не сбил его с ног. «Боже мой, – подумал он, бормоча извинения, – это еще что такое? Он что, входит в образ короля Лиры?»

Недослушав оправдания Пола в неловкости, старик вытянул костлявый палец в сторону японки и произнес:

– Пятая.

– Что?.. – не понял Пол, но на всякий случай скорчил любезную физиономию.

– Пятая, – повторил старик и, отвернувшись, побрел прочь.

Пол пожал плечами и поспешил к Мэлу. «Надо будет поинтересоваться у Джейн, что это за дряхлый оригинал», – думал он, испытывая неприятное ощущение ускользания реальности. Похоже, он слегка перебрал...

Эванс, заговорщицки подмигивая, зашипел ему в ухо:

– Я тут встретил одного старого знакомого...

– Очень старого? Вон того, что ли? – Пол указал на то место, где

только что был странный старикан. Но там никого не было. Пол поискал глазами, но так и не нашел его. Он потряс головой. «Только глюков мне не хватало!..»

– Да нет, его тут нет! – раздраженно отмахнулся Мэл. – Ты слушай! Так вот, он недавно приехал из Африки. И он предлагает нам съездить на сафари.

– А что это такое? – спросил Пол, раз и навсегда выбросив старика из головы.

– Сафари?! Представь себе знойную африканскую саванну. Мы мчимся на джипе и вдруг, наперерез дороги, прямо перед нашим носом выскакивает стадо антилоп! Ты достаешь свой винчестер, ба-бах!.. А вечером мы жарим на костре мясо, а вокруг пляшут голожопые негры...

– Экзотика... Едем! Утрем нос остальным, в Африке-то они не были!

Джейн отправиться с ним в Африку не смогла, она готовилась к роли Венди в спектакле «Питер Пен».

– Куда ты меня привез? – ворчал Пол, плетясь за кучкой охотников-аборигенов. – Я умираю от жары, мухи всю шею искусили, а от твоих негров воняет протухшей рыбой.

– Откуда ж я знал? – оправдывался Мэл. – Я ведь тоже тут в первый раз.

Внезапно негр-проводник поднял руку и что-то прокричал.

– Что он сказал? – спросил Пол переводчика.

– Он сказал, что мы должны остановиться и подождать его.

Отделившись от остальных, проводник, припадая к земле, подбежал к огромному баобабу в двух сотнях метров от них и прижался ухом к стволу.

Негры притихли. Насторожились и Пол с Мэлом.

Проводник оторвался от дерева и опрометью кинулся обратно. Поравнявшись с остальными он прокричал:

– Мабуту! Мабуту кабанга!

– Мабуту кабанга, шавих тутубанга! – взволнованно подхватили остальные, потрясая копьями. Затем они развернулись на сто восемьдесят градусов и цепочкой засеменили в обратном направлении.

– Почему мы повернули назад? – возмутился Пол, стараясь не отставать.

– Великий дух Мабуту запрещает охотиться сегодня, – объяснил переводчик.

– Черт знает что! – Пол, сморщившись от боли, перевесил ружье с одного плеча на другое. – Я тут уже две недели, и ни разу не поохотился. То

шли дожди, то у негров начался период случки и они бегали по деревне, трахая всех подряд. Теперь какой-то Мабуту!

Услышав последнее слово, негры остановились как вкопанные и, обернувшись к Полу, подозрительно уставились на него.

– Мабуту кабанга нет, – сказал Пол. – Мабуту ни при чем. Мы – охотиться... – И он постучал себя кулаком в грудь.

Негр-проводник поставил копье на землю и возразил:

– Мабуту. Мабуту бутунгу каримба.

– Какая каримба?! Никакой каримбы! – заорал Пол.

– Каримба Мабуту, – настаивал негр, глядя на него с возрастающим интересом.

– Вот часы, – показал Пол. – Вот – шляпа. Вот ружье. А где Мабуту? – он театрально огляделся. – Нету Мабуты! Где каримба? Нету каримбы! – он развел руками.

Негры переглянулись и вдруг дико захохотали, тыча в него пальцами. Потом резко замолчали, задрали набедренные повязки и, помочившись в его сторону, побежали дальше.

– Как ты думаешь, что они имели в виду? – осторожно спросил Пол Мэла, догоняя аборигенов.

– Я думаю, они сказали, что ты не прав.

Ночью Мэл растолкал его:

– Вставай, сегодня в деревне праздник. Нас пригласили.

– День рождения Мабуту? – пошутил Пол, натягивая шорты.

Жители повылазили из хижин и собрались вокруг внушительного костра. Голые женщины, словно сошедшие с картинок Йоко Оно, стояли в окружении детей. Одни хлопали в ладоши, другие колотили палками по бревнам, и все горланили песни. Несколько мужчин прыгали вокруг костра, потрясая копьями и мошонками.

Пол прислушался.

– А еще говорят, рок-н-ролл пришел от негров. Типичный скиффл.

– Когда-то и наши предки вытворяли нечто подобное, – меланхолично заметил Мэл.

– Лично у меня предки были белыми.

– А у меня что, фиолетовыми, что ли? – обиделся Мэл. – Ты все ворчишь, а нет, чтобы пообщаться с ними. Что-то в них есть.

Спустя час в хижине белых людей собрались несколько негров. Они уселись кружком и настороженно смотрели на хозяев.

– Ну что, за знакомство? – предложил Мэл и подал старшему ковш с

банановой водкой.

Негры стали передавать ковш из рук в руки, принимаясь, цокая языками и наперебой восклицая:

– Матанга! Матанга лунга! Ай-ай-ай!

– Похоже, они знают, что почем, – усмехнулся Пол, принимая из рук воина пустой ковш. – Давай, и мы?

Они чокнулись и осушили кружки.

Спустя час Пол сидел в обнимку с пьяным негром на бревне возле хижины и вел с ним доверительную беседу:

– Ты знаешь, Чучамба, я ведь очень знаменитый человек. Я из группы «Битлз». Слышал про такую? Нет?

– Нг'уи бунга кардаханга бачунга, – уклончиво ответил негр.

– Ну и молодец. А хочешь, я тебе автограф дам? Продашь, купишь себе приличную шляпу.

– Чунга марахата батунга, – засомневался негр.

– Ну, смотри, как хочешь, – похлопал Пол его по плечу. – Человек ты, я вижу, порядочный. Приезжай ко мне, посидим, я тебя с Джейн познакомлю. Это моя девушка. Она из хорошей семьи, из достойного рода... Не то что мы с тобой.

– Мфеда канга кучумба манга, – согласился негр, покачнулся и рухнул на спину.

– Правильно, – одобрил Пол и, откинувшись назад, упал рядом, устремив глаза вверх. Огромное звездное небо растворило в своих глубинах его затуманенный взор.

Вскоре он и его черный друг музыкально храпели в малую терцию.

Девятого ноября шестьдесят шестого года «Битлз» собрались у Эпштейна и решили, что через пару недель приступят к записи нового альбома.

Правда, решению этому был посвящен минимум времени, в основном же они хвастались друг перед другом своими «каникулярными» приключениями в разных частях света. Джон, к тому же, притащил картину Стюарта Сатклиффа, которую подарила ему Милли. Это навеяло воспоминания.

Под конец Брайан, решивший было, что хороший отдых мог изменить их прежнее решение, жалобно спросил: «А на гастроли?..» Они переглянулись, и Джон за всех отрицательно помотал головой. Он был небритым и опухшим, и во взгляде его была такая пустота, что спорить Брайан не решился.

Решив извлечь из этого неприятного факта хоть какую-то рекламную выгоду, вечером того же дня Эпштейн публично заявил представителям прессы о том, что «Битлз» больше никогда не будут выступать перед публикой.

Тем временем Джон отправился на Дюк-Стрит в картинную галерею «Индика». Мистер Данбар, ее владелец, уже давно заманивал его туда, намекая, что там его ждет какой-то сюрприз.

Сюрпризом оказалась маленькая кривоногая японка. Ее выставка называлась «Незаконченные картины и объекты».

Едва машина Джона остановилась у входа, Данбар подтолкнул Йоко Оно к двери:

– Приехал! Иди скорее, познакомься с миллионером!

Миллионер выглядел не лучшим образом. Опытная Йоко сразу отметила, что он, по-видимому, уже не первый день накачивается наркотиками.

Что-то пробормотав в ответ на ее приветствие, Джон проследовал внутрь. Переходя из комнаты в комнату, он чувствовал, что настроение его поднимается. На выставке демонстрировались кинозаписи падающего снега, источавшая слезы при опускании в нее монеты «плакательная машина», устройство в котором предметы безвозвратно исчезали, огромное количество рисунков и фотографий голых задниц, а одна комната была

целиком отдана единственному экспонату: зеленому яблоку на столике с бумажкой – то ли названием, то ли ценником – 100 фунтов.

Посередине другого зала Джон обнаружил возвышение с лесенкой. Забравшись наверх, на площадку, он нашел там висящую на цепочке лупу. Стрелка на потолке указывала, на что сквозь нее следует смотреть. Джон заглянул в нее и увидел маленький кружок с одним-единственным словом внутри: «Да!»

Внезапно Джон пришел в восторг.

– Автора! Покажите мне автора! – закричал он на Данбара, спустившись вниз.

– Вы с ней уже познакомились, – мистер Данбар ввел его в другую комнату, – вот она.

– Спасибо, – искренне поблагодарил художницу Джон. – Представляю, как мне было бы плохо, если бы там было написано «Нет»...

Тут он обратил внимание, что на столе перед загадочной японкой были рассыпаны гвозди, а в руке она держала молоток.

– А это что за фокусы? – поинтересовался он.

– Здесь и только здесь вы имеете возможность всего за пять шиллингов забить гвоздь, – сказала она бесстрастно.

– А что, я не могу забить гвоздь в другом месте?

– Можете. Но не за пять шиллингов, – ответила японка невозмутимо.

– Хм. А сколько стоит гвоздь?

– Один шиллинг десяток. В этом и заключается таинство.

– А еще в чем? – спросил Джон. Он и раньше видел, как деньги делаются из ничего.

– А еще в том, что я предлагаю вам новый взгляд на обычные вещи. Произведением искусства делаю их не я, а ваше *воображение*.

Все это очень импонировало Джону в его нынешнем состоянии.

– Тогда, надеюсь, вы не будете возражать, если я забью этот гвоздь за *воображаемые* пять шиллингов? – стал торговаться он, хитро глядя на нее поверх очков.

– Ну, конечно же! – угодливо заверил мистер Данбар, – ВАМ мы готовы сделать такое исключение...

Но Йоко, холодно улыбнувшись, погрозила Джону пальцем и отрицательно покачала головой. Затем достала из кармашка фартука маленькую карточку и протянула ему.

Джон поднес ее к глазам и прочитал вновь одно единственное слово: «Дыши!» Он усмехнулся, глубоко вздохнул, слегка поклонился и отправился к выходу.

– Ты все испортила, – шепнул Йоко мистер Данбар, провожая Джона взглядом.

– Он мой, – произнесла она безучастно.

Прошло несколько дней, и Джон получил по почте небольшую бандероль. Распечатав конверт, он нашел там книжицу. «*Йоко Оно. Грейпфрут*». Джон открыл её посередине и прочел первые попавшиеся строки:

«...Убей всех мужчин, с которыми спала. Положи кости в коробку с цветами и брось ее в море. Хорошенько перемешай свои мозги чьим-нибудь членом. Прорежь дыру в мешке, наполненным семенами и повесь его там, где дует ветер. Спрячься, пока все не пришли домой. Спрячься, пока тебя не забыли. Спрячься, пока все не умерли...»

«Надо все-таки зайти и забить ей этот гвоздь», – подумал он.

После чего почти ежедневно он стал получать почтовые открытки с лаконичными указаниями, как ему следует жить дальше: «*Танцуй!*», «*Цвети!*», «*Рассматривай фонари, пока не пришел день!*», «*Рисуй, пока не свалишься!*», «*Напряги плоть*», «*Расслабься!*»...

Вскоре Джон вновь посетил галерею «Индика» и стал спонсором выставки. А к новому переизданию «Грейпфрута» он написал предисловие: «*Разрешите представить: Йоко Оно. Джон Леннон*».

«Битлз» снова засели в студии. Пол и Джон сочинили каждый по песне, посвященной детству. Работа шла неимоверно трудно. «*Strawberry Fields Forever*»^[93] Джона записывалась с двадцать четвертого ноября по второе января. Было сделано десятки дублей, с каждым добавлялись все новые инструменты и студийные эффекты. В конце концов Джон заявил Мартину, что ему нравятся первый и последний дубли. «Соедини их как-нибудь, и все будет в порядке. Хватит уже мучаться...», – распорядился он и ушел.

Эти дубли были записаны на разных скоростях и в разных тональностях. Джордж Мартин с помощником провозились целый день, делая невозможное: они ускорили одну запись, замедлили другую и стыковали пленки прямо посередине фразы. Трудно представить, чтобы в итоге подобной операции вышло что-нибудь путнее.

Песня Пола «Пенни Лейн»^[94] записывалась параллельно, примерно в

то же время. Если Джон мрачновато шутил – «Земляничными полянами» назывался сиротский приют рядом с домом его детства, – то Пол сделал все, чтобы передать радостную эйфорию от «голубого неба пригорода над крышей торгового центра...» и даже ввел в песню мажорное соло на трубе-пикколо.

Сроки поджимали, и Брайан, подгоняемый руководством «Е.М.И.» настоял, чтобы обе они были выпущены на сингле... Который, само собой, возглавил и британский, и американский хит-парады...

Пол и Джон не особенно расстроились от необходимости выпустить этот сингл и даже поддержали идею не включать те же песни и в очередной альбом. К тому моменту они окончательно утвердились в высказанной когда-то идее записать такую пластинку, которая не станет сборником песен, а вся, от начала до конца, будет подчинена некоей единой концепции.

– Представьте себе, – объяснял Пол в курилке, – что мы – никакие не «Битлз», а кто-то совсем другие...

– Кто? – не понимал Ринго.

– Ну... ну...

– Клубный оркестр, – предложил Джон. – С дудками и прибаутками.

– Вот! – обрадовался Пол. – И пусть народ рукоплещет, и между песнями – никаких пауз... Клуб!

– «...одиноких сердец»? – отрешенно добавил Джордж.

– Сержанта Пеппера, – раздался голос из кабинки туалета. Мэл Эванс вышел, застегивая ширинку. – Был такой духовой оркестр в Лос-Анджелесе. Мне отец рассказывал.

– Как зовут Эйнштейна? – неожиданно спросил Мэла Джон.

– Эпштейна?

– ЭЙНштейна, дурак! Физика.

– А я откуда знаю? – пожал плечами Мэл.

– Зайди-ка обратно в сортир! – приказал Джон. Мэл послушался. – Как зовут Эйнштейна?

– Альберт, – раздалось из кабинки.

– О! – поднял палец Джон. – Работает!.. – он победно оглядел остальных. – Про что будет альбом?

– Про всё, – отозвался Мел.

– Типичный сортирный гений, – нашел определение удивительному явлению Джон. – Всё. Выходи. Дальше мы уж сами.

В этом альбоме им удалось воплотить все свои задумки, без исключения, в том числе и самые невероятные. Джон сочинил обещанную Джулиану песню о Люси с калейдоскопическими глазами. Фонограмму с партией уникального парового органа каллиопа, к песне «Being For The Benefit Of Mr. Kite»^[95], он и Мартин изрезали на мелкие кусочки, а затем склеили их в произвольном порядке и задом наперед. Таких звуков не способен издать ни один существующий инструмент.

Пол написал печальную и словно неземную балладу – специально для появившихся и входивших в моду хиппи, о девушке сбежавшей из благополучного дома родителей к любимому парню. Он наконец-то записал фокстрот «When I'm Sixty Four»^[96], сочиненный лет десять назад, но все эти годы не вписывавшийся в портрет «Битлз».

«Стану я старым,
Буду лысеть,
Через много лет;
В день влюбленных будешь ли ты поздравлять
И вино на стол выставлять?

Если вернусь в три
Ночи домой,
Пустишь или нет?

Будем ли старой
Любящей парой
Через много лет?..»^[97]

А для своей любимой староанглийской овчарки Марты в конце диска он поместил сигнал частотой двадцать тысяч герц, не воспринимаемый ухом человека, но отлично слышимый собаками.

На запись песни «В тебе и без тебя»^[98], Джордж пригласил двух приятелей из «Ассоциации индийской музыки». Один играл на табле, а другой на дилурбе. Уроки Рави Шанкара не прошли даром, и сам Джордж играл на ситаре.

Тягучая, заунывная мелодия выводила Мартина из себя.

– Хитом она, точно, не станет, – ворчал он. – Мало того, что музыка

нудная, непонятно даже, про что ты поешь...

– Чего тут непонятного? – пожал плечами Джордж. – Про тебя.

– Про меня? – изумился Мартин. – А, вообще-то, это может быть интересно, – неожиданно изменил он свое мнение. – Только, давай, сделаем в середине небольшую оркестровочку.

– Да ну, – засомневался Джордж. – Тогда это будет уже не совсем индийская песня.

В павильон заглянули Пол, Джон и Ринго. Пол сразу же вмешался в разговор:

– Сделаем, сделаем. Ты пиши, как хочешь, а мы потом сделаем, – он подмигнул Мартину.

– Как знаете, – махнул рукой Джордж.

Заунывная музыка зазвучала снова, и он затянул белый стих:

«Говорили
О космосе, что меж всех нас.
И о людях,
Что спрятались в стенах
Из иллюзий.
Промелькнет чистый свет, но зачем?
Слишком поздно, их уж нет...»^[99]

Джон и Ринго с перекошенными физиономиями вышли покурить, а Пол засел в операторской и, пытаясь сделать вокал Джорджа хоть чуть повеселей, то показывал ему в окошко средний палец, то гримасничал или ставил рожки Мартину... Но, в конце концов, заслушался и даже стал тихонько подпевать:

«...И придет тот час, когда поймешь,
Что свет един, и жизнь течет
И в тебе, и без тебя»^[100].

В это время Джон в курилке втолковывал Ринго:

– А знаешь, кто в этом альбоме главный?

– Кто?

– Ты.

– Да ну, – не поверил Ринго, – с чего это вдруг?

– А с того, что мы напишем для тебя песню самого главного персонажа.

– А почему для меня?

– Потому что все привыкли, что «Битлз» – это я или Пол, но мы же решили в этот раз делать все не так, как у «Битлз».

– Тогда пишите быстрее, пока я не испугался...

Эту песню они назвали «Если друзья мне чуть-чуть помогут»^[101]. На записи помощь заключалась в подпевках.

– Что у вас со слухом! – в сотый раз за день орал на них Ринго. – Слушайте, как надо! – Он прохрипел какую-то нестройную мелодию. – Поняли?! Ну-ка, Джордж, повтори!

Джордж повторил его хрип с доскональной точностью.

– Певец, – презрительно поморщился Ринго. – Лабертина Ларетти! Дай-ка сюда гитару!

– Во дает, – шепнул Пол на ухо Джону, – не на шутку разошелся...

Ринго подергал струны и отдал гитару Полу:

– Настроить и то не можете... Хендриксы...

– Приступим к записи? – осторожно спросил Мартин, пряча улыбку.

– Всё спешите? Вам лишь бы побыстрее... А качество? О качестве пусть тюлени думают?! Вас-то оно не волнует, да? А-а, ладно, – безнадежно махнул он рукой, – давайте, начнем.

– Включаю, – предупредил Мартин из рубки.

– Стойте! Стойте! – заорал Ринго. – Кто-нибудь даст мне попить?! Мы же, все-таки вокал пишем!

Джон и Пол со всех ног кинулись из павильона.

Вынув бутылку кока-колы и удовлетворенно рыгнув, Ринго махнул рукой:

– Включайте.

На девятнадцатом дубле Джордж Мартин вспомнил старый испытанный прием. Подойдя к Ринго, он наклонился и тихонько сказал ему на ухо:

– Еще раз плохо споешь, выгоним...

Ринго слегка опешил от такой наглости. Но спел хорошо.

Песня «A Day In The Life»^[102] была задумана как итоговая. Вообще-то, итоговую песню хотели написать и Пол, и Джон, и однажды они показали друг другу свои наброски. Неожиданно выяснилось что два этих куска

мелодий с текстами удачно стыкуются. В каждом из них говорилось вроде бы о совершенно разных вещах – о гибели человека в автокатастрофе, о фильме про войну, который не захотели смотреть зрители, о найденных полицией в графстве Ланкшир могилах жертв нераскрытых преступлений... Но в сочетании речь шла как раз о том, о чем сказал Мэл – «обо всём».

... – Ага! А вот и оркестр! – сказал Мартин Полу, увидев входящих в студию музыкантов. – Не много ли сорока двух человек для столь милой твоему сердцу какофонии?

– Для *настоящей какофонии* этого еще мало, – посмотрел Пол на продюсера с пренебрежительной усмешкой и обратился к вошедшим: – Джентельмены! Я не ради забавы попросил вас одеть для сегодняшней записи не концертные фраки, а вечерние костюмы. Я хочу, чтобы вы прониклись духом происходящего. Но это еще не все. Для того, чтобы быть уверенными в успехе полностью, мы приготовили для вас кое-что еще.

По его команде трое костюмеров принялись одевать на музыкантов дурацкие шляпки, покрывать их одежду блестками и накладывать на лица клоунский грим.

Дирижеру оркестра Дэвиду Макаллуму нацепили красный нос с дурацкими очками и рыжими височками, а вместо палочки всучили жезл полицейского-регулирующего.

Джон инспекторским взглядом оглядел результат и удовлетворенно кивнул Полу. Тот приступил к главному:

– А сейчас наш distinguished Джордж Мартин включит фонограмму песни, и в нужный момент я попрошу вас, впервые за всю вашу карьеру, исполнить не стройное классическое произведение, а всякую чушь.

– Полную ахинею, – подтвердил Джон.

– Хаос, – уточнил Пол.

– Конец света! – рявкнул Джон.

– Похожий на оргазм, – добавил Джордж.

– Вы присоединяйтесь тоже, – обернулся Пол к приглашенным друзьям. – Поехали!!!

Настоящий апокалипсис получился только с девятого раза, и закончился мощным мажорным аккордом, взятым на трех фортепиано и фисгармонии. Звукорежиссер Джеф Эмерик вывел регуляторы на максимум, и у всех, кто находился в студии появилось ощущение, что звук превратился в нечто осязаемое и плотно забил помещение.

– Ну и ну, – покачал головой Мик Джаггер, – такого кошмара я еще не слышал.

Сидевший в углу операторской продюсер группы «Холлиз» Рон Ричардз обхватил голову руками и, как заведенный, повторял: «Это невероятно. Я сдаюсь».

А в курилке рыдал лидер «Мув» (в будущем – лидер «Оркестра Электрического Света») Джеф Линн. Когда туда заглянул Нил Аспинолл, тот поднял на него заплаканные глаза:

– Больше нет смысла ничего писать. Всё. Музыка кончилась... Они нам ничего не оставили.

Эпштейн был возбужден, как никогда. Расхаживая из угла в угол кабинета, он говорил, срываясь иногда на фальцет:

– Я так боялся! Я ужасно боялся, Пол! Только тебе я могу открыться, Джон меня засмеет, а Джорджу и Ринго просто ни до чего нет дела!.. Ты в группе – единственный здравомыслящий человек!

Пол скромно промолчал.

– Понимаешь, я думал, я больше не нужен. Я решил, что отказ от концертов приведет к быстрому и неминуемому краху. Но успех «Сержанта» показал, что это совсем не так! – Брайан схватил со стола пластинку и потряс ею у Пола перед носом. – За какую-то неделю уже распродано двести пятьдесят тысяч дисков, и, если дело так пойдет дальше, концерты даже не нужны! – Он бросил конверт обратно на стол. – Ты знаешь, сколько всего в мире продано ваших пластинок? Всех.

– Скажи...

– Двести миллионов! Да если бы с каждым проданным диском на моем теле вырастал бы один-единственный волосок, я давно бы уже стал обезьяной!

Брайан остановился ошеломленный этой мыслью.

– А если бы у тебя вырастала чешуйка, ты бы стал китом...

– Чешуя у рыбы. Кит – не рыба, а млекопитающее, мой мальчик, – снисходительно возразил Брайан. – Все-таки, надо когда-нибудь всерьез заняться вашим образованием... Да я бы и не стал рыбой... – Брайан, задумавшись, замолчал, потом согласился сам с собой: – Нет. Не стал бы. Зачем?

Пол предпочел не спрашивать, зачем Эпштейну понадобилось становиться обезьяной. И тот, очнувшись от взвешивания всех «за» и «против», продолжал:

– У меня бездна планов! Целая гора проектов! Например – телевидение. Раз вы не хотите, чтобы зрители шли к вам, придется самим идти к ним! Буквально в каждый дом! Скоро прямо из нашей студии на весь мир будет транслироваться то, как вы записываете новую песню...

– Какую? – осторожно спросил Пол.

– А я откуда знаю? – отмахнулся Брайан. – Что вы, песню, что ли, не сочините?

Пол молча пожал плечами.

– Еще я договорился о съемках телевизионного фильма...

– Про что?

– Ну, что ты ко мне привязался?! Слушай, лучше, главное! Мы будем торговать одеждой!

– Не понял...

– Все просто! Какие бы вы не были талантливые, выпуск пластинок – слишком рискованное занятие. «Сержант» обошелся нам в сорок тысяч фунтов стерлингов! Это неслыханно! Если бы его, не приведи Боже, вдруг не стали бы покупать, эти деньги вылетели бы в трубу!

– Но как подругому?..

– Очень просто. Нужно вкладывать деньги в осязаемые предметы. Я все просчитал, самое выгодное сегодня – торговля готовым платьем.

– Может быть это и так, но мы-то тут при чем?

– Ни при чем! – Брайан радостно потер руки. – Вот это – самое главное! Платьем займусь я. А вы будете получать дивиденды со своих денег. Я уже придумал, как будет называться магазин... Угадай?

– «Эпштейн и компания»?

– Нет. Попробуй еще.

– «Одежда от „Битлз“»?

– Ерунда! Ну, напрягись!

– «Пеленки и распашонки»?

– Ах, Пол, Пол! Как все это банально! Называться магазин будет коротко и ясно: «Яблоко»^[103]. Это же само собой разумеется!

– Да? – удивился Пол.

– Конечно, – подтвердил Брайан. – Я уже и помещение присмотрел...

– А песни мы писать будем?

– Ну... Если тебе хочется...

– Хочется, – признался Пол. – Уже давно.

– Ладно, пиши, – разрешил Брайан. Но, подумав, добавил: – Только не много. Я же говорю, запись – чертовски дорогая штука... К тому же, какой смысл их записывать, если радиостанции не желают проигрывать их?..

Зазвонил телефон, и Брайан метнулся к нему, покинув обескураженного Пола:

– Алло? Да-да... Да, у меня... Сейчас проверю. – Он положил трубку на стол рядом с аппаратом, быстро подошел к Полу, взял его за запястье и, возведя глаза к потолку, нащупал пульс. Затем заглянул ему в левый глаз, двумя пальцами широко раздвинув веки... Вернулся к телефону.

– Нет, – сказал он в трубку. – Я проверил. Это не правда... – И повесил ее. – На чем я остановился? Ах, да, на радиостанциях. Би-би-си запретили

вашу «День жизни», посчитав ее написанной под воздействием наркотиков...

– Подожди-ка, – остановил его Пол. – О чем ты говорил по телефону?

– По телефону? Меня спросили, правда ли, что ты умер. Я ответил, что неправда...

– Что за странный вопрос? – удивился Пол, почувствовав себя вдруг не очень уютно.

– Говорят про какую-то нашивку у тебя на рукаве... Я, честно говоря, ничего не понял. Но главное, все это – чепуха. Уверяю тебя, ты вполне живой...

– Про какую нашивку?

– Не знаю. Что-то на конверте...

Пол схватил со стола пластинку и взгляделся в конверт, на котором «Битлз» стояли среди пятидесяти восьми самых значительных, по их мнению, людей эпохи – от Карла Маркса до Мерлин Монро. Потом взгляделся в постер...

– Что за чертовщина! У меня на нашивке был только герб!

Брайан наклонился у него над плечом:

– А теперь написано «O.P.D.»^[104] Странно, как это я раньше не заметил?..

– Вот скотина! – Пол вскочил на ноги. – Это Джон подрисовал! Я вспомнил! Он подошел ко мне со своей паскудной ухмылочкой: «Макка, я тебе приготовил сюрприз...» Я думал, он это про портрет Стюарта, который вклеил вот тут, сбоку. Сначала его в списке не было...

Пол дотянулся до телефона и набрал номер Джона. Но Синтия ответила, что тот «снова на выставке этой своей сумасшедшей японки...»

– Выходит, не зря мне приснился такой неприятный сон про тебя, – заметил Эпштейн.

– Какой? – Пол все еще был не в себе.

– Представь, мне приснилось, что мы впятером, немного навеселе, стоим на моем балконе и о чем-то оживленно беседуем. И вдруг я понимаю, что это сон... У тебя когда-нибудь так было, чтобы ты во сне понял, что это сон, и начал этим пользоваться? Летать, например...

– Да, было пару раз...

– А у меня часто бывает. Ну вот. Я и говорю вам: «Ребята, на самом деле, все это мне снится. Хотите, например, я спрыгну с балкона, и со мной ничего не случится?» А вы смеетесь: «Ты слишком много выпил, Брайан...» Тогда я, быстро, чтобы вы меня не успели задержать, переваливаюсь через перила и падаю вниз. Но, перед самой поверхностью,

скорость моя, само собой, уменьшается и в конце концов я плавно приземляюсь на ноги. Помахал вам снизу. Вы что-то кричите, машете мне. А потом я смотрю, Пол, ты перелезаешь через перила и тоже прыгаешь вниз... Ты просвистел мимо меня и – ба-бах! – расшибся в лепешку. Страшно было смотреть... Еще бы. Тебе-то все это не снилось... Мне было очень тебя жалко, и я проснулся со слезами на глазах... Думаю, рассказать тебе или не рассказывать?.. Ну, ладно, хватит об этом. Давай, поговорим о магазине.

– Нет, Брайни, – заспешил Пол. – Про магазин мы потом поговорим. Я должен разобраться.

Но встретиться с Джоном ему удалось только через неделю, четырнадцатого июня, в студии.

– Что это за идиотские шуточки? – спросил он, сунув конверт в нос сидящему с гитарой Джону.

– Это? – Джон ухмыльнулся. – Это я так... Ты сказал, что Йоко Оно – дура, я и обозлился. Да, не бери в голову, никто не заметит.

– Да?! – вскричал Пол. – Ты думаешь?! Уже все газеты написали, что я умер! Даже называют место автокатастрофы! А я, оказывается, вовсе не я, а какой-то парень, который выиграл конкурс моих двойников!

– Клево! – оскалился Джон. – Хорошая примета. Долго жить будешь.

Пол в сердцах бросил конверт на ковер и пошел к выходу.

– Эй! – крикнул Джон ему вдогонку. – Да ладно ты! Постой!

Пол остановился, не оборачиваясь. Джон предложил:

– На следующем диске нарисуешь меня в гробу и белых тапочках.

Пол двинулся дальше.

– Да постой ты! Я тебе песню новую хочу показать!

Пол вернулся и молча сел напротив.

– Я предлагаю ее сыграть на всемирной перекличке. Слушай...

И он сыграл «All You Need Is Love»^[105].

– Ну как?..

– Песня отличная. А Йоко твоя – дура косоглазая, похотливая сука и кривоногая уродка.

Джон сжал кулаки и привстал. Пол выставил вперед ладони, защищаясь.

– Все-все! Мы – квиты! Давай работать над песней!

Джон нехотя разжал пальцы.

– Ну, давай, – процедил он сквозь зубы. – Давай...

И вот, двадцать пятого августа, телевизионщики установили камеры и прожектора в павильоне «Парлафона». Этот сюжет – рождение новой песни «Битлз» – транслировался в двадцати четырех странах мира. «Битлз» представляли нацию, они представляли всю английскую молодежь...

Частично фонограмма была уже записана, но приглашенный оркестр и голоса звучали вживую.

Оркестр грянул... «Марсельезу». Плавно перешедшую в трехголосие: «Любовь, любовь, любовь...» Собственно, в этой маленькой увертюре уместился весь смысл песни. Переустройство мира через любовь – главный принцип хиппи.

Не менее символична была и сама манера исполнения. Солидные оркестранты во фраках, внимательно глядя в ноты, усердно выводят свои партии... И вот доходит очередь до вокала. Джон вяло брякает аккорд на гитаре и, не прекращая жевать резинку, лениво проговаривает:

«Не сделаешь того, что не сумеешь.
Как спеть то, что невозможно спеть?
Нечего сказать, зато есть смысл поиграть,
Это просто!...»[\[106\]](#)

Оркестранты (старшее поколение) старательно водят смычками. Джон Леннон жует резинку. Словно очнувшись от транса, проговаривает следующую фразу:

«Не свершишь того, что не свершить,
Не спасешь того, кому не жить,
Нечего терять, а вот собой ты можешь стать,
Это просто!...»[\[107\]](#)

И тут вступают друзья и любимые – целый хор, в котором участвуют и Патти, и Синтия, и Джейн, и «все-все-все» – молодые, красивые, модно и «хиппово» одетые, усыпанные цветами:

«Все, что надо – любовь! Все, что надо – любовь!
Все, что надо – любовь, любовь,
Любовь – все, что вам надо...»[\[108\]](#)

Присутствие в хоре Мика Джаггера придавало особый нюанс символике происходящего, ведь страницы прессы в тот момент пестрели подробностями скандального дела о хранении наркотиков, по которому он был привлечен к суду...

В очередной раз мир был покорен «Битлз», и было бы странно, если бы все смотревшие эту передачу не пожелали купить пластинку, запись которой наблюдали воочию.

Выяснения отношений между Полом и Джоном продолжились двумя днями позже в запертом кабинете Джона. Пластинка «Сержанта» лежала на столе.

– Ладно, – говорил Пол, – допустим, эти буквы ты подрисовал от нечего делать. Но объясни, каким образом тут появились другие пометы моей мнимой смерти?!

– Например?

– Например то, что именно над моей головой некто держит руку, словно прощаясь. Что букет возле клумбы напоминает бас-гитару, а на ней три (а не четыре!) струны-стебля. Да это уже, как бы, и не клумба, а моя свежая могила...

– Макка, мальчик, у тебя едет крыша! – скривился Джон и вынул из пачки сигарету. – Где ты тут видишь гитару? Ну и что, что рука? Это все – твоя воспаленная фантазия!

– Да не моя, черт побери! – вспыхнул Пол. – Я это вычитал в газетах! И ты взглядишь: все это похоже на правду! Вчера Джейн заявила мне в постели: «Ты стал какой-то не такой. Ты уверен, что ты – не Вильям Кемпбелл?..»

– Это еще кто?

– Так зовут того парня, который, якобы, меня подменил.

– Но ведь это бред! Не бывает совершенно одинаковых людей!

– Но бывают пластические операции, которые снимают различия между двойниками... Они пишут, что я погиб, а вы нашли этого Кемпбелла, чтобы и дальше делать деньги.

– Но ты – музыкант, этого не подделаешь...

– И Кемпбелл – музыкант!

– А где он?

– Никто не знает. В том-то и дело. Он пропал.

Джон посмотрел на него подозрительно:

– Слушай, Макка, а ты правда не Кемпбелл?

– Пошел ты в задницу, Джон! Ты ведь сам это все подстроил!

– А, да... Точно... – Джон помолчал. – Ну, положим, не все, а только нашивку... А, между прочим, это неплохой рекламный трюк. Смерть – то, что привлекает людей больше всего.

– Эта шутка мерзко пахнет. Боюсь, после этого, мы уже никогда не будем с тобой в нормальных отношениях.

– А мы, по-моему, никогда и не были уж очень большими друзьями.

Пол проглотил обиду.

– Раз так, скажи наконец, честно, ты придумал ВСЕ это?

– Да нет же! – взорвался Джон, яростно туша сигарету в пепельнице. – Моя – только нашивка! Может, это художники прикалываются, а может, просто совпадения...

– Да? А портрет Стюарта? Я ничего не имею против, даже правильно. Но почему ты сделал это втайне?

– Какой портрет?

– Только не надо меня уверять, что и тут ты не при чем, – Пол ткнул пальцем в левый верхний угол обложки. Джон схватил ее со стола.

– Что за черт?! Я даже и не видел его тут.

Позже они уже вместе допросили Джорджа, Ринго и всех, кто участвовал в создании обложки. Но никто ни в чем не признался. И Пола стала преследовать навязчивая и совершенно безумная идея, что Стюарт появился на обложке сам собой. Что его вызвала сволочная выходка Джона, объявившего мертвым живого человека. Портрет Стюарта, который попал на обложку, сделала когда-то Астрид, но тут, в контексте событий, он выглядел совсем по-иному. Выражение лица Стью словно говорило: «А меня? Меня-то забыли!..» И находился он как раз в таком месте, куда встал бы тот, кто успел в последний момент.

А продолжением этой идеи стала мысль о том, что именно Стью, попав на обложку, разместил на ней и прочие зловещие детали, словно предупреждая их о чем-то.

Все это был, конечно же, форменный бред, но Пол не мог отделаться от этой мысли. И рассказал Джорджу.

Тот загадочно промолчал, а на следующий день объявил, что вечером он и Патти ждут всех в гости.

Патти разлила чай в пиалы и, поджав ноги, присела на коврик рядом с Джорджем. Тот, меланхолически поигрывая на ситаре и слегка раскачиваясь, заговорил:

– Братья мои. Я хочу рассказать вам о том, почему нет никакой разницы между материальным и нематериальным, сном и явью, жизнью и смертью. Почему возможно абсолютно все, и как стать счастливыми. Я познакомлю вас с учением Махариши Махеш Йоги.

Пол слушал его внимательно, надеясь в том, что он скажет, найти ответы на свои мистические вопросы.

Ринго, топорща недавно отращенные усы, тоже во все глаза смотрел на Джорджа. Но только потому, что впервые видел, чтобы тот так много и так связно говорил.

А Джон скорчил скучающую физиономию и вертел головой, оглядывая комнату. В ней не осталось ни малейших помет европейской культуры.

Джордж говорил полуприкрыв глаза:

– Махариши прожил в горах Тибета четырнадцать лет, с помощью гуру Дэва изучая книгу «Бхатват Гита», что означает «Песнь Господа». Вернувшись в мир, он увидел, что учение о Кришне не противоречит современной науке и даже подтверждается ею. Мы с Патти побывали на его лекции и хотим теперь, чтобы и вы приобщились к этому Великому Свету...

– Мы уже приобщились, – перебил его Джон. – Ты же пихаешь его во все свои песни.

Джордж не обратил внимания на слова Джона.

– Начнем с азов. Из чего состоит мир? Он состоит из атомов. Атом – из ядра и электронов. Но если мы увеличим атом до размеров Карнеги Холла, окажется, что его ядро – величиной с пшеничное зернышко, а электрон в миллион раз меньше ядра. Все прочее – ПУСТОТА...

– М-м-м, – взвыл Джон. – Если бы я интересовался физикой, я не стал бы музыкантом!

– Потерпи, Джон, я буду говорить недолго... Что же такое электрон? Он не имеет массы покоя, это волна размазанная по своей орбите. Волна НИЧЕГО. А что есть ядро? Оно состоит из протонов и нейтронов, те, в свою очередь, из еще более мелких частиц, и в конце концов, ученые приходят к выводу, что и ядро – это особым образом организованное

НИЧТО.

Итак, мир есть организованная ПУСТОТА, ее движение. Мир разумен, в нем действуют законы. Значит, двигаться пустоту заставляет некий разумный закон, он и называется Бог.

– Ну, ты, парень, загнул! – восхищенно сказал Ринго.

– Это не я. Это физика и Махариши... Что есть звук? Колебание воздуха. Но мы слышим его, мы играем музыку. Что есть свет? Колебание фотонов, и от частоты колебаний зависит цвет. Колебание пустоты есть мир.

– Сообщал уже, – заметил Джон.

– Теперь главное. Раз пустота организуется единым разумным законом, то и наш разум – часть его. Мы – частицы Бога. Мы – Боги. Мы можем все. Нужно только понять это, поверить и научиться жить в гармонии с собой, а значит и с Высшим Разумом.

– Как научиться? – спросил Пол, думая: «Стью говорил нечто подобное».

Джон высказал это вслух:

– Открыли Америку! Мне Стюарт десять лет назад об этом рассказывал!

– Да, – согласился Джордж. – Стюарт был гением, и он о многом догадывался. А Махариши ЗНАЕТ. Мы умеем сочинять музыку, а могли бы сочинять мир. Он научит нас этому. Завтра вечером в «Хилтоне» он читает очередную лекцию.

Неожиданно, возможно, от воспоминания о Стюарте, Джон резко изменил свое отношение к происходящему:

– Мы все будем там.

– А обязательно? – заныл Ринго. – У меня сейчас, знаете, сколько забот!.. (Не прошло и недели, как Морин родила ему второго сына – Джейсона.)

– Обязательно, – твердо сказал Джон. – Если ты с нами.

Зал отеля «Хилтон» был почти полон. Большинство присутствующих – молодые длинноволосые хиппи в протертых до дыр джинсах, с разноцветными рисунками на лицах и «феничках» на запястьях.

Войдя в зал, Пол остановился в нерешительности. Все эти люди могут сейчас кинуться к ним и, если не затоптать, то, как минимум, покалечить.

Но ничего подобного не произошло. Их, конечно, заметили и узнали. Кто-то крикнул: «Олл ю нид из лав!» Все заулыбались, приветственно помахали руками. Эти люди ждали еще более высокого для них кумира –

Махариши Махеш Йоги.

И вот он появился. В белых одеждах, еще не старый, черный от загара индеец с густыми волнистыми волосами до плеч и седой бородой. Он вышел на сцену в сопровождении десятка молоденьких девочек-хиппи, которые несли стойку с микрофоном, стул, столик и графин с водой. Махариши посмеивался.

Тем временем, какие-то ребята помогли «Битлз» и их женщинам разместиться на местах. Обожание окружающих выразилось тут лишь в том, что им по собственной инициативе освободили места в первом ряду.

Махариши кашлянул, постучал по микрофону, проверяя, работает ли он, удовлетворенно хохотнул и, чуть поклонившись, сказал: «Хай».

Зал взорвался аплодисментами.

Махариши вытянул руку, призывая к тишине, и наконец заговорил:

– Я надеюсь, сегодня здесь те, кто был на моих прежних лекциях или знаком с основами трансцендентальной медитации благодаря специальной литературе. – Он взял со столика две тоненькие цветастые брошюры и помахал ими в воздухе. – Потому я не буду повторять уже сказанное. Двинемся дальше.

Его слушали, затаив дыхание.

– Мы хотим сделать мир таким, каков он должен быть. Сделать это мы можем только с помощью нашего разума, который является одновременно и разумом божественным. Мы можем, конечно, преобразовывать мир и с помощью нашего физического тела, но этот путь долг, ненадежен и неэффективен.

Как же воздействовать на мир непосредственно сознанием? Наука аюрведа учит: для этого мы должны как можно более плотно и надежно «подогнать» свое сознание, свой дух к сознанию мировому. Сейчас наша душа похожа на колесико часового механизма, вращающееся независимо от остальных. Нам нужно ввести ее в гармонию механизма вселенского разума. И силой сцепления тут служит любовь. «Все, что нам нужно – любовь», – Махариши лукаво посмотрел в сторону «Битлз».

В зале захлопали, принялись повторять эту фразу, но гуру вновь мягко заставил всех умолкнуть.

– Я не случайно произнес эту строчку. Законы бытия едины для всех и случается, что некто, никогда не слышавший об аюрведе и трансцендентальной медитации, интуитивно движется верным путем. Наши уважаемые гости, – он указал рукой на первый ряд, – сами того не ведая, подошли вплотную к мировой истине, стали ее проводниками в массы. Потому я особенно рад видеть их здесь. – Тут он, словно давая

команду, несколько раз хлопнул в ладоши.

Минут пять зал стоя аплодировал «Битлз». Успокоив зрителей очередным движением руки, Махариши продолжил:

– Итак, любовь. Чтобы влиять на мир, мы должны возлюбить его. Но как же узнать, случилось ли сцепление нашего Эго с мировым духом? Есть только один способ, один индикатор – наши чувства. Ощущение гармонии и радости. Они не часто посещают нас, поэты называют это вдохновением. Наша же задача сделать это чувство постоянным и естественным. Этому способствуют известные всем препараты... – (Зал загудел.) – Но я призываю: откажитесь от этих пагубных для тела костылей духа. Трансцендентальная медитация – метод более чистый и более эффективный. По своему опыту знаю: после того, как освоишь методику, достаточно медитировать лишь двадцать минут в день для поддержания постоянной связи с космосом.

Вдумайтесь! Единственное, что вам нужно: двадцать минут в день отдыхать неким особым образом. И наградой за упорство вам будет счастье и власть над миром. Я научу вас этому. – И, хихикнув, он добавил: – Каждому есть что скрывать. Кроме меня.

В зале раздались одобрительные смешки.

– Но лекцию на тему «Трансцендентальная медитация, ее техника и приемы», – как ни в чем не бывало, продолжал Махариши, – я, к сожалению, буду читать только послезавтра. И не в Лондоне, а в Северном Уэльсе, в Бангоре, на летней конференции Общества Духовного Возрождения. Буду рад, если кто-то из присутствующих отправится со мной в Бангор, но если вы не можете этого сделать, не отчаивайтесь. Вы будете иметь возможность познакомиться со стенограммой лекции и с другими материалами конференции здесь, в нашем хилтонском центре.

Тут же вы можете получить и вот эти брошюры. – Махариши снова потряс над головой разноцветными книжечками. – А сейчас, давайте, побеседуем, проверим, все ли вам понятно, крепка ли ваша вера. Ибо без веры вы не добьетесь и результата. Если у вас есть вопросы, задавайте мне их.

С мест вскочили сразу несколько человек, среди них был и Джон. Махариши благосклонно указал на него рукой.

– Я не знаю, как к вам обращаться... – начал Джон.

– Называйте меня просто – «учитель».

Джон усмехнулся, но, проглотив иронию, спросил:

– А вы, учитель, уже умеете влиять на мир?

– Конечно, мой друг.

- Покажите.
- Вы верите в Бога? – спросил Махариши.
- Да, конечно.

– Так попросите его, чтобы он немедленно наслал молнии на всех насильников и детоубийц, он же может... – В зале засмеялись. Махариши дождался тишины и задал следующий вопрос: – Вы умеете петь?

- Да, – кивнул Джон.
- Спойте.

Джон ошарашено огляделся.

– Ши лавз ю, йе-йе-йе... – неуверенно протянул он. Зал покотился со смеху.

– Нет, я так не могу, – заявил Джон. – Мне нужен аккомпанемент...

– Вот и мне нужен аккомпанемент, – посмеиваясь сказал Махариши. – Многих и многих душ, в том числе и вашей.

Джон сел, чувствуя себя посрамленным.

В другом конце зала раздался знакомый женский голос:

– Но другие люди, это не мы с вами...

Пол повертел головой и увидел, кто задает вопрос. Йоко Оно. И эта здесь... (Недавно он встретил ее имя в газете, в рубрике скандалов. Там сообщалось, что Йоко через кинокритика Сигеоми Сато отправила своим родителям в Японию флакончик с желтоватой жидкостью. Когда Сато прилюдно поинтересовался, что это, она, улыбнувшись, ответила: «Моя моча».)

Йоко продолжала:

– Они могут хотеть не того же, что и вы или я.

– Ошибаетесь, – ответил Махариши. – Все мы хотим одного: гармонии, радости и любви. Во всяком случае, только те, кто хочет этого, способен влиться в мировой дух...

Дискуссия длилась около трех часов. В зале витал запах травки. Кое-кто не смог дождаться постижения техники трансцендентальной медитации и воспользовался «костылями».

Когда лекция закончилась, Джон забрался на сцену и приблизился к Махариши:

– Мы можем поехать в Бангор с вами?

– Почему нет? – благосклонно улыбнулся тот. – Буду рад вашему обществу.

Джон спрыгнул со сцены. Джордж, Пол и Ринго ставили автографы на брошюры Махариши.

- Завтра выезжаем в Бангор, – объявил он.
- А обязательно? – заскулил Ринго.
- Обязательно!

Пробираясь с Синтией к машине, Джон повторял:

– Это то, что мне нужно, Син! Наконец-то я нашел! Это все намного серьезнее, чем я думал!

Они влезли на заднее сиденье роллс-ройса. Но не успела машина двинуться, как отворилась передняя дверца и кто-то еще плюхнулся вперед.

– Хелло, – сказал этот некто женским голосом, и Синтия с ужасом узнала Йоко Оно. На лбу у нее была нарисована черная ромашка.

– Подбросите меня к дому? – спросила Йоко, и было ясно, что она ожидает чего угодно, только не отказа. Сказав это, она достала сигарету и прикурила.

Водитель смотрел на Джона, ожидая его распоряжений.

– Отвези ее, – махнул рукой Джон.

Йоко обернулась к водителю:

– Энтони, слышал? На Дюк-Стрит.

По тому, что Йоко знает, как зовут шофера, Синтии стало ясно, что она уже не впервые в этой машине.

Всю дорогу супруги Ленноны ехали молча. А Йоко Оно медленно и монотонно сообщала новости из жизни лондонской богемы и рассказывала о делах своей выставки. Выходя, она сунула Джону и Синтии по карточке. На карточке Джона значилось: «Остывай медленно!» На карточке Синтии: «Знай!»

Войдя в дом, договорившись с няней Джулиана, миссис Роул, что завтра она придет рано утром, и отпустив ее, Синтия обернулась к мужу:

– Ты спишь с этой японкой?

– Не говори глупостей, Син, – скривился Джон. – Это просто смешная художница, которая рисует задницы.

Синтия чувствовала, что все не так просто, но зацепиться было не за что.

– Пока мы не научились медитировать, у нас есть еще «костыли», – сменил тему Джон. – Давай-ка «убьем себя»?

– Даже Махариши говорит, что наркотики – это плохо.

– «Даже», – передразнил Джон. – А мне хочется. Насколько я понял, быть в гармонии с миром, значит, делать то, что хочется. Завтра нам предстоит долгий путь...

– Нет, я не буду.

– Тогда ложись. Я один...

Его разбудил телефонный звонок. В трубке звучал голос Синтии:

– Джон, ты проснулся?

– Нет. Ты откуда?

– Утром позвонила миссис Роул, она потеряла ключи от своего дома, и не может выехать к нам. Поэтому мне пришлось отвезти Джулиана к ней. Тебе пора собираться. Я подъеду сразу на вокзал...

Но на поезд она опоздала, и Джон, в отличие от остальных «Битлз» и навязавшегося с ними Джаггера, ехал один.

Давненько они не ездили в поездах. Заняв свои купе, они боялись высунуть из них нос. А когда на вокзале в Бангоре они увидели огромную толпу встречающих, Джон предложил Махариши:

– Нужно проехать до следующей станции, а оттуда вернуться в Бангор на такси.

Жизнерадостно посмеиваясь, бородатый гуру успокоил его:

– Меня часто встречает множество людей, но никогда еще они не сделали мне ничего дурного.

Джон с сомнением глянул на Пола:

– Как ты думаешь, это действительно ЕГО встречают?

– Думаю, он ошибается, – ответил Пол.

Но они послушно сошли на перрон. Это чуть было не стоило им жизни. К ожидавшим их машинам они пробирались буквально с боем. Конечно же, подавляющая часть встречавших были сумасшедшими битломанами, а вовсе не сторонниками трансцендентальной медитации...

В первый день конференции Махариши учил слушателей постижению их собственной сущности.

– Спросите себя: являюсь ли я телом? – предлагал он и указывал на кого-либо.

– Нет, учитель, – отвечал избранный, – ведь тогда бы я не отличался от собственного тупа.

– Хорошо, – говорил Махариши, – так, может быть, вы тот, кем считают вас окружающие? – Он указал на Джорджа.

– Нет, учитель, – ответил тот. – Я и сам не знаю, какой я, и уж подавно этого не знают другие люди.

– Тогда, может быть, вы – просто животные? – спросил Махариши и обвел зал рукой, приглашая желающих высказаться.

Вызвалась Джейн:

– Нет, учитель, – сказала она. – Животные не умеют много из того, что умею я...

После трех часов подобных вопросов и ответов, все присутствующие согласились с гуру, что они просто-напросто не существуют...

Вечером в отель из Лондона дозвонился Эпштейн. Работники связи скоммутировали вызов в каминный зал, где «Битлз», Махариши и его приближенные, поглощая вино и фрукты, входили в гармонию с природой, ни в чем себе не отказывая.

Трубку взял Ринго.

– Какого дьявола! – кричал Эпштейн. – Я разыскиваю вас по всей Англии! Если бы не сюжет в теленовостях, я бы никогда не нашел вас! Вся страна знает, где вы, только не я, ваш менеджер!

– Мистер Эпштейн, – лепетал Ринго, – мистер Эпштейн, вы уж простите, что мы так, без предупреждения...

– Дай-ка мне лучше Пола!

Ринго с готовностью передал трубку, и теперь Эпштейн орал на Пола:

– Как ты мог?! Я ведь специально объяснял ситуацию именно тебе! Сегодня я подписал все документы связанные с магазином «Эппл-Бутик»^[109]! Кроме того, мы с Питером посчитали и пришли к выводу, что нам выгоднее иметь собственную фирму, она тоже будет называться «Эппл», и Мартин дал согласие работать в ней! Сегодня мы должны закупать оборудование, а вас нет!

– Брайан, – попытался успокоить его Пол, – ну что ты, в самом деле? Мы вернемся через несколько дней и постараемся сделать все, что нужно...

– Несколько дней! – не унимался тот. – Да за несколько дней может измениться ВСЁ!

– Дай-ка, дай-ка, я ему кое-что скажу, – стал выдергивать изрядно поддатый Джон трубку у Пола из рук. Завладев ею, он заорал:

– Привет Брайни! Мы постигаем тут великие истины, а ты лезешь со своими вонючими делами! Приезжай-ка лучше к нам, в Бангор! Тут такие девочки!

Окружающие захихикали.

– Мы тебя любим, Брайни, – крикнул Джон, улыбаясь, рот до ушей, – это главное! – Он выставил трубку на вытянутой руке и скомандовал остальным: – Ну-ка крикните ему: «Мы вас любим!»

– Мы вас лю-бим! Мы вас лю-бим! – с радостью проскандировали все.

– Понял? – крикнул Джон в трубку. – Приедешь, разберемся!

Назавтра, после очередной лекции Махариши, Джон, находившийся в последнее время с Полом в несколько натянутых отношениях, неожиданно сам явился в его комнату, поговорить. И речь завел почему-то о Йоко Оно:

– Если бы я знал, что не будет Синтии, я бы взял сюда Йоко.

– Дело зашло так далеко? – съехидничал Пол.

– Да брось ты! – скривился Джон. – Еще чего не хватало! Но башка у нее варит получше чем у меня и у тебя. Синтии все эти разговоры ни капли не интересны, а вот с Йоко есть о чем потолковать...

– И ты уверяешь, что вы – не любовники?

– Нет! – рявкнул Джон.

– Хм, – усомнился Пол. – А сцена после лекции в «Хилтоне»? Я же видел, как она влезла к вам в машину. Почему же ты ее не выставил?

– Говорю тебе, что-то в ней есть. Иногда мне кажется, что она знает что-то, чего не знаем мы. И тогда я думаю, что нам ее не хватает.

– В смысле?

– Если бы она торчала в студии, когда мы писали «Сержанта», он получился бы намного лучше. Уверен. Она тонко чувствует и парадоксально мыслит. И мне кажется, что она – одна из нас.

Пол насторожился:

– Джон. Нам никто не нужен. Спать, жить можешь с кем угодно, это твои проблемы. Хотя Синтия – настоящий друг, и мне было бы ужасно жаль, если бы вы расстались. Но это – твое дело. А работа – дело общее. И тут нам никто не нужен!

– Да вы что, сговорились, что ли?! Не собираюсь я спать с этой японкой! Хотя, вообще-то, мне нравятся японки... Просто, она – художница андеграунда. Она училась искусству всю жизнь. Она с теми, кто впереди. И она говорит, что «Битлз» остановились в развитии. А ты разве сам этого не чувствуешь?

– И «Оркестр Сержанта Пеппера» показал это наглядно, – усмехнулся Пол.

– А разве не так?! Мир бесится, это одно, но мы-то сами знаем, что к чему! Крутые аранжировки – это просто куча денег на студийное время! И что-то мы даже потеряли. Непосредственность, например. Рок-н-рольность. А главное, ничего ПРИНЦИПИАЛЬНО нового там нет.

– В смысле?

– Ты знаешь, что такое «хеппенинги»?

– Нет.

– Это театральные представления, которые устраивают хиппи. На

улице, на вокзале, в автобусе... Сплошная импровизация. Сюжет рождается на ходу... Вот это – шаг от классического театра. А мы – топчемся на месте.

– Йоко Оно предлагает нам стать уличными музыкантами?

– Не ерничай. Она действительно выдает интересные идеи. Например, она сказала, что шум дождя более ценен в эстетическом смысле, чем все песни «Битлз» вместе взятые.

– Спасибо ей за высокую оценку нашего творчества... А Синтия с нами из-за нее не поехала?

– Нет! – обозлился Джон. – Просто опоздала на поезд!

– Ой ли?

Джон окончательно помрачнел. Его не понимает *никто*. Разве что эта сумасшедшая японка...

– Значит так, – сказал он. – В записи нашего следующего альбома будет принимать участие Йоко Оно.

– В качестве кого? Твоей музы?

– В качестве полноправного участника группы.

Пол почувствовал, как по его спине пробежал холодок. И впервые он произнес:

– Если это случится, я отказываюсь работать в «Битлз».

– А если нет, то отказываюсь я, – встал на дыбы Джон.

– А ты знаешь, что она все еще замужем? – пошел ва-банк Пол, который навел о Йоко справки.

– И что с того? – холодно улыбнулся Джон. – Её муж – киношник, его зовут Энтони Кокс, и они вместе сняли отличный фильм.

– Про задницы? – съехидничал Пол. Но попал в самую точку. Кроме трехсот шестидесяти пяти голых задниц в фильме Йоко и Тони Кокса ничего не было.

– Если ты сейчас скажешь еще хоть слово, я прямо тут придушу тебя голыми руками, – процедил Джон.

– Это было бы логично. Ты ведь уже похоронил меня.

– И не капельки не жалею.

Стиснув зубы, Джон вышел из номера Пола, громко хлопнув при этом дверью.

В четыре утра из Лондона позвонил Питер Браун:

– Да? – сонно отозвался Пол.

– Пол, это ты?

– Питер? Ты с ума сошел. Знаешь, сколько времени?

– Знаю, Пол. Ровно полчаса, как я нашел Брайана мертвым.

Они вернулись в Лондон на следующий день. Девушки плакали. Мужчины потерянно молчали. Настроение их было примерно одинаковым. То один, то другой произносил фразу типа: «Больше не будет ничего...» или «Ну вот нам и конец...»

Прежде чем гроб с телом Эпштейна перевезли в сент-джонз-вудскую синагогу, он несколько часов простоял на столе в гостиной его дома. Друзья и родственники прощались с Брайаном.

Вскрытие показало, что причиной смерти явилась «передозировка лекарственных препаратов, содержащих бромистые соединения». Больше всего это походило на несчастный случай. Но Пол ни на минуту не поверил в это.

Войдя с воспаленными от слез глазами в кабинет Брайана, он оцепенел от ужаса. Весь пол был усыпан иглами гигантского ежа. Лишь минуты через две, немного придя в себя, он понял что это кто-то просыпал коробку зубочисток.

Стоя в скорбной группе провожающих, Пол вполголоса бросил Джону фразу, показавшуюся тому бессмысленной и одновременно оскорбительной:

– Можешь тащить свою косоглазую в студию. – В его голосе явственно ощущалась ненависть.

– Слушай! – вскипел Джон. – Нам всем сейчас паршиво! Это не значит... – он осекся. – Не хватало нам еще сегодня препираться...

Но пропасть между ними стала шире ровно на одну могилу.

На третий день после похорон Брайана «Битлз» и Питер Браун собрались на Сент-Джонз-Вуд, в доме Пола. Именно он настоял на необходимости общего сбора, повторяя: «Нужно что-то делать, нужно срочно что-то делать...», остальные впали в апатию: Джон продолжал накачиваться наркотиками, Джордж медитировал, а Ринго никогда не проявлял инициативы, предпочитая ждать.

Рассуждать о дальнейших перспективах всем им казалось, после смерти Брайана, едва ли не кощунственным. Кроме Пола. Он хотел работать. Он хотел противостоять вмешательству НЕОБЪЯСНИМОГО.

Джон выглядел настороженно. Это он должен был вести группу дальше. Но предложить ему было нечего.

– Брайан заключил договор с телекомпанией на съемку фильма, – начал Пол. – Наш долг снять этот фильм.

– Перед кем долг? – скептически спросил Джон.

– Перед Брайаном.

– Ладно, – согласился Джон.

– Кроме того пора заняться мультфильмом, – продолжал Пол. – Это сейчас очень популярно.

– Это еще одна идея Брайана? – недоверчиво усмехнулся Джон.

– Конечно, – спокойно ответил Пол.

– Я тоже это от него слышал, – подтвердил Питер.

– Та-ак, – протянул Джон. – А что еще наметил Брайан?

– Купить магазин готового платья, – сообщил Джордж.

– Это еще зачем? – поразился Джон.

– Как-то мы ехали с ним по улице, – пояснил Джордж, – и он, указав мне на магазинчик, сказал: «Мои зонтики носят только в ненастье, а модная одежда актуальна всегда. Вот куда следует направить ваши вклады...» Он сказал еще, что магазин будет называться «Эппл-Бутик».

– Пусть, – махнул рукой Джон. – Мне наплевать, куда «направлять наши вклады». Занимайтесь этим если хотите. А ничего связанного с музыкой, Брайан не планировал?

– «Эппл-Бутик», – это только часть его задумки, – сообщил Питер. – Брайан хотел создать целую сеть различных предприятий под единой маркой «Эппл», и один из филиалов – «Эппл-Рекордз» – собственная студия звукозаписи.

- Это уже интереснее, – кивнул Джон.
- А остальные филиалы чем будут заниматься? – поинтересовался Ринго.
- Всем подряд! – объявил Пол. – Пришел к нам толковый человек, принес хороший сценарий, и мы, без лишних проволочек снимем фильм. А если он что-то изобрел, поможем запустить проект в производство...
- Благотворительность? – усмехнулся Джон.
- Да нет же! Все это будет приносить нам деньги! Если только мы не окажемся полными идиотами, и не будем проталкивать всякое дерьмо.
- А мы не будем? – осторожно спросил Ринго.
- А ты как настроен? – строго посмотрел на него Пол.
- Я настроен не проталкивать.
- А за нас не беспокойся тем более. И назовем мы все это «Эппл-корпорейшен». Даже короче – «Эппл-корп»^[110].
- Вот это правильно! – обрадовался Джон. – Пусть людям будет сразу понятно, чем все это дело пахнет.

Скепсис Джона оказался вполне оправданным. Первым детищем новорожденной компании «Эппл-корп» стал фильм «Magical Mystery Tour»^[111]. Пол, взявшись за дело с воодушевлением, принял на себя функции сценариста и режиссера. Потому-то у фильма не было ни сценария, ни режиссуры. Он объявил:

- Мы наберем целый автобус лилипутов, толстух и разных придурков и поедем куда глаза глядят. Пока мы едем, с нами обязательно будут происходить всякие смешные случаи, их-то мы и снимем.
- А успеем? – не поверил Ринго.
- А не успеем, будем делать второй, третий или десятый дубль! – раздраженно ответил Пол.

И они поехали. Идея фильма (если это можно так назвать), была ностальгической. Одним из самых популярных, даже «возвышенных» видов отдыха в Ливерпуле считались поездки к морю по выходным. Горожане набивались в автобусы, загружали ящики пива, прихватывали аккордеониста и отправлялись на побережье Блэкпул. Подразумевалось, что ночь будет проведена в романтическом созерцании ночных огней... На деле созерцание длилось минут пять-десять. Остальное время ливерпульцы, напившись в хлам, всю ночь орали песни и плясали вокруг костров.

Так же случилось и на этот раз. Поездка длилась пять дней. Из

отснятого материала только минут пятнадцать было хоть немного осмысленно и могло куда-то пойти. Но Пол, несмотря на сомнения остальных, был в восторге:

– Это по-настоящему живое кино, – убеждал он. – Такого еще не было!

– Да уж, – соглашался Джон, считавший, что попытка была неудачной и лучше остановиться сейчас. – Не было. Это точно. А знаешь, почему? Потому что такое никому и не нужно.

– Но ведь будут еще песни! – продолжал настаивать Пол, – мы снимем их отдельно, и получится настоящий модернизм!

Последнее слово напомнило Джону о Йоко Оно. Вообще-то, все ее работы, с какой-то стороны, были не менее бессмысленны, чем отснятые ими кадры... Но они нравились ему. Возможно, после этого фильма «Битлз» действительно назовут модернистами? Эта мысль польстила Джону.

– Если так, – заявил он, – то пусть песни будут вставлены без всякой связи со всем остальным. Модернизм так модернизм. И не только песни. Давай наснимаем разных сценок...

– Например?

– Например, мне сон недавно приснился. Будто бы я официант. Я накладываю спагетти какой-то очень толстой даме. Лопатой. А она их ест – загребает прямо руками и пихает в рот... Пихает, пихает...

– Завтра снимаем! – вскочил Пол с деланным воодушевлением, надеясь, что эта сцена в фильм не войдет, но, заручившись таким образом дальнейшей поддержкой Джона.

Свою лепту в великое полотно внес и Джордж.

– На нашем мистическом волшебном пути мы должны встретить пять или шесть гуру, – сообщил он.

– Да? – с сомнением посмотрел на него Пол. – А много ты гуру встречал на дорогах Англии?

– Пора начинать, – невозмутимо ответил тот.

Почувствовав себя законченным модернистом, Пол во время записи видеоряда для песни «The Fool On The Hill»^[112], прыгая по горным склонам, высунул из ширинки член и с удовольствием помахал им. Однако, при просмотре, когда Питер Браун заявил, что этот момент следует уничтожить, он возражать не стал. Но несколько «порнографических» кадров на пленке оставили: для посвященных или особо внимательных.

Что вдохновило Пола на этот хулиганский поступок, мало вяжущийся с трогательным мелодизмом этой песни? Скорее всего ее текст – гимн

свободы и независимости от суждений толпы:

«Изо дня в день один на холме
Сидит он с улыбкой глупой, как в полусне;
И нет никого в округе,
Кто хотел бы его понять,
Его называют глупым,
Но дурак на холме
Через прорези глаз
Наблюдает смеясь
Круговерть бытия.

Так он сидит, виски в облаках,
И крик его – словно хор сердец на ста языках;
Но снова его не слышат,
Или это беззвучный крик?
Никто не подходит ближе,
Но дурак на холме
Через прорези глаз
Наблюдает смеясь
Круговерть бытия.

И он никому не нужен,
И не нужен ему никто,
А солнце по небу кружит,
И дурак на холме
Через прорези глаз
Наблюдает смеясь
Круговерть бытия.

И сверху он видит ясно,
Как люди внизу глупы,
Но это их злит напрасно:
Ведь дурак на холме
Через прорези глаз
Наблюдает смеясь
Круговерть бытия»[\[113\]](#).

И именно это пренебрежение к мнению окружающих сыграло с ними на этот раз злую шутку. «Беспомощная, безвкусная чепуха», – охарактеризовали эту работу критики, после выхода фильма по телеканалу Би-Би-Си. «Умственные способности „Битлз“ уникальны», – насмехалась «Дейли Мейл», «Хаос!» – заявила «Дейли Миррор»... В отличии от прежних случаев, с критиками были солидарны и многие рядовые зрители. «Эппл-корп» начинал оправдывать свое название.

...Джону рождественские праздники принесли еще один «подарок». Однажды в прихожей его дома раздался звонок. Вышла Синтия, а вскоре позвала и его. Выйдя, Джон увидел, как свое пальто вешает в гардероб Фред Леннон. Это была третья встреча Джона со своим отцом.

– А-а, папаша пожаловал, – поприветствовал Джон.

– А как же! – вскричал Фред, направляясь к нему с распростертыми объятиями. – В такой-то праздник и не поприветствовать родного сыночка! А?!

Джон повернулся к Синтии:

– Что-то зачастил к нам мой папочка?! Раньше раз в двадцать пять лет заходил, а нынче – не прошло и года.

– Так ведь сын ты мне или кто? – упорно не замечая иронии, продолжал Фред.

– Или кто, – подтвердил Джон.

– Вот и я говорю! – обрадовался Фред. – Люди не чужие. Говорят, и внук у меня уже есть?!

– Да ты что? – поразился Джон. – Поздравляю!

– Ну где он, где?! – продолжал Фред, словно не замечая сарказма. – Дайте мне его обнять.

– Дай, – кивнул Джон Синтии. Та молча удалилась в детскую. А Джон повернулся к отцу: – Чего пришел-то?

– Да уж не для того, что бы у тебя денег просить, – заверил Фред.

– Понятно, – ответил Джон двусмысленно.

Они прошли в гостиную и уселись за стол.

– Так вот, – со свистом втягивая спагетти в рот, заговорил Фред так, словно они не виделись от силы дня два. – Пластинку-то я – бац! – и выпустил. Спел неплохо. Даже хорошо. Но ее почему-то никто не покупает. А твои-то берут?

– Берут, – скромно подтвердил Джон.

– Это хорошо. А мои не берут. Зато я женюсь. Бац?!

– Бац, – согласился Джон.

– Ее зовут Паулин. Паулин Джонас. Хорошее имя, правда?
– Ничего, – согласился Джон. – Кто она по профессии?
– Да так, – ответил Фред уклончиво. – Мы сразу почувствовали влечение друг к другу.

– Значит, скоро у меня появятся сводные братья и сестры?
– С чего это ты решил?
– А как же. Ведь у нее, наверное, к такому возрасту, детей не перечесать?

– К какому возрасту?

– А сколько ей?

– Достаточно.

– А все-таки?

– Нормально...

– Ну?

– Ну, девятнадцать. Но она уже студентка.

Джон онемел. Фред тоже не спешил прерывать тишину. Наконец Джон вымолвил:

– Папа. Ты – педофил.

– А это еще кто?

– Растлитель детей.

– Не правда! – возразил Фред. – Паулина вполне зрелая девушка. Я проверил. – (Как раз в этот миг Синтия за руку ввела в гостиную Джулиана.) – Но детишек я и правда обожаю. – Вытянув свои мозолистые матросские руки он поманил внука: – Иди-ка, иди сюда к дедушке...

– Синтия! – скомандовал Джон. – Быстро уведи ребенка в спальню.

Синтия с готовностью выполнила распоряжение мужа.

– Что ж ты? – укоризненно покачал головой Фред. – С родным внуком не даешь понянчиться!

– С Паулиной своей нянчесь! – рявкнул Джон. Но тут же смягчился: – А вообще-то, ты, папаша, не промах. Интересно, смогу ли я в твои годы найти себе такую подружку?

– Тебе-то зачем? – удивился Фред. – Тебе сына растить надо. Сыну отец нужен.

– Да? – спросил Джон, и они долго молча смотрели друг на друга.

– Ха! – ударил Фред Джона по плечу, – молодец!

– Весь в тебя, – отозвался Джон. – Корень-то у нас один... Или твой засох уже?

Фред усмехнулся и, придвинувшись, подмигнул:

– Хороший корень – наше фамильное достояние. Твой-то, небось, тоже

ростки и на чужих участках пускает?

Сначала Джон опешил. Непристойные шуточки он считал своей эксклюзивной привилегией. Но вдруг он понял, что и Фред имеет на них право. В конце концов, не у каждого старого хрена есть девятнадцатилетняя невеста. И пауза перешла в раскаты дружного хохота.

– Так сколько тебе надо? – просмеявшись, спросил Джон.

– Опять ты про деньги! – покачал головой Фред. – Кто тебя только воспитывал?

– Да уж не ты, – заметил Джон.

– И то правда, – согласился Фред. – Тысяч двадцать мне хватит. На первое время.

– Дом купишь?

– Погоди с домом. Мы с Паулиной в свадебное путешествие собрались...

– Познакомишь хоть?

Фред внимательно посмотрел на сына.

– Молода она для тебя.

Джон хотел было засмеяться, но вдруг посерьезнел. В последнее время он часто чувствовал себя старым. Значительно старше Фреда. И уж если его и заинтересовала бы какая-то женщина, то не девятнадцатилетняя студентка.

– Подожди, – бросил Джон отцу, выходя из комнаты.

Он вернулся из кабинета с чеком на двадцать тысяч.

– Когда напутешествуетесь, заходи. Дом подыщем.

После «таинственной волшебной» поездки на автобусе, Джордж решил посетить родителей в Ливерпуле.

... – Тише ты! – зашипела Луиза Харрисон на ввалившегося в прихожую Харольда.

– Ты чего? – уставился тот на нее.

– Тс-с, – приставила к губам палец Луиза. – Он дома.

– А-а! – обрадовался Харольд. – Ну-ка, дайте-ка я его обниму.

Не обращая внимания на возражения жены, он вломился в комнату Джорджа и ошеломенел.

У дальней стены комнаты стояли на головах две фигуры в белых одеждах.

Харольд попятился и, выйдя в коридор, большими глазами посмотрел на Луизу:

– Это Джордж?

– А кто же?
– Они оба?.. Джорджи?..
– Совсем ты рехнулся, отец, – зашептала Луиза. – Слева – Джордж, а справа – невестка наша...
– А-а!!! – обрадовался Харольд. И рванулся обратно.
– Постой! – ухватила его за руку жена. – Не видишь, мальчик в нирване!
– А я думал, это пижама... – протянул Харольд.
Луиза посмотрела на мужа, как на конченного идиота.
– Совсем ты, отец, от жизни отстал. Элементарных вещей не знаешь!
Нирвана – это состояние.
– Большое?
– Состояние души, балбес ты старый!
– А-а, – примирительно сказал Харольд. – Так бы сразу и говорила... И долго им в ней еще быть-то, в нирване этой?
– Кто ж знает? – ответила Луиза. – Как приехали, три часа назад, капусты съели и встали на головы. Вот. Жду.
– Да-а... – протянул Харольд. – Может, перекусим пока?
– Капусты.
– А где цыпленок?!
– Я его, отец, соседям унесла. От греха подальше. Джордж увидит, больше не приедет.
– Точно. Тогда капусты.
Только Харольд устроиться за столом, как в кухню вплыло существо в белом.
– Наконец-то! – вскочил Харольд. – А я-то жду, когда вы из этой... как ее...
– Нирваны, – подсказала Луиза.
– Во-во! Когда вы из нирваны выйдете...
Белое существо, молча взяв со стола тарелку с капустой, исчезло за дверьми.
– Та-ак, – протянул Харольд. Но не успел он продолжить мысль, как в кухню вошло второе белое существо. Присев напротив Харольда, оно произнесло:
– Привет, отец. Познакомился?
– С кем?
– С Патти.
– Да уж. Поболтали... Это твоя жена, что ли?
– Ага.

– И чем она занимается?
– Замуж собирается.
– За кого?! – выпучил глаза Харольд.
– За моего друга. Его зовут Эрик Клэптон.
– Понятно. Чего ж она с тобой ездит?
– Эрик ничего в медитации не понимает. Но гитарист классный. Так что медитирует она со мной. А спит с ним. Иногда.
– Да-а... – продолжал удивляться Харольд.
– Сынок... – перебила их Луиза.
– Да, мама?
– А детишки-то у вас скоро будут?
– Сейчас спрошу, – ответил Джордж и удалился в свою комнату.
Харольд и Луиза, подождав на кухне полчаса, на цыпочках двинулись туда же. На порог комнаты была выставлена пустая тарелка из-под капусты. Они приоткрыли дверь. Двое в белом стояли на головах.
Луиза осторожно прикрыла дверь, и супруги вернулись на кухню.
– Вряд ли у них скоро будут дети, – констатировал Харольд. – Если они все время так...
– А у Эрика будут, – сокрушенно заметила Луиза.
– Конечно, – подтвердил Харольд. – Он ведь медитировать не умеет. И они понимающе переглянулись.

Прерванное смертью Брайана постижение тайн трансцендентальной медитации следовало продолжить. Джордж был уверен в этом. Джон соглашался, надеясь, что учение Махариши выведет его из глубокой депрессии, которую он научился преодолевать только с помощью наркотиков. Пол не возражал. А Ринго был всегда готов поддержать компанию.

Центр Махариши находился в живописном местечке Ришикеше, в Индии, где Ганг стекает с Гималаев в долину Куричектра... Джон и Джордж с женами прибыли первыми. Через несколько дней прилетели Пол, Джейн, Ринго и Морин.

Ринго, пыхтя, волочил два огромных чемодана. В одном была одежда, в другом – консервы. Его предупредили, что все тут питаются только растительной пищей. Ринго с супругой это не устраивало.

Вместе с «Битлз» в Ришикеше прибыли и их друзья, в том числе Майк Лав из «Бич Бойз», известная актриса, жена Френка Синатры, Миа Фарроу с сестрой Пруденс и конечно же Мик Джаггер.

Облачившись в сари и шальвары, они степенно прохаживались от

бунгало к бунгало. Махариши был демократичен. Он не утруждал их чрезмерными требованиями в изучении своей философии и пении молитв. Зато каждый вечер заканчивался буйными возлияниями. Тем паче, повод был: Пол и Джейн наконец-то объявили о своей официальной помолвке.

Но наркотиков в Ришикеше не употреблял никто.

Ринго отдыхал в свое удовольствие, во всяком случае, пока хватало консервов. Джордж и Джон слушали витиеватые речи Махариши, открыв рот, и, если чего-то не понимали, относили это к собственной порочности и ждали просветления. Пол тоже честно пытался вникнуть в суть трансцендентальной медитации. Но он хотел четко, раз и навсегда, решить, нужно ему все это или не нужно. И приставал к Махариши с вопросами в лоб:

– Я готов медитировать день и ночь, я готов половину заработка переводить на счет вашего центра, но только если буду знать точно, что ваше учение – высшая истина. Если все – ничто, то зачем мне стремиться стать лучше?

– Только твоя душа способна решить, что лучше, а что хуже для тебя, – уклончиво отвечал Махариши, похохатывая.

– Но ведь это – полный эгоизм. Я решу, что я хороший, и все. Мне что тогда, и стремиться не к чему?

– А решишь ли? – спрашивал Махариши. – Можно сказать, но не верить. Однако душу не обманешь, а значит, не обманешь и Бога.

– А как проверить, правда я так считаю или нет?

– Потому-то, что проверить никто не может, у нас и есть единственный судья – мы сами.

Пол слегка запутался. Даже когда он писал песни, он всегда считал, что хорошая песня та, которая нравится другим. И все же, что-то в логике Махариши заставляло его прислушиваться. Была какая-то тайна.

– Я понимаю, к истине мы должны прийти сами. Но вы скажите, в чем она? – напирал он. – Что вы от нас скрываете?

– Мне нечего скрывать от вас, – улыбаясь, погладил бородку Махариши. – Каждому есть что скрывать, кроме меня, – добавил он свою любимую фразу.

И Пол, и Джон, и Джордж в ожидании постижения истины сочиняли песни. Не часто им выдавалось такое количество свободного времени. Джон, медитируя и упражняясь с гитарой, дошел до того, что отселился от Синтии в отдельное бунгало. Она мешала ему и в том, и в другом занятии.

Поначалу она отнеслась к этому спокойно, как и к иным прихотям

мужа. Но однажды утром, зайдя в его жилище, она никого не обнаружила там.

Возвращаясь к себе, она повстречала Джаггера.

– Ты не знаешь, где Джон, Мик? – спросила она.

– На почте, – выпятил губы тот и пожал плечами так, что Синтии стало ясно: на почту ее муж ходит каждое утро. И она изменила свое решение. Вместо того, чтобы идти к себе, она вновь заглянула к Джону и порылась в его вещах. Под матрасом она нашла ворох очень коротких телеграмм: «Я облако. Ищи на небе!», «Обернись в себя!», «Умри и воскресни!»...

Подписи не было. Но Синтии и не нужна была подпись, чтобы узнать стиль автора.

Прожив в Ришикеше две недели и съев все консервы, Ринго и Морин первыми покинули лагерь ближайшим рейсом вертолета. Пол и Джейн, сославшись на уйму дел, уехали еще через месяц. Джон и Джордж не одобрили этого. Но вскоре переменили мнение.

Однажды в лучах заходящего солнца они сидели на заросшем бамбуком берегу Ганга и брэнчали на гитарах. Идиллическую картину прервало появление Миа Фарроу. Женщина выбежала из зарослей. Она была растрепанна и возбуждена. Остановившись, она одернула сари и тут только заметила Джона с Джорджем.

– Миа! – окликнул ее Джон.

Испуганно оглянувшись, Миа раздраженно махнула рукой и поспешила в лагерь. А через минуту из бамбука, похохатывая вышел Махариши.

– Что это вы там делали? – подозрительно спросил Джон.

– Чем теснее общение между людьми, тем ближе мы к небу, – туманно ответил тот.

Джон и Джордж переглянулись.

– Вы же святой?! – изумился Джордж.

– Тем более, – сказал Махариши. – Я ОБЯЗАН следовать желаниям своей души.

– Души?! – заорал Джон. – Я думал, это по-другому называется!

– Не вам судить, что и как называется у посвященного, – изрек Махариши и, не размениваясь более на разговоры, двинулся прочь.

– Мы уезжаем! – крикнул Джон ему в спину.

Махариши обернулся. Лицо его было не узнаваемо.

– Я убью тебя, проклятый ублюдок, – тихо сказал он Джону так, что у того зашевелились на голове волосы.

На следующий же день Джон, Синтия, Джордж и Патти покинули Ришикеше.

Встреча «Битлз» после Индии не была продуктивной, несмотря на то, что песен было написано более сотни. Однако накопились не только песни, но и насущные дела – семейные и коммерческие.

Поговорив, решили: следует еще немного отдохнуть, а уж потом всерьез взяться за намеченный мультфильм «Yellow Submarine»^[114] и очередной альбом, название которому еще не придумали.

Кроме того появилась и еще одна «головная боль». Вернувшись раньше Джона, Пол взял на себя инициативу в делах «Эппл-корп» и поместил в газете фотографию радостного старичка (старого друга Эпштейна – Алистера Тейлора) с объявлением под ней:

«Этот человек талантлив. Однажды он записал на магнитофон (взятый у соседа) свои песни, прислал нам пленку, письмо и фотографию. Теперь он уже купил „Бентли“. Если вы талантливы, сделайте как он!»

Письма и бандероли с записями хлынули нескончаемым потоком. Сначала их читали и прослушивали «Битлз». Но им не хватало времени и на собственный материал, так что пришлось нанять специальных людей. Через некоторое время мешками с почтой были забиты все шкафы и свободные углы офиса. А еще через некоторое время эту почту перестали даже распечатывать. Но «специальные люди» продолжали получать жалование.

Джон выбрал из написанного в Индии пятнадцать наиболее интересных вещей и сутки напролет оттачивал их, не выходя из дома. Синтия и Джулиан отвлекали его. Джон периодически раздраженно орал: «Джул! Иди поиграй с мамой!», «Син, отстань! Не видишь, я занят!...» В конце концов, однажды он предложил:

- Слушай, Син, может быть тебе куда-нибудь съездить? С Джулианом.
- Куда? – не поняла та.
- Ну-у... Например, вся наша компания собирается на отдых в Грецию.
- А ты?
- А я хочу поработать.

Сначала она обиделась. Но вскоре согласилась:

– Пожалуй, ты прав. Нам нужно отдохнуть друг от друга.

Джон обрадовался:

– Только по-настоящему близкий человек может понять, что временная разлука идет на пользу отношениям...

А Синтия подумала: «Если дело так пойдет и дальше, наши отношения станут просто прекрасными, перестань мы видеться совсем...» Но промолчала.

Жена и сын покинули его. И вскоре выяснилось, что его творчеству мешали именно они, а не люди вообще. Через пару дней в его прихожую ввалился Пит Шоттон.

– Приветик! – сказал он и по-хозяйски запнул ногой свою сумку под стол.

– А ты откуда?

– Решил навестить старого друга. Тысячу лет не виделись!

– А прошлым летом? – удивился Джон. – Когда я магазин тебе купил.

– Ха! Прoshлым летом не считается! Тогда я был безработным, а ты – суперзвездой. А сейчас и у меня лишние деньжата завелись. Вот и встретимся на равных.

– Тогда здравствуй! – обрадовался Джон.

Еще не была допита и третья бутылка виски, когда Джон спросил:

– А ты хоть иногда еще поигрываешь?

– На стиральной доске? – изумился Пит.

– Ну. Для души.

Пит посмотрел на Джона внимательнее, проверяя, не издевается ли он. Потом признался:

– Поигрываю.

Джон понимающе покивал головой, затем сообщил:

– Я тут, дома, студию оборудовал. Как раз время поработать... А ты пока в ванную иди. У Синтии есть классные стиральные доски. «Фендер».

– Он поднялся и пошел к двери. Пит, не зная, обидеться или последовать его предложению, тупо смотрел ему в спину.

Тут Джон обернулся и заржал во всю глотку:

– Иди со мной! Будем музыку записывать!

Несколько дней подряд они не выходили из студии, литрами уничтожая виски и обкуриваясь марихуаной. Километры пленки, заполненные их совместными творениями, прослушивались единожды и

после признания записи гениальной выбрасывались в мусорное ведро.

– Музыка на один раз! – восхитился Джон как-то ночью. – Это похоже на хеппенинг. Знаешь, что такое хеппенинг?

– Нет, – признался Пит.

– Это спектакль, который пишется прямо во время игры. Это хиппи придумали. Слушай! – воскликнул он. – А давай, я тебя познакомлю со своим другом!

– Как его звать?

– Это не «он». Звать Йоко.

– А кто оно?

– Оно.

Пит недоуменно уставился на Джона.

– Это женщина! – оскалился тот. – Японка.

– Женщина... – протянул Пит. – Ладно. Я, пожалуй поеду...

– Да ты не понял! Она не совсем женщина... То есть, она совсем женщина, но дело не в этом... Она просто мой друг.

– Давай так, – предложил Пит. – Я пойду посплю, а ты звони. Если она будет вести себя как друг, разбудишь. А если, как женщина...

– Сам проснешься? – подозрительно спросил Джон.

– Японки – не моя стихия, – возразил Пит. – Тогда буду спать.

Появившись, Йоко повела себя как друг. Но Пита Джон почему-то будить не стал. Возможно, потому, что и с ней он принялся за музыкальные эксперименты.

Сначала он проиграл ей кое-что из того, что они записали с Питом. Некоторые фрагменты были комическими, где они вдвоем ржали на разные голоса, несли чушь или пели всякий бред, другие – дуэты электрооргана со стиральной доской, а некоторые представляли собой «физиологические этюды» – икание, отрыжка, урчание живота и тому подобное с многократными наложениями и реверберацией.

Йоко утверждала, что это восхитительно, и что «Битлз» до этого далеко. Жаль, этого не слышал Пит...

– Хочешь попробовать? – предложил Джон, пододвинув ей микрофон.

– Я могу спеть японскую песню.

– Давай.

И она, закрыв глаза, запела. Гортанные хриплые звуки, похожие на весеннее мяуканье и мурлыканье кошки, поразили Джона. Чужой, словно марсианский, язык, чужая экзотическая мелодика завораживали его.

Когда настала тишина, он спросил:

– О чем эта песня?
– О двух девственниках. Они сидят у подножия Фудзиямы и боятся посмотреть друг на друга.
– А почему?
– Потому что могут влюбиться.
– Ну и что?
– Любовь часто бывает несчастной.
Джон усмехнулся:
– Ну, я-то, допустим, не боюсь.
– Я тоже, – бросила она. – Но давай, *сначала* запишем что-нибудь еще.
И они и продолжили свои музыкальные эксперименты. Заключительный творческий акт протекал в постели.

Первым, кого увидела Синтия, вернувшись домой, на день раньше обещанного, был Пит, свернувшись в калачик, спящий в кровати Джулиана. Она заглянула в другие комнаты, но везде было пусто. Только горы пустых бутылок свидетельствовали о том, что жизнь в ее отсутствии кипела тут ключом.

Джона она нашла на террасе. Он восседал за столиком в купальном халате. Йоко Оно, сидевшая напротив него, спиной к двери была одета в черное кимоно. Они пили чай.

Увидев жену, Джон начал подниматься:

– Синтия? Так рано? Что случилось? А где Джул?

Присутствие японки не обрадовало Синтию. Но оснований подозревать Джона в измене не было.

– Все в порядке, – ответила она. – Мальчик у миссис Роул. А вы тут как?

Вдруг ее взгляд поймал какое-то движение на полу. Это Йоко, не оборачиваясь, осторожно снимала домашние тапочки и ногами запихивала их поглубже под столик.

Синтия быстро наклонилась и подняла тапочки. Держа их на вытянутой руке, как дохлую крысу, она брезгливо сообщила:

– Это не мои тапочки. Чьё это?

Йоко встала. Повернулась и, глядя ей в глаза, многозначительно сказала:

– Моё.

Джон и Синтия молчали, пока Йоко переодевалась, удалившись в спальню, а затем, не прощаясь, покинула дом. Сразу после этого бросилась собирать вещи и Синтия.

Джон ходил за ней, неуверенно бормоча:

– Это не то, что ты думаешь... У нас чисто интеллектуальное общение. Мы записывали альбом...

– А тапочки?! – вскричала Синтия.

Джон не нашелся, что ответить и удалился в кабинет.

Несколько дней она прожила у друзей. Но потом, не выдержав, вернулась.

– Это были тапочки Пита, – сообщил ей Джон первым делом.

– Да?! – обрадованно воскликнула она, делая вид, что поверила. В конце концов, важно было не то, что тут произошло, а то, как к этому относится сам Джон.

Но уже через две недели он осторожно, явно нервничая, предложил:

– Син, а почему бы тебе не съездить в Италию?..

Именно в этой поездке она и получила сообщение о том, что Джон начал бракоразводный процесс, объявив... о ЕЁ супружеской неверности.

Как это часто бывает, друг в момент семейной драмы, пытался остаться другом для обеих сторон. Однажды Пол приехал к Синтии с Джулианом в Уэйбридж (Джон теперь жил с Йоко в доме Ринго на площади Монтегю-Сквер). Синтия была взволнована одинокой алой розой, которую Пол вручил ей, шутливо предложив:

– Ну так как, Син? Может, давай теперь поженимся?..

А ведь большинство ее прежних знакомых теперь отвернулись от нее, боясь испортить отношения с Джоном.

Весь вечер Пол объяснял ей, что не стоит принимать близко к сердцу очередную прихоть Джона.

– Посмотри на себя! – говорил он ей. – Ты – красивая, стройная, молодая блондинка! А теперь вспомни эту зверушку! Ты думаешь, Джон – совсем идиот?

– Конечно.

– Приведи пример.

– Моя «супружеская неверность».

Крыть Полу было нечем. И все же ему очень хотелось, чтобы его слова были правдой. Синтия была такой домашней, уютной, «ливерпульской»... А Йоко несла в себе загадку, одну из тех, которые ему так не нравились.

Синтия окончательно отбила у него желание спорить, сказав:

– Ты говоришь, он перебесится... Но вот ты, Пол, ведь никогда не поступил бы так с Джейн.

Он был вынужден признать ее правоту. Он бы так никогда не поступил. **Он не такой.**

Прощаясь, он потрепал по голове Джулиана и вдруг заметил, что глаза у того на мокром месте.

– Эй, Джул, – невесело усмехнулся Пол. – Не надо слез. – И добавил, делаясь своим старым секретом, которым пользовался с того дня, когда потерял мать: – Лучше спой, и все станет лучше...

Сидя в машине, он вдруг пропел про себя сказанные пацану слова. Мелодия появилась сразу.

«Эй, Джул, не надо слез,
Лучше спой, и растают тучи.
Запомни: лишь если в сердце печаль,
Ты сможешь стать немного лучше...»^[115]

Остальной текст и мелодия припева были написаны моментально. И Пол отправился к Джону показать новую песню, надеясь, что она заставит его еще раз подумать о том, верно ли он поступает.

Джон был, конечно же, с Йоко. Пол с удовольствием спел эту песню в ее присутствии: пусть косоглазая вспомнит, что это она лишает мальчика отца.

– Класс! это моё! – воскликнул Джон, прослушав, и вопросительно посмотрел на Йоко.

Та одобритительно кивнула.

– Как это твое? – не поверил своим ушам Пол. – Это моё!

– Твоё, моё... – усмехнулся Джон. – Всё равно подписано будет «Леннон и МакКартни»... Только знаешь что, – добавил он. – «Джул...» Получается как-то слишком по-семейному. Поставь какое-нибудь другое слово.

– Какое? – поразился Пол.

– Ну... Например, «джуд».

– Что еще за Джуд? Что это такое?

– Какая разница, – пожал плечами Джон. – Звучит нормально.

Именно в таком варианте новый хит и был записан на первой стороне сингла вместе с политической песней Джона «Revolution»^[116].

Вернувшись из очередных театральных гастролей, Джейн нашла в своей постели «не такого» Пола с девицей по имени Френсис Шварц.

Но этому предшествовал целый ряд событий.

В середине мая Джон и Пол отправились в Нью-Йорк, чтобы присутствовать на открытии американского отделения «Эппл-корп». Презентация прошла вяло, а пресс-конференция окончательно выбила их из колеи. Журналисты задавали вопросы, откровенно ответить на которые было просто невозможно.

«Правда ли, что отношения в „Битлз“ сейчас довольно натянутые?» «У нас натянуты только струны», – вымученно отшучивался Джон. «Будут ли „Битлз“ еще когда-нибудь заниматься музыкой или теперь вы предпочитаете бизнес?» «Наш бизнес – заниматься музыкой», – туманно отвечал Джон. «Последнее творение „Битлз“ – фильм „Таинственное волшебное путешествие“. Чем вы собираетесь компенсировать свой провал?» «Провал? – кривя душой, удивлялся Пол. – А нам так понравилось, что мы сняли еще и мультфильм. Он выходит через два дня»...

Особенно обозлил Пола вопрос: «С чем связан слух о вашей мнимой смерти?» «С глупостью журналистов», – отрезал он.

Когда репортеров разогнали, Джон побежал звонить Йоко, а Пол, чувствующий себя выжатым, развалился в кресле, прикрыв глаза.

– Хай, – услышал он мелодичный женский голос рядом.

Разомкнув веки, он обнаружил возле себя стройную блондинку с фотоаппаратом в руках.

– Меня не выгнали только потому, – сказала она, – что я призналась, что мы близко знакомы.

– Да? – удивился Пол, но тут же вспомнил ее. Это была Линда, дочка преуспевающего американского адвоката и бизнесмена Ли Истмана. Когда-то ее представил ему Питер Браун в клубе «Бег Оф Нейлз», добавив, что «эта пустышка мечтает выйти замуж за рок-музыканта». «И что? Не выходит?» – спросил тогда Пол. «Наполовину, – ответил Питер. – С ней спит Эл Купер и сразу двое из „Энималз“ – Чаз Чандлер и Эрик Бёрдон. Но она, похоже, еще выбирает...»

– Вспомнил, – признался Пол.

– Еще бы! – заявила Линда так, словно они, как минимум, прожили по соседству все детские годы. И тут же сняла с объектива камеры крышку. – Сиди так и не двигайся! В этом освещении ты прекрасен!

– А в другом? – стараясь двигать только губами, спросил Пол.

– Посмотрим, – ответила она многообещающе, непрерывно щелкая затвором. – У меня дома оборудован павильон, там можно подобрать

любой свет.

По дороге к ней Пол вспомнил о своем визите к предсказательнице из Брайтона. «Ты возьмешь в жены блондинку, и у вас будет четверо детей», – сказала та. «Слушай, – спросил он у Джона, имея в виду Джейн, – а рыжие считаются блондинками?» «Рыжие, они рыжие и есть, – ответил тот мстительно. – Это особая раса. Похлестче японцев».

«Не эта ли блондинка?» – думал Пол, искоса поглядывая на Линду, а когда она познакомила его со своей дочерью Хитер, он машинально отметил: «Детей осталось трое...»

Особняк семейства Истман, точнее, один из особняков, отданный Линде отцом в полное распоряжение, поразил Пола. Это был настоящий дворец – с высоченными потолками, массивными люстрами и витражами на окнах. Стены гостиной были увешаны портретами предков, а сама Линда вела себя тут, как королева. Она буквально парила над полом в длинном платье, мягко шурша шлейфом.

– Выбирай, – предложила она, грациозно изогнув кисть руки. – Мы можем ужинать при свете люстр, и я буду фотографировать тебя, а можем и при свечах. Но тогда фотографий не будет.

Пол предпочел второе.

– Оцени букет, – предложила Линда, протягивая ему бокал и слегка наклонилась, почти обнажив при этом грудь в глубоком декольте. – Это настоящий «Пол Массон» из погреба моего дедушки.

– А мне? – пискнула Хитер, незаметно пробравшаяся к столу.

– У тебя нос в говне, – галантно осадила дочурку Линда.

Пол чуть не захлебнулся вином.

– Конечно же, нам, американцам, далеко до вас, великосветских англичан, – как ни в чем ни бывало, продолжала Линда. – Но и мы чтим свои родословные. Мой прадед, например, был камердинером австрийского короля Вольфганга третьего...

– А прапрадедушка? – перебила ее Хитер.

– Говночистом! – рявкнула Линда. – Пошла вон, ты мешаешь взрослым!

– Бон ньюи, маман^[117], – шмыгнула носом Хитер и, сделав Полу книксен, удалилась в свою спальню.

– Прости, – обернулась Линда к Полу, – мне придется ненадолго покинуть тебя. Хитер не заснет без моей колыбельной.

Она укладывала дочь минут сорок.

С Полом это у нее получилось значительно быстрее. Он не

капризничал.

Вернувшись из Америки, Пол не обнаружил Джейн дома: она была на гастролях. Зато познакомился с сексапильной составительницей рекламных объявлений Френсис Шварц. Несколько раз он намекал ей на желание отужинать вместе, но дела постоянно заставляли его засиживаться в «Эппл» до глубокой ночи.

Однажды Питер передал ему записку от нее:

«Дорогой мистер Обманщик. Скоро я уеду домой. Когда я смогу Вас увидеть?»

Пол, достав из стола чистый лист бумаги, написал:

«В понедельник.

Мистер О.»

В назначенный срок Френсис появилась у него. Затащить ее в постель было нетрудно. Труднее было вытащить ее оттуда. Она быстро освоилась в его доме и даже стала готовить Полу его любимую запеченную фасоль с гренками.

Но смаковать свои творения она ему не позволяла. Пока он ел, она нетерпеливо сновала по столовой, а иногда, не утерпев, отбирала у него вилку и тащила в кровать.

Только пару раз он ухитрился вырваться от нее на студию, и служащие с удивлением замечали, как нехарактерно он выглядит – помятый костюм, непричесанные волосы и многодневная щетина на щеках. При звуках женского голоса он вздрагивал и старался куда-нибудь уйти.

Но домой ему возвращаться приходилось: хитрая Френсис напрочь отказалась выгуливать и кормить его любимую собаку Марту.

Он окончательно потерял счет времени. Однажды его разбудил сигнал переговорника, установленного на калитке ограды вокруг дома. Он включил динамик и услышал взволнованный совсем незнакомый женский голос:

– Пол! Пол! Джейн приехала!

– Умнее ничего не могли придумать? – пробурчал он и отключил связь. Не мог же он догадаться, что это поклонницы, дежурившие возле дома, пытаются предупредить его. А Джейн в это время уже отмыкала входную

дверь.

Он снова провалился в сон, но тут же проснулся от стука в дверь спальни.

– Это я, я вернулась! – услышал он голос за дверью. Теперь уже это без сомнения была Джейн.

Френсис вскочила и стала одеваться, но Пол показал ей жестом, чтобы она вела себя тише. Джейн постучала еще несколько раз. Пол и Френсис с вытянутыми физиономиями сидели на краешке кровати.

Стук прекратился, и Пол услышал шаги Джейн по лестнице вверх.

– Быстро! – шепнул он Френсис.

Сунув скомканную одежду под мышку, та, в одной сорочке, на цыпочках последовала за Полом к двери. Он осторожно открыл, и они крадучись двинулись вдоль стены.

– Я так и знала, – раздался ледяной голос сверху. Пол и Френсис замерли и подняли головы. Джейн стояла на верхней ступеньке, презрительно глядя на них.

Сборы Джейн были недолгими. (Позднее за вещами и посудой приехала ее мать.) Когда Френсис намекнула, что, мол, теперь-то она могла бы остаться тут и подольше, Пол заорал то, что хотел сказать уже давно:

– Пошла вон, дура ненасытная! Мне надоела твоя фасоль!

Пол запер за ней дверь и, опустошенный, вернулся в спальню. И тут же раздался телефонный звонок:

– Ты дома, милый? – раздался из трубки голос Линды. – А я в Лондоне. Зайти?

– Конечно, дорогая, – удивляясь сам себе, сказал Пол, – в последнее время мне так одиноко...

Мультфильмом «Желтая подводная лодка» «Битлз» действительно взяли реванш за предыдущее кино. Хотя, по правде сказать, сами они в работе над ним практически не участвовали. Картинки рисовал немецкий художник Хайнц Эйдельсман, музыку (семь оркестровых пьес) написал Джордж Мартин. Заслуга «Битлз» состояла лишь в том, что в мультфильм было включено шесть ранее записанных ими песен, да еще в том, что именно они (изображенные в стиле детских рисунков) были главными действующими лицами сюжета.

«Битлз», как экипаж «Желтой подводной лодки» боролись в этой картине с уродливыми монстрами, которыми кишит планета. Но музыка и любовь побеждали. Ура.

Однако успех фильма вовсе не означал, что дела «Эппл» идут в гору. Например, магазин одежды «Эппл-бутик», проработав полгода и принеся двести тысяч фунтов стерлингов убытка, был закрыт. Дело даже не в убытке, а в том, что Йоко постоянно капала Джону на мозги: «Это смешно. „Битлз“ торгуют тряпками. Это портит вам имидж. Журналисты уже называют вас барахольщиками...» И магазин в конце концов закрыли, а остаток – товары на сумму семьдесят тысяч фунтов – был роздан случайным прохожим. Правда, не только случайным. Сама Йоко была первой, кто набил одеждой из «Эппл-бутика» полный джонов «роллс».

Но «игра в бизнесменов» продолжалась. Особенно усердствовал Пол. Он даже перенял замашки заурядного клерка: носил темный неброский костюм и на работу ездил в автобусе или метро.

Джон бывал в «Эппл» реже. Но, лишь появившись в конторе, сразу же отдавал распоряжения, прямо противоположные указаниям Пола. Перечить Джону боялись, и Полу потом долго приходилось расхлебывать то, что заваривал Джон. В результате работа фирмы была хаотичной и бестолковой.

Персоналом офиса руководил теперь Пит Шоттон. Что не прибавило в «Эппл» порядка. Часто Пол и Джон натыкались тут на абсолютно незнакомых им людей, занимающихся неизвестно чем. К изумлению Пола и Джона они оказывались штатными сотрудниками фирмы, исправно получающими жалование. Что, впрочем, не мешало им и приворовывать. Хотя воровали не только они, но и все поголовно. Это был фирменный стиль «Эппл».

Перед входом в контору на Сэвил-Роу, 3 вечно толклись грязные нечесанные хиппи. Время от времени они просачивались в офис, в специальную комнатку, где сотрудник фирмы Дерик Тэйлор выдавал каждому страждущему бутылку виски и сигарету с марихуаной. Раньше Дерик был руководителем пресс-службы «Эппл», однако мало-помалу его функции свелись к вышеназванным. Только на этом «Эппл» ежемесячно теряла до шестисот фунтов.

Никто не знал, что нужно тут всем этим людям. В каждый кабинет стояли длинные очереди гениев. Приходило несколько мессий. Особым уважением пользовались двое постоянных «клиентов». Во-первых, дни напролет не вылезавший из-за стола художник Стоки, рисовавший исключительно половые органы и время от времени подсовывавший свои творения самой молоденькой и симпатичной работнице студии по имени Дебби. Во-вторых, любимчик Джона, «чудо-изобретатель» Алекс Мардас, обещавший человечеству с внедрением в жизнь своих изобретений такой технический прогресс, что на всей земле сразу сам собой наступит коммунизм. Правда, ни один из ста его патентов так и не был зарегистрирован, даже фосфорная краска для страшных детских книжек, читаемых в темноте, штопоровидные зубочистки и универсальная резиновая груша, способная служить как медицинской клизмой, так и автомобильным клаксоном...

Понемногу начал записываться новый альбом. Но бедлам в студии и неразбериха в личных делах определили и соответствующий стиль работы. Ни одна песня теперь не писалась ими вчетвером. Джон работал сам по себе, притаскивая в студию своих знакомых музыкантов, Пол – своих. К чему-то приложил руку и Мартин.

Записывая свою песню «While My Guitar Gently Weeps»^[118], Джордж нашел смелость признаться себе, что его техника игры по нынешним временам недостаточна, и тогда нежно заплакал вовсе не его инструмент, а гитара Эрика Клэптона.

Самым ненужным чувствовал себя в сложившейся ситуации Ринго. Иногда, придя в студию, он находил себе работу. Но когда не приходил, никто не возмущался. Оказывалось, что его прекрасно заменил кто-нибудь другой. С одной стороны, Ринго хотелось работать. С другой, при подобном раскладе, гордость не позволяла ему продолжать считать себя частью «великих „Битлз“».

Однажды с этим вопросом он явился к Джону с Йоко. Они все еще

жили в его доме, и больше всего Ринго боялся, что Джон истолкует его порыв превратно. Так, само собой, и получилось.

– Я решил уйти из группы, – объявил Ринго.

– И что нам теперь? Выметаться? – спросил Джон обреченно. После бурной ночи его мучили «ломки».

– Я не про то, – насупился Ринго. – Просто я заметил, что у вас-то с Полом и Джорджем тесная компания, а я – лишний.

– Да? – искренне поразился Джон, – а я-то думал, что это у вас троих тесная компания.

Но Ринго не поверил ему.

– Мне все время платят какие-то деньги, – продолжал он. – И не маленькие. Я, конечно, не против, но я же ничего не делаю, и когда-нибудь вы скажете мне: парень, а за что это ты их столько получил?

– С чего ты взял? Ты же наш барабанщик.

– Я плохой барабанщик. Не такой, какой нужен «Битлз». Да вы и сами все время других приглашаете.

Джон не был расположен к дискуссии.

– Я против таких разговоров, – сказал он. – Остальные, думаю, тоже. Но, если хочешь, обсуди и с ними...

Линда уехала в Америку, и Пол, которому без нее было ужасно одиноко, встретил Ринго так радушно, что тот вдруг понял, что не может говорить с ним на грустную тему.

– Привет, – поздоровался он.

– Привет! – излучая радушие, вскричал Пол. – Вафли любишь?

– Вафли? – удивился Ринго. – Люблю.

– Я вафельницу купил, – пояснил Пол. – Как Джейн ушла, я стал учиться готовить сам.

Ринго присел за кухонных стол и принялся хрустеть вафлями.

– Молока? – предложил Пол.

– Угу, – промычал Ринго.

Пол налил ему стакан молока.

Ринго поглощал вафли, а Пол, в умилении, молча смотрел на него. Потом спросил:

– Может, мне бороду сбрить?

Ринго остановился и посмотрел на него внимательнее.

– Не-а, – сказал он. И принялся за следующую вафлю.

Когда вафли кончились, он поднялся и виновато спросил:

– Ну, я пойду?

– Подожди, подожди, – попытался остановить его Пол. – Я сейчас еще напеку.

– Дел навалом... – извиняющимся голосом сообщил Ринго.

Уже стоя за воротами, он произнес про себя слова, которые хотел сказать Полу: «Я уйду из „Битлз“... У вас троих тесная компания...» Все это звучало довольно глупо. Но все-таки он отправился в бунгало Харрисона.

– Я уйду! – поспешно выпалил он Джорджу, найдя того копающимся на участке земли. Ринго побоялся, что снова не решится на откровенность, как это получилось с Полом.

– Да погоди ты, – остановил его Джордж, воткнув лопату в землю – ты же ведь еще и прийти не успел.

– Да я не про то... – промямлил Ринго. Весь его пыл улетучился. Но неожиданно Джордж сам понял, о чем идет речь:

– Уходишь из «Битлз»?

– Ага, – сказал Ринго, и почувствовал, что ему хочется побыстрее сесть в машину и смыться отсюда.

– Уходишь из «Битлз»?! – повторил Джордж угрожающе.

Ринго затравленно кивнул.

– Ну и правильно, – сказал Джордж. – Я тоже.

– Нет-нет, – запротестовал Ринго, – тебе нельзя. У вас троих – тесная компания...

– В том-то и дело, что мне в ней тесно, – загадочно сказал Джордж.

– Потерпи, – попросил Ринго.

– Тогда и ты терпи.

Они расстались, ни до чего не договорившись. А на завтра стало известно, что Ринго с Морин и детьми уехал в Париж.

Тут остальные словно очнулись. Пол, покрывив душой ради высшего блага, дал ему короткую, в стиле Йоко Оно, телеграмму: «Ты лучший!». Джон позвонил по телефону и полчаса ругал его самыми грязными словами за то, что тот своим отъездом срывает ему запись песни «Good Night»^[119], которую, оказывается, должен был петь именно Ринго. А Джордж решил действовать через третьих лиц. Однажды в комнату парижского отеля, где остановилось семейство Старки, вломилось семь развязных гуру. Не обращая внимания на оторопь жильцов, гуру принялись рассказывать им про *ничто*, и говорили до тех пор, пока Ринго не бросился собирать чемоданы.

Смущаясь, он вошел в студию... И поразился приему, который был ему оказан (зачинщиком этой встречи выступил Джордж). Павильон был украшен гирляндами цветов, а плакаты на стенах гласили: «Трах-тарарах!» и «Бум-бум-бум!» Персонал «Эппл» во главе с Нилом Аспином и Мэлом Эвансом пели хвалебную песнь.

Пол взял Ринго за руку, подвел к барабанам и торжественно объявил:

– Это ТВОЯ ударная установка....

– Да? – удивился Ринго. И было чему удивляться. Он уже лет пять знал, что это ЕГО ударная установка.

Воодушевленный, Ринго не только спел «Good Night» под великолепный аккомпанемент симфонического оркестра, приглашенного Мартином (что сделало эту песню не менее «классической», чем «Yesterday»), но и записал композицию собственного сочинения – «Don't Pass Me By»^[120], притащив для этого настоящего уличного скрипача, которого подцепил в подземном переходе по дороге в студию.

Пол вновь сделал сюрприз своей любимой собаке, записав фокстрот «Моя дорогая Марта»^[121]. А вдохновение для написания «Back In The USSR»^[122] он почерпнул из факта отъезда менеджера «Эппл» Вика Льюиса в Москву. Однако договоренность не состоялась, и в Советском Союзе «Битлз» так и не появились.

Песня Пола «Helter Skelter»^[123] в первоначальном виде звучала двадцать пять минут, и только стараниями Мартина и его огромных ножниц была приведена к нормальной длительности. Тут, пожалуй, впервые «Битлз» звучали, как группа хард-рока. Несмотря на невинный текст, тинейджерами эта песня воспринималась как призыв к «беспределу». На двадцать первом дубле Ринго, не выдержав, заорал: «У меня уже волдыри на пальцах!»^[124] Этот выкрик тоже попал на пластинку.

Джон проехался по Махариши. Истории знакомства с ним «Битлз» и их последующего разочарования посвящены сразу три песни – «Дорогая Пруденс»^[125], «Сексуальная Сэйди»^[126] и самая ехидная, в название которой Джон использовал любимую поговорку гуру и добавил кое-что от себя: «Каждому есть, что скрывать, кроме меня... и моей обезьянки»^[127].

Тогда же Джоном были записаны две самые лиричные и самые пронзительные его песни того периода – абстрактно-депрессивная «Happiness Is A Warm Gun»^[128], в замысловатом тексте которой угадывались мотивы сексуальной неудовлетворенности, агрессии и

отчаяния, и удивительно простая и нежная «Julia»^[129]. (Последнюю экономный Джон ухитрился посвятить одновременно и матери, и Джулиану, и даже Йоко.)

«В том, что я скажу – значенья нет,
Лишь бы ты смогла услышать, Джулия.
Джулия, *дети волн* шепчут мне что-то,
Вот я и пою в ответ: „Джулия...“
„Джулия“, – шепчет мне губ твоих ветер.
Слышишь, я пою в ответ: „Джулия...“»^[130]

(«Дитя океана» – дословный перевод с японского имени Йоко.)

Песен оказалось так много, что было решено выпустить альбом из двух пластинок.

Модернистская композиция «Революция № 9», созданная Джоном вместе с Йоко (в стиле их памятной ночной записи), вызвала скандал в студии. Это была даже не песня, а набор звуков с улицы, пущенных в обратную сторону фрагментов звучания оркестра и бессвязной речи, время от времени заглушаемый бормотанием Джоном: «Номер девять. Номер девять...»

Когда Джон поставил в павильоне кровать для Йоко, Пол, хотя и был возмущен до глубины души, вслух не противился. Ведь, в конце концов, смерть Брайана когда-то убедила его в том, что Йоко – одна из них. Но терпеть на пластинке «Битлз» подобную околесицу он не желал. К тому же опыт показал, что подобные эксперименты успеха у публики не имеют. Ту домашнюю запись с Йоко Джон ухитрился выпустить отдельным альбомом под названием «Two Virgins»^[131], на обложке которой эта не самая красивая парочка была сфотографирована голыми... Ничего кроме неприятностей Джон от этой пластинки не имел.

«Революция № 9» также не обещала особого успеха. Но в конце бурного разговора с Полом Джон, пересыпая речь непристойностями, заявил: «Или эта <...> ПЕСНЯ войдет в <...> альбом, или я <...> выхожу из <...> „Битлз“...» И композиция была таки включена. Ее поставили в самый конец второй пластинки.

Вещи на этих двух дисках были такие разношерстные, что альбом, не без горькой иронии, решили назвать просто «Битлз», а конверт оставили абсолютно белым. Но успехом он, несмотря ни на что, пользовался

ошеломительным.

Мстительный Джон остался верен себе. Уже после выхода альбома Пол (из газет) узнал, а затем и убедился лично, что среди прочей ахинеи в «Революции № 9» присутствует записанная в обратную сторону реплика Джона: «Я похоронил Пола...»

– Чего я не понимаю, – жаловался Пол Линде, когда она переехала к нему, – так это, почему он не скажет мне прямо: «Я тебя ненавижу...» Нет, на студии мы вполне ладим, и вдруг оказывается, что он снова подложил мне свинью.

– Может быть, он так шутит?

– Ничего себе шуточки! На днях ко мне подскочил какой-то идиот из газеты и начал разговор: «Мистер Кемпбелл...» И смотрит, как яотреагирую.

– И как ты отреагировал?

– Да так... – замялся Пол. – В твоём стиле.

– Изысканно попросил не приставать с глупостями?

– Да, что-то вроде... Послал его в зад.

Линда смерила Пола тяжелым взглядом. Несмотря на вольности, которые она себе позволяла, она считала себя девушкой утонченной и благовоспитанной.

Остальные «Битлз» да и многочисленные поклонницы Пола ее не особенно жаловали. Одна из формальных причин – ее нежелание в соответствии с лондонской модой брить волосы под мышками и на ногах. «Я знаю, за что ее так любит Пол, – заметила как-то одна из „тусовщиц“ – Марго Стивенс. – За то, что она еще волосатее, чем он».

Слова о воспитании заставили Линду вспомнить об отце:

– Кстати, – сказала она, – звонил папа. Он подтвердил свою готовность стать вашим менеджером.

Эта идея казалась Полу вполне удачной. Ли Истман был богат, он преуспевал и имел солидную юридическую практику. Даже его аристократическая внешность имела немалое для Пола значение. Истман был высок, подтянут, всегда с иголки одет, а его орлиный взгляд выдавал проницательность и решительность. И уж во всяком случае Истман давал сто очков форы некоему Аллену Клейну, уже давно набивавшемуся к «Битлз» в менеджеры. Аллен был груб, неотесан, крикливо одет и не расставался с толстенной дымящейся сигарой.

– Есть только одно «но», – продолжала Линда.

– Какое?

– Наша настоящая фамилия – Эпштейны.

Пол обомлел.

– Почему ты не сказала мне об этом раньше?!

– А это что-то меняет?

– В смысле тебя, конечно, нет. А вот в смысле менеджества – кардинально! Когда я скажу, что твой отец – Эпштейн, никто и спорить не будет!

Но радость Пола оказалась преждевременной. Стоило ему лишь заикнуться о Ли Истмане и назвать его настоящую фамилию, как Джон саркастически рассмеялся:

– Ты что же, Макка, думаешь, для успеха дела достаточно обзавестись новым Эпштейном? Не-ет, дружок, Эпштейн Эпштейну рознь...

Как бы там ни было, Пол прекрасно понимал, что марка «Битлз» – главное, чего они достигли за эти годы. И они обязаны подтверждать свою репутацию «великих» новыми дисками и фильмами. Особенно хорошо было бы хоть изредка давать публичные концерты... Но он признавал и то, что при нынешних отношениях в группе все это почти невозможно. Единственным человеком, на кого он мог положиться всецело, или кого он хотя бы мог уговорить, был безотказный Ринго. И Пол пригласил его к себе.

– Вафли? – сказал он скорее утвердительно, чем вопросительно и посмотрел на Линду, ожидавшую распоряжений в дверях.

– Можно, – Ринго робко пожал плечами.

Пол кивнул Линде, и та, эффектно покачивая бедрами, отправилась на кухню.

Ринго, сам того не желая, причмокнул:

– Кралю ты себе отхватил, что надо!

– Я долго искал, – сказал Пол, делая вид, что слышал в его словах только одобрение. – Ну что, поговорим?

– Поговорим, – согласился Ринго.

– А о чем? – Пол выжидательно смотрел на него.

– Вот и я все думаю, о чем?

– А ты не догадался?

– Догадался, – мрачно признался Ринго.

– Да? – удивился Пол. – И о чем же?

– Ты будешь учить меня играть на барабанах.

Пол помолчал, обдумывая услышанное, потом спросил:

– А ты не умеешь?

– Ну... – протянул Ринго. – Не знаю... – При этом он думал, что правильнее: заявить, что он самый лучший в мире барабанщик или с благодарностью выслушать поучения Пола, которыми тот в последнее время выводил из себя Джона и, в особенности, Джорджа.

В гостиную вошла Линда:

– Ну как вы тут? – она поставила на стол вазу с вафлями и строго посмотрела на Пола. – Ты ему уже все рассказал?

– Почти, – ответил Пол. – Мы славно поболтали.

– Ну вот и хорошо, – сказала Линда и стала разливать ананасовый сок.

– А у меня тоже есть о чем поговорить с тобой, Ричи. Правда ли, что ты хочешь заниматься дизайном мебели?

– Да, вообще-то... А откуда ты знаешь?

– Пишут, пишут... Тебе не кажется, что этот дом требует совсем иного подхода к интерьеру? Мнится мне, – она величественно подняла голову и плавным жестом обвела комнату, – все тут должно быть совсем по-иному. Стены нужно украсить гобеленами и прелестными картинами, в углах должны стоять напольные вазы с цветами, а мебель должна быть темной и изысканной. Не правда ли?

– Угу, – согласился Ринго с набитым вафлями ртом.

– Я же говорила, Пол, что Ричи – единственный из вас, кто обладает настоящим художественным вкусом...

Тут из кухни просочился запах подгорающего теста и Линда, всплеснув руками, покинула мужчин. Пол потряс головой, словно отгоняя видение, затем повернулся к Ринго, строго посмотрел на него и рывкнул:

– Хватит жрать! Ты что, вафель никогда не ел?!

Ринго утвердительно помотал головой, но на всякий случай положил недоеденную вафлю обратно в вазу.

– Ты сюда вафли жрать пришел?! – напирал Пол.

– А зачем еще? – пролепетал Ринго.

– За тем! – передразнил его Пол. – Посоветоваться надо. Меня никто не хочет слушать. Предложение такое. Ты в «Битлз» становишься главным. Я говорю тебе, что нужно, а ты уже разговариваешь с Джоном и Джорджем. Тебя слушают.

– Меня? – усомнился Ринго.

– Тебя, тебя!.. Вот, например: пора дать живой концерт.

– Живой? – не поверил своим ушам Ринго. – Не-е, они не согласятся. Играем-то мы дерьмово. По сравнению с Джимми Хендриксом или Джефом Бекон мы просто школьники...

– Да ты... – начал Пол, но закончить не успел. Вновь появилась Линда с ворохом вафель.

– Немного подгорели, – сообщила она. – Но только с одного конца. Если немного недоедать, даже вкуснее. – Пол недобро смотрел на нее. – Так вот, – продолжала она, не замечая его взгляда, и присела за столик. – А в зале, посередине, должна стоять античная скульптура. Или еще лучше – фонтанчик. Например, писающий мальчик...

– Или срущая девочка! – злобно рывкнул Пол. – Ты нам дашь поговорить, в конце концов, или нет?!

– Ну ладно, ребята, – Линда с виноватым видом поднялась. – У меня

еще дел полно...

– Значит, не хочешь быть главным? – обернулся Пол к Ринго. – Тогда давай, хотя бы договоримся, что ты меня поддержишь.

– В чем?

– Мы должны записать новый альбом. И выступить с концертом. А все это будет сниматься на пленку, и получится фильм. Ты – за?

Ринго задумался. Потом сказал:

– А когда я был против?

Как ни странно, со стороны Джона и Джорджа идеи Пола не встретили серьезных возражений. Возможно, сказались и предварительные намеки Ринго. В принципе, можно было пойти по давно накатанному пути: записывать то, что есть и отдавать материал на «доводку» Мартину. Но задача была другой. Потом они все это должны были суметь сыграть вживую. И впервые для работы был приглашен пятый. Черный клавишник Билли Престон, которого «Битлз» знали еще по «Звезде».

Сначала решили, что запись будет производиться в той же студии, что и всегда. Но Пол заявил, что «кухня» никому не будет интересна. «Битлз» – это сказка. И все в этом фильме должно выглядеть сказочно. И оборудование из «Е.М.И.» перевезли в просторный, устланный коврами павильон киностудии. За его аренду приходилось платить, поэтому «Битлз» привозили туда утром, в наиболее дешевое время.

Все они давно уже отвыкли вставать в такую рань и чувствовали себя отвратительно. Вокруг них суетились толпы техников, операторов и гримеров... Сверкали софиты, катались кинокамеры... Режиссер Линдси-Хогг или какой-нибудь его помощник могли в любую минуту остановить работу криком: «Стоп, стоп, стоп! Дубль третий!» Сочинять и записывать музыку в таких условиях было просто невозможно.

Ситуацию спасало только присутствие Престона. Он-то принимал все это за чистую монету, вертя головой и глядя на все своими наивными негретянскими глазами. Именно так, думал он, и проходят будни великих «Битлз». Остальным не хотелось разочаровывать его признанием, что все это – чистейшей воды показуха, ведь он был частью их счастливого прошлого. И они подавляли свое нарастающее раздражение.

Лезущая во все дыры со своими советами Йоко Оно только усугубляла обстановку.

Первым не выдержал Джордж. Когда, во время записи «Get Back»^[132] Пол сделал ему очередное замечание, тот, забыв о кинокамерах, мрачно сказал:

– Хорошо. Я сыграю так, как ты хочешь. А если скажешь, я и вовсе не стану играть...

Питер Браун, находившийся тут же, вполголоса сказал Мартину:

– Это затишье перед грозой. Если бы был жив Эпштейн...

Мартин невесело усмехнулся:

– «Мальчики! – сказал бы Брайан. – Вчера мне приснился удивительный сон. Что вы все-таки сумели записать пару приличных песен...»

На следующий сеанс съемок Харрисон не явился. Когда встревоженный Пол позвонил ему, он сказал, что больше не работает с «Битлз». Уговаривать его отправился главный специалист фирмы «Эппл» по щекотливым ситуациям Ричард Старки.

Джордж вернулся, и они продолжили запись. И даже устроили задуманный Полом живой концерт. На крыше офиса «Эппл». С одной стороны, такое выступление не противоречило их принципиальному решению не выступать в залах, на публике. С другой, с точки зрения киношников, оно выглядело достаточно ярко.

Тридцатого января шестьдесят девятого года «Битлз» поднялись на крышу в прекрасном настроении. Это было что-то новое. И в то же время – давно забытое старое. Они заиграли «Get Back», и им показалось, что они снова рок-н-рольная группа. Они переглядывались, подмигивали и подбадривали друг друга улыбками, как это было когда-то в «Каверне». Они снова понимали друг друга с полуслова и полувзгляда.

Йоко и сотрудники «Эппл», ежась от промозглого ветра, сгрудились за кинокамерами, чтобы не попадать в кадр. Аппаратура, выставленная на крыше, была уже не той, что они пользовались в шестьдесят пятом. В соседнем здании дрожали оконные стекла.

Сначала внизу стали останавливаться и задирать головы прохожие. Потом затормозили машины. Возникла пробка и те, кто не хотел слушать, или попросту не понял, что тут происходит, были вынуждены разворачиваться и искать другие проезды.

К концу третьей песни – «One after 9.09»^[133], написанной Джоном еще в Ливерпуле, на крыше появились полицейские.

Дождавшись паузы, они сообщили:

– Джентельмены, нам позвонили из учреждения напротив. Вы мешаете нормальной работе.

– Мы «Битлз»! – заявил Джон, как делал это раньше, высоко подняв голову.

– Это еще ничего не значит, – сказал полицейский извиняющимся тоном, – вы нарушаете общественный порядок.

– Плевать, – сказал Джон, обернулся к остальным, решительно кивнул, и они заиграли «I've Got A Feeling»^[134].

Ринго, машинально отстукивая свою партию, искоса посматривал на полицейских и представлял себе, как они подбегают к нему и начинают оттаскивать его от барабанов, заламывая руки, хватая за горло... Он отчаянно сопротивляется и кричит: «Отстаньте, паршивые копы! Вам не задушить нашу песню!..» И все это снимается на кинокамеры. А завтра в газетах появятся заголовки: «Представители власти против рок-н-ролла!..», «Ринго вел себя, как герой!», «Акция протеста „Битлз“ на крыше закончилась побоищем с применением полицейских дубинок!», «Раненый Ринго сказал: „Все равно я буду играть...“»

Но полицейские терпеливо дождались конца песни, и только в паузе капрал снова произнес:

– Джентельмены, огромное вам спасибо за доставленное удовольствие. Но, к сожалению, вы мешаете людям работать... У нас приказ...

Сказано это было корректно, если не сказать, дружелюбно. Было видно, что, если бы не указание сверху, полицейские с удовольствием слушали бы музыку и дальше.

– Еще одну споем? – попросил Джон, отбросив свой обычный апломб.

Капрал глянул на часы и разрешил:

– Одну.

Несмотря на то, что «Битлз» подготовили для концерта десятков песен, Джон согласно кивнул и Джордж запел «All I Want Is You»^[135]. Джордж допел, Пол успел еще сказать: «От имени группы благодарю вас», а Джон не без горечи добавил: «Надеюсь, мы выдержали экзамен...» И электричество вырубил.

Ринго рассерженно бросил палочки. Его душа требовала бунта.

– Сволочи! – заорал он. – Я буду играть! Людям нужна моя музыка!

Ближайший полицейский наклонился и, подняв палочки, подал ему:

– Это ваше, сэр?

А Джордж, подойдя к нему с гитарой в руках, умиротворяюще заметил:

– Камеры уже отключили, Ричи. Пойдем вниз.

Дискомфорт во время работы в киностудии сказался на результате. Песни звучали вымученно и вяло. Прослушав окончательные варианты

фонограмм, они единодушно заключили: «Полное дерьмо. Под маркой „Битлз“ в свет это выходить не должно».

Джордж Мартин был согласен с этим мнением. Он еще помнил те времена, когда целые альбомы записывались за один день, на одном дыхании, в едином эмоциональном порыве.

Но впечатление от концерта на крыше было настолько сильным, что время, проведенное в работе над несостоявшимся альбомом, они не посчитали потерянным зря.

Бухгалтер «Роллинг Стоунз» Аллен Клейн долго и старательно готовился к встрече с Джоном. Он не хотел упустить возможность стать менеджером «Битлз». Питер Браун много слышал о нем. Говорили, что Клейн непорядочен и груб. И Питер всячески мешал ему приблизиться к «Битлз». И все же, правдами и неправдами, тот сумел заманить Джона и Йоко в номер отеля «Дорчестер», где он остановился.

– Вас обворовывают все! – заявил он, попыхивая сигарой.

– Можно подумать, вы не собираетесь этого делать, – съязвил Джон.

– Собираюсь, – признался Аллен, хохотнув. – Еще бы. Должен же я что-то зарабатывать. Но зато я разгоню всех остальных мошенников, которые вокруг вас пасутся, и вы станете получать раз в пятьдесят больше чем сейчас.

– Звук есть вибрация тишины, – сообщила Йоко.

– Именно! – обрадовался Аллен. – Вы умеете смотреть в корень, миссис Оно! *«Хорошенько перемешай свои мозги чьим-нибудь членом...»* – Не вы ли это написали? А? Метко!

Йоко наострила уши. Не так-то часто ее цитировали. Она умела ценить людей, которые смыслят в настоящем искусстве.

– Если кто-то скажет, что я не обворовываю «Роллинг Стоунз» – плюньте ему в лицо. Но благодаря мне за одну неделю они получили два миллиона долларов дополнительных доходов. – Аллен самодовольно усмехнулся. – В этом вашем шоу-бизнесе нет профессионалов. Ваши работники не умеют выколачивать долги из партнеров. А я – умею.

– Почему это, они не умеют, а вы умеете? – спросил Джон недоверчиво.

– Потому что для этого нужно быть наглым. Ясно? – И Клейн выпустил струйку дыма Джону в лицо. – Чтобы добывать деньги, нужно быть наглым, а чтобы писать песни, нужно быть нежным. Или не так? – Клейн откинулся на спинку кресла и фальшиво пропел: *«Все, что надо – любовь, любовь. Любовь – все, что вам надо...»* А?! Ха-ха! – И он

заговорщицки ударил Джона ладонью по ляжке.

С одной стороны Джона покорили хамские замашки Клейна, с другой, ему было приятно, что тот знает его песни. И все же главным было иное. Джон почувствовал хватку.

Но внезапно все стало ему безразлично. Он коснулся своего лба и обнаружил, что пот течет по нему струями.

– Я думаю, нам следует встретиться в другой раз, – предложил он. – Нам пора домой.

– Зачем же? – встрепнулся Аллен и хитро посмотрел на Джона. – У меня все есть. Убьем себя?

Джон беспомощно посмотрел на Йоко. Но та, по-видимому, переживала те же чувства, что и он. Облизнув пересохшие губы, она коротко кивнула. Аллен достал портсигар и вынул из него три готовые сигареты.

При всей своей неприязни, Джон не мог не признать:

– Вы знаете жизнь. С вами можно иметь дело.

Спустя полчаса, после того, как Аллен сказал: «Если я буду плохим менеджером, вы сможете тут же меня уволить», Джон под его диктовку написал руководителю «Е.М.И.» Джозефу Локвуду бумагу следующего содержания:

«Меня не интересует мнение других, но с этого момента все мои дела ведет Аллен Клейн».

Пол узнал об этом первым и, встревоженный, попросил Линду сообщить отцу о том, что, если он хочет представлять дела «Битлз», ему нужно немедленно появиться в Лондоне. Но Ли Истман был слишком занят и прислал вместо себя брата Линды, своего двадцативосьмилетнего сына, адвоката Джона Истмана.

Изысканными манерами представителя университетской элиты Джон Истман покорила Пола. Но когда Пол устроил ему встречу с «Битлз», тот ровно настолько же не понравился Джону Леннону. В конце концов, он был их сверстником, но вел себя так, словно стоял на две головы выше. Он напомнил Джону светских львов из британского посольства в Вашингтоне.

– Я познакомился с вашей документацией, – небрежно бросил Истман-младший на стол кипу бумаг. – Вынужден доложить, что ваш прежний менеджер, мистер э-э-э... – он наморщил лоб, – мистер Эпштейн был в своем деле сущим профаном.

– Если бы не он, – заметил Джордж, – «Битлз» никогда не вылезли бы из Ливерпуля.

– Возможно, – согласился тот. – Но, по-видимому, в этом он проявил свой единственный талант. Выведя вас на большую сцену, ему следовало передать дела более компетентному специалисту.

– Не вам ли? – усмехнулся Джон.

– Это вопрос или язвительная риторика?

– Второе, – сказал Джон.

– Раз так, я снимаю с себя обязанность реагировать на ваши колкости. Так вот. Дела находятся в таком состоянии, что их детальный анализ займет не менее двух месяцев. Это в самом лучшем случае.

– И что мы получим в итоге?

– Трудно сказать. Одно из двух. Или – недополученные дивиденды, что более вероятно, или неоплаченные долги, что менее вероятно. Единственное, что я могу обещать вам уверенно, это то, что сумею навести в ваших делах идеальный порядок.

– Нам это не подходит, – поднялся Джон. – Нам нужен не беспристрастный судья, а по-настоящему НАШ человек. И уж конечно, – он искоса глянул на Пола, – не чей-то родственничек.

– При чем здесь это? – вскипел Пол. – Мы знакомы пятнадцать лет, неужели ты думаешь, что я стараюсь только ради себя?

– Макка, – усмехнулся Джон. – Разве я умею думать? Ты мне льстишь. Я умею чувствовать. И чувство подсказывает мне, что ты пытаешься заставить нас плясать под свою дуду. И уж, во-всяком случае, я не собираюсь обсуждать наши дела с этим надутым чистоплюем, – кивнул он в сторону Истмана младшего. – Это смешно. Будем считать, что этого разговора не было.

Обескураженный Пол настоял на том, чтобы в Лондон немедленно вылетел сам Ли Истман. Отец Линды целый вечер расспрашивал Пола о положении дел в «Эппл» и теперь чувствовал себя вполне уверенно. Но во всеоружии оказался и Аллен Клейн. Стоило Истману показаться на пороге студии, как Клейн громогласно встретил его:

– Добро пожаловать, мистер Эпштейн!

Джордж и Ринго изумленно переглянулись.

– Вы еще не знаете? – обернулся к ним Клейн. – Настоящая-то фамилия мистера Истмана – Эпштейн. Однако он посчитал ее неблагозвучной...

Джон презрительно усмехнулся, а Джордж и Ринго напряженно

установились на гостя.

– Мистер Эпштейн, – продолжал Клейн, – скажите, вы не забыли, меня фамилию, пришить себе обратно крайнюю плоть?

Тот, не имея привычки базарных баталий, не нашелся, что сказать, кроме высокомерного:

– Это не касается существа вопроса...

– А чем вам не понравилась фамилия Эпштейн? – простодушно вмешался Ринго.

– Понимаете, молодой человек, – начал объяснять Истман, обрадованный возможности уйти от грубых нападок. – В Америке на настоящий успех могут рассчитывать только стопроцентные американцы...

– А когда «Битлз» поедут с гастролями в Китай, вы назовете себя Эй-Хой-Пштейн? – не унимался Клейн.

– Простите, – обернулся к нему Истман. – Я не намерен вести беседу с вами, хотя бы в виду того, что нас никто официально не представлял друг другу.

– Упаси Бог! – вскричал Клейн. – У вас слишком много фамилий для меня. Всех не упомяну!

И тут Истман не выдержал. Сбросив привычную официозную личину, он сказал, обращаясь к Полу:

– Если отсюда не выведут этого хама, я далее разговаривать не буду!

– Ну и не надо! – обрадовался Клейн.

– Надо! – рявкнул Истман. – Я давно наблюдаю за вашими «успехами» как в Америке, так и в Англии! Грязные махинации! У вас напрочь отсутствует чувство профессиональной этики!

– Кто бы говорил! – взвизгнул Клейн. – А не вы ли обообрали нищую старушку из Лос-Анджелеса?

– Какую старушку? – поразился Истман.

– Слепую! Не отпирайтесь! Об этом писали все газеты!

– Грязный лжец!

– Тупорылая еврейская свинья!

– Острорылая еврейская свинья! – нашелся Истман.

– Бесплезное третье яйцо осла!

– Полезное третье яйцо осла!

– Ну все... – тихо сказал Клейн. – Это уже слишком...

Тут неожиданно их профессиональные трения прервал Ринго:

– Парни! На хрена нам такие менеджеры? Гнать их обоих в шею!

Наступила тягостная тишина. Ее прервал Ли Истман:

– Еще никто и никогда не «гнал меня в шею», – сказал он с

достоинством. – Всего доброго, господа. – И, развернувшись, направился к двери.

Пол бросился за ним. Как-никак это был отец Линды.

Когда они вышли, Аллейн Клейн как ни в чем не бывало закинул ногу за ногу и закурил сигару.

– Ну вот и славно! – заявил он. – Вывели голубчика на чистую воду!

Клейн взялся за дело рьяно. Чудо-изобретатели и порнохудожники исчезли из «Эппл» навсегда. Исчезло и семьдесят процентов персонала. Он перезаключил договор «Битлз» с «Е.М.И.» на более выгодных условиях... Все это, конечно, было хорошо. Но Пол не мог простить ему оскорблений в адрес Ли Истмана, упрямо игнорировал его и его нововведения, отказываясь подписывать любые бумаги и договоры, исходящие от него.

Однажды утром Джорджу в студию позвонила Патти. Выслушав ее, Джордж, положив трубку, испуганно сообщил Мартину:

- У меня дома полиция. Ищут наркотики.
- Раз ищут, найдут, – тонко пошутил Мартин.
- Спасибо за поддержку, – мрачно поблагодарил его Джордж.
- Лучше скажи сам, где они лежат, – посоветовал Мартин, – будет меньше неприятностей.

- Да нет у меня никаких наркотиков!

- А ты подумай.

Джордж задумался, затем, тяжело вздохнув, сказал:

- Две сигареты. В письменном столе.

- Позвони, скажи.

Но в этот миг телефон зазвонил снова, и трубку взял Мартин. Перепуганная Патти сообщила, что в прихожей, в шкафу, полицейские нашли рыбацкий сапог Джорджа, доверху набитый марихуаной...

Питер Браун в этот весенний день был нарасхват. Не успел он вернуться из полицейского участка, где Джордж пытался доказать следователю, что сапог принадлежит не ему, ссылаясь на слишком большой размер, как в офис влетел сияющий Пол:

- Питер! – заорал он. – У меня сегодня свадьба!

- С кем? – на всякий случай уточнил Питер.

- С Линдой, конечно! А ты будешь нашим свидетелем!

- Я сегодня уже был свидетелем...

- У кого? – изумился Пол.

- У Джорджа.

- Так ведь он уже давно женат.

- Зато он еще не сидел в тюрьме.

- Та-ак, – протянул Пол. – Наркотики?
- Само собой.
- Жалко. Значит, на свадьбе его не будет... Найди хотя бы Джона с Ринго.
- Джон во Франции. А у Ринго телефон уже второй день не отвечает, и я понятия не имею, где он.
- Та-ак, – повторил Пол. – Веселенькая будет свадьба.
- Сам виноват, что не предупредил.
- Да я до последнего момента все прикидывал, а вдруг передумаем... Ну, ладно. Так ты будешь свидетелем?
- Выходит, больше некому.

Брак Пола и Линды был зарегистрирован в Мариелебонской брачной конторе, а венчание состоялось в англиканской церкви на Сент-Джонз-Вуд. Последующая вечеринка, несмотря на отсутствие (а может быть, как раз благодаря отсутствию) остальных «Битлз», была очень теплой.

Яства были утонченными, вина – лучших сортов, а вальс, исполненный молодоженами, привел всех в неопишное умиление.

Питер так расчувствовался, что напился в дрызг еще в середине ужина, и его в бессознательном состоянии доставил домой верный Нил Аспиолл.

Остальные гости веселились до поздней ночи, а когда тактично решили оставить новобрачных наедине, те провожали их, стоя у порога, взявшись за руки.

Время от времени Пол и Линда бросали друг на друга загадочные взгляды, а встретившись глазами, смущенно отводили взоры. Они с трепетом предвкушали таинство первой брачной ночи.

Линда была на четвертом месяце.

О свадьбе Пола кричали все теле– и радиостудии. Той же ночью Джон из Парижа дозвонился до Питера Брауна. Трубку долго никто не снимал. Наконец, длинные гудки смолкли и раздался еле слышный голос:

- Ну?
 - Питер! – заорал Джон.
 - Ну?
 - Это ты?
 - Ну.
 - Это – Джон! Как прошла свадьба у Пола?
- Последовало долгое молчание. Затем Питер выговорил:

- Нормально.
- Выругавшись про себя, Джон сердито спросил:
- Ты там хоть что-нибудь соображаешь?
- Ну, – подтвердил Питер.
- Тогда запоминай. Мы с Йоко тоже решили пожениться и хотим пригласить тебя шафером.
- Нормально, – сказал Питер.
- Тогда ждем тебя в Париже двадцатого марта. И притащи остальных!

Через восемь дней Джон, Йоко и кучка приглашенных вылетели специальным рейсом на Гибралтар, чтобы зарегистрировать свой брак в британском консульстве. Ни Пол, ни Джордж, ни Ринго по различным причинам прилететь не смогли.

Но они мало потеряли. В отличие от Пола, Джон не стал устраивать свадебную попойку, и уже через час, не афишируя событие в прессе, вылетел с женой обратно в Париж.

Отобедав двадцать четвертого марта в ресторане Нобеля с Сальвадором Дали, супруги вылетели в Амстердам. И вот тут, поселившись в гостинице «Хилтон», они уже порезвились в волю, объявив всем средствам информации о начале «демонстрации за мир в постели».

Журналисты ломанулись огромной толпой, надеясь на самые скабрёзные фотографии эксцентричной парочки. Но ничего такого не происходило. Джон и Йоко, одетые во все белое, неделю провалялись в огромной кровати номера «люкс», с удовольствием сообщая всем желающим, что война это плохо, а любовь, напротив, хорошо.

Через месяц они устроили точно такую же акцию в Монреале...

Раздражению журналистов не было границ. Их вопросы, порой, были достаточно каверзными. Но и Джон с Йоко были не промах.

Так, после очередного заявления Джона о том, что любить надо всех без исключения, карикатурист Эл Кэпп язвительно спросил:

– А вы можете сказать: «Давайте будем любить Гитлера»?

Вызов приняла Йоко:

– Любить Гитлера вовсе не означает потворствовать ему в его делах.

– И как бы вы смогли ему противостоять? – поинтересовался Кэпп.

– Если бы во времена Гитлера я была еврейской девушкой, – ответила Йоко, – я бы познакомилась с ним и стала бы его любовницей. Провела бы с ним десять ночей в постели, и он бы меня понял. В нашем мире людям

надо больше общаться. А занятие любовью – отличный способ общения.

Кэпп выпучил глаза:

– Почему же эта мудрая мысль не пришла в голову еврейским девушкам? – спросил он, явно юродствуя. – Они ведь были вовсе не идиотки. Так почему же они до такого не додумались? Ведь, оказывается, если бы молоденькой еврейке удалось залезть в койку к Гитлеру, она могла бы спасти от газовых камер шесть миллионов евреев и заодно – еще тридцать миллионов людей других национальностей. Где же вы были раньше? Почему нас не надоумили? – Он помолчал, а потом веско бросил: – По-моему то, что вы тут говорите, просто глупость!

– Что же тут такого глупого? – смиренно спросил Джон.

– А то, что еврейкам в то время никто подобного не предлагал!..

Там же, в последний день «лежачей забастовки» Джон попросил всех присутствующих разучить его новую песню. «Give Peace A Chance»^[136] была записана на портативный восьмидорожечный магнитофон. Супругам Леннон подпевали с десятков друзей, в том числе один раввин, один христианский священник и один представитель канадских кришнаитов.

Четвертого июля эта песня вышла синглом, разошлась миллионным тиражом, и ее начали распевать везде, где бы ни шли манифестации или митинги. Однажды Джон увидел по телевизору колонну марширующих демонстрантов. Они пели его песню. Джон сказал Йоко:

– Это самый великий момент в моей жизни.

Но и этого им оказалось мало. В Австрии они давали журналистам интервью, забравшись в большой белый мешок на журнальном столике.

– А вы правда Джон и Йоко? – засомневались венские журналисты. – Вы хоть покажитесь, что ли...

– Зачем вам на нас смотреть? – возразил Джон. – Вы хотели с нами пообщаться, вот и общайтесь без всяких примесей.

...В начале июля Пол сумел уговорить остальных начать запись нового альбома. Это было необходимо. Они нарушали все договоры о сроках с «E.M.I.», и дело пахло крупными штрафами. Джон на время оставил свои политические экзерсисы, Джордж отвлекся от изучения мантр, а Ринго прервал участие в киносъемках.

Пластинку решили назвать в честь улицы, на которой располагалась студия – «Abbey Road»^[137]. Стало уже традицией, что запись каждого

очередного альбома делалась с новым подходом к этому занятию. На сей раз это была совместная работа четырех зрелых музыкантов-профессионалов. И распри, и дружеские отношения были отложены в сторону. Каждый делал свое дело в строго регламентированное студийное время.

Больше всех такому подходу радовался Пол. «Наконец-то мы становимся нормальной студийной группой!» – говорил он.

Первую попытку записать песню «Oh! Darling!»^[138] он предпринял еще год назад, во время работы над «Белым альбомом», но тогда он остался ею недоволен. На этот раз для того, чтобы добиться своей странной цели – создать иллюзию, что у него до хрипоты сорван голос – он в течение недели каждое утро тренировал голосовые связки.

В итоге, когда закончилась запись последнего дубля, Ринго, выскочив из-за ударной установки, приблизился к Полу, обнял его и, обернувшись, сказал остальным:

– Этот парень далеко пойдет!..

Главным вкладом Джона стали мрачные и жесткие песни «I Want You»^[139] и «Come Together»^[140] с необычными гармониями и мелодиями. Текст «Come Together» был настолько перенасыщен сленгом и аллюзиями, что критики с первого дня выхода пластинки начали спор, о чем она, собственно. Скорее всего, он и сам не знал этого.

Джордж перецеголял всех. Он более сорока раз перезаписывал свою «Something»^[141], для чего пригласил и Эрика Клэптона. Это само собой разумелось, ведь песня была посвящена Патти. Песня получилась пронзительной, светлой и печальной. Наверное, впервые двое мужчин, влюбленных в одну женщину, смогли сложить свои чувства вместе.

Великолепную песню «Сад осьминогов»^[142] написал и спел Ринго. Раньше он плавал в океанских пучинах на желтой подводной лодке со своими друзьями. Теперь он предпочитал прогуливаться там в одиночку.

Несколько песен были сведены в попурри. На самом деле это были недоработанные огрызки, в большинстве своем сочиненные Полом и Джоном еще в Индии. Но добротного материала для диска не хватало, а Пол сумел так мастерски связать эти обрывки, что, почти как в «A Day In The Life», создавалось ощущение цельного многообразного полотна.

В конце августа «Битлз» собрались в студии на прослушивание

окончательной фонограммы альбома. Песни вызывали восторг у всех, кроме Джона. Он нервно курил и время от времени мерзко морщился. Ринго с ужасом смотрел на него, боясь, что он забракует работу, и все придется переписывать заново.

Когда фонограмма смолкла, Джордж поднялся и, сказав, – «Ну, слава Богу», – ушел.

Джон спросил Пола:

– Что скажешь?

– По-моему, мы только-только подошли к тому, как надо работать, – ответил тот. – И это уже хорошо. Но никто из нас не смог выложиться больше, чем наполовину.

– А по-моему, все это – полная чепуха. Никому от этих песен не будет никакой пользы.

Пол обиделся. Ведь он, как, во всяком случае, считал он сам, сделал этот диск чуть ли не собственными руками.

– Какую тебе надо пользу?! Тебе больше нравится та халтура, которую ты записываешь в постели с Йоко? Мало ли что ее орут тысячи людей, но это же не музыка!

– А это – музыка?! – ошетинился Джон. – Эта пластинка воняет мертвечиной. Даже когда мы играли в Гамбурге, у нас было больше жизни и больше музыки.

– Нет, ну Гамбург... – попытался вмешаться Ринго, но Джон рявкнул на него:

– Заткнись!

– Да я только хотел сказать... – начал Ринго снова, но на этот раз заорал Пол:

– Да заткнись ты!

– Ну, я тогда пошел, – тихо сказал тот и двинулся вслед Джорджу.

А Пол вновь накинута на Джона:

– Но если ты такой умный, чего же ты тогда тратишь время на какую-то дурацкую борьбу за мир, вместо того, чтобы наладить мир внутри группы? Наверное, потому, что там, на всех этих митингах, тебе смотрят в рот, там ты – герой, а тут ты никого не обманешь!

– Может быть и так, – холодно процедил Джон. – Но заметь, Макка, в одном мы сошлись: это будет плохая пластинка.

– Нет, не так. Она могла бы быть лучше, если бы ты не разменивался на всякие дерьмовые выходки.

– А тебе хотелось бы, чтобы мы безвылазно сидели в студии и играли то, что ты прикажешь? Чтобы вкалывали, как проклятые, а ТВОЙ тесть

набивал бы ТВОЙ кошелек?!

– С тобой стало невозможно разговаривать, – обиделся Пол.

– Вот и не разговаривай, – усмехнулся Джон.

Выходя, он обернулся и бросил:

– Все. «Битлз» больше нет.

«Abbey Road» продавался миллионными тиражами. Радость Пола была омрачена лишь двумя обстоятельствами.

Во-первых, тем, как он опростоволохился с обложкой альбома. На ней «Битлз» переходили улицу по пешеходной зебре. Полу хотелось выделиться и напомнить о своей близости к философии хиппи. Одетый в строгий костюм, он, в то же время, шел по асфальту босиком. Он как бы говорил этим: «Да, я богат и респектабелен, но я остался все тем же – своим в доску, остряком-самоучкой...»

Однако журналисты истолковали этот жест по-другому. Оказывается, Вильям Кемпбелл специально разулся, чтобы напомнить посвященным о том, что Пол Маккартни погиб. Ведь в Англии покойников часто хоронят босыми.

На вопрос какого-то репортера, что он об этом думает, Пол раздраженно ответил:

– Думаю, что когда умру, уж я-то узнаю об этом первым.

Но на душе у него скребли кошки, и из головы не шли слова Джона: «Эта пластинка воняет мертвечиной».

Во-вторых, после выхода пластинки «Битлз» действительно как будто перестали существовать. Они не встречались и даже не созванивались. Они не хотели иметь друг с другом никаких общих дел. Время от времени Пол узнавал из прессы, что Джордж выпустил сольник. Что он играет с какой-то группой. Что и Джон с Йоко состряпали очередную пластинку. Что Ринго снова снимается в кино...

Самой шумной выходкой Джона того времени стало публичное возвращение ордена «М.В.Е» в Букингемский дворец *«в знак протеста против вмешательства Англии в дела Нигерии-Биафры, против поддержки Англией Америки в войне во Вьетнаме и против недооценки публикой моей песни „Холодная Индейка“»*.

Правда, этот поступок никак не влиял на его социальный статус. Он оставался «кавалером». Жесты рядового британца не могут влиять на решения королевы.

Еще одно огорчение застало Пола врасплох. Получив повестку в суд,

он даже не удосужился выяснить, в чем, собственно, дело. Написано «в качестве свидетеля», а значит – все в порядке. Опять кто-то из знакомых музыкантов не желает платить налоги или пойман с марихуаной...

Появившись в зале суда, он оторопел, узнав формулировку обвинения: «преднамеренное убийство с отягчающими обстоятельствами». Подсудимого звали Чарльз Мэнсон.

«Это, конечно же, какое-то недоразумение, – думал Пол, выходя к столу судебных заседателей, чтобы поклясться „говорить правду и только правду“. – Я просто скажу, что никогда в глаза не видел этого психа, и мне сразу дадут спокойно уйти отсюда...»

Но он был ошеломлен еще более, услышав вместо ожидаемой фразы, «что вы можете сообщить по делу?» совсем другое: «Что вы можете сказать в свое оправдание?»

– Простите, сэр, – попытался он изобразить на лице свою, всегда так безотказно действующую, обаятельную улыбку, – в чем я должен оправдываться?

Но, наткнувшись на холодно-презрительные взгляды присяжных, улыбка сползла с его физиономии.

– Подсудимый утверждает, что призыв к убийству миссис Шарон Тейт он получил от вас в песне «Helter Skelter», вашего сочинения, – пояснил присяжный заседатель, пожилой мужчина с густыми усами, делающими его похожим на бобра. – Что вы можете сказать по этому поводу?

– Ничего, – растерявшись, пожал плечами Пол.

– Чарльз Мэнсон показал, что кодовой фразой являются слова «Helter Skelter! Helter Skelter! She's coming down fast...»^[144]

– Какая кодовая фраза? – пришел в себя Пол. – Я не знаю этого человека!

– Не ври, Черный Ангел! – раздался выкрик со скамьи подсудимых. – Не отрекайся от слуги своего! Ты и трое других... Я часто виделся с вами!

Мэнсон был худ, бледен и тщедушен. Но глаза его пылали безумной, безудержной силой.

Заседатель постучал молоточком, требуя тишины. Пол с трудом оторвал взгляд от Мэнсона и вновь обратился к присяжным:

– Это недоразумение. «Helter Skelter» – совершенно невинная песенка, и речь в ней идет об аттракционе в парке – о «русской горке»...

– Русской? – поднял брови присяжный заседатель.

– Да, – скривился Пол, мысленно проследив цепочку ассоциаций: «русский – коммунизм – дьявол – злодеяние». – Так называется этот аттракцион. При чем тут я?..

– Зачем ты? Зачем! – вновь взвыл Мэнсон. – О вас четверых говорится в Книге Откровения. Дитя должно родиться среди вас, но вы разорвете его на части! «Хаос!» – приказал ты, и я сделал это! – он остановился и облизал пересохшие губы, глядя на Пола с яростным обожанием.

«Да он абсолютно невменяем», – догадался тот.

– Свидетельствуйте по существу, – потребовал присяжный.

– Простите, – голос Пола дрогнул, – признаться, я не был готов, когда шел сюда. Пожалуйста, объясните, о чем тут вообще идет речь?.. Что этот несчастный натворил?

– Зачтите свидетелю выводы следствия, – кивнул присяжный секретарю. – То, что подчеркнуто.

– В ходе следствия выяснилось, – прочла долговязая дама, поднявшись и смерив Пола враждебным взглядом, – что подсудимый Мэнсон является главой тайной секты поклонников сатаны. На ежемесячных культовых собраниях этой секты неоднократно приносились в жертву различные культовые животные. В последний раз, собравшись на вилле актрисы Шарон Тейт, входящей в секту, Мэнсон и его сподвижники растерзали бедную женщину, оказавшуюся, к тому же, беременной...

– И они распевали при этом вашу «невинную песенку»! – перебил ее присяжный заседатель. – Что вы на это скажете?

– Это ужасно, – Пол вытер со лба испарину. – Я не знаю, как объяснить это. Они просто сумасшедшие. Песня тут ни при чем.

– Не отрекайся от меня, – тихо сказал Мэнсон, и по его щекам потекли слезы. – Вслушайся сам... Этот голос, эти слова... Сатана, господин наш, диктует их тебе...

Внезапно Пол вспомнил, что когда писал «Helter Skelter», он непрерывно думал о том, что «Битлз» разваливается на части... Но это к делу не относится.

– Мне нечего добавить, – сказал он, бессильно пожав плечами. – Я могу только повторить, что впервые в жизни вижу этого сумасшедшего.

Пол покинул зал суда в отвратительном настроении и полный дурных предчувствий. Больше его не вызывали.

Линда стала первым человеком, которому Пол рассказал без утайки все, что его мучило столько лет. О мистических прозрениях Стюарта, о собственных наблюдениях и о последнем эпизоде в суде.

– Все это очень странно, милый, – согласилась она. – Странно и страшно. И что, ты думаешь, случится дальше?

– Если бы я знал, – покачал головой Пол. – Я понял только одно. Мы – не просто рок-группа. Мы связаны какими-то божественными или дьявольскими узами. Сейчас, когда у меня появилась ты, я особенно боюсь всего этого. Я хочу быть просто музыкантом... Знаешь, я решил выпустить сольную пластинку.

– А тебе позволят?

– Кто? Джон и Джордж? Да они уже давно выпускают диски помимо «Битлз». Этот альбом я буду записывать в Шотландии, на своей ферме, в тишине и идиллии, вдали от всего этого сумасшествия. И ты будешь со мной. И знаешь, как будет называться первая песня?

– Как?

– «Прелестная Линда»^[145].

– Спасибо, милый. – Она поцеловала его в щеку.

Аллен Клейн, попыхивая сигарой, ворвался в студию.

– Я не понял, Джордж, какого черта вы не работаете? А? – набросился он на Мартина. – Записываете каких-то придурков, какую-то Мэри Хопкин, а трудиться с нашей курочкой, которая несет золотые яички, не желаете!

– Вы имеете в виду «Битлз»?

– А кого же еще, черт возьми?!

– Боюсь, у нашей курочки наступил климакс, – пожал плечами Мартин.

– Вот как? А вы в курсе, что «Эппл» весь в долгах?!

– Под вашим чутким руководством.

– Но-но! Не забываетесь! Если бы вы вовремя записывали новые альбомы «Битлз», все было бы распрекрасно! Если ВЫ не можете заставить их работать, я вызову из Штатов Фила Спектора, слышали про такого?

– Да, конечно. Неплохой продюсер.

– Так вы не против?

– Думаю, вы все уже решили.

– Вот именно, – Клейн энергично потрепал Мартина по плечу. – Я рад, что вы не против.

Фил Спектор появился в студии на следующее же утро. Оказывается, он, по вызову Клейна, прибыл в Лондон уже несколько дней назад. Он производил впечатление мягкого корректного молодого человека.

– Мистер Мартин, – сказал он после официального знакомства, – ваша работа для меня – пример, подражать которому я буду всю жизнь.

– Я понимаю вас, – отозвался Мартин несколько двусмысленно.

– Вы прекрасный музыкант и режиссер звука, – продолжал Спектор, – но «Битлз» выросли, и вы, похоже, растерялись.

Мартин вынужден был признать:

– Вы правы. Раньше они просто играли, а все остальное зависело только от меня. Теперь они, особенно Пол, лезут во всё, стараются держать под контролем каждую техническую деталь. А уж если они не хотят работать, я совершенно бессилён...

– Вот в этом и кроется мое единственное преимущество перед вами, – в улыбке Спектора проступила самоуверенность. – Мы незнакомы, я постараюсь выдержать дистанцию, и они не смогут вести себя со мной фамильярно. Я жестко обозначу свои и их функции...

Мартин скептически усмехнулся. А Спектор закончил:

– Кроме того, у меня есть опыт работы с американскими рок-звездами. Уверяю вас, подавляющее большинство из них или пьяницы, или наркоманы, или параноики, или самовлюбленные ослы.

– А вам никогда не приходилось сталкиваться с носителями всех этих добродетелей совокупно? – не прекращая улыбаться, поинтересовался Мартин.

Спектор пропустил это замечание мимо ушей.

– Первое, что я хотел бы сделать – собрать их в студии и посмотреть им в глаза.

– На самом деле это не так уж просто, – констатировал Мартин. – Но вам повезло. Все они сейчас в Лондоне. Я дам задание нашей секретарше Дебби отыскать их.

Первым Спектор посмотрел в глаза Джону Леннону, но не увидел там ничего вселяющего оптимизм. Они были наполнены наркотическим туманом.

– Какие могут быть песни? – тупо глядя на нового продюсера, задал риторический вопрос Джон. – Вы читали «Нью-Йорк Таймс»? Ваши

соплеменники во Вьетнаме закапывают живьем целые деревни вместе с женщинами и детьми. А вы нам предлагаете записывать песенки.

– А вы предлагаете нам ехать во Вьетнам и откапывать их? – с напускным цинизмом пошутил Спектор. Но это был неверный ход. Джон смерил его презрительным взглядом, сразу решив, что НИКОГДА не будет работать с подобным мерзавцем, хотя сам, порой, отпускал шуточки и похлестче. А Спектор, даже не заметив своего краха, вопрошал: – Я просто хочу понять, господа, существуют «Битлз» или нет? Будете вы работать вместе еще когда-нибудь или нет?..

– Да, – отозвался Пол. – Но сейчас я записываю свой сольный диск, и лично у меня нет времени.

– А я не чувствую себя готовым духовно, – вторил ему Джордж.

– О-о-о! – возвел очи вверх Фил. – Но кто же будет работать? Пол, мне рекомендовали вас, как самого дисциплинированного...

– Возможно, – скромно подтвердил Пол. – И я работаю, работаю. Над своим сольным проектом. А вас пригласил мистер Клейн, которого я официально не признаю своим менеджером.

– Еще бы! – скривился Джон. – Ты ведь хотел превратить «Битлз» в свой семейный бизнес. *«Наш Макка хочет денежек и волосатых девушек»*, – пропел он дурашливо.

– Волосы сбрить можно! – обиделся Пол. – А вот твоей ноги не выпрямить!

– Да-а, у твоей-то ножки так ножки! – обрадовался Джон. – На такие ножки да белые колготки и – в строй девочек перед бейсбольным матчем! А после матча эти девочки, знаешь, что делают?

Пол не нашелся, что ответить и промолчал, надеясь, что Джон заткнется сам. Но тот не заткнулся:

– После матча они по очереди трахаются с каждым игроком.

Пол вскочил и в гневе замахнулся на Джона, но его руку поймал Ринго:

– Парни! Ну, хватит вам! Можно работать, можно не работать, но ругаться-то не надо!

Спектор встал, переводя испуганный взгляд с одного на другого.

Но Пол был взбешен не на шутку. Выдернув руку, он, ни на кого не глядя, направился к выходу. У двери остановился и, бросив Джону: – «Привет зверушке...» – покинул студию.

Фил Спектор опустил обратно в кресло.

– Что же мы будем делать? – чуть не плача спросил он, скорее, самого себя.

– Что мы можем делать без Пола? – пожал плечами Ринго. – Покушать

можем. Я, например, кушать хочу.

– Ладно, – сказал Джордж, вставая. – Меня Патти ждет. С Эриком. Она сейчас у него живет. Они меня пригласили.

– Пойдешь? – поразился Ринго.

– Конечно, – кивнул Джордж. – Он же все-таки мой друг. А Патти я вообще люблю. Эрик мне дал книжку «Лейла и Маджнун». Это древнеперсидский эпос. Там все точно так же, как у нас. Жена, друг, все такое... Так было и будет. Ссориться теперь, что ли? – он махнул рукой и поплелся прочь.

Поднялся и Джон.

– В мире творится черт знает что, – сказал он сникшему Спектору. – От того, что не выйдет какая-то сраная пластинка каких-то сраных «Битлз», ничего не изменится. Пойдем, Ричи.

Но тот, добрая душа, помедлил, успокаивающе говоря Спектору:

– Не грустите. Они хорошие. Они как дикие коты. Когда-нибудь они все приползут сюда зализывать свои раны... По ходу и пластинку запишем.

– Но меня вызвали СЕЙЧАС, – обреченно помотал головой Спектор.

– Ну... – Ринго пожал плечами.

– Я уже и контракт подписал, – Спектор вынул из папки несколько стандартных листков. – Вот он.

Джон не мог не вмешаться:

– У меня есть к тебе дельное предложение, – сказал он.

– Какое? – встрепенулся Спектор, глядя на него с надеждой.

– Вытри себе жопу этой бумажкой.

Сидя в студии напротив Джорджа Мартина, Спектор плакался ему:

– Вы были правы. Никто, ни вы, ни я, ни кто-то другой не сможет собрать этих людей вместе. Неужели это – великие «Битлз»? Зачем меня вызвали из Америки?

– У меня есть к вам дельное предложение, – вздохнув сказал Мартин.

– Нет-нет! – замахал рукой Спектор. – Это не просто бумажка, это официальный документ.

Мартин удивленно посмотрел на него.

– Я не про бумажку. Я про пластинку. Предлагаю следующий выход. В моем архиве примерно двести часов музыки «Битлз», которая не выходила в альбомах. Я отберу часов тридцать-сорок, а вы смикшируете из этого сорокапятиминутный диск.

– А почему эта музыка не выходила раньше?

– Потому что это очень плохая музыка, – объяснил Мартин.

– Вот как? – невесело усмехнулся Спектор. – А разве можно из плохой музыки сделать хороший альбом?

– Резать, клеить, выбрасывать самые неудачные куски, соединять удачные, приглашать ребят поодиночке – что-нибудь допеть или доиграть, приглашать других музыкантов...

– Боже мой! – Фил схватился за голову. – Есть тысячи групп, готовых сыграть все ЧТО надо и КАК надо! Ради чего копать в этих отбросах?!

– В этих «отбросах», коллега, зарыты алмазы. Мы имеем дело с сумасшедшими гениями. Они умеют делать алмазы, но не умеют отличать их от иных результатов своей жизнедеятельности. Например, от собственных экскрементов, – «пошутил» Мартин. – И это уже – наша с вами задача. Найти, отмыть и украсить достойной оправой. Примерно так я и работаю с ними. И учтите, сколько бы пластинок других, «нормальных», групп вы не записали, никто о вас и не вспомнит уже через несколько лет. А если вы смикшируете даже самую неудачную пластинку «Битлз», ваше имя войдет в историю.

– Что ж, – обреченно покачал головой Спектор. – Пусть будет так.

И он взялся за работу. Прежде всего в ход пошел материал записанный когда-то для фильма «Get Back», в том числе и с выступления на крыше «Эппл». Альбом же было решено назвать «Let It Be»^[146] по великолепной песне Пола – одной из немногих вещей, которую не нужно было «доделывать». И это было великое счастье, так как зазвать кого-то из «Битлз» на студию для работы было почти невозможно.

Песня была хороша. Недаром Пол пел в ней о матери, с потерей которой так никогда и не смирился. Не долго думая, Мартин запустил ее в производство в качестве рекламного сингла, добавив на другую его сторону совершенно бессмысленную песенку «You Know My Name»^[147]. Точнее, это была даже не песенка, а хулиганская импровизация на репетиции, которую Спектор, при всей сложности его положения, включить в «Let It Be» отказался наотрез...

Публикой сингл был встречен «на ура».

А Спектор все резал и клеил. Резал и клеил...

После занятий в школе пятнадцатилетний Марк Чепмен позвал к себе домой одноклассников Курта и Дэвида: «Матери нет, а у меня есть „травка“ и новая пластинка „Битлз“, – сообщил он. И интригуяюще добавил: – И я хочу кое-что сказать вам...»

В школе Марка считали ненормальным, но многим сверстникам импонировало его нестандартное поведение. К тому же, он был прекрасным рассказчиком и перемены напролет мог сочинять захватывающие истории, главными действующими лицами в которых чаще всего были «Битлз». А еще он научился играть на гитаре, и предлагал Курту и Дэвиду сколотить рок-группу.

Дома, усевшись на диван, подростки принялись за изготовление зелья. Марихуаны было мало, хватило только на одну сигарету, и они пустили ее по кругу.

– Так что ты хотел сказать? – прищурился Дэвид, выпуская дым колечками.

– Я – Джон Леннон, – провозгласил Марк.

– Удивил, – криво усмехнулся прыщавый Курт. – Ты еще в пятом классе так тетрадки подписывал.

– Тогда это была игра, а сейчас я говорю серьезно, – возразил Марк. – Я – Джон Леннон. – В его голосе прозвучала угроза. – Так мне сказали Черные Ангелы.

– Что ты сумасшедший, это мы тоже давно знаем, – все также криво ухмыляясь, сказал Курт. – Но ты сначала...

Но он не успел поведать Марку, что нужно сделать сначала, потому что тот схватил его одной рукой за горло и что есть силы сдавил кадык. Курт захрипел, и его глаза полезли из орбит.

Дэвид, со смаком сделав последнюю затяжку, затушил окурок и лениво сказал:

– Эй, эй, Марк, ты же его задушишь...

И тут же получил ребром ладони по зубам.

– Не Марк, а Джон! Запомни! Джон!!! – Марк отпустил горло закашлявшегося Курта и теперь угрожающе навис над Дэвидом. Тот утер губы и, посмотрев на окровавленную руку, пожал плечами:

– Ты хотя бы объясни сначала, что ты имеешь в виду?

Успокоившись так же внезапно, как пришел в ярость, Марк снова уселся между ними на диван.

– Да заткнись ты, – дружелюбно сказал он Курту и похлопал его по спине. – Лучше послушай. – Говорить было легко, в голове от «травы» стояла кристальная ясность. – Тебе нравится Джон Леннон? – для начала спросил он Дэвида.

– Еще бы, – подтвердил тот, инстинктивно утерев губы снова.

– А что тебе в нем нравится?

– Ну... Вообще...

- То, что он женился на японке, тебе нравится?
- Нет, – твердо ответил Дэвид.
- А то, что он говорит про церковь и про Христа?
- Нет, конечно...

– Так-то! Тебе нравится, что он смелый, веселый и то, что он поет. Вот что тебе нравится. Только он уже давно не смелый. Он давно продался. Он покупает шикарные дома и катается на яхте со своей цветной. И он уже не веселый, совсем не веселый, только послушай, что он поет – «Come Together», «A Day Of The Life» – это все такое мрачное... А песни... Помните, я вам свою новую песню показывал?

Пришел в себя и вмешался Курт:

- Ту что ли, идиотскую? Про номер?
- Да, – огрызнулся Марк. – Это когда я ее спою, все будут говорить, что она идиотская. А вот если бы ее «Битлз» спели... А теперь – смотрите!
- Он полез в тумбочку и достал оттуда конверт с маленькой пластинкой. – Я вчера купил.

Он включил проигрыватель и поставил диск. Зазвучали фортепиано, бас и ударные. Голос Джона Леннона вкрадчиво запел:

«Ты знаешь имя, найдешь и номер,
Ты знаешь имя, найдешь и номер...»^[148]

Собственно, на этом текст «песни» и заканчивался. На разные лады эта строчка повторялась раз двадцать. Изредка слышались еще какие-то бессмысленные выкрики помимо мелодии. И все.

- Ну?! – выпятил подбородок Марк, ожидая реакции.
- Ну-у... – протянул Курт, – это все-таки не совсем та песня... – Марк мрачно уставился на него, и он опасливо закончил: – Но почти та.

Марк расслабился:

– Вот я и говорю. Леннон все продал и всех предал. Он теперь не настоящий, он – липовый. И Господь отвернулся от него. Я уже сейчас сочиняю те же песни, что и он. И я – не продамся! Я буду бороться со злом и помогать слабым! – говоря это он вновь возбуждался. – Я вступлю в «Ассоциацию молодых христиан» и буду много молиться! Все грехи мира я возьму на себя и искуплю их! И я буду сочинять песни! Я больше не буду подглядывать из-под кровати! Я, я буду настоящим Джоном Ленноном, а не этот иуда!!! – он вскочил, шагнул к проигрывателю и, сдернув с него пластинку, сломал ее пополам. Потом обернулся к сидящим на диване. –

Что ты на меня пялишься?! – рывкнул он на Дэвида. – Не веришь?!

– Почему? – замялся тот. – Я верю...

– Слушайте, – снова сменил гнев на милость Марк, – хотите, я вам подарю все это? – Он обвел рукой стены комнаты, увешанные плакатами «Битлз» и обложками их пластинок.

– Ты же столько лет собирал, – засомневался Курт, но глаза его заблестели в предчувствии обладания сокровищем.

– Забирайте, забирайте, – Марк залез на стол и принялся сдергивать с плакатов скотч. – Вот этот и вот этот... А этот – не дам! Этот надо сжечь! Когда они писали «Сержант», Леннон уже переродился. Зажигай.

– Прямо здесь?

– Рви на кусочки и жги вон в той тарелке. И вот этот – тоже. Остальные – забирайте. Джону Леннону ни к чему обвешивать комнату своими портретами.

Опасливо косясь на одноклассника, Курт и Дэвид сворачивали подаренные драгоценности, а в большой железной миске пылал огонь...

Марк не знал, что предмет его любви и ненависти находится сейчас совсем недалеко от него, в Америке. В то время, когда на студии готовился «Let It Be», Джон и Йоко свихнулись окончательно. Ее второй подряд выкидыш превратил их депрессию в хроническую, а подсказанный кем-то метод излечения от наркотиков путем замены другими наркотиками, привел к так называемой «полизависимости», то есть, к неспособности жить без употребления сразу нескольких препаратов одновременно...

И вот, в одно липко-блеванное утро, когда, сидя на унитазе, Джон распечатывал и просматривал почту, в одной из бандеролей он обнаружил книжку американского психотерапевта Артура Янова «Первичный крик». Открыв ее по обыкновению наугад посередине, Джон прочел:

«...когда ребенок впервые осознает, что его не любят даже не за то, что он непослушен и не для того, чтобы он стал лучше, а просто потому, что он таков, каков он есть. Внезапно он понимает, что его мать и отец – не само собой разумеющиеся реалии, а люди, которым он может быть и не нужен, которым он может быть даже в тягость. Он хочет любви, но он уже понимает, что никто не может любить другого так, как себя, что одинок каждый...»

– Йоко! – позвал Джон, не вставая.

Та, чуть зеленоватая от нездоровья, вышла из комнаты голая и опустилась перед ним на пол.

– Да? – спросила она.

– Завтра летим в Штаты, – сообщил Джон. – Этот доктор Янов... Он вытащит нас.

– Летим, – пожала она плечами.

Артур Янов оказался довольно молодым плешивым очкариком.

– Итак?... – он внимательно посмотрел Джону в глаза.

– Я наркоман. Законченный наркоман. Но мне хотелось бы еще немного пожить. Хотя и не знаю, для чего. Но я помню, когда я еще не был наркоманом, я знал, зачем. И мне было хорошо...

– Что вы употребляете?

– Все. Особенно героин.

– Что вас беспокоит?

Джон усмехнулся:

– Ну, например, меня беспокоит, что, когда я в последний раз вел автомобиль, я чуть не врезался в стену оттого, что из-за дома на перекресток выплыла огромная рыба-пила...

– ЛСД?

– И ЛСД тоже.

– Как потенция?

– А зачем она? Эти вещи меня с женой в последнее время не прикалывают.

– Сколько можете терпеть ломки?

– Нисколько. Я упреждаю их новой дозой.

– Та-ак, – Янов задумчиво побарабанил пальцами о стол. – Я много читал о вас, мистер Леннон, и, думаю, много о вас знаю. Я смогу помочь вам. Но только при одном условии. Вы обещаете беспрекословно подчиняться мне в течении всего курса?

– Да, – с готовностью кивнул Джон.

– Месяцев семь-восемь, – уточнил Янов.

– Согласен.

– Тогда начнем прямо сейчас.

Джон кивнул.

– Раздевайтесь.

– Зачем? – удивился Джон.

– Догола и немедленно! И чтобы я больше не слышал от вас подобных вопросов!

Джон поспешно стянул с себя одежду и в недоумении встал перед врачом, опустив руки. Он был худ и неказист. Лохматая шевелюра, усы и отращенная недавно, скорее не из оригинальности, а от лени, клочковатая борода делали его похожим на гриб с бледной ножкой торса.

Янов скептически оглядел его.

– Ложитесь на пол, – скомандовал он.

«Он просто маньяк-гомосексуалист, – догадался Джон. – Ну и ладно...» И улегся на голый паркет, ощущая, как от холода кожа на животе становится гусиной. Он подумал, что должен чувствовать сейчас унижение. Но не чувствовал ничего.

– На бок, – уточнил Янов. – Вот, вот. Скрючьтесь, словно вы у матери во чреве. Не пытайтесь ничего вспоминать, это придет само... Так... Руку сюда... Закройте глаза и слушайте.

Джон опустил веки. Щелкнула ручка магнитофона, и раздалось какое-то утробное бульканье, поскрипывание... Звуки то нарастали, то становились еле слышимыми. Сквозь них стал проступать стук... Сердце?

Янов заговорил:

– Вы приготовились к рождению. Вы не знаете, что сделает с вами враждебный мир, как не знаете, что сделаю сейчас я. Вы боитесь, вам одиноко, но вы еще не знаете, что такое ненависть. Вы готовы выйти на белый свет, вы напрягаетесь, двигаете плечами и коленями. Вы готовитесь закричать. Закричать истошно, изо всех сил... Акушер уже давит на лоно вашей матери... – Янов упер ногу в бок Джона и нажал. – Вам больно, еще больнее... И вдруг...

И тут доктор окатил Джона холодной водой, и у того перехватило дыхание.

– Вы открываете глаза.

Джон подчинился, а Янов принялся нажимать на кнопку фотовспышки, держа ее прямо у него перед носом и настойчиво повторяя:

– Кричите. Кричите!

– И-и... – протянул Джон.

– Кричите же!!! – рявкнул Янов. – Вы родились! Орите, что есть мочи!!!

– Ау-а!!! Ау-а!!! – истошно завопил Джон и внезапно почувствовал, что с этим криком из его души выплескивается нечто темное и мерзкое. Он буквально осязал это! Он орал не менее двадцати минут. И замолчал только от удивления, когда понял, что обмочился.

– Вы восприимчивы, – похвалил Янов. – У вас пойдет. Завтра приходите с женой.

Первый же сеанс странной терапии преобразил Джона. Еще вчера при слове «музыка» он болезненно морщился, а сегодня, вернувшись от доктора в Титтинхерст, он тут же уселся за рояль, взял мощный мажорный аккорд и запел сочиненное в машине четверостишие так страстно, что насторожилась даже скептическая Йоко:

«Мама! Я был твой,
Только не было тебя со мной.
Папа! Где ты был?
Я не знал тебя, но я любил...»[\[149\]](#)

– Это будет новый альбом «Битлз»? – спросила Йоко, когда Джон, повторив эти строчки раз пятьдесят, остановился.

– Нет, – отрицательно помотал он головой. – К «Битлз» это не имеет никакого отношения.

Йоко одобрительно кивнула. А он добавил:

– Пожалуйста, позвони Дику Грегори. Я хочу, чтобы он делал мне массаж. Весь день. Я хочу попытаться обойтись сегодня без героина.

Когда мастер-запись альбома «Let It Be» была готова, «Битлз» неожиданно проявили к ней интерес и, откликнувшись на звонки Дебби, дружно явились в «Эппл». В том числе и заметно взбодрившийся Джон. Власти США, не очень-то довольные его миротворческими акциями, не продлили ему визу, вот он и вернулся в Лондон. Но доктора Янова он прихватил с собой.

И вот они уселись в павильоне, и Спектор включил магнитофон... Неожиданным было уже начало: не музыка и даже не счет – «раз, два, три», как в «Please, Please Me», а совершенно бессмысленная фраза Джона в стиле его абсурдных шуточек: *«„Люблю Пигмея“ Чарльза Хотри – спектакль в пользу глухих! В первой фазе Дорис получает овес...»* Что означает этот набор слов, сказанный им на какой-то репетиции года два назад, никто не помнил.

Но Джон от такого начала пришел в восторг и даже захохотал от удовольствия. Теперь, что бы ни следовало дальше, альбом ему уже нравился. Пол же, напротив, насупился. Его интересовала музыка, а не модернистские хулиганства. И музыка началась сразу за выкриком Джона. Это был отрывок песни Пола «Двое из нас», которую он когда-то забросил, посчитав неудачной:

«Ты и я – шлем открытки,
Пишем письма на стене.
Ты и я – жжем по спичке,
По привычке мы идем домой...
Дорога домой,
Дорога домой,
Идем домой...»^[150]

К черновой записи этого фрагмента Спектор не добавил ничего, оставив его как есть. Обрывалась «песня» так же внезапно, как и начиналась. А затем вновь прозвучала фраза Джона: «Да, о'кей... Погодите... Раз, два, три...» По замыслу продюсера, все эти ухищрения должны были ввести слушателей в атмосферу репетиции «Битлз», и если это удастся, вся «лажа» будет прощена.

Но Пол не желал этого понимать. Он был вне себя: «Начать пластинку с какой-то бесформенной каши! Это профанация и позор!..» И он уже не был способен прочувствовать, как прекрасна была следующая песня – «Across The Universe»^[151] Джона. Она была нежна и влекла фантазию в заоблачные дали. Услышав ее припев – буддийскую мантру «Джай Гуру Дэва Ом», Харрисон впал в благодный транс: наконец-то не он один в «Битлз» сеет с помощью музыки зерна мудрости Кришны... А его собственная песня «I, Me, Mine»^[152] была так шикарно доработана Спектором с добавлением мощного органа и перемикширована, что обещала стать хитом.

Законченные, добротные номера перемежались с сырыми обрывками и репликами. Наконец, дошла очередь до песни Пола «The Long And Winding Road»^[153]. От ее мелодии, окрашенной звучанием симфонического оркестра, щемило сердце, и Ринго даже зашмыгал носом... И тут Пол взорвался:

– Выключите, наконец, эту гадость! – заорал он.

Спектор, наблюдавший за ними, и тихонько пухнувший от гордости, не поверил своим ушам:

– Гадость?... – переспросил он.

Пол, не дожидаясь, когда тот опомнится, сам прошел в рубку и остановил фонограмму.

– Как вы посмели?! – напустился он на Спектора, вернувшись. – Женский вокал! Хор монашек! В «Битлз» никогда не было и не будет женского вокала!

– А мне понравилось... – сунулся было Ринго, но Пол грубо осадил его:

– Тебя не спрашивают!

Он снова повернулся к продюсеру:

– Немедленно перемикшируйте этот номер или снимите его!

– Нет, нет, – вмешался Джон, – ничего не надо менять. Отличный альбом, отличная песня...

– Это МОЯ песня! – ошетинился Пол. – И МНЕ лучше знать, как она должна звучать! Я не собираюсь позориться на весь мир!

Почувствовав поддержку Джона, Фил Спектор позволил себе обиженно возразить:

– Когда я работал над ней, я несколько раз звонил в Шотландию и просил вас помочь мне. Но вы трудились там над собственным альбомом. А меня поджимали сроки, я не мог ждать вечно!

- Ты обоссался, Макка, – констатировал Джон.
- Это МОЯ песня, – повторил Пол удрученно.
- «Я, мне, мое», – процитировал самого себя Джордж.
- Это песня «Битлз», – сказал Джон веско. – Запомни это, мой мальчик. Пол потемнел от обиды. Но он тут же взял себя в руки.

– Ладно, – неожиданно спокойно сказал он. – Ладно. Но лично я отныне не работаю с «Битлз». Моя пластинка уже отпечатана и готова к продаже. Я придерживал ее, чтобы не навредить реализации альбома «Битлз». Но тем, что я не могу распоряжаться собственной песней, вы поставили меня в положение, унижающее достоинство художника. И я снимаю с себя какие бы то ни было моральные обязательства. Свой диск я отправлю в продажу завтра же. И в каждом конверте будет лежать листовка с моим заявлением о выходе из «Битлз».

– Напугал, – усмехнулся Джон. – Отправляй. Кто тебе мешает?

– Теперь уже – никто и ничто, – согласился Пол. И саркастически добавил: «Пусть будет так».

Он покинул студию, ни на кого не глядя.

Проводив Пола полными слез глазами, Дебби, такая же конченная битломанка, как и весь низовой состав сотрудников «Эппл», принялась обзванивать друзей и знакомых: «Салли! Это конец. Они окончательно разругались...», «Иштван? Ты был прав. Развод. Сегодня я буду спать с тобой, иначе я сойду с ума...», «Только прошу тебя, Моника, ничего с собой не делай! Обещаешь? „Битлз“ больше не существуют... Нет, нет! Не вздумай! Положи таблетки на место!...»

Тем временем «верхушка» «Эппл» собралась на военный совет.

– Вы угробили наш альбом, – заявил Клейн.

– С чего это вдруг? – поднял брови Джон. – «Битлз» лопнул, это факт, к этому дело уже давно двигалось, но эта-то пластинка уйдет нормально.

– Нет, не уйдет, если диск Пола выбросят на прилавки раньше.

– И у меня, и у Джорджа были сольные проекты, – возразил Джон, – и никакой катастрофы не случилось.

– И у меня... – тихонько вставил Ринго, месяц назад выпустивший собственную пластинку «Sentimental Journey»^[154] и гордившийся ее двадцатым местом в хит-параде.

– Вы не понимаете, – покачал головой Аллен Клейн. – Не зря ведь мы с мистером Мартином попросили Пола повременить с продажей своего диска. Ваши сольники не имели никакого успеха. Их или не заметили, или смеялись над ними. А вот Пол записывался только с «Битлз», и эти

пластинки всегда были на первом месте. И все считают теперь, что «Битлз» – это Маккартни.

– Вот как? – недобро прищурился Джон. По большому счету, ему было наплевать. И все же стало обидно.

Вмешался Мартин:

– Ты ведь не будешь отрицать, Джон, что над последними альбомами Пол работал намного больше, чем ты.

– Да, – признал Джон. – Я уже давно чувствую себя его сессионным музыкантом. И мне это не нравится.

Джордж согласно кивнул. Его раздражало то, как пренебрежительно Пол относился к его творениям, позволяя вставить в диск только по одной-две песни. И это, кстати, не лучшим образом влияло на его заработок.

– А раз так, – продолжал гнуть свое Клейн, – раз «Битлз» – это Маккартни, а то, что делают остальные сами по себе – ерунда, то его сольник пойдет нарасхват. Особенно если он и в правду неплох.

– Я слушал, – снова вставил свое слово Мартин, – он очень неплох. В меру глуп и мелодичен.

– То есть, он обещает быть бестселлером, – заключил Клейн.

Свою лепту в разгром безмятежности Джона внес Спектор:

– А если в конверте пластинки Пола будет заявление о распаде «Битлз», то «Let It Be» уж точно никому не будет нужен. Я старался создать впечатление репетиции живой группы. Теперь всем будет ясно, что это – блеф.

Все смолкли, обдумывая сказанное.

– До чего мы доехали, парни, – нарушил тишину Ринго. – И только оттого, что ни один не хочет чуть-чуть подвинуться... Спасу нет, какие все гордые... – Он поднялся. – Поеду-ка я к Полу, попробую его отговорить.

– Лучше ехать Джону, – предложил Клейн.

– Ну уж нет! – замотал головой тот. – Если поеду я, я набью ему морду!

– Мне тоже не стоит, – задумчиво сказал Джордж. – Пусть едет Ринго.

– Что ж, ладно, – нехотя согласился Клейн. – Давай, Ричи. На тебя, затаив дыхание, смотрит весь мир.

Когда Ринго проходил через приемную, ту же фразу – «На тебя смотрит весь мир...» – прошептала так, что он не услышал, Дебби и до боли закусила пухлые губы.

– Не знаю, правильно ли я поступаю, – Пол выглядел таким несчастным и испуганным, что Линда сейчас испытывала к нему почти

материнские. – Мы были друзьями много лет. Мы были почти как семья...

Линда хотела сказать, что теперь у него есть другая семья, но тактично промолчала.

– Мы любили друг друга, – продолжал он говорить, скорее, сам с собой, чем с ней. – Я всегда знал о той чертовщине, которая опутывает нас, но старался забыть... Но Клейн... Как я ненавижу его! – Лицо Пола исказила ненависть, а у Линды в готовности заплакать задрожали губы. Ей было очень неприятно видеть Пола таким. – Он всех настроил против меня! – Ничего не замечая, ударил кулаком по столу Пол. – И теперь я должен быть твердым. Обратного пути нет.

Раздался звонок. Пол включил переговорное устройство:

– Кто там?

– Пол, это я, – раздался голос Ринго.

– Чего тебе?

– Впусти сначала... Тут холодно.

– Нам не о чем разговаривать. – Пол отключил переговорник.

Минут десять Ринго давил на кнопку звонка, бормоча:

– Так-то ты поступаешь со старыми друзьями? Но я не отступлю. Потому что я одинаково люблю и тебя, и Джона, и я смогу вас помирить...

Пол не отвечал. Тогда Ринго, не обращая внимания на удивленные восклицания фанаток Пола, вечно дежуривших тут, перелез через ограду, поднялся на крыльцо дома и начал методично колотить ногой в дверь.

– Вот же дятел, – усмехнулся Пол, – ну что мне с ним делать?

– Впусти его, – посоветовала Линда. – И будь с ним помягче...

– Нет. – Пол поднялся. – Я не дам ему говорить со мной. А то он уговорит. Я сделаю все, как надо.

Отперев, он распахнул дверь, и Ринго, делавший очередной пинок, с трудом удержался на ногах. Невинно глядя на Пола снизу вверх, он предложил:

– Побеседуем, Макка?

Линда тоже вышла из комнаты и, прислонившись к косяку, приветливо кивнула ему.

Пол молчал, разглядывая его, словно не мог на что-то решиться.

– Аллен Клейн не такой уж плохой парень, – сказал Ринго, – и все мы хотим тебе только добра...

Зря он сказал про Клейна. Пол решился. Стиснув зубы, он, не проронив ни слова, правой рукой взял Ринго за лацканы пиджака и влепил ему левой такую затрещину, что мир для того полыхнул болезненным белым фейерверком.

Пол услышал испуганный вздох и тут только обратил внимание на десяток девушек, наблюдавших эту сцену из-за прутьев ограды.

Толкнув ошеломленного Ринго назад, он захлопнул перед его носом дверь. И без сил опустился на пол.

Услышав всхлипывания, он поднял глаза и увидел, что Линда плачет.

– Я должен был... – сказал он неуверенно. – Они ведь ничего не понимают...

Когда Ринго вернулся в «Эппл», Дебби кинулась ему навстречу. Фингал был порядочным, и она приложила к его щеке смоченный одеколоном носовой платок. «Ублюдок! Какой же он ублюдок!...» – повторяла она. А затем принялась сладострастно вырезать бритвой все изображения Пола из плакатов на стенах приемной и рвать их на мелкие кусочки.

Эта процедура была похожа на ритуальное действие, и работники студии, столпившись тут же, наблюдали за ней. Без ненависти в голосе имя Пола не произносил теперь никто.

Опасения Клейна не оправдались. Альбом Пола «Mc'Cartney» и публикой, и критиками был принят холодно, если не сказать враждебно. Во всяком случае, первого места в хит-параде он не увидел. А вот вышедший три недели спустя «Let It Be» – альбом группы, о распаде которой было уже официально заявлено, альбом смикшированный из «отбросов», альбом, стоимость которого стараниями Клейна была выше обычной в несколько раз – возглавил список популярности на восемь месяцев. Только предварительных заявок на него было подано три и семь десятых миллиона... Лихорадочный блеск глаз и болезненный румянец делают порой умирающую от чумы девушку прелестной...

Линдси-Хогг кое-как склепал-таки свой фильм. Назывался он теперь тоже не «Get Back», а так же, как и пластинка. Но на его премьеру никто из «Битлз» не явился. Зачем?..

Их взаимные обвинения, словно поток помоев, выплеснулись на страницы прессы. После всех оскорблений, которые Пол нанес остальным, а те – ему, о «мировой» речи уже быть не могло.

Встал вопрос о разделе имущества, и Джон, со свойственными ему левацкими замашками, предложил поделить все поровну на четыре части. Пол не был согласен с таким вариантом. Неужели ЕГО вклад в величие «Битлз» равен вкладу Ринго или Джорджа?..

...Выходя из зала суда под руку с Линдой, бледный от обиды за все услышанные в свой адрес оскорбления, Пол краем уха слышал обрывок разговора двух репортеров:

– ...И на этих подонков мы молились десять лет?!

– Да-а... Кто бы мог подумать, что они так ненавидят друг друга? Заголовок у меня будет такой: «Джон Леннон назвал Пола Маккартни „сраным шакалом“». Газету на части будут рвать.

Пол остановился и обернулся к разговаривающим.

– Пожалуйста, – попросил он, – будьте людьми... – он хотел сказать, – «Не пишите такой заголовок», но тут же подумал, что даже если он и уговорит этих двоих, остальные (а журналистов в зале было несколько десятков) все равно напишут какую-нибудь гнусность. И он, махнув рукой, отвернулся.

Одной из целей, которые он ставил перед собой, возбуждая тяжбу, он, во всяком случае, добился: мосты были сожжены, Джон, Джордж и Ринго никогда уже не предложат собрать группу вместе. Что касается второй цели – денег... Игра не стоила свеч. Суд заморозил счет «Битлз» до окончания разбирательства группой экспертов – экономистов и юристов. Знатоки утверждали, что процесс этот займет минимум лет пять...

По дороге к автомобилю, зябко ежась, Пол сказал жене:

– Как только я вошел в зал, я сразу вспомнил этого психа, Мэнсона, помнишь, я тебе рассказывал?

– Конечно.

– Он кричал: «Ребенок должен родиться среди вас, но вы растерзаете его...» У меня такое чувство, что именно это мы и совершили.

Ожидая возвращения троицы, Дебби вышла покурить и стояла на тротуаре в компании нескольких битломанов, день и ночь дежуривших возле дверей «Эппл». Выглядели все они так, словно были гостями на похоронах. То и дело стряхивая легкий снежок с воротников, они вполголоса переговаривались ни о чем. Собственно, это и были похороны.

Но вот в конце улицы появился новенький белый «роллс-ройс» Джона. Ждущие подтянулись, стараясь выглядеть бодрее. Машина остановилась, и из нее вывалилось... трое хохочущих парней.

Поклонники не верили своим глазам.

– Что?! Снова вместе?! – надеясь на чудо, подскочила к ним Дебби, но тут же осеклась, сообразив, что Пола с ними нет.

Выяснилось, что веселье вызвано выходкой, совершенной Джоном напоследок. После того, как было объявлено решение суда, они,

расстроенные, гуськом вышли из зала. Комментировать событие репортерам они отказались. Сев в машину, Джон наклонился к шоферу:

– Энтони, кирпичи у нас еще в багажнике?

– Да, – водитель сокрушенно поскреб затылок. – Извините, я вчера вечером забыл их выгрузить.

– Не извиняйся. Ты просто праздник мне устроил. На Кавендиш-Стрит, к Полу! – скомандовал он, откинулся на спинку сидения и пояснил Джорджу и Ринго: – Я вчера для сада кирпичи купил. – Но, заметив, как удивленно они переглянулись, он не выдержал и прыснул.

Бессменные поклонницы Пола потеснились, уступая их машине проезд к двойным черным воротам. Джон не стал звонить, а, как давеча и Ринго, перелез в сад через ограду. Затем распахнул ворота изнутри и, потирая замерзшие руки, подошел к багажнику. Ринго и Джордж вышли из машины загипнотизированные происходящим.

Энтони открыл багажник. Джон взял два кирпича и вернулся в сад. Немного не дойдя до дома, он остановился, сделал дурашливое движение готовящегося к броску метателя диска, а затем один за другим кинул кирпичи в окна Пола.

Поклонницы и Джордж с Ринго застыли, не веря своим глазам. Звон бьющегося стекла наполнил воздух. В проеме одного из выбитых окон появился Пол. По его лицу невозможно было понять, какие чувства он сейчас испытывает. Как и остальные он не проронил ни звука. Сзади подошла Линда и обняла его за плечи.

Неожиданно Джон откинул голову и захохотал. Было холодно, и пар изо рта делал Джона похожим на глотающего огонь факира. Просмеявшись, он крикнул:

– Вот и еще один повод подать на нас в суд, Кемпбелл!

Тут заржали и остальные, втискиваясь в «роллс-ройс».

Провожая машину взглядом, Пол тихо сказал:

– Я так не могу, Линда. Я должен с ним поговорить.

– Как знаешь, милый, – отозвалась та. – По телефону?

– Он бросит трубку.

– А если он выставит тебя? Как ты Ринго.

– Значит, я должен пережить и это.

Но Джон не выставил Пола, когда тот явился к нему после полуночи. Во всяком случае, сразу. И тут же объяснил свое великодушие:

– Ко мне часто являются гости, которых мне совсем не хочется видеть.

Теперь, Макка, ты – один из них.

– Нам нужно поговорить, – сказал Пол, пройдя и усевшись в кресло.

– О чем? – оскалился Джон. – Разве сказано еще не все?

– По-настоящему не сказано еще ничего.

– Да? И сколько же дерьма нам предстоит еще сожрать, прежде чем мы, наконец, расстанемся? Или «по-настоящему» – это дуэль? Я готов. У меня есть ружье.

– Джон, я хочу, чтобы ты меня понял...

– Крокодил проливает слезы. Того, что сделано не изменишь. Выбрал путь подлеца, так хотя бы наберись смелости пройти его, не сворачивая.

– Не затыкай мне рот, выслушай...

– Да?! Смотри-ка, какие мы обидчивые! Я ему даже еще по роже не дал, а он уже обижается! – Джон плюхнулся в кресло напротив и положил ноги на журнальный столик. – Ты меня просто восхищаешь, мальчик!

– Я хочу начать разговор со Стюарта...

– Не надо! – Джон резким движением поставил ноги на пол и наклонился вперед, приблизив свое лицо к лицу Пола. – Однажды я предупредил тебя: ни-ко-гда не касайся его имени!

– Ну дай ты мне пять минут, – взмолился Пол. – Только пять минут...

Джон поднес к глазам часы.

– Начал!

Торопливо, сбиваясь и перескакивая с одного на другое, Пол принялся рассказывать обо всех своих страхах, обо всех сверхъестественных событиях, подтверждающих мистические прозрения Стюарта. Смерть Джулии Леннон, смерть Мэри Маккартни, смерть самого Стью и его «записка с того света», смерть Брайана, истерическое поклонение всего мира, калеки, жаждущие коснуться «Битлз» для исцеления, невиданный успех их даже самых неудачных песен («Так бывает с теми, кто продал душу дьяволу» – прокомментировал он это), буря ненависти, вызванная заявлением Джона о Христе, страшные слова ритуального убийцы Мэнсона...

Внезапно, под действием ироничной улыбочки, с которой Джон выслушивал его, Пол осознал, как неубедительно все это звучит... И выкрикнул:

– Да очнись же ты! Неужели ты ничего не понял?!

Джон посмотрел на часы:

– Все. Ты перерасходовал две минуты моего драгоценного времени. Что касается сказанного... Отчего же, я все понял. Ты – мученик. Ты несешь крест за всех нас. И судился ты с нами не из-за денег, а из самых

благородных побуждений. Умница. – Он поднялся. – Тебе пора, Макка. И запомни: самый страшный тип подлеца – подлец *с теорией*. Прощай.

Пол встал и с потерянным видом поплелся к выходу.

Прежде, чем закрыть дверь, Джон бросил:

– Да! Напоминаю. У меня есть ружье. Если ты еще раз явишься ко мне, я пристрелю тебя, как бешеного пса.

Последующее десятилетие каждый «экс-битл» жил собственной жизнью.

Джон окончательно перебрался в Нью-Йорк, обосновавшись с Йоко в шикарном доме под названием «Дакота». В течении пяти лет он с переменным успехом выпускал по пластинке в год, хотя так и не сумел избавиться от наваждения «Yesterday». Эта песня, признанная величайшим хитом «Битлз», была написана не им, а Полом, и он отчаялся написать что-нибудь столь популярное. Но еще тоскливее было то, что многие считали, что написал ее все-таки он, ведь на диске она, как всегда, была подписана двумя фамилиями. Он бы и рад был, если бы это было правдой, но это было неправда, и он раздраженно разубеждал заблуждающихся.

Кроме музыки Джон с головой окунулся в бурную политическую жизнь Америки, изредка радуя публику теми или иными эксцентрическими выходками. Какие только движения, партии и фонды не отхватили по жирному куску от его нажитого с Йоко состояния. Он щедро раздавал свои деньги, ощущая себя чуть ли не виноватым в том, что богат. Но никогда нельзя было сказать точно, серьезен ли тот или иной его жест бескорыстия или это – очередное шутовство, сколько бы оно ни стоило.

Его семейная жизнь с Йоко протекала не безоблачно. Периодически они оба то вновь начинали употреблять наркотики, то вновь лечились от них. Время от времени Джон «погуливал на сторону», а однажды сбежал с секретаршей Йоко миленькой китайкой Мэй Пэнг и не показывался дома больше года. (Именно во время этого затянувшегося приключения он, кстати, вновь ославился на весь свет тем, что, будучи в стельку пьяным на концерте Джерри Ли Льюиса, кинулся целовать ему ботинки.)

Когда он возвращался, когда он, как дикий кот, приползал к ней зализывать свои раны, Йоко проявляла истинно азиатское благоразумие и принимала его без единого слова упрека.

Так продолжалось до семьдесят пятого, пока Йоко, наконец не подарила ему сына, которого они назвали Шон Таро Оно Леннон. «Подарила» в буквальном смысле этого слова, ведь она родила его девятого октября, в День рождения Джона.

С этого момента семейство Леннонов исчезло из поля зрения прессы.

Джон с головой окунулся в домашние хлопоты, ухаживая за сыном, гуляя с ним по обширному, купленному на острове Лонг-Айленд, поместью... Даже финансовые дела семьи он переложил на Йоко, не без основания полагая, что у той коммерческая жилка развита более, чем у него.

Джон не отходил от Шона ни на шаг. Больше всего он боялся, что тот вырастит потребителем. И боролся с этим достаточно своеобразно: покупал ему все, чего бы тот ни пожелал, иногда тратя за один поход в магазин игрушек по несколько тысяч долларов. Как ни странно, он добился желаемого результата: единственным предметом гордости сына были не электрические автомобили и поезда, которые ему быстро надоели, а собственноручно собранная коллекция ракушек и камушков...

А Йоко ежедневно рано утром удалялась в офис и до позднего вечера занималась делами: куплей-продажей ценных бумаг, недвижимости и даже стад крупнорогатого скота.

Джон вспомнил, как позавидовал однажды булочнику Питу Бесту. И научился печь хлеб. Этот процесс увлекал его теперь больше, чем оставленное сочинительство. А еще большее наслаждение доставляло ему наблюдать, как собственноручно им испеченные караваи едят Йоко и Шон.

Чуть ли не главной целью, которую поставил перед собой Джон, воспитывая сына, было сделать так, чтобы тот не чувствовал себя «ребенком звезды». Пожалуй, он даже переусердствовал в этом.

Когда Шону шел пятый год, соседи показали ему на Рождество «Желтую подводную лодку». Мальчик ворвался в дом с восторженным криком:

– Папа! Я знаю! Ты – один из «Битлз»!

– Верно, – признался Джон. – Был. Давай-ка за стол, Рождество надо встречать дома.

Но счастливый блеск в глазах сына заставил его пересмотреть свой взгляд на прошлое. Вдруг ему захотелось, чтобы тот гордился им. И не былыми заслугами, а тем, что он есть сейчас. Ему вдруг подумалось, что роль папы-домохозяйки, которой сам он так кичится, вряд ли может удовлетворить честолюбие нормального мальчика.

И он решил привнести в воспитание сына элемент мужественной романтики. В августе восьмидесятого, взяв с собой Шона, Джон отправился на своей яхте «Изида» в путешествие на Бермудские острова, правда, в качестве кока. Но по пути они попали в шторм, половина команды свалилась с морской болезнью, и Джон встал за штурвал сам.

Шон, мокрый до нитки, не слушаясь приказа Джона спрятаться в

каюте, стоял рядом, крепко держась за поручни и, время от времени, влюбленно поглядывая на отца. Его папа вовсе не домохозяйка, и даже не только один из «Битлз», нет, он – бесстрашный морской волк!..

Смена жизненного ритма, красота Бермудов и необходимость быть сильным заставили Джона о многом подумать... Там, на яхте, он впервые за пять лет снова начал писать песни... Одна из них называлась: «Just Like Starting Over»^[155]. И он решил начать запись нового альбома. Даже придумал название – «Двойная фантазия», во-первых, потому что он будет состоять из двух пластинок, а, во-вторых, потому что Йоко выступит в нем таким же полноправным автором, как и он.

Уничтожив «Битлз», Пол понимал, что ему будет трудно. Но он не предполагал, что будет *так* трудно.

Больно, когда от тебя отрывают кусок живого мяса. Но еще больнее, когда ты сам – кусок оторванный от чего-то большего. И выжить тогда практически невозможно.

Его растерянность граничила с безумием. Он перестал работать. Он перестал бриться, да и вообще перестал заботиться о своей внешности. Он перестал интересоваться сексом. Даже с Линдой. Чувство вины и безысходности не оставляло его ни на миг.

Когда-то он с безгливостью отнесся к увлечению Джона героином. Теперь, спрятавшись с Линдой на своей шотландской ферме в Суссексе, он сам погрузился в эту радужную трясику.

Они жили в крестьянской лачуге, которую Пол хотел когда-то переоборудовать под студию, поставив рядом настоящий дом. Они спали на старых, пропахших сыростью матрацах, брошенных прямо на цементный пол. По утрам Линда, прихватив деньги, отправлялась к соседям и покупала у них провизию – домашних сыр, домашний хлеб, яйца и молоко. Пол просыпался часа в три-четыре дня, но долго еще лежал в тяжелой полудреме. Когда он, наконец, вставал, Линда насильно кормила его.

Так продолжалось несколько месяцев. Однообразные муторные дни прерывались сюрреалистическими эпизодами. Как-то, например, к ним на ферму явился журналист и потребовал от Пола доказательств, что он – не фальшивый. Придя в бешенство, тот вылил на репортера стоявшее у порога ведро воды и в шею вытолкнул из дома.

В другой раз, проснувшись среди ночи, Пол увидел в пробивавшемся сквозь ставни тусклом свете луны, что между ним и Линдой храпит какой-то худой, заросший оборванец. Пол растормошил его:

– Ты откуда? – спросил он.

– Я? – удивился тот. – Я уже неделю тут живу, парень! – незнакомец раздвинул в улыбке полный гнилых зубов рот. – Ты еще сказал мне: «Будешь жить со мной, Эд, все будет в порядке. Я написал „Yesterday“, и героин у нас будет всегда...»

Пол вытолкал и его.

Образ жизни больных растений прекратила Линда. Однажды утром она, вместо того, чтобы приготовить еду и убраться в доме, принялась трясти Пола, крича:

– Вставай! Вставай, говнюк! Я больше не могу спать с трупом!..

И он взял себя в руки. Ему казалось, что он, как потерянная игрушка, долго провалялся под шкафом в паутине и пыли. И вот его нашли. Он отмылся, сбрил с подбородка неопрятную бороду и «вышел в свет». Но оказалось, игрушка уже вышла из моды.

И началась гонка за утерянной славой. Сперва он работал в одиночку, затем сколотил довольно сносную группу, пригласив Денни Лейна и еще нескольких музыкантов. Ему хотелось, чтобы Линда всегда была рядом с ним, и он заявил, что она будет петь и играть на клавишных. Линда не умела ни того, ни другого, но, приняв это заявление за очередную прихоть, которая скоро забудется, стала честно брать у мужа уроки. Вскоре, однако, она уже довольно сносно музицировала, и судьба ее была решена: она стала выступать вместе с Полом, в свободное от работы время рожая ему предсказанных когда-то детей...

Некоторые пластинки Пола и его «Wings»^[156] поднимались до вершин хит-парадов. Но до успеха «Битлз» им было все-таки очень далеко. Пол переносил это болезненно, хотя и признавал, что он добился именно того, к чему стремился: он стал просто музыкантом. ПРОСТО МУЗЫКАНТОМ, безо всякой чертовщины и мистики. Оказалось, правда, что он – не самый сильный музыкант в этом мире.

Однажды, находясь по делам в Нью-Йорке, он пришел в гости к Джону, как в старые добрые времена, захватив с собой гитару.

Но тот не пустил его дальше порога.

– Это тебе не Ливерпуль, Макка, – сказал он, не поздоровавшись. – Тут без телефонного звонка не приходят.

– Я хотел спеть тебе новую песню, – начал Пол, еще надеясь, что Джон, по обыкновению поиздевавшись, все же впустит его, и они вволю повспоминают былые денечки.

– Пошел вон, болван, – сказал Джон с кривой усмешкой. – Скажи спасибо, что мне до сих пор не дали вид на жительство, и я не могу держать у себя оружия. – С этими словами он захлопнул дверь у Пола перед носом.

Джордж все дальше двигался по пути самопознания, углубляясь в дебри буддизма и индуизма. Патти ушла от него и стала женой Эрика Клэптона, что не мешало этой троице поддерживать теплые отношения друг с другом.

Мало кто понимал его новые песни, посвященные, в основном Богу. Свою фирму звукозаписи он назвал «Темная лошадка». Ведь он был темной лошадкой для мира шоу-бизнеса.

В его конторе работала низенькая поджарая, но яркая мексиканка по имени Оливия Ариас, она-то и родила ему сына, названного Дхани. А вскоре стала и его законной женой.

Он выпустил много пластинок, но особого успеха они не имели. Похоже, он и не стремился к этому.

Трижды общественность вновь привлекало имя Джорджа.

В первый раз, когда он организовал грандиозную благотворительную акцию в пользу республики Бангладеш при участии Боба Дилана, Рави Шанкара, Клауса Воормана, Клэптона, Ринго и группы «Бедфингер». За два концерта в нью-йоркском зале «Медисон-Сквер Гаден» они заработали для Бангладеш десять миллионов долларов.

Во второй раз – когда некто Роналд Мэк предъявил ему обвинение в плагиате. Речь шла о ставшей хитом песне Джорджа «My Sweet Lord»^[157], которая якобы (или не якобы) была один в один слизана с «He's So Fine»^[158] Мэка. Джордж заплатил крупный штраф, а Мэк признался журналистам, что его главный выигрыш – то, что он судился с одним из «Битлз»!

Наконец, в третий раз о нем вспомнили, когда он выпустил роскошно оформленную автобиографическую книжку «Я, Мне, Моё». Несмотря на неслыханную цену в сто сорок восемь фунтов, она была моментально раскуплена и тут же стала библиографической редкостью, так как издали ее тиражом в две тысячи экземпляров.

Чуть ли не самым шокирующим в этой книге оказалось то, что в ней ни разу не был упомянут Джон Леннон.

В интервью журналу «Плейбой» Джон прокомментировал это так: «Он не забыл ни одного случайно встреченного саксофониста или гитариста. А меня там нет. Это довольно обидно...»

Похоже, это действительно была тонкая месть Джорджа за то, что за все проведенные вместе годы Джон так и не начал принимать его творчество всерьез.

Ринго всегда устраивала роль «профессионального друга». Его душа не умела ненавидеть, а любая грязь скатывалась с него, не прилипая.

Предложения баснословных гонораров так и не заставили гордых экс-битлов собраться вместе еще хотя бы раз. Зато просьба Ринго о «маленькой помощи» свела таки их имена под одной обложкой. Джон Леннон написал для него песню «Я величайший», подарили песни и Пол с Джорджем. А в «You're sixteen»^[159] Пол от щедрот даже исполнил соло на мундштуке от саксофона... Не мудрствуя лукаво, Ринго назвал этот альбом «Ringo», и его успех побил рекорды сольных проектов Джона, Пола и Джорджа того времени.

Что касается семейной жизни... Некрасивые эпизоды, которые привели к распаду брака Джона с Синтией и расторжению помолвки Пола с Джейн не стали для него поучительными. Однажды Морин, к тому времени уже мать троих детей, застукала мужа в постели с фотомodelью Ненси Эндрюс.

Он много снимался в кино, сыграв самые разноплановые роли – от пещерного человека до римского Папы. В Лос-Анджелесе он организовал фирму по изготовлению мебели и сам занимался ее дизайном...

Он быстро простил Полу пощечину и остался единственным из них, кто, не боясь того, что его прогонят, мог заявиться к остальным в любое время дня и ночи.

Собственно, умение прощать и было чуть ли не главным его талантом. В Англии, а еще более – в Америке он оставался всеобщим любимцем. Потому-то остальные трое всегда с удовольствием приглашали его к сотрудничеству, в особенности – на живые концерты. Правда, чаще всего, подстраховавшись вторым, более техничным, барабанщиком.

Своеобразные метаморфозы переживали в течении этого десятилетия и фанаты «Битлз».

«Ассоциация молодых христиан» открыла перед Марком Чепменом путь к творению добра. В семьдесят пятом году он отправился в Ливан работать в бейрутском представительстве АМХ. Его окружало людское страдание, и он честно старался помочь каждому. Но началась война, и он вынужден был покинуть страну.

Тогда он поступил на работу в Центр оказания социальной помощи вьетнамским беженцам в Форт-Уэффе, городе штата Арканзас. Он был полон готовности к самопожертвованию.

Женился он, конечно же, на японке, которая, конечно же, была старше его. Ее звали Глория Абэ, но он называл ее Йоко. А когда, ни с того ни с сего, он сменил работу на должность вооруженного охранника больницы, на именную бляху он наклеил кусок ленты с надписью «Джон Леннон».

Был момент, когда он думал, что, вынося горшки за умирающими вьетнамцами, он искупает грехи того, другого, Джона Леннона, который скупает землю, дома и коров... Но тот был известен, и именно его образ жизни, а не добродетель и жертвенность Марка, служили многим эталоном для подражания.

Джон жил неправильно, недостойно своего великого имени и этим сводил на нет все добрые начинания Марка. К этому мнению мало-помалу приходил он.

Марк периодически ложился в психиатрическую клинику. Лечь его уговаривала Глория, когда замечала, что его паранойя обостряется. Тогда он просыпался среди ночи и заводил горячий спор с ангелами добра и зла.

«Ха-ха-ха! – смеялись над ним черные прислужники дьявола. – Продолжай в том же духе! Будь паинькой и не шали. Скомкай свою жизнь как тряпку и пытайся забить ей дыру в днище нашего мира! Только учти: эта дыра уже километров сто в диаметре, и наш-то Джон быстро грызет края, делая ее все шире и шире... Этот мир скоро рухнет в тартарары, и никто так и не заметит твоей верности!»

– Почему? Почему все слушают его, а не меня? – спрашивал Марк удрученно. – Разве они не видят, что он – «липовый»?

«Пока он жив, будет только так, – продолжали злорадствовать те. –

Потому что зло всегда имеет силу, а доброта – слабая и незаметная! А убить его – у тебя кишка тонка. Боишься за свою мышиную душонку!..»

«Не слушай его, – вступали в полемику ангелы Божьи. – Забудь обо всем и просто честно делай свое дело. В мире есть Тот, Кто всегда видит тебя и гордится тобой...»

– Но почему Он не накажет поддельного Джона? Почему он не дает мне возможность учить людей праведности?..

«Пути Господни неисповедимы», – отвечали ангелы смиренно, а их оппоненты злорадно хохотали в ответ.

Иногда, чтобы заглушить эти назойливые голоса, Марк посреди ночи на всю мощность врубал ленноновскую «I Am The Walrus»^[160], ему всегда казалось, что эту песню ТОТ Джон Леннон написал специально для него: *«Я – это он, поскольку ты – это он, поскольку ты – это я, и мы – всё вместе. Смотри, они бегут, словно свиньи от пуль. Смотри, они летят... Я плачу...»*

И он плакал.

В психиатрической лечебнице Марку снимали обострение, и он возвращался к реальности и праведным делам, лишь смутно помня, что с ним происходило недавно.

Увольняясь с работы двадцать третьего октября восьмидесятого года, в документах он вновь расписался: «Джон Леннон».

Двадцать седьмого октября он купил «Смит-Вессон» тридцать восьмого калибра и авиабилет до Нью-Йорка.

Для публики альбом «Double Fentesy»^[161] вернул Джона из небытия. Критики отнеслись к нему благосклонно, и он неплохо расходился. Но рекламы, по мнению Джона, было недостаточно.

Оставив затворничество, он принялся сам искать встреч с журналистами. На вопрос одного из них: «Почему вы так долго занимались сугубо женскими делами?», он ответил: «По-моему, нам пора отказаться от мужского превосходства. Смотрите, к чему мы пришли за тысячи и тысячи лет! Мы что же, так и будем продолжать лупить друг друга до смерти?..»

Недаром «Битлз» взяли себе такое «насекомое» название. Сейчас Джон чувствовал себя так, словно прошел период закукливания, и вот кокон лопнул, и он готов расправить крылья и взлететь.

Он начал вдруг вспомнить и очень серьезно обдумывать все то, что сказал ему Пол во время их последнего разговора десять лет назад.

Начать все заново...

Чтобы взлететь, нужно было разбежаться. Чтобы разбежаться, нужно было немного вернуться назад. Сделав только один шаг – выпустив «Двойную фантазию», он почувствовал приближение к свету.

Следующим шагом был его ночной звонок Полу.

– Здорово, Макка, – сказал он через океан.

– Привет, – отозвался тот так буднично, словно они болтали друг с другом каждую ночь.

– Ты что, не рад? – не удержался и съязвил Джон.

– Рад, рад, – нехотя отозвался тот. – Чего тебе?

– Ты уже послушал мою «Двойную фантазию»?

– Конечно. Я слушаю все, что ты делаешь... Неплохо.

– «Неплохо»! – передразнил его Джон. – Да этот альбом гениален!

– Пожалуй... – согласился Пол.

– Ты серьезно? – удивился Джон. – Что это ты такой сговорчивый?

– А что бы тебе хотелось услышать?

– Ну, например: «Твоя „Двойная фантазия“, братец – полное дерьмо!»
Ведь так?

– Пожалуй... – повторил Пол.

– Да что ты заладил, «пожалуй, пожалуй», – начал Джон раздраженно, но остановился, осознав слова, произнесенные Полом дальше:

– ...Я ведь и сам все эти годы пишу сплошное дерьмо.

– Да ты вырос, мальчик, – одобрительно заметил Джон.

– Мы все не помолодели.

– И ты ничего не хочешь мне сказать?

– Один раз я уже сказал тебе все. Но ты не услышал.

– Я помню. – И тут Джон понял, что должен сейчас быть серьезным. И сказал, помолчав: – Прости. – Но не удержался и добавил: – Но ты вел себя, как дурак.

– Да, – согласился Пол. – Сейчас бы я вел себя по-другому. Но я был прав и не понимал, что этого недостаточно.

– Так ты все еще веришь во все эти бредни?

– А ты – нет? Зачем же ты позвонил мне?

– Точно, – вынужден был признать Джон. – Я, кажется, начал верить. И все-таки, скажи первым. Кто мы? Что с нами было?

– Мы – мессия. Сумасшедший мессия сумасшедшего времени. И мы сами не поняли этого, направляя свою силу куда попало. Недавно я

разговаривал об этом с Джорджем, и он сказал мне: «Нам был дан небесный огонь, но мы не знали, как им распорядиться и жгли им свои души...» И еще он сказал: «Дьявол – это отсутствие Бога».

– Но я не чувствую себя Иисусом Христом!

– А ты и так не он. Но помнишь свои слова: «„Битлз“ сегодня популярнее Христа»? Мессия – мы вместе. Еще Стюарт говорил мне: «Когда вы вместе, вы приближаетесь к Богу...»

– Почему именно мы?!

– Ты думаешь, дева Мария знала, что родит Бога? Или она действительно зачала от голубка?

– Ладно. Но почему все получилось так глупо? И почему умирали наши близкие?

– Ты действительно готов все это выслушать? – Пол произнес эти слова настороженно.

– Да, черт бы тебя побрал! И хватит уже дуться за ту ночь! Я был идиотом.

– Это точно. Тогда слушай. Это тоже объяснил мне Джордж. Возможно, он был среди нас как раз для того, чтобы помочь нам все правильно понять. Но мы не особенно-то слушали его... Так вот. Души людей – частицы Всевышнего. Каждая душа – это маленький Бог. Частицы стремятся воссоединиться. Когда люди сходятся душами, они становятся в тысячи раз больше. Они уже не просто люди. И с нами случилось это. Но соединившись, мы не устремились к Высшему духу, мы остались сами по себе, и сами стали как бы маленьким божеством. А значит, мы противопоставили себя Ему. Стали чем-то вроде дьявола. Бог – это Вселенная. И Вселенная боролась с нами. Даже когда двое становятся едины без мысли о Боге, они сеют смерть или гибнут сами. Как Ромео и Джульетта. Как Стью.

– Почему же мы выжили?

– Потому что мы были сильны... Потому что мы пели о любви... А вспомни, что творилось вокруг?! И ты уверен, что мы выжили?

– Отчего же с нами не пытаются расправиться сейчас?

– Оттого, что, расставшись, мы стали просто людьми. Просто музыкантами...

Они помолчали немного. Только шелест и пощелкивания в трубке заставляли почувствовать, что тысячи километров разделяют их сейчас.

– Мне кажется, мы сошли с ума, – прервал молчание Джон. – Но мне кажется, все, что ты говоришь – верно. Выходит, если бы мы все это понимали, все было бы совсем по-другому. И калеки действительно

исцелялись бы, прикоснувшись к нам, и мы смогли бы изменить мир к лучшему?..

– Да. Разве ты сам не понял еще, что главное – не то, что ты делаешь, и не то, что тебя окружает, а то, как ты к этому относишься?

– Пол... Ты готов начать все с начала?

– Да, Джон. Я слишком долго жил в маленьком уютном гнездышке.

– Но ведь тебя это вполне устраивало.

– Мне было хорошо. Но *это так скучно*. Я устал не быть Богом. К тому же сейчас, когда мы все поняли, нам нечего бояться.

– А у нас получится? – спросил Джон так по-детски, что на другой стороне планеты Пол засмеялся.

– Это звучит так же глупо, как если бы Иисус Христос спросил у святого Петра: «Пит, я тут собрался походить по воде аки по суху. Как думаешь, у меня получится?»

Джон засмеялся тоже. Потом спросил:

– А Джордж и Ринго?

– Джордж давно уже пришел к этому. А Ринго... – в голосе Пола послышалась нежность. – С нашей маленькой помощью...

– Он станет всем, чем угодно, – закончил за него Джон.

– Я хотел сказать именно это. Всё уже давно ждет нас, Джон.

Внезапно Джон почувствовал, что по его щекам текут слезы.

– Пол... – начал он, но голос сорвался, и он, проглотив комок в горле, повторил тверже: – Пол. Я люблю тебя... Кстати, – продолжил он, сменив тон на обыденный. – Вообще-то твой «Band On The Run»^[162] – вполне сносная штука, парень...

– Почти, как твой «Imagine»^[163]...

– Пол, прости меня. Аллен Клейн действительно оказался редкостной скотиной.

– Не будь дураком, Джон. Я со своей жадностью виноват не меньше.

– Это факт, – заявил Джон. – О'кей. Будем считать, что с прошлым мы разобрались. Итак, я возвращаюсь. Завтра я начну сворачивать дела в Нью-Йорке. Я же не могу бросить все сразу.

– Не спеши. Мы ждали друг друга десять лет, и несколько дней ничего не решат. А впереди – целая вечность.

– Целая вечность, – подтвердил Джон. – Что ж. Привет ребятам.

– Привет Йоко.

– Ты это серьезно?

– Конечно. Она должна быть с нами. Жаль, что я только сейчас смог

признать это. И если ее не будет, значит Брайан погиб зря.

– Хорошо. Мы прилетим вместе. Только, пожалуйста, придержи язык, не болтай обо всем этом журналистам. Они нас достанут.

– Когда же ты все-таки перестанешь быть самовлюбленным ослом и считать себя самым умным? – деланно вздохнув, сказал, Пол. – Ладно. Ждем тебя.

Никогда еще Джона не видели таким счастливым, как в этот день – восьмого декабря тысяча девятьсот восьмидесятого года.

Они позавтракали вместе – Джон, Йоко и Шон. Он решил пока что не говорить жене о своем разговоре с Полом. И день покатился своим обычным маршрутом. Йоко отправилась в бюро, а он занялся материалами для новой пластинки. Вполне возможно, что какие-то из этих песен станут песнями «Битлз»...

В конце дня супруги покинули Дакота-билдинг: в студии «Хит Фэктори» их ждали музыканты, приглашенные на вечернюю запись. Выйдя из дома, они на минуту остановились, окруженные желающими получить автограф на обложку «Двойной фантазии».

Среди прочих Джон заметил и болезненного вида коренастого молодого человека лет двадцати пяти с лицом испуганного ребенка в роговых очках.

– Мистер Леннон, – попросил тот, подсовывая альбом, – пожалуйста, напишите здесь: «Я отпускаю тебя, Марк. Будь собой. Джон Леннон».

– Это слишком сложно для меня, – бросил Джон и просто расписался. Парень казался разочарованным, но Джону было не до него.

– Что он тебе сказал? – спросила Йоко, когда они двинулись дальше.

– Ничего... Я не понял.

– Мне показалось, он ждал от тебя чего-то большего, чем подпись.

– Все они ждут чего-то большего.

Возле машины они наткнулись на сидящего прямо на асфальте нищего старика. Джон остановился и, пока Йоко усаживалась в автомобиль, покопавшись в кармане, кинул в шляпу доллар. Старик поднял заросшее седой щетиной лицо, странно улыбнулся и сказал:

– Первый.

– Дай Бог, не последний, – усмехнулся Джон, а потом, выудив из кармана десятидолларовую бумажку, бросил и ее.

Уже мчась в машине по автостраде, он подумал: «Где я мог его видеть? Или он на кого-то похож?» И вдруг ему показалось, что чем-то неуловимым этот старик напомнил ему Стюарта. Наверное, если бы тот дожил лет до

восмидесяти, он выглядел бы примерно так же...

– Если вечером этот нищий будет сидеть в том же месте, – обернулся Джон к Йоко, – обязательно напомни мне, что я хотел с ним поговорить.

Йоко молча кивнула, а он переключился на мысли о своей предстоящей поездке в Лондон. Еще месяц назад он сказал журналисту: *«То, что „Битлз“ делало „Битлз“, то и шестидесятые делало шестидесятыми. Тот, кто думает, что если вдруг я выйду на сцену вместе с Полом, Джорджем и Ринго, ансамбль возродится, просто ничего не понял. „Битлз“ дали все, что у них было, если не больше. Четверо парней, которые однажды составили группу, теперь уже не те, что были тогда, даже если бы очень этого хотели.»*

Что было бы, если бы мы вдруг начали все с начала? Это было бы скучно...»

Теперь он не думал так.

Черные ангелы, кружа над Марком Чепменом, смеялись над ним:

«Ну что, Марк? Ты оказался не нужным ему? Что же ты будешь делать теперь? Не знаешь? А нам кажется, что знаешь...»

– Отстаньте! – прикрикнул на них Марк.

Стоявший рядом с ним рыжий мужчина, с фотокамерой на шее и с «Двойной фантазией» в руках, обернулся:

– Вы что-то сказали? – спросил он.

– Да, – нашелся Марк. – Я хотел спросить: «Что, не получил автографа? Он не заметил тебя?»

– Не говорите, – развел руками рыжий. – Звезды... Обижаться на них бессмысленно.

– Ты будешь ждать его? – спросил Марк, стараясь не обращать внимания на возню над головой, отчего его вечные собеседники стали полупрозрачными.

– Нет, – ответил рыжий. – Как-нибудь потом. Меня зовут Пол Горешь, – он дружелюбно протянул Марку руку. Тот пожал ее, говоря:

– Я бы на твоём месте все-таки дождался.

– Я часто бываю здесь. Джон даст мне автограф завтра.

– Откуда ты знаешь, что увидишь его завтра?

– А почему нет?

Марк пожал плечами:

– Может быть, сегодня ночью он отправится еще куда-нибудь?

В его тоне и взгляде было что-то такое, что заставило Гореша опасливо поспешить прочь.

«Молодец! – закричали черные ангелы. – Ты решился, решился!...»

Обычно они проезжали прямо к Дакоте через боковой вход. Но Йоко напомнила Джону о нищем, и он вышел из машины перед главным порталом.

Старика на прежнем месте не было.

Джон прошел мимо освещенной фонарями клумбы, через желтизну которой красными цветами было выведено слово «PEACE». «Наконец-то я счастлив, – подумал он и с наслаждением глубоко вдохнул пропахший выхлопными газами воздух Города Мира. – Я научился печь хлеб, и я знаю теперь, кто я...» Он отчетливо увидел внутренним взором лицо Шона и свои руки, вынимающие булку из печи... Он ломает ее и протягивает сыну ароматную дымящуюся краюху...

Он даже приостановился от удовольствия и потянулся. «Жизнь – это то, что с нами происходит, пока мы строим совсем другие планы...» – вспомнил он слова из собственной песни. А потом на ум пришла фраза Пола: «Впереди целая вечность...»

И тут он услышал голос, окликнувший его:

– Мистер Леннон!

Он повернул голову. Позади него в свет окон вышел тот самый коренастый парень, которому он сегодня дал автограф. В вытянутой руке он держал короткий тупорылый пистолет.

– Нет, – тихо сказал Джон. – Не сейчас... Нет.

– Да, – ответил ему Марк Чепмен и сделал пять выстрелов в спину.

Боли не было. Был только оглушительный грохот в ушах. Джон попытался бежать, но смог сделать лишь несколько неверных шагов по ступенькам и рухнул на пол вестибюля.

– В меня стреляли, – прохрипел он подбежавшему перепуганному портюе Джею Хейстингсу. – В меня стреляли...

И тут пришла боль.

Он пополз. Предательская память почему-то не показывала ему ничего из того, что он любит. Выплыли черно-белые кадры: пять унитазов из гамбургской «гримерки»... орущая толпа в нью-йоркском аэропорту...

Ползти не получалось, и он прекратил попытки. Боль заставляла ворочаться, и, заведя одну руку за спину, он нащупал липкое мокрое. В глазах померкло. Цепляясь сознанием за реальность, он слышал женский плач, надрывающуюся сирену и визг тормозов. Он ощутил на своем лице торопливые прохладные поцелуи знакомых губ, почувствовал, что его

подняли и понесли...

Черные ангелы в бешеном победном хороводе кружили над площадью перед Дакота-билдинг, визгливо выкрикивая: «Ты смог! Смог! Теперь ты один! Ты – это он, поскольку он – это ты!..»

– Ты хоть понимаешь, что натворил, мерзавец?! – уставился офицер полиции на Марка Чепмена, когда его со скованными наручниками руками втолкнули в машину.

С трудом отвлекшись от победной песни своих крылатых помощников, он, с блуждающей улыбкой на лице, ответил:

– Да. Я убил Джона Леннона. Простите, я не знал, что он был вашим другом. Но этот Джон Леннон – ненастоящий. Он – липовый... Вы читали «Над пропастью во ржи»?..

Офицер раздосадованно отвернулся.

– Чертовы наркоманы, – проворчал он себе под нос.

Со всей возможной скоростью Джона доставили на Девятое Авеню в больницу имени Рузвельта. Но ни электростимуляция, ни массаж сердца не спасли его. Он скончался от потери крови.

... – Папа теперь у Бога? – спросил Шон.

– Да, – ответила Йоко. – Конечно, сынок...

Эпилог

Утром Линда повезла детей в школу, а Пол еще оставался дома, в Суссексе, когда прозвучал звонок телефона. Ему сообщили, что Джон убит.

В оцепенении он продолжал совершать привычные действия. Оделся, собрал в кейс необходимые бумаги, причесался и отправился в Лондон на студию.

Он с остервенением проработал весь день, а когда вечером на выходе его поймал какой-то репортер и спросил, что он чувствует, он бесцветным голосом произнес фразу, сказанную накануне Джону:

– Это так скучно.

Только он один знал, что она означает: «Я устал не быть Богом»... Но остальные, конечно же, не могли понять его, и репутация холодного бесчувственного человека утвердилась за ним окончательно.

Джордж узнал о случившемся из утренней программы телевизионных новостей. Невольно подавшись вперед, он внимательно взгляделся в лицо человека в наручниках, выбирающегося из полицейской машины.

– Ах, Марк, Марк, – сказал он тихо. – Кто бы мог подумать, бедняга, что ты так вырастешь? Но ты совсем не поумнел...

– Ты знаком с ним? – осторожно спросила Оливия, стоявшая за его спиной.

– Я был знаком с ним, когда он был еще маленькой мышкой, – загадочно ответил Джордж.

В роскошном, принадлежавшем когда-то Джону, особняке, пьяный и несчастный плакал его нынешний хозяин Ринго Старр, сидя на ковре и уткнувшись лицом в колени своей новой подружке, актрисе Барбаре Бах.

– Если бы мы были вместе, – стонал он, всхлипывая, – да разве бы я допустил такой шовинизм? Если бы только мы были все вместе...

*

...Однажды подросток Стюарт Сатклифф сказал своему приятелю Полу то, что много раз повторял своему лучшему другу Джону: **«Увидишь, вашими именами назовут планеты!»**

Через четверть века Международный астрономический союз утвердил за четырьмя небольшими астероидами, номер 4147, 4148, 4149 и 4150, названия «Леннон», «Маккартни», «Харрисон» и «Старр».

Где бы мы не находились, эти четыре космических тела вечно кружат над нами. Они будут кружить и над нашими правнуками, и над нашими праправнуками. Но орбиты их не пересекутся, и быть вместе им не суждено никогда.

Дискография «Битлз» (в период существования группы) и некоторые примечания.

В процессе работы над этой книгой мы не раз сталкивались в различной литературе с интересными фактами из биографии «Битлз», которые, несмотря на свою занимательность, несколько «перегрузили» бы литературное повествование. Потому-то мы решили дополнить роман этим приложением.

Как мы знаем, по неписанному соглашению все песни сочиненные Джоном и Полом, в том числе и порознь, носят официальное авторство «Д. Леннон – П. Маккартни», однако в данной дискографии мы, пользуясь достоверной информацией, указываем истинных авторов.

1961 год.

Сингл.

(Запись – май 1961 года. Выход – июнь 1961 года.)

Сольные вокальные партии тут исполняет певец Тони Шеридан, так что считать этот диск пластинкой «Битлз» не совсем правомерно. Да и называются они тут «Бит Бразерз».

My Bonnie. (Мой любимый.) Шотландская народная песня в обработке Чарльза Прэтта.

When The Saints Go Marching In. (Когда маршируют святые.) Негритянская народная песня.

Микрогигант «My Bonnie». («Мой любимый».)

(Запись – май 1961 года. Выход – сентябрь 1961 года.)

То же самое. Это пластинка Тони Шеридана.

My Bonnie. (Мой любимый.) Шотландская народная песня в обработке Чарльза Прэтта.

Why. (Почему.) Авторы – Тони Шеридан, Билл Кромптон.

Cry For A Shadow. (Взываем к призраку.) Авторы – Джон Леннон, Джордж Харрисон.

The Saints. (Святые.) Негритянская народная песня.

1962 год.

Сингл.

(Запись – 11 сентября 1962 года. Выход – 5 октября 1962 года.)

Love Me Do. (Люби меня.) Автор – Пол Маккартни.

Эта песня записана в двух вариантах. В одном за барабанами Ринго, а в другом – студийный барабанищик Энди Уайт. На этом сингле она вышла в первом варианте, с Ринго. В дальнейшем, на всех последующих синглах и в альбоме «Please Please Me» использованы версии с Уайтом, а записи с Ринго, во избежание ошибок, уничтожили.

P.S. I Love You. (P.S. Я люблю тебя.) Автор – Пол Маккартни.

Пол задумал эту песню в стиле женской группы «The Shirelles». За барабанами – Энди Уайт.

1963 год.

Сингл.

(Запись – 26 ноября 1962 года. Выход – 12 января 1963 года.)

Please Please Me! (Пожалуйста, порадай меня.) Автор – Джон Леннон.

Ask Me Why. (Спроси меня, почему.) Автор – Джон Леннон.

Альбом **«Please Please Me!»** («Пожалуйста, порадай меня».)

(Запись – 11 февраля 1963 года. Выход – 22 марта 1963 года.)

I Saw Her Standing There. (Я увидел ее там.) Автор – Пол Маккартни.

Рабочее название «Seventeen».

Misery. (Страдание.) Авторы – Джон Леннон, Пол Маккартни.

Эту песню Джон написал для Хелен Шапиро во время совместного турне по Шотландии.

Anna (Go To Him). (Анна (Иди к нему).) Автор – Артур Александер.

Из репертуара группы «The Dot».

Chains. (Цепи.) Авторы – Джерри Джоффин, Кэрол Кинг.

Из репертуара женской группы «The Cookies». На том же сеансе «Битлз» записали и еще одну песню этой группы – «Keep Your Hands Off My Baby», но в альбом она не вошла.

Boys. (Парни.) Авторы – Лютер Диксон, Уэс Фэррел.

Песня женской группы «The Shirelles». Это песню очень любил Ринго. Он ее и спел. Это был его вокальный дебют.

Ask Me Why. (Спроси меня, почему.) Автор – Джон Леннон.

Please, Please Me. (Пожалуйста, порадай меня.) Автор – Джон Леннон.

Задумана Джоном, как подражание Рою Орбинсону.

Love Me Do. (Люби меня.) Автор – Пол Маккартни.

P.S. I Love You. (P.S. Я люблю тебя.) Автор – Пол Маккартни.

Baby It's You. (Крошка, из-за тебя.) Авторы – Хэл Дэвид, Берт Бэчарах, Барни Вильямс.

Опять же из репертуара женской группы «The Shirelles».

Do You Want To Know A Secret? (Хочешь узнать секрет?) Автор – Джон Леннон.

Написана Джоном для Джорджа, с ней-то он и дебютировал, как сольный вокалист. Песенку эту Джоноу навяли мелодии из диснеевских мультфильмов «Синдерелла» и «Фантазия», многократно смотренных им за экраном кинотеатра «Бемби» в Гамбурге.

A Taste Of Honey. (Вкус меда.) Авторы – Рик Марлоу, Бобби Скотт.

Песня из одноименного кинофильма Т. Ричардсона.

There's A Place. (Есть такое место.) Автор – Джон Леннон.

Это была первая песня, вдохновившая художника Аллана Олдриджа на создание серии сюрреалистических и поп-артовских иллюстраций к песням «Битлз».

Twist And Shout. (Крутись и ори.) Авторы – Берт Рассел, Фил Медли.

Сингл.

(Запись – 4 марта 1963 года. Выход – 12 апреля 1963 года.)

From Me To You. (От меня к тебе.) Авторы – Джон Леннон, Пол Маккартни.

Thank You Girl. (Спасибо тебе, девочка.) Автор – Пол Маккартни.

Сингл.

(Запись – 1 июля 1963 года. Выход – 23 августа 1963 года.)

She Loves You. (Она любит тебя.) Авторы – Джон Леннон, Пол Маккартни.

Именно с этой песней исследователи творчества «Битлз» связывают начало битломании. Эту песню «Битлз» записали и на немецком языке. Позднее этот вариант вышел на сингле.

I'll Get You. (Ты будешь моей.) Автор – Джон Леннон.

Альбом **«With The Beatles»**. («Вместе с „Битлз“».)

(Запись – 15 июля 1963 года. Выход – 22 ноября 1963 года.)

Фотография на обложке этого альбома выполнена в стиле подруги Стюарта Сатклиффа Астрид Кирхгерр.

It Won't Be Long. (Это будет недолго.) Автор – Джон Леннон.

All I've Got To Do. (Все, что мне нужно сделать.) Автор – Джон Леннон.

All My Loving. (Вся моя любовь.) Автор – Пол Маккартни.

Don't Bother Me. (Не приставай.) Автор – Джордж Харрисон.

Авторский дебют Джорджа на пластинках «Битлз».

Little Child. (Малыш.) Авторы – Джон Леннон, Пол Маккартни.

По мысли Пола, эта песня должна была звучать в стиле «Роллинг Стоунз».

Till There Was You. (Пока не появилась ты.) Автор – Мэридит Уилсон.

Песня из любимого королевой мюзикла. Пол выучил ее специально для выступления в «Королевском варьете».

Please Mr. Postman. (Пожалуйста, мистер почтальон) Авторы – Брайан Холланд, Роберт Бэйтмен.

Недаром от ранних «Битлз» сходили с ума прежде всего девочки. Вот и еще одна песня из репертуара женской группы, на этот раз – «The Marvelettes».

Roll Over Beethoven. (Катись отсюда, Бетховен.) Автор – Чак Берри (Чарльз Эдвард Берри).

Hold Me Tight. (Обними меня крепче) Автор – Пол Маккартни.

You Really Got A Hold On Me. (Ты меня зачаровала.) Автор – Уильям Смоуки Робинсон.

I Wanna Be Your Man. (Я хочу быть твоим мужчиной) Авторы – Джон Леннон, Пол Маккартни.

Написана для «Роллинг Стоунз», и исполнена после них, в их стиле. По легенде, увидев, как легко пишут песни «Битлз», роллинги решили писать и сами.

Devil In Her Heart. (Дьявол в ее сердце) Автор – Ричард Б. Дабкин.

Из репертуара опять же женской группы «The Donays».
Not A Second Time. (Только один раз.) Автор – Джон Леннон.
Money (That's What I Want). (Деньги (То, что мне нужно).) Авторы – Берри Горди, Джейми Брэдфорд.

Сингл.

(Запись – 19 октября 1963 года. Выход – 29 ноября 1963 года.)

I Want To Hold Your Hand. (Я хочу держать твою руку.) Авторы – Джон Леннон, Пол Маккартни.

Так же записана еще и на немецком языке и впоследствии в этом варианте вышла на сингле.

This Boy. (Этот парень.) Авторы – Джон Леннон, Пол Маккартни.

1964 год.

Сингл.

(Запись – 29 января 1964 года. Выход – февраль 1964 года.)

Этот сингл вышел в Германии на немецком языке. Представьте, как обрадовались немцы, обнаружив, что есть и такие записи «Битлз»?

Komm, Gib Mir Deine Hand. (Ну же, дай мне твою руку (нем.)) Авторы – Леннон, Маккартни, Николас, Хеллмер.

Sie Liebt Dich. (Она любит тебя (нем.)) Авторы – Леннон, Маккартни, Николас, Монтекью.

Сингл.

(Запись – 25 февраля 1964 года. Выход – 20 марта 1964 года.)

Can't Buy Me Love. (Любовь не купишь.) Автор – Пол Маккартни.

You Can't Do That. (Ты не сделаешь этого.) Автор – Джон Леннон.

Микрогигант «Long Tall Sally». («Долговязая Сэлли».)

(Запись – конец февраля 1964 года. Выход – 19 июня 1964 года.)

Long Tall Sally. (Долговязая Сэлли.) Авторы – Энотрис Джонсон, Ричард Пеннимэн, Роберт Блэкуэлл.

I Call Your Name. (Я называю твое имя.) Автор – Джон Леннон.

Slow Down. (Помедленнее.) Автор – Лэрри Уильямс.
Matchbox. (Коробок спичек.) Автор – Карл Перкинс.

Альбом «**A Hard Day's Night**». («Вечер трудного дня».) Американский вариант – звуковая дорожка фильма «*A Hard Day's Night*».
(Запись – март и апрель 1964 года. Выход – 26 июня 1964 года.)

A Hard Day's Night. (Вечер трудного дня.) Автор – Джон Леннон.

Tell Me Why. (Скажи мне, почему.) Автор – Джон Леннон.

I'll Cry Instead. (Я заплачу вместо этого.) Автор – Джон Леннон.

I Should Have Known Better. (Мне нужно было знать лучше.) Автор – Джон Леннон. Инструментальная пьеса аранжированная Джорджем Мартином и исполненная его оркестром.

I'm Happy Just To Dance With You. (Я счастлив просто танцевать с тобой.) Автор – Джон Леннон.

And I Love Her. (И я люблю ее.) Автор – Пол Маккартни. Инструментальная пьеса аранжированная Джорджем Мартином и исполненная его оркестром.

I Should Have Known Better. (Мне нужно было знать лучше.) Автор – Джон Леннон.

If I Feel. (Если я почувствую.) Автор – Джон Леннон.

And I Love Her. (И я люблю ее.) Автор – Пол Маккартни.

Ringo's Theme (This Boy). (Тема Ринго (Этот парень).) Авторы – Джон Леннон, Пол Маккартни. Инструментальная пьеса, аранжированная Джорджем Мартином и исполненная его оркестром.

Can't Buy Me Love. (Любовь не купишь.) Автор – Пол Маккартни.

A Hard Day's Night. (Вечер трудного дня.) Автор – Джон Леннон. Инструментальная пьеса аранжированная Джорджем Мартином и исполненная его оркестром.

Сингл.

(Запись – 16 апреля и 1-3 июня 1964 года. Выход – 10 июля 1964 года.)

A Hard Day's Night. (Вечер трудного дня.) Автор – Джон Леннон.

Things We Said Today. (О чем мы сказали сегодня.) Автор – Пол Маккартни.

Альбом «**A Hard Day's Night**». («Вечер трудного дня».) Английский вариант.

(Запись – март и апрель 1964 года. Выход – 10 июля 1964 года.)

A Hard Day's Night. (Вечер трудного дня.) Автор – Джон Леннон.

I Should Have Known Better. (Мне нужно было знать лучше.) Автор – Джон Леннон.

If I Feel. (Если я почувствую.) Автор – Джон Леннон.

I'm Happy Just To Dance With You. (Я счастлив просто танцевать с тобой.) Автор – Джон Леннон.

And I Love Her. (И я люблю ее.) Автор – Пол Маккартни.

Tell Me Why. (Скажи мне, почему.) Авторы – Джон Леннон, Пол Маккартни.

Can't Buy Me Love. (Любовь не купишь.) Автор – Пол Маккартни.

Any Time At All. (В любое время.) Автор – Джон Леннон.

I'll Cry Instead. (Я заплачу вместо этого.) Автор – Джон Леннон.

Things We Said Today. (О чем мы сказали сегодня.) Автор – Пол Маккартни.

When I Get Home. (Когда я привезу тебя домой.) Автор – Джон Леннон.

You Can't Do That. (Ты не сделаешь этого.) Автор – Джон Леннон.

I'll Be Back. (Я вернусь.) Автор – Джон Леннон.

Альбом «**The Beatles' first**». («„Битлз“ первый».)

(Запись – май 1961 года. Выход – август 1964 года.)

Ain't She Sweet. (Разве она не мила?) Авторы – Мильтон Эгер, Джек Йелен.

Cry For A Shadow. (Взываем к призраку.) Авторы – Джон Леннон, Джордж Харрисон.

Let's Dance. (Давай, потанцуем.) Авторы – Тони Шеридан, Ли.

На самом деле в записи этой песни «Битлз» не участвовали. Спел ее Тони Шеридан, а аккомпанировали другие музыканты.

My Bonnie. (Мой любимый.) Шотландская народная песня в обработке Чарльза Прэтта.

If You Love Me, Baby. (Если ты меня любишь, детка.) Авторы – Чарльз Синглтон и Уолдниз Холл.

What'd I Say. (Что я такого сказал.) Автор – Рэй Чарльз.

Тоже к «Битлз» никакого отношения не имеет.

Sweet Georgia Brown. (Сладкая Джорджия Браун.) Авторы – Берни, Пинкхард, Кейси.

The Saints. (Святые.) Негритянская народная песня.

Ruby Baby. (Рубиновая бэби.) Авторы – Лайбер, Столлер.

Тоже не «Битлз».

Why. (Почему.) Авторы – Тони Шеридан, Билл Кромптон.

Nobody's Child. (Ничейное дитя.) Авторство неизвестно.

Ya Ya. (Йа, йа.) Авторы – Льюис, Леви.

Тоже не «Битлз».

Сингл.

(Запись – 14 ноября 1964 года. Выход – 27 ноября 1964 года.)

I Feel Fine. (Я чувствую себя прекрасно.) Автор – Джон Леннон.

She's A Woman. (Она – женщина.) Автор – Пол Маккартни.

Альбом **«Beatles Fo Sale».** («Битлз» на продажу.)

(Запись – 2-8 октября и 12-16 ноября 1964 года. Выход – 4 декабря 1964 года.)

No Reply. (Нет ответа.) Автор – Джон Леннон.

I'm A Loser. (Я – проигравший.) Автор – Джон Леннон.

Baby's In Black. (Детка в черном.) Авторы – Джон Леннон, Пол Маккартни.

Rock And Roll Music. (Музыка рок-н-ролла.) Автор – Чак Берри.

I'll Follow The Sun. (Я пойду вслед за солнцем.) Автор – Пол Маккартни.

Mr. Moonlight. (Мистер Лунный Свет.) Автор – Рой Ли Джонсон.

Kansas City. (Канзас-сити.) Авторы – Джерри Лайбер, Майк Столлер.

Этот номер по идее Пола объединен со следующим. Так же «Битлз» исполняли эти песни и на сцене.

Hey-hey-hey-hey. (Хей-хей-хей-хей.) Автор – Ричард Пеннимэн.

Eight Days A Week. (Восемь дней в неделю.) Автор – Пол Маккартни.

Words Of Love. (Слова Любви.) Автор – Бадди Холли.

Значительно позже Пол по совету Ли Истмана приобрел все права на песни Бадди Холли – одного из своих любимых певцов и исполнителей.

Honey Don't. (Не надо, сладкая.) Автор – Карл Перкинс.

Every Little Thing. (Каждый пустячок.) Автор – Пол Маккартни.

I Don't Want To Spoil The Party. (Я не хочу испортить вечеринку.) Автор – Джон Леннон.

What You're Doing. (Что ты делаешь.) Автор – Пол Маккартни.

Everybody's Trying To Be My Baby. (Каждая пытается стать моей)

девочкой.) Автор – Карл Перкинс.

1965 год.

Сингл.

(Запись – февраль 1965 года. Выход – 9 апреля 1965 года.)

Ticket To Ride. (Билет на поездку.) Автор – Джон Леннон.

Yes It Is. (Да, это так.) Автор – Джон Леннон.

Сингл.

(Запись – 13 апреля 1965 года. Выход – 23 июля 1965 года.)

Help! (На помощь!) Автор – Джон Леннон.

I'm Down. (Я повержен.) Автор – Пол Маккартни.

Альбом «**Help!**» («На помощь!»)

(Запись – начало февраля-начало марта и конец мая-начало июня 1965 года. (Кроме титульной песни, записанной в апреле.) Выход – 6 августа 1965 года.)

Help! (На помощь!) Автор – Джон Леннон.

The Night Before. (Прошлой ночью) Автор – Пол Маккартни.

You've Got To Hide Your Love Away. (Спрячь свою любовь.) Автор – Джон Леннон.

Задумана Джоном в пародийном духе Боба Дилана.

I Need You. (Ты нужна мне.) Автор – Джордж Харрисон.

Another Girl. (Другая девушка.) Автор – Пол Маккартни.

You're Going To Lose That Girl. (Ты потеряешь эту девушку.) Автор – Джон Леннон.

Ticket To Ride. (Билет на поездку.) Автор – Джон Леннон.

Act Naturally. (Действуй естественно.) Авторы – Джонни Рассел, Вонни Мориссон.

It's Only Love. (Просто это любовь.) Автор – Джон Леннон.

You Like Me Too Much. (Я тебе слишком нравлюсь.) Автор – Джордж Харрисон.

Tell Me What You See. (Скажи, что ты видишь.) Автор – Пол Маккартни.

I've Just Seen A Face. (Я увидел лицо.) Автор – Пол Маккартни.
Yesterday. (Вчера.) Автор – Пол Маккартни.
Dizzy Miss Lizzy. (Головокружительная мисс Лиззи.) Автор – Ларри Вильямс.

Сингл.

(Запись – начало ноября 1965 года. Выход – 3 декабря 1965 года.)

We Can Work It Out. (Мы справимся с этим.) Автор – Пол Маккартни.
Day Tripper. (Туристка.) Автор – Джон Леннон.

Альбом «**Rubber Soul**». («Резиновая душа».)

(Запись – середина октября-ноябрь 1965 года. Выход – 3 декабря 1965 года.)

По легенде, название альбому дала одноименная песня. Но как раз она-то сюда и не вошла. А, возможно, так и не была написана.

Drive My Car (Веди мою машину.) Автор – Пол Маккартни.

Norwegian Wood. (Норвежский лес.) Автор – Джон Леннон.

Не случайно две первые песни расположены именно в таком порядке. Метод Пола, который тот использовал при написании «Drive My Car» понравился Джону, и он тут же сочинил песню по тому же принципу – зарифмовав выдуманную историю с девушкой. Она была такова:

«Имелась у меня девчонка. Нет, не правильно. Это она меня поимела... Пришли мы как-то к ней, а у нее даже стульев нету. Как в лесу. А это не так уж и плохо – норвежский лес, красавец...

Она говорит: „Постойм?“ „Нет уж“, – ответил я и уселся на ковер. И стали мы пить вино. А потом она, вот тебе и раз, говорит: „Все. Уже два часа, пора спать, мне завтра на работу“. Короче, она легла в спальне, а меня уложила в ванне...

Просыпаюсь я утром. В доме – один. Развел огонь. А что? Нормально. Это не так уж и плохо – норвежский лес, красавец...»

Джордж притащил в студию ситар и Джон с удовольствием разрешил ему сыграть в «Норвежском лесу» на индийском инструменте, чтобы звучало уж совсем все по-дурацки.

You Won't See Me. (Ты меня не увидишь.) Автор – Пол Маккартни.

Nowhere Man. (Человек ниоткуда.) Автор – Джон Леннон.

Джон рассказывал историю написания этой песни: «Как сейчас

помню, я к этому моменту даже перестал стараться. Ничего не получалось. Я плюнул на все и лег. А потом вдруг я подумал о себе, как о „человеке ниоткуда“, находящемся в стране Нигде...»

Think For Yourself. (Подумай сама.) Автор – Джордж Харрисон.

The Word. (Слово.) Автор – Джон Леннон, Пол Маккартни.

Michelle. (Мишель.) Автор – Пол Маккартни.

Считается, что эта песня написана для дочери американского миллионера и по имени названа. Парень пытается «договориться» с французской красавицей, употребляя все известные ему французские слова.

What Goes On. (Что происходит.) Авторы – Джон Леннон, Пол Маккартни, Ричард Старки.

Дебют Ринго, как сочинителя-песенника. Однако, в соавторстве с Полом и Джоном.

Girl. (Девушка.) Автор – Джон Леннон.

I'm Looking Through You. (Я вижу тебя насквозь.) Автор – Пол Маккартни.

In My Life. (В моей жизни.) Автор – Джон Леннон.

Wait. (Подожди.) Автор – Джон Леннон.

If I Needed Someone. (Если бы мне кто-то был нужен.) Автор – Джордж Харрисон.

Run For Your Life. (Спасай свою жизнь.) Автор – Джон Леннон.

1966 год.

Сингл.

(Запись – 13 апреля и конец апреля 1966 года. Выход – 10 июня 1966 года.)

Paperback Writer. (Продажный писака.) Автор – Пол Маккартни.

Считается, что Пол намекнул в этой песне на писательские амбиции Джона.

Rain. (Дождь.) Автор – Джон Леннон.

Альбом «**Revolver**» («Револьвер».)

(Запись – 6 апреля-середина июня 1966 года. Выход – 5 августа 1966 года.)

Большинство песен альбома в принципе невозможно было исполнить живьем, так как они были напичканы сугубо студийными эффектами,

многократным наложением, инструментами, на которых играли приглашенные музыканты и даже вплетенными кусками записей, пущенных задом наперед...

Обложка, выполненная Клаусом Воорманом была удостоена премии «Гремми» за лучший дизайн грампластинки.

Taxman (Сборщик налогов.) Автор – Джордж Харрисон.

Джордж описал в песне реальный и очень неприятный для него факт: девяносто процентов своих доходов, как и прочие «Битлз», он отдавал государству в форме налогов.

«Вам вашу долю честно дам:
Мне – девяносто, десять – вам,
Ведь я же сборщик, йе-е, налогов сборщик!...»

Eleanor Rigby. (Элинон Ригби) Авторы – Джон Леннон, Пол Маккартни.

Они вновь прославили себя приближением к классике. Песня «Элинон Ригби» стала мини-ораторией с участием четырех скрипок, двух альтов и виолончелей. Имена персонажей – одиноких, никому не нужных людей – пастора Мак'Кензи и полусумасшедшей Элинон Ригби в песне вымышлены. Поначалу, в песне речь шла еще и о старике, копающемся в мусорных баках, но Пол настоял на том, чтобы этот персонаж не присутствовал. Уж слишком бы он эпатировал слушателей.

I'm Only Sleeping. (Я просто сплю.) Автор – Джон Леннон.

Одна из первых «упаднических» песен Джона:

«...Может, это и не лучший способ
Уйти от бед и от пустых вопросов,
Но и просыпаться смысла нет –
С ума сошел весь белый свет...»

Love You To. (Любить тебя.) Автор – Джордж Харрисон.

Впервые Джордж представил песню в индийском стиле и записал ее без остальных «Битлз». На табле играл Анил Бхагват.

Here, There And Everywhere. (Здесь, там и повсюду.) Автор – Пол Маккартни.

Yellow Submarine. (Желтая подводная лодка.) Автор – Пол Маккартни.

Эту детскую песенку о маленькой дружной компании, живущей в желтой подводной лодке спел Ринго. Полная изоляция от мира. Мечта идиота. Веселились не только дети, но и взрослые. Особенно наркоманы, глотая зелье, называющееся на сленге «Желтая субмарина», и «уходя в погружение» под эту песенку.

She Said, She Said. (Она сказала, что сказала.) Автор – Джон Леннон.

Существуют реальные подтверждения того, что это – первая песня сознательно написанная Джоном под впечатлением от воздействия наркотиков.

Good Day Sunshine. (Ясный солнечный день.) Автор – Пол Маккартни.

And Your Bird Can Sing. (И твоя птичка может петь.) Автор – Джон Леннон.

For No One. (Ни для кого.) Автор – Пол Маккартни.

Dr. Robert. (Доктор Роберт) Автор – Джон Леннон.

Прообразом героя песни считают нью-йорского врача Чарльза Роберта, метод лечения которого от всех болезней сводился к снабжению пациентов наркотиками.

I Want To Tell You. (Я хочу сказать тебе.) Автор – Джордж Харрисон.

Got To Get You Into My Life. (Ты необходима в моей жизни.) Автор – Маккартни.

Tomorrow Never Knows. (Завтра никогда не знает.) Автор – Джон Леннон.

Джон свистнул у Джорджа «Тибетскую книгу мертвых», прочитал ее от корки до корки, затем обкурился марихуаны и написал эту заумную песню. (Первоначальное название «Пустота».) После чего, еще не отойдя, устроил на студии скандал: он требовал, чтобы эта песня записывалась с тысячеголосым хором тибетских монахов.

Эпштейн идею не одобрил.

Сингл.

(Запись – 22 декабря 1966 года. Выход – 17 февраля 1966 года.)

Strawberry Fields Forever. (Земляничные поляны навсегда.) Автор – Джон Леннон.

По признанию Джона, текст для этой песни он писал и дорабатывал в течении шести месяцев. Азбука Морзе после первых слов передает: «J.L.» Песня, как известно, состоит из кусков первого и последнего дублей, сведенных Джорджем Мартином. Место склейки находится примерно на

шестидесятой секунде звучания песни. Когда Джон в очередной раз поет «Let me take you down 'cose i'm going to». Слова «cose i'm going...» – это еще пленка, записанная 29 ноября, а предлог «to» – начало пленки записанной 15 декабря.

Penny Lane. (Пенни Лейн.) Авторы – Джон Леннон, Пол Маккартни.

1967 год.

Альбом «**Sgt. Pepper's Lonely Hearts Club Band**» («Оркестр клуба одиноких сердец сержанта Пеппера».)

(Запись – декабрь 1966 года-2 апреля 1967 года. Выход – 1 июня 1967 года.)

Среди прочих помет «гибели» Пола, раскиданных по обложке альбома, указывают и куклу с машинкой в руке. На майке у куклы написано «Добро пожаловать, Роллинг Стоунз». Дело в том, что по легенде Пол разбился, спеша рано утром на машине к кому-то из «Роллинг Стоунз». А выражение лица куклы действительно омерзительно.

Говорят также, что в альбоме дважды указывается точное время гибели Пола. В песне «She's Leaving Home» есть строка: «...В среду утром, в пять утра...» А в «Good Morning, Good Morning»: «...Люди толпятся – времени пять утра...» Именно совпадение: в двух песнях говорится об одном и том же времени, наводит на подозрение...

Sgt. Pepper's Lonely Hearts Club Band. (Оркестр клуба одиноких сердец сержанта Пеппера.) Автор – Пол Маккартни.

В песне упоминается вымышленный солист «Оркестра клуба одиноких сердец сержанта Пеппера» Билли Ширз. Это имя Пол придумал для рифмы. А его «партию» исполняет Ринго в следующей песне.

With A Little Help From My Friends. (Если друзья мне чуть-чуть помогут.) Авторы – Джон Леннон, Пол Маккартни.

Lucy In The Sky With Diamonds. (Люси в небесах с бриллиантами.) Автор – Джон Леннон.

Кит Ричардс из «Роллинг Стоунз» оказал «Битлз» медвежьей услугу, заметив, что первые буквы существительных в названии этой песни составляют аббревиатуру LSD (ЛСД).

Getting Better. (Меняется к лучшему.) Автор – Джон Леннон, Пол Маккартни.

«Меняется к лучшему», – любимая поговорка барабаника Джимми

Никола, подменявшего заболевшего Ринго в 64-м во время мирового турне.

Fixing A Hole. (Латание дыры.) Автор – Пол Маккартни.

She's Leaving Home. (Она покидает дом.) Автор – Пол Маккартни.

Песня конечно же повествует о начинающей хиппи. В те годы многие дети сбегали от состоятельных родителей:

«В среду утром, в шестом часу,
скрипнет спальни дверь;
Крепко сжимая в руке платок,
Скомкав записку из нескольких строк,
Она идет, чтобы неслышно выскользнуть
в черный ход;
Мир не очнулся еще от сна,
Шаг – и свободна она...»

Кстати, в процессе работы над этой песней Пол нанес смертельную обиду Джорджу Мартину, в чем тот признался лишь через двенадцать лет в книге воспоминаний. А именно. Пол позвонил Мартину и попросил его прибыть на студию для того, чтобы сделать симфоническую аранжировку «She's Leaving Home». Однако Мартин заявил, что сегодня занят и будет занят еще несколько дней.

Ни мало не задумываясь об этичности своего поступка, Пол попросил Аспиномла подыскать какого-нибудь аранжировщика, и тот нашел Майка Линднера. До сей поры подобную работу для «Битлз» выполнял только Мартин. Теперь же ему как бы указали на то, что он без труда заменим.

Being For The Benefit Of Mr. Kite. (В связи с бенефисом мистера Кайта.) Автор – Джон Леннон.

Джон черпал материал для своих песен в самых неожиданных местах. Так, например, в этой песне в ход пошел текст цирковой афиши 1843-го года, приобретенной им в букинистической лавке.

Within You Without You. (В тебе и без тебя.) Автор – Джордж Харрисон.

Джордж и сам понимал, что эта песня уж слишком тяжела для восприятия. И записал в конце, для разрядки, ироническое хихикание.

When I'm Sixty Four. (Когда мне будет шестьдесят четыре.) Автор – Пол Маккартни.

Lovely Rita. (Прелестная Рита.) Автор – Пол Маккартни.

Эту песню Пол написал под впечатлением от знакомства с девушкой, работающей на платной автостоянке. Странные звуки в ней – это игра

на расческах.

Good Morning, Good Morning. (Доброе утро, доброе утро.) Автор – Джон Леннон.

Просто диву даешься, когда узнаешь, какие странные задачи ставили перед собой «Битлз», записывая перед собой ту или иную песню и получая в итоге великолепный результат.

Звукоинженер Джефф Имерик вспоминал: «В один из перерывов Джон сказал мне, что хотел бы изобразить в песне вереницу бегущих друг от друга животных. Причем, так, чтобы каждое следующее было способно съесть предыдущее...»

Sgt. Pepper's Lonely Hearts Club Band (Оркестр клуба одиноких сердец сержанта Пеппера.) Реприза. Автор – Пол Маккартни.

A Day In The Life. (День жизни.) Автор – Джон Леннон, Пол Маккартни.

Сингл.

(Запись – конец мая-25 июня, 11 мая 1967 года. Выход – 7 июля 1967 года.)

All You Need Is Love. (Все, что вам нужно – любовь.) Автор – Джон Леннон.

Baby You're Rich Man. (Малыш, ты – богач.) Авторы – Джон Леннон, Пол Маккартни.

Сингл.

(Запись – 4-5 ноября, начало сентября 1967 года. Выход – 24 ноября 1967 года.)

Hello Goodbye. (Здравствуй, прощай) Автор – Пол Маккартни.

I Am The Walrus. (Я – морж.) Автор – Джон Леннон.

Ищите комментарии к этой песне в других книгах. Она настолько шизофренична, что мы умываем руки.

Альбом **«Magical Mystery Tour»** («Волшебное таинственное путешествие».)

(Запись первой (оригинальной) стороны – сентябрь-октябрь 1967 года. Выход – 27 ноября 1967 года.)

Magical Mystery Tour (Волшебное таинственное путешествие.) Автор –

Пол Маккартни.

The Fool On The Hill. (Дурак на холме.) Автор – Пол Маккартни.

Flying. (Полет.) Инструментальная пьеса. Авторы – Джон Леннон, Пол Маккартни, Джордж Харрисон, Ричард Старки.

Blue Jay Way. (На пути к Блю Джей.) Автор – Джордж Харрисон.

Эту песню Джорджу наваял случай с другом и пресс-агентом «Битлз» Дерекот Тейлором, когда он потерялся в тумане в Лос-Анджелесе, в поисках улицы Blue Jay, где его ждали.

Your Mother Should Know. (Твоя мать должна знать.) Автор – Пол Маккартни.

I'm The Walrus. (Я – морж.) Автор – Джон Леннон.

Hello Goodbye. (Здравствуй, прощай) Автор – Пол Маккартни.

Strawberry Fields Forever. (Земляничные поляны навсегда.) Автор – Джон Леннон.

Penny Lane. (Пенни Лейн.) Авторы – Джон Леннон, Пол Маккартни.

Baby You're Rich Man. (Малыш, ты – богач.) Авторы – Джон Леннон, Пол Маккартни.

All You Need Is Love. (Все, что вам нужно – любовь.) Автор – Джон Леннон.

1968 год.

Сингл.

(Запись – январь-февраль 1968 года. Выход – 15 марта 1968 года.)

Lady Madonna. (Леди Мадонна.) Автор – Пол Маккартни.

The Inner Light. (Внутренний свет.) Автор – Джордж Харрисон.

Сингл.

(Запись – 26 июля-1 августа 1968 года. Выход – 30 августа 1968 года.)

Hey Jude. (Эй, Джуд) Автор – Пол Маккартни.

Revolution. (Революция.) Автор – Джон Леннон.

Двойной альбом «**The Beatles**» («Битлз», «Белый альбом».)

(Запись 30 мая-14 октября 1968 года. Выход – 22 ноября 1968 года.)

Первоначально Пол хотел записать альбом-мюзикл. Было даже название – «Дом Долл». Долл – девица, в дом которой приходят различные

персонажи и оставляют песни во всех известных, своих излюбленных стилях. Но материал «расползся» и мюзикла не получилось.

Back In The USSR (Снова в СССР.) Автор – Пол Маккартни.

Dear Prudence. (Дорогая Пруденс.) Автор – Джон Леннон.

Glass Onion. (Стеклянная луковица.) Автор – Джон Леннон.

Ob-La-Di, Ob-La-Da. (Об-ла-ди, об-ла-да.) Автор – Пол Маккартни.

Wild Honey Pie. (Пирог с диким медом.) Автор – Пол Маккартни.

Довольно нелепая вещьца, записанная Полом соло с помощью наложения. В альбом ее Пол включил в память о Джейн Ашер, которой этот «набросок» очень нравился.

The Continuing Story Of Bungalow Bill. (Продолжительная история о Бунгало Билле.) Автор – Джон Леннон.

На подпевках тут выступила Йоко Оно.

While My Guitar Gently Weeps. (Пока моя гитара нежно плачет.) Автор – Джордж Харрисон.

Известно, что, сочиняя текст для этой песни, Джордж взял первую попавшуюся книгу, открыл, ткнул пальцем и обнаружил фразу: «...нежно плачет...»

Happiness Is A Warm Gun. (Счастье – это огнестрельное оружие.) Автор – Джон Леннон.

Martha My Dear. (Моя дорогая Марта) Автор – Пол Маккартни.

Это – очередной подарок Пола своей любимой староанглийской овчарке.

I'm So Tired. (Я так устал.) Автор – Джон Леннон.

Black Bird. (Черный дрозд.) Автор – Пол Маккартни.

Piggies (Свинки.) Автор – Джордж Харрисон.

Rocky Raccoon. (Роки Ракун.) Автор – Пол Маккартни.

Don't Pass Me By. (Не проходи мимо.) Автор – Ринго Старр.

Why Don't We Do It In The Road? (Почему мы не делаем этого на дороге?) Автор – Пол Маккартни.

I Will. (Я буду.) Автор – Пол Маккартни.

Julia. (Джулия.) Автор – Джон Леннон.

Birthday. (День рождения.) Авторы – Джон Леннон, Пол Маккартни.

Тут подпевает не только Йоко, но и Патти.

Yer Blues. (Твой Блюз.) Автор – Джон Леннон.

Mothers Nature's Son. (Дитя природы.) Автор – Пол Маккартни.

Everybody's Got Something To Hide Except Me And My Monkey. (Каждому есть, что скрывать, кроме меня и моей обезьянки.) Автор – Джон Леннон.

Sexy Sadie. (Сексуальная Сэйди.) Автор – Джон Леннон.
Helter Skelter (Трам-тарарам.) Автор – Пол Маккартни.
Long Long Long. (Долго, долго, долго.) Автор – Джордж Харрисон.
Revolution 1. (Революция 1.) Автор – Джон Леннон.
Honey Pie. (Пирог с медом.) Автор – Пол Маккартни.
Savoy Truffle. (Савойский Трюфель.) Автор – Джордж Харрисон.
Cry Baby Cry. (Плачь, малыш, плачь) Авторы – Джон Леннон, Пол Маккартни.
Revolution 9. (Революция 9.) Авторы – Джон Леннон, Йоко Оно.
Good Night. (Доброй ночи.) Автор – Джон Леннон.
Эту песню Джон написал для Джулиана. Немудрено, что петь ее он доверил «самому доброму» – Ринго.

1969 год.

Альбом «**Yellow Submarine**». («Желтая подводная лодка».)
(Февраль и август 1968 года. Выход – 17 января 1969 года.)
Между прочим, одноименный мультфильм в 68-м году отмечен «Оскаром».

Yellow Submarine. (Желтая подводная лодка.) Автор – Пол Маккартни.
Only A Northern Song. (Просто северная песня.) Автор – Джордж Харрисон.
All Together Now. (Теперь – все вместе.) Автор – Пол Маккартни.
Hey Bulldog. (Эй, бульдог.) Автор – Джон Леннон.
It's All Too Much. (Это уже слишком.) Автор – Джордж Харрисон.
All You Need Is Love. (Все, что вам нужно – любовь.) Автор – Джон Леннон.
Pepperland. (Перцовый край.) Автор – Джордж Мартин.
Инструментальная пьеса исполненная его оркестром.
Medley: Sea Of Time. Sea Of Holes. Sea Of Monsters. (Поппури: Море времени. Море дыр. Море монстров.) Автор – Джордж Мартин.
Инструментальная пьеса исполненная его оркестром.
Pepperland Land Waste. (Перцовый край опустошен.) Автор – Джордж Мартин.
Инструментальная пьеса исполненная его оркестром.
Yellow Submarine In Pepperland. (Желтая подводная лодка в перцовый краю.) Автор – Пол Маккартни.
Инструментальная пьеса аранжированная Джорджем Мартином и исполненная его оркестром.

Сингл.

(Запись – январь 1969 года. Выход – 11 апреля 1969 года.)

Get Back. (Вернись.) Автор – Пол Маккартни.

Don't Let Me Down. (Не подводи меня.) Автор – Джон Леннон.

Сингл.

(Запись – 22 апреля 1969 года и осень 1968 года. Выход – 30 мая 1969 года.)

The Ballad Of John And Yoko. (Баллада о Джоне и Йоко.) Автор – Джон Леннон.

Old Brown Shoe. (Старый коричневый ботинок.) Автор – Джордж Харрисон.

Альбом «**Abby Road**» («Эбби-Роуд».)

(Запись – 1 июля-Завгуста 1969 года. Выход – 26 сентября 1969 года.)

Come Together. (Давайте, вместе.) Автор – Джон Леннон.

Something. (Нечто.) Автор – Джордж Харрисон.

Maxwell's Silver Hammer. (Серебряный молоток Максвелла.) Автор – Пол Маккартни.

Oh! Darling. (О! Дорогая.) Автор – Пол Маккартни.

Несколько строк, написанных для этой песни, не вошли в ее окончательную версию. Зато позднее Пол сделал из них песню «*Let Me Roll It*» для своего альбома «*Band on The Run*».

Octopus's Garden. (Сад осьминогов.) Автор – Ринго Старр.

I Want You. (Я хочу тебя.) Автор – Джон Леннон.

Here Comes The Sun. (Восходит солнце.) Автор – Джордж Харрисон.

Because. (Потому что.) Автор – Джон Леннон.

You Never Give Me Your Money. (Ты никогда не даешь мне своих денег.) Автор – Пол Маккартни.

Sun King. (Король-Солнце.) Автор – Джон Леннон.

Mean Mr. Mustard. (Гадкий мистер Мастард.) Автор – Джон Леннон.

Polythene Pam. (Целлофановая Пэм.) Автор – Джон Леннон.

В этой песне речь идет о легендарной ливерпульской проститутке Памеле.

She Came In Through The Bathroom Window. (Она вошла через окно

ванной.) Автор – Пол Маккартни.

Речь идет о реальном случае во время американского турне «Битлз», когда поклонница Пола пробралась в его номер через окно ванной комнаты по водосточной трубе и похитила кое-что из его вещей.

Golden Slumbers. (Золотые Сны.) Автор – Пол Маккартни.

В тетрадке своей сводной сестры Рут Пол нашел стихотворение Томаса Деккера (1570-1641). Вообще-то это был текст песни, но мелодию Пол не знал и написал свою. Слегка изменив и текст.

Carry That Weight. (Неси эту ношу.) Автор – Пол Маккартни.

The End. (Конец.) Автор – Пол Маккартни.

Her Majesty (Ее величество.) Автор – Пол Маккартни.

1970 год.

Сингл.

(Выход – 6 марта 1970 года.)

Let It Be. (Пусть будет так.) Автор – Пол Маккартни. (Запись – 1969 год.)

You Know My Name. (Ты знаешь мое имя.) Автор – Джон Леннон. (Запись – 1967, 1969 год.)

Самая идиотская песня «Битлз». Однако Пол утверждал, что это его любимый шуточный номер.

Альбом **«Let It Be».** («Пусть будет так».)

(Запись – январь 1969 года. Выход – 8 мая 1970 года.)

Two Of Us (Двое из нас.) Автор – Пол Маккартни.

I Dig A Pony. (Я прищипываю пони.) Автор – Джон Леннон.

Across The Universe. (Через вселенную.) Автор – Джон Леннон.

I, Me, Mine. (Я, Мне, Мое.) Автор – Джордж Харрисон.

Dig It. (Закопай это.) Автор – Джон Леннон.

Джон бессвязно называет приходящие в голову названия и имена. Их в его голове было много. Первоначально эта «песня» звучала около десяти минут. Но Фил Спектор оставил только пятьдесят секунд.

Let It Be. (Пусть будет так.) Автор – Пол Маккартни.

Maggie Mae. (Мэгги Мэй.) Народная песня.

В альбоме только фрагмент этой песни, которая входила в ранний

репертуар «Битлз». Речь идет о легендарной воровке и проститутке с Лайм-Стрим.

I've Got A Feeling. (Я обрел чувство.) Авторы – Джон Леннон, Пол Маккартни.

One After 9.09. (Первый после 9.09.) Автор – Джон Леннон.

Это одна из самых ранних его песен, написанная еще в Ливерпуле.

The Long And Winding Road. (Длинная извилистая дорога.) Автор – Пол Маккартни.

For You Blue. (По тебе грусть.) Автор – Джордж Харрисон.

Get Back. (Вернись.) Автор – Пол Маккартни.

Искреннюю благодарность за консультационную помощь в работе над книгой авторы приносят художнику и меломану, владельцу коллекции относящихся к «Битлз» книг, аудио– и видеозаписей Николаю Кузнецову.

Краткое послесловие от Юлия и Константина

Как Вы конечно же поняли, дорогой читатель, наш роман не является академическим историческим трудом. Стремясь предельно сконцентрировать повествование, мы сознательно допустили ряд хронологических и иных «неточностей».

Так, например, мы прекрасно осведомлены, что три события – знакомство Джона Леннона и Синтии Пауэлл, появление в группе Джорджа Харрисона и смерть Джулии Леннон – произошли хоть и в этой последовательности, но не в один день, а отстояли друг от друга на некоторые временные отрезки. Или, что Джейн Ашер и Пол Маккартни познакомились не после концерта в «Королевском Варьете», а несколько раньше, после концерта в «Королевском Альберт-Холле»...

Но мы и не считали необходимым добиваться полной документальности. Нам не приходилось «подгонять» факты под сюжет и идею, так как и то, и другое как раз органично вытекает из фактов. Но мы «концентрировали» их, сохраняя последовательность, причинно-следственные связи и стараясь сохранить при этом точные даты ключевых событий в истории «Битлз».

И мы смеем утверждать, что перед Вами все-таки *подлинная история* этой великой четверки, так как считаем, что сумели показать главное – ее суть, ее Божественный дух и процесс становления этого духа.

Сентябрь 1996 г. – Февраль 1997 г.

В мистическом блеске осколков (послесловие ко второму изданию)

Прежде всего я хочу ответить на вопрос, который мне часто задают: почему вы, авторы этой, в сущности документальной, книги называете ее фантастической? Дело в том, что одним из определений фантастики является такое: «Фантастика – это рассказ о невероятных событиях». В этом смысле наш роман насквозь фантастичен. Мало ли что описанные в нем события имели место в реальности, от этого они не стали менее невероятными.

Я всегда был ярым поклонником «Битлз», причем не только слушал их музыку, но и собирал информацию о них. Еще в начале 90-х мой друг Аркадий Кейсер заявил мне за бутылочкой коньяка: «Юлий, напиши книгу о „Битлз“, у тебя получится интересно». Я только плечами пожал: «О них уже все написано. Я-то что могу добавить?» Можете себе представить, разговор этот я забыл начисто и вспомнил лишь через много дней после выхода этой книги.

Дело в том, что я как бы самостоятельно в какой-то момент пришел к идее, что феномен беспрецедентной популярности «Битлз» требует изучения или, как минимум, художественного исследования и осмысления. Я начал систематизировать свои мысли, прежде всего – вопросы. Вот они.

– Почему небольшой музыкальный коллектив очень молодых людей, не имеющих специального образования, не являющихся виртуозами, занимающихся «легким» жанром, так глубоко повлиял на культуру второй половины XX века, а также на политику и даже экономику этого периода?

– Почему поклонение «Битлз» носило околорелигиозный характер?

– Почему двое лидеров великой четверки – Джон Леннон и Пол МакКартни, будучи еще подростками, лишились матерей?

– Почему умер от кровоизлияния в мозг их духовный вдохновитель, молодой художник Стюарт Сатклифф?

– Почему погиб их менеджер и «открыватель» Брайан Эпштейн?

– Откуда взялся зловещий миф о гибели Пола МакКартни и замене его двойником?

– Почему Джону Леннону было суждено погибнуть от руки влюбленного в него фаната?

В целом все это можно сформулировать так: **почему те, кто был**

обожаем всем миром, то и дело теряли самых близких людей, и смерть, в конце концов, подобралась к ним вплотную?..

Уже позднее, обложившись со своим соавтором Константином Фадеевым десятками книг, видеокассет и компакт-дисков, мы принялись разрабатывать концепцию будущего романа. И в процессе подготовительной работы появились и новые, менее кардинальные, но не менее загадочные вопросы:

– Почему малообразованные, далекие от религии «Битлз» так увлеклись учением о трансцендентальной медитации индийского гуру Махариши Махеш Йога?

– Почему достаточно невинная фраза Леннона в радиопередаче о том, что «„Битлз“ сегодня популярнее Христа», вызвала такой обвальный взрыв ненависти, манифестации, публичные сжигания их пластинок по всему миру?

– Почему Джон Леннон всем женщинам мира предпочел замужнюю японку со странностями?

– Почему в расцвете славы «Битлз» отказались от «живых» выступлений, то есть, от значительной части доходов?

– Почему группа перестала существовать, опять же, вопреки материальным интересам? Почему при этом она не потеряла кого-то из участников, заменив на кого-то другого, как это бывало с другими ансамблями, а распалась на четыре составных части?

Одно становилось ясно: **без мистики тут не обойтись.**

И параллельно с тем, как к нам приходило это понимание, мистика начала проникать и в нашу собственную жизнь. Точнее, мы начали осознавать, что мистика вторглась в нашу жизнь одновременно с появлением замысла книги, но до сих пор, будучи твердыми материалистами и атеистами, мы отмахивались от нее, не замечали ее, объясняли ее случайными совпадениями...

И тут я отступлю немного от хронологии событий, так как мистика, на мой взгляд началась еще до того, как я нашел себе в соавторы Константина Фадеева. Когда идея написать книгу о «Битлз» у меня уже сформировалась, но я все никак не решался приняться за это дело, прекрасно сознавая, что вряд ли кто-то возьмется это издавать. Но я думал и думал об этой книге. И выстроить ее идейную подоплеку мне помогла, как ни странно книга Сергея Лазарева «Диагностика кармы. Часть I». Именно после ее прочтения разноцветные камешки в моей голове сложились в мозаичный орнамент. Кое-какие постулаты, выдвигаемые автором «Диагностики...», объяснили для меня многое из того, что происходило с «Битлз».

Никто до нас, например, не обратил внимание на то, что близкие к «Битлз» люди погибали почти сразу после того, как группа становилась целостнее. Так, мать Пола МакКартни умерла вскоре после его знакомства с Джоном Ленноном, мать Джона погибла в автокатастрофе после появления в группе Джорджа Харрисона, приход в группу Ринго Старра предопределил смерть юного Стюарта Сатклиффа, а объявление Джоном пятым битлом Йоко Оно мистическим образом убило Брайана Эпштейна... Мы первые заметили эту закономерность, а в «Диагностике кармы» я нашел объяснение этому феномену. Любое духовное слияние вне Бога приводит к ударам по тебе самому или по твоим близким... Что убило Ромео и Джульетту? Любовь вне Бога.

Однако, думы – думами, а реально писал я в тот момент более традиционный текст – роман «Цветы на нашем пепле», его-то первую часть я и привез из своего родного Томска в Москву, редактору издательства. Он прочел написанное, особенно не воодушевился и спросил, нет ли чего-то еще. Я рассказал ему о своей задумке книги о «Битлз». Рассказывал «на пальцах». Но редактор неожиданно заинтересовался. Более того, издательство тут же заключило со мной договор и даже выплатило аванс. В какой-то степени уже это было мистикой: до сей поры со мной еще никогда не заключались договоры на еще не написанные произведения, ибо я еще не вышел на необходимый для этого уровень популярности.

Возвращаясь, садясь в поезд «Москва-Томск», я горевал, что у меня нет с собой плана романа: пропадают двое с половиной суток; уже можно было работать над романом, а придется прозябать! И вот я сажусь в поезд. Со мной в купе едут две пожилые женщины. На столике книжка – «Сергей Лазарев. Диагностика кармы. Часть II». Словно кто-то намекнул мне: «Работу над романом ты начал с прочтения первой части этой книги. Так продолжай работу: прочти вторую часть...» Ну, не мистика ли это?! Уверен, больше ни на одном столике купе этого поезда не лежала такая же точно книжка...

Я спросил: «Чья это книга?» «Моя», – ответила одна из женщин. «Вы ее будете сейчас читать?» – поинтересовался я. «Нет, – ответила она. – Да и совсем не буду. Никогда». «А зачем же купили?» «Сама не знаю... Так...» Было похоже, что она купила ее специально для меня. И эти двое с половиной суток пути по железной дороге я «работал», восприняв это стечение обстоятельств, как благословение свыше.

Но и это еще не все. В день прибытия в Томск, первым человеком кого я увидел из своих знакомых был Костя Фадеев, сценарист команды КВН «Дети лейтенанта Шмидта». А знакомы мы с ним были тогда, что

называется, шапочно – здоровались, не более. «Привет, – сказал он и в этот раз. И неожиданно продолжил: – Слушай, а давай вместе что-нибудь напишем...» Я просто опешил. Ни разу ни о чем подобном у нас до сей поры не возникало речи. Да и повода к тому никакого не было!..

Я сразу же ответил: «Давай». Во-первых, потому что установленные жесткие сроки было проще выполнить вдвоем, во-вторых, потому, что чувствовал, что задуманный роман должен писаться не в одиночку. Ведь сама идея «Битлз» – идея коллективного творчества. И мы начали работать в тот же день. Именно Фадеев задал книге стилистический тон – полотно без глубины, без перспективы. Так пишут иконы. Но «Битлз» – Иисус тот еще. Потому иконы наши сдобрены изрядной порцией юмора и больше напоминают лубочные картинки...

А начали мы с того, что завалились в кафе, где за двумя десятками бутылок пива я рассказал ему все, что думаю о будущей книге. И даже рассказал ему о своих подозрениях по поводу всевозможных мистических обстоятельств... Костя ко всей этой мистике отнесся скептически. Но уже через пару дней его мнение стало меняться. В Томске открылась выставка «Битлз». Не раньше и не позже. Вот почему-то четверть века с момента распада группы не было у нас такой выставки, а именно с началом нашей работы над этим романом она открылась.

Конечно же мы отправились туда и познакомились с владельцем экспонируемой коллекции, художником Николаем Кузнецовым. Мы тут же договорились с ним о том, что он поможет нам в работе, в качестве консультанта. Более того, Николай обеспечил нас таким количеством материала о «Битлз», о каком мы не смели и мечтать – десятками книг и видеокассет. (Николай же захотел и проиллюстрировать эту книгу.)

А спустя пару месяцев после того как мы приступили к работе над книгой, Костин скепсис был развеян в пух и прах. Когда мы должны были начать главу, в которой впервые появляется один из идейных вдохновителей «Битлз» – гуру Махариши Махеш Йоги, мы задались целью побольше узнать об этой личности, но не знали где найти материал. А на следующий день в газете «Все для вас» появилась полостная статья: «Махариши Махеш Йоги. Трансцендентальная медитация». Откуда и зачем в этой желтой газетке такая статья осталось для меня секретом. Не удивлюсь, если мы с Костей Фадеевым были ее единственными благодарными читателями.

Перечисленная цепь событий заставляет нас думать, что данный роман просто **не мог не быть написан**. Его появление на свет было **предопределено**. И вся мистика, происходившая с нами, явилась отблеском

мистики, происходящей с самими «Битлз», о которой мы и писали. В какой-то степени не только мы писали эту книгу, но и она писала нас. Во всяком случае по окончании этой работы атеизмом в нашем мировоззрении и не пахло...

Книга вышла, особого резонанса не имела, а я получил возможность вернуться к «нормальной» работе и закончить «нормальный» роман «Цветы на нашем пепле». Хотя, хвалили «Осколки...» многие. Вот, например, некоторые цитаты из прошедшей по интернету рецензии критика Сергея Бережного.

«Эту книгу можно назвать внезапным шедевром.

<...>. Взгляд на явление миру „Битлз“ как на пришествие нового Бога ранее встречался, но только в качестве метафоры. Буркин и Фадеев попытались эту метафору осмыслить. И у них это получилось. Их роман – это Евангелие, это Благая Весть о том, что приходил на Землю Бог – раздолбай и бабник, гений и пошляк.

<...> ...трегедия „Битлз“, по Буркину и Фадееву, заключалась в том, что этот Бог так и не сумел поверить в свое предназначение. Он был настолько безалаберен, что отказывался видеть ясные знамения своей божественности, он был настолько безответственен, что отказался даже попробовать дать миру шанс на обновление.

<...> А может, „распятием“ „Битлз“ следует считать момент распада группы – когда они разошлись на четыре стороны? Тогда разговор Иоанна и Павла – пардон, Джона и Пола – в 1980 году был первым шагом к воскрешению после распятия? Воскрешение, прерванное пулей. Новому Богу не дали воскреснуть... Да, это тянет на новое Евангелие!

<...> Никакой эклектики, никаких натяжек – даже тех, в которых признаются сами авторы – не видно и в помине. Переводы текстов битловских песен – лучшая из доселе виденных мной попыток такого рода».

Приятно. Бережной абсолютно точно понял замысел этой книги, а значит, без ложной скромности скажу, нам с Константином удалось донести его до читателя.

И вновь скажу о том, почему я считаю этот, в сущности документальный, роман в то же время и фантастическим. Потому, во-первых, что история «Битлз» это почти то же, что «За миллиард лет до конца света» Стругацких: Вселенная отчаянно противостояла появлению на свет того, что было способно перевернуть ее, и Леннон («битл», т.е. жук) был убит. И эта его смерть как две капли воды похожа на смерть Льва Абалкина в «Жуке в муравейнике» все тех же Стругацких. Джон наконец-то

добрался до истины, он уже потянулся к ней... И раздался выстрел. «Стояли звери/ около двери,/ в них стреляли,/ они умирали»...

История «Битлз» – это стопроцентная фантастика, которая произошла в реальной жизни. Как и история Христа.

В интереснейшей документальной книге Альберта Голдмана «The Lives of John Lennon»^[167], которую мы, к сожалению прочли много позже того, как закончили «Осколки», описан эпизод, произошедший в дни, когда «Битлз» работали над «Белым альбомом». Это случилось с Джоном, одуревшим после многодневных возлияний, приема ЛСД и курения марихуаны напару с Питом Шоттоном.

«Пит <...> заметил, что его друг делает руками и предплечьями вращательные движения, словно то были не руки, а крылья.

– Пит, – благоговейно прошептал Леннон. – Мне кажется, я – Иисус Христос!

Но Пит не зря дружил с Джоном Ленноном всю свою сознательную жизнь.

– Ну и что ты будешь с этим делать? – почти небрежно спросил он.

– Я должен всем рассказать об этом. Я должен сделать так, чтобы весь мир узнал, кто я такой!

– Да они же убьют тебя к чертовой матери, – запротестовал Пит. – Они этого никогда не примут, Джон!

Но Джона невозможно было переубедить.

– Тут уж ничего не поделаешь, – возразил он. Затем, немного подумав, спросил: – А сколько лет было Иисусу, когда его убили?

Этот вопрос застал Пита врасплох. Он подумал и прикинул (причем ошибся только на год): „Кажется, тридцать два“.

Джон принялся загигать пальцы, а затем воскликнул:

– Черт! Значит, у меня еще почти четыре года!

<...>

Ближе к вечеру организационное ядро „Битлз“ в составе Пола, Джорджа, Ринго, Нила и Дрика собралось в офисе у Леннона, присоединившись к Джону и Питу. Все ждали, удивляясь, что же вдохновило традиционно пассивного Леннона на то, чтобы забить в набат. Джон встал из-за стола.

– Я – Христос, который спустился на землю. Вот так.

Когда Джон потребовал, чтобы компания „Эппл“ подготовила по этому поводу экстренный пресс-релиз, ближайшие партнеры поняли, что лучше не спорить. Справившись с оцепенением, длившимся несколько минут, „Битлз“ согласились, что это известие действительно имеет

первостепенное значение, и заявили, что им понадобится какое-то время, чтобы осмыслить его и решить, что в этой связи должна будет предпринять компания „Эппл“. На этом заседание было отложено на более поздний срок».

Как бы комично не выглядела эта картинка, в ней есть и большой смысл. Нам кажется, что под воздействием наркотиков Джона Леннона действительно посетило озарение. Но природный эгоизм не позволил его осознать ниспосланное ему откровение и сказать: – «Мы – Иисус Христос». Он сказал: «Я – Иисус Христос», отчего на три четверти был неправ и превратил озарение в фарс.

Скоро выйдут (а если процесс издания этой книги затянулся, то уже вышли) мемуары живущих еще поныне «битлов». С нетерпением ждем этой книги и жалеем, что ее не было у нас под руками, когда мы работали над «Осколками...» Уверены, с точки зрения фактов ожидающаяся книга конечно же тысячекратно превзойдет нашу. Но уверены также и в том, что главного, сути, того, что есть у нас, там не будет. Они ответят на многие вопросы «КАК?», но не ответят на главный вопрос «ПОЧЕМУ?». Ведь этим троим не дано осознать Кем они были вчетвером.

*Юлий Буркин (под редакцией Константина Фадеева)
Сентябрь 2000 г.*

notes

Примечания

1

Это фантастика! Делаешь очень хорошо! (нем.)

«Рок вокруг часов» (*англ.*)

«The Quarrymen» – каменотесы (*англ.*)

«Катись отсюда, Бетховен» (*англ.*)

«Рок на лестничной площадке двадцатого этажа» (англ.) Песня Эдди
Кокрена

Deja vu – уже было (*франц.*)

«Я увидел ее там» (англ.) Песня Джона Леннона и Пола Маккартни. (В дальнейшем: песни, авторство которых не указано, написаны ими.)

«Raunchy» – «Грязный, похабный» (*англ. сленг*) Гитарная композиция
Билла Джастиса и Манкера.

Строфа из песни «I Saw Her Standing There»:

«Well, she was just seventeen,
You know, what I mean.
And the way she looked
Was way beyond compare...»

Indra – Бог грома и огня в индуизме.

«Rory Storm and Hurricanes». «Rory» – сценический псевдоним Ала Колдвелла (от англ. **roaring** – ревуций). Так что, название группы можно перевести, как «Ревущий Шторм и Ураганы»

Schneller, Schneller! – Быстрее, быстрее! (нем.)

Schreit auf! – Вставай! (*нем.*)

«Fogel Klein, Fogel Mein» – «Птичка маленькая, птичка моя» (нем.)

Все хорошо. (нем.)

Река, на одном из берегов которой стоит Ливерпуль.

«Blue Angel» (англ.)

«Kaiserkeller» – «Царский погребок» *(нем.)*

Делаешь просто прекрасно (*нем.*)

Ты – грязная свинья (*нем.*)

Говорите по немецки? (нем.)

Да, да... (нем.)

Это есть Пол Маккартни (*нем.*)

«Dizzy Miss Lizzy» – «Головокружительная мисс Лиззи» (англ.)

Первая строфа песни «Dizzy Miss Lizzy»:

«You make me dizzy Miss Lizzy,
The way you rock and roll,
You make me dizzy Miss Lizzy,
When you do the stroll...»

«Что я такого сказал?» (англ.) Песня Рея Чарльза

«Лихорадка» (англ.) *Песня Литл Вилли Джона и Отиса Блевелла*

«Летняя пора» (англ.) *Песня Джорджа Гершвина*

«Сентябрьская песня» (англ.) Авторы: М. Андерсон и К. Вайль

«Top Ten» – «Верхняя десятка» *(англ.)*

«The Jacaranda». По названию растения американских тропиков с ароматной древесиной

«The Casbah». По названию местности в Алжире. «Замок» (*араб.*)

«И я люблю ее» (англ.)

«The Cavern» – каверна, пещера (*англ.*)

Immer bereit – всегда готов (*нем.*)

«Мой любимый» (англ.) – шотландская народная песня в обработке
Чарльза Прэтта

«Когда маршируют святые» (*англ.*) – автор неизвестен

Начало песни «Love Me Do»:

Love, love me do,
You know, I love you,
I'll always be true,
So please...

«Люби меня нежно» (англ.)

Артюр Рембо. Перевод М.П. Кудинова

«Немецкая Свинья»

Артюр Рембо. Перевод М.П. Кудинова

«Любовь не купишь» (англ.)

«Sheik Of Araby» – песня Эда Снайдера, Гарри Б. Смита и Фрэнсиса Виллера

«Привет, малышка» (*англ.*)

«P.S. Я тебя люблю» (англ.)

«How Do You Do It»

«Пожалуйста, порадуй меня» (*англ.*)

«Спроси меня, почему» (*англ.*)

Из книги Фридриха Ницше «La gaya scienza» – «Веселая наука»
(итал.). Пер. В. Топорова

«Парни» (*англ.*) – песня Лютера Диксона и Уэса Фаррела

«Страдание» (англ.)

«Вкус меда» (*англ.*) – песня Рика Марлоу и Бобби Скотта

«От меня к тебе/ Спасибо тебе, девочка» *(англ.)*

«Она любит тебя» (англ.)

«Ты будешь моей» (англ.)

«Вместе с «Битлз» (англ.)

Стишок очень маленького мальчика из романа А. и Б. Стругацких
«Жук в муравейнике»

«Вся моя любовь» (англ.)

«Пока не появилась ты» (*англ.*) Песня Мередита Уилсона

«The Music Man»

«Крутись и ори» (*англ*) Песня Берта Рассела и Фила Медли

Строфа из песни «Twist And Shout»:

«Well, shake it up baby now,
Twist and shout!
Come on, come on, come on baby now,
Come on and work it on out!..»

«Есть такое место» (*англ.*)

«Встречайте «Битлз» (англ.)

«Вместе с «Битлз» (англ.)

Первая строфа песни «I Wanna Be Your Man»:

«I wanna be your lover baby,
I wanna be your man!
I wanna be your lover baby,
I wanna be your man!...»

«Я хочу быть твоим мужчиной» (англ.)

«Хочешь знать секрет?» (*англ.*)

White – белый (*англ.*)

Black – черный (*англ.*)

«Любовь любимого» (англ.)

Строчки из песни «Do You Want To Know A Secret?» – «Хочешь узнать секрет?» (*англ.*):

«Listen, do you want to know a secret
Do you promise not to tell, whoa
Closer let me whisper in your ear...»

Вольный перевод песни Боба Дилана «Blowin' in the wind» – «Ответит ветер» (*англ.*)

«Битлз на продажу» (англ.)

«Yesterday»

Строфа из песни «Help!»:

«When I was younger, so much younger then today
I never needed anybody's help in any way,
But now these days are gone, I'm not so self-assured –
Now I find I've changed my mind, I've opened up the door.

Help me if you can, I'm feeling down
And I do appreciate you being 'round...»

«Scrambled Egg»

«I Need You»

«На помощь!» (англ.)

Перевод Ю. Буркина. Оригинальный текст песни:

«Yesterday
All my troubles seemed so far away
Now it looks as though they're here to stay –
Oh, I believe in yesterday.

Suddenly
I'm not half the man I used to be,
There's a shadow hanging over me –
Oh, yesterday came suddenly.

Why she
had to go I don't know, she wouldn't say –
I said
Something wrong, now I long for yesterday.

Yesterday
Love was such an easy game to play,
Now I need a place to hide away –
Oh, I believe in yesterday...»

Member Of The British Empire

«Я повержен» (англ.)

«Резиновая душа» (англ.)

«Если бы мне кто-то был нужен» (англ.)

«Мишель» (франц.)

«Девушка» (англ.)

«Веди мою машину» (*англ.*)

Best – лучший (*англ.*)

«What goes on in your heart?
What goes on in your mind?..»

– риф из песни «What goes on»

«Что происходит» (англ.)

«Револьвер» (англ.)

«Земляничные поляны навсегда» (англ.)

Название улицы в Ливерпуле

«В связи с бенефисом м-ра Кейта» (*англ.*)

«Когда мне будет шестьдесят четыре» (англ.)

Перевод Ю. Буркина и А. Большанина.

«When I get older
Losing my hair
Many years from now,
Will you still be sending me a Valentine,
Birthday greeting, bottle of wine?

If I'd been out
Till quarter to three,
Would you lock the door?

Will you still need me,
Will you still feed me
When I'm sixty four?..»

«Within You Without You»

«We were talking
About the space between us all.
And the people,
Who hide themselves behind a wall
Of illusion,
Never glimps the truth – then it's far
Too late – when they pass away...»

«...And the time will come when you see
We're all one, and life flows on
Withing you and without you».

«With A Little Help From My Friends»

«День жизни» (англ.)

«Apple»

Аббревиатура, означающая «Officially Pronounced Dead» – «Официально объявлен мертвым» (*англ.*) Стандартная английская бюрократическая формула, употребляемая в газетных некрологах.

«Все, что вам нужно – любовь!» *(англ.)*

«There's nothing you can do that can't be done.
Nothing you can sing that can't be sung.
Nothing you can say, but you can learn how to play the game,
It's easy!..»

«Nothing you can make that can't be made,
No one you can save that can't be saved,
Nothing you can do, but you can learn how to be you in time,
It's easy!...»

All you need is love! All you need is love!
All you need is love, love,
Love is all you need...»

«Apple-boutique» – «Магазин одежды „Яблоко“» (*англ.*)

corp – труп (*англ.*)

«Волшебное таинственное путешествие» (англ.)

«Дурак на холме» (англ.)

Перевод Ю. Буркина и А. Большанина. Оригинальный текст песни:

Day after day, alone on the hill
the man with the foolish grin is keeping perfectly still
But nobody wants to know him
they can see that he's just a fool
and he never gives an answer
But the fool on the hill
sees the sun going down
And the eyes in his head
see the world spinning round

Well on the way, head in a cloud,
the man of the thousand voices talking perfectly loud
But nobody ever hears him
or the sound he appears to make
and he never seems to notice
But the fool on the hill
sees the sun going down
And the eyes in his head
see the world spinning round

And nobody seems to like him
they can tell what he wants to do
And he never shows his feelings
And the fool on the hill
sees the sun going down
And the eyes in his head
see the world spinning round

He never listens to them
He knows that they're the fools
They don't like him
The fool on the hill
sees the sun going down

And the eyes in his head
see the world spinning round

«Желтая подводная лодка» (англ.)

Куплет из песни «Hey Jude»:

«Hey Jude, don't make it bad
Take a sad song and make it better
Remember to let her into your heart
Then you can start to make it better.»

«Революция» (*англ.*)

Bonne nuit, maman – спокойной ночи, мама (*франц.*)

«Пока моя гитара нежно плачет» *(англ.)*

«Доброй ночи» *(англ.)*

«Не проходи мимо» (*англ.*)

«Martha My Dear»

«Снова в СССР» *(англ.)*

«Суматоха», «Хаос», «Неразбериха», «Трам-тарарам» (*англ*)

«I've got blisters on my fingers!»

«Дорогая Пруденс»

«Sexy Sadie»

«Everybody's Got Something To Hide Except Me And My Monkey»

«Счастье – это огнестрельное оружие» (*англ*)

«Джулия»

Куплет из песни «Julia»:

«Half of what I say is meaningless,
But I say is just to reach you, Julia,
Julia, Julia, oceanchild, calls me
So I sing a song of love, Julia...
Julia, seashell eyes, windy smile, calls me,
So I sing a song of love, Julia.»

Перевод Ю. Буркина и А. Большанина

«Два девственника» (англ.)

«Вернись» (*англ.*)

«Первый, после 9.09» (*англ.*)

«Я обрел чувство» (англ.)

«Я хочу только тебя» (*англ.*) Позднее переименована в «I Dig A Pony» – «Я прищпориваю пони» (*англ.*)

«Дайте миру шанс» (*англ.*)

«Монастырская дорога» (*англ.*)

«О! Дорогая!» *(англ.)*

«Я хочу тебя» (*англ.*)

«Давайте, вместе» (англ.)

«Нечто» (англ.)

«Octopus's Garden»

«Хаос! Кавардак! Она стремительно падает вниз!» *(англ)*

«The Lovely Linda»

«Пусть будет так» («Ну и пусть») *(англ.)*

«Ты знаешь мое имя» (*англ.*)

«You know my name, look up the number,
You know my name, look up the number...»

Из песни «Mother» (альбом «John Lennon/Plastic Ono Band»):

«Mother! You had me,
But I never had you.
Father, you left me,
But I never left you...»

Куплет из песни «Two Of Us»:

«Two of us sending postcard,
Writing letters on my wall.
You and me burning matches,
Lifting latches on our way back home...
We're on way home,
We're on way home,
We're going home...»

«Через вселенную» (англ.)

«Я, мне, мое» (англ.)

«Долгий и извилистый путь» (англ.)

«Сентиментальное путешествие» (англ.)

«Как будто начиная заново» (англ.)

«Крылья» (*англ.*)

«Господин мой Всевышний» (англ.)

«Он так мил» (*англ.*)

«Тебе шестнадцать» (*англ.*)

«Я – морж» (англ.)

«Двойная фантазия» (англ.)

«Группа в бегах» (*англ.*) – альбом Пола Маккартни 1974-го года.

«Вообрази» (*англ.*) – альбом Джона Леннона 1971-го года.

«Жизнь Джона Леннона» (англ.)